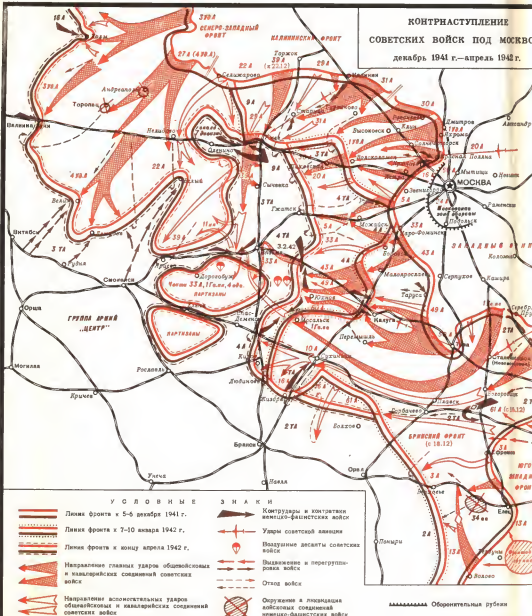

МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Г.К. ЖУКОВ

ВОСПОМИНАНИЯ
И РАЗМЫШЛЕНИЯ

**КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ
СОВЕТСКИХ ВОЙСК ПОД МОСКВОЙ**
декабрь 1941 г. — апрель 1942 г.

СОВЕТСКОМУ СОЛДАТУ
ПОСВЯЩАЮ

Г. М. Яковлев

ЧЕТЫРЕЖДЫ
ГЕРОЙ
СОВЕТСКОГО
СОЮЗА

МАРШАЛ
СОВЕТСКОГО
СОЮЗА

ТОМ 2

*Второе, дополненное
издание*

Г.К.ЖУКОВ

ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

Издательство Агентства печати Новости
Москва, 1975

*В КНИГЕ ИСПОЛЬЗОВАНЫ
ФОТОДОКУМЕНТЫ ИЗ ЛИЧ-
НОГО АРХИВА МАРШАЛА
СОВЕТСКОГО СОЮЗА Г. К.
ЖУКОВА, ЦЕНТРАЛЬНОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО АР-
ХИВА КИНОФОНОФОТОДО-
КУМЕНТОВ, ЦЕНТРАЛЬ-
НОГО МУЗЕЯ ВООРУЖЕН-
НЫХ СИЛ СССР, ФОТОАР-
ХИВА ЖУРНАЛА «СОВЕТС-
КИЙ ВОИН», ФОТОТЕКИ
АПН, ФОТОХРОНИКИ ТАСС,
УГОДСКО-ЗАВОДСКОГО НА-
РОДНОГО ВОЕННО-ИСТОРИ-
ЧЕСКОГО МУЗЕЯ, А ТАКЖЕ
ФОТОГРАФИИ СОВЕТСКИХ
ВОЕННЫХ ФОТОКОРРЕС-
ПОНДЕНТОВ.*

БИТВА ЗА МОСКВУ

5 октября 1941 года из Ставки передали:

— С командующим фронтом будет говорить по прямому проводу товарищ Сталин.

Из переговорной штаба Ленинградского фронта я передал по «Бодо»:

— У аппарата Жуков.

Ставка ответила:

— Ждите.

Не прошло и двух минут, как бодист Ставки передал:

— Здесь товарищ Сталин.

Сталин. — Здравствуйте.

Жуков. — Здравия желаю!

Сталин. — Товарищ Жуков, не можете ли вы незамедлительно вылететь в Москву? Ввиду осложнения обстановки на левом крыле Резервного фронта в районе Юхнова Ставка хотела бы с вами посоветоваться. За себя оставьте кого-нибудь, может быть, Хозина.

Жуков. — Прошу разрешения вылететь утром 6 октября.

Сталин. — Хорошо. Завтра днем ждем вас в Москве.

Однако ввиду некоторых важных обстоятельств, возникших на участке 54-й армии, 6 октября я вылететь не смог, о чем доложил Верховному.

Вечером в Ленинград вновь позвонил И. В. Сталин:

— Как обстоят у вас дела? Что нового в действиях противника?

— Немцы ослабили натиск. По данным пленных, их войска в сентябрьских боях понесли тяжелые потери и переходят под Ленинградом к обороне. Сейчас противник ведет артиллерийский огонь по городу и бомбит его с воздуха. Нашей авиационной

разведкой установлено большое движение мотомеханизированных и танковых колонн противника из района Ленинграда на юг. Видимо, их перебрасывают на московское направление.

Доложив обстановку, я спросил Верховного, остается ли в силе его распоряжение о вылете в Москву.

— Да! — ответил И. В. Сталин. — Оставьте за себя генерала Хозина или Федюнинского, а сами завтра немедленно вылетайте в Ставку.

Простившись с членами Военного совета Ленинградского фронта, я вылетел в Москву. В связи с тем, что генерала М. С. Хозина пришлось срочно послать в 54-ю армию, временное командование Ленинградским фронтом было передано генералу И. И. Федюнинскому.

В Москве меня встретил начальник охраны. Он сообщил, что Верховный болен и работает на квартире. Мы немедленно туда направились.

И. В. Сталин был простужен, плохо выглядел и встретил меня сухо. Кивнув головой в ответ на мое приветствие, он подошел к карте и, указав на район Вязьмы, сказал:

— Вот смотрите. Здесь сложилась очень тяжелая обстановка. Я не могу добиться от Западного и Резервного фронтов исчерпывающего доклада об истинном положении дел. А не зная, где и в какой группировке наступает противник и в каком состоянии находятся наши войска, мы не можем принять никаких решений. Поезжайте сейчас же в штаб Западного фронта, тщательно разберитесь в положении дел и позвоните мне оттуда в любое время. Я буду ждать.

Перед уходом И. В. Сталин спросил:

— Как вы считаете, могут ли немцы в ближайшее время повторить наступление на Ленинград?

— Думаю, что нет. Противник понес большие потери и перебросил танковые и моторизованные войска из-под Ленинграда куда-то на центральное направление. Он не в состоянии оставшимися там силами провести новую наступательную операцию.

— А где, по вашему мнению, будут применены танковые и моторизованные части, которые перебросил Гитлер из-под Ленинграда?

— Очевидно, на московском направлении. Но, разумеется, после пополнения и проведения ремонта материальной части.

Во время разговора И. В. Сталин стоял у стола, где лежала топографическая карта с обстановкой Западного, Резервного и Брянского фронтов. Посмотрев на карту Западного фронта, он сказал:

— Кажется, они уже действуют на этом направлении.

Простившись с Верховным, я отправился к начальнику Генерального штаба Борису Михайловичу Шапошникову и подробно изложил ему обстановку, сложившуюся на 6 октября в районе Ленинграда.

— Только что звонил Верховный, — сказал он, — приказал подготовить для вас карту западного направления. Карта сейчас будет. Командование Западного фронта находится там же, где был штаб Резервного фронта в августе, во время Ельнинской операции.

Борис Михайлович познакомил меня в деталях с обстановкой на московском направлении. В распоряжении Ставки, которое он мне передал, было сказано:

«Командующему Резервным фронтом.

Командующему Западным фронтом.

Распоряжением Ставки Верховного Главнокомандования в район действий Резервного фронта командирован генерал армии тов. Жуков в качестве представителя Ставки.

Ставка предлагает ознакомить тов. Жукова с обстановкой. Все решения тов. Жукова в дальнейшем, связанные с использованием войск фронтов и по вопросам управления, обязательны для выполнения.

По поручению Ставки Верховного Главнокомандования начальник Генерального штаба Шапошников.

6 октября 1941 г. 19 ч. 30 м.

№ 2684»¹.

Пока мы ждали карту, Борис Михайлович угостил меня крепким чаем. Сказал, что устал. Он действительно выглядел очень утомленным. От Б. М. Шапошникова я поехал в штаб Западного фронта.

В пути при свете карманного фонаря изучал по карте обстановку на фронте и действия сторон. Клонило ко сну, и, чтобы разогнать дремоту, приходилось время от времени останавливать машину и делать небольшие пробежки.

В штаб Западного фронта приехал уже ночью. Дежурный доложил, что все руководство совещается у командующего. В комнате командующего был полумрак, горели стеариновые свечи. За столом сидели И. С. Конев, В. Д. Соколовский, Н. А. Булганин и Г. К. Маландин. Вид у всех был до предела устав-

¹ Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2513, д. 5, л. 450.

ший. Я сказал, что приехал по поручению Верховного Главного командующего, чтобы разобраться в обстановке и доложить ему прямо отсюда по телефону.

То, что смог рассказать о последних событиях начальник оперативного отдела штаба фронта генерал-лейтенант Г. К. Маландин, несколько дополнило и уточнило уже имевшиеся данные.

Что же произошло на западном направлении?

К началу наступления немецко-фашистских войск под Москвой на дальних подступах к столице оборонялись три наших фронта: Западный (командующий генерал-полковник И. С. Конев), Резервный (командующий Маршал Советского Союза С. М. Буденный) и Брянский (командующий генерал-лейтенант А. И. Еременко). Всего в их составе в конце сентября насчитывалось около 800 тысяч человек, 782 танка и 6808 орудий и минометов, 545 самолетов. Наибольшее количество сил и средств было в составе Западного фронта.

Противник, произведя перегруппировку своих сил на московское направление, превосходил все три наших фронта, вместе взятые, по численности войск — в 1,25 раза, по танкам — в 2,2, по орудиям и минометам — в 2,1 и по самолетам — в 1,7 раза.

Наступление немецких войск по плану операции под кодовым названием «Тайфун» началось 30 сентября ударом танковой группы Гудериана и 2-й немецкой армии по войскам Брянского фронта на участке Жуковка — Шостка. 2 октября противник нанес мощные удары по войскам Западного и Резервного фронтов. Особенно сильные удары последовали из районов севернее Духовщины и восточнее Рославля. Противнику удалось прорвать оборону наших войск. Ударные группировки врага стремительно продвигались вперед, охватывая с юга и с севера всю вяземскую группировку войск Западного и Резервного фронтов.

Крайне тяжелая обстановка сложилась и к югу от Брянска, где 3-я и 13-я армии Брянского фронта оказались под угрозой окружения. Не встречая серьезного сопротивления, войска Гудериана устремились к Орлу, где у нас не было сил для отражения наступления.

2 октября по указанию Ставки был создан усиленный 1-й гвардейский стрелковый корпус под командованием генерал-майора Д. Д. Лелюшенко. Задачей корпуса было — задерживать продвижение войск противника и обеспечить отвод войск Брянского фронта.

Развивая наступление, части Гудериана 3 октября захватили неподготовленный к обороне г. Орел, выйдя 24-м моторизованным корпусом на тылы Брянского фронта. 1-й гвардейский стрелковый корпус, развернувшись в районе Мценска, вступил в бой с моторизованной и танковой группировкой противника. Вражеские войска были здесь задержаны на несколько дней и понесли большие потери в живой силе и боевой технике. Танкисты 4-й и 11-й бригад впервые применили способ поражения вражеских танков из засады. Используя успех 1-го гвардейского корпуса, войска Брянского фронта отошли на указанные им рубежи.

Вот как об этом вспоминает командующий 2-й немецкой танковой армией генерал Гудериан: «2 октября... одновременно в районе действий 24-го танкового корпуса у Мценска, северо-восточнее Орла, развернулись ожесточенные бои, в которые втянулась 4-я танковая дивизия... В бой было брошено большое количество русских танков Т-34, причинивших большие потери нашим танкам. Превосходство материальной части наших танковых сил, имевшее место до сих пор, было отныне потеряно и теперь перешло к противнику. Тем самым исчезли перспективы на быстрый и непрерывный успех».

И далее: «Намеченное быстрое наступление на Тулу пришлось пока отложить».

Что верно, то верно! Гудериану пришлось не только отложить быстрое наступление на Тулу, но вообще не удалось захватить ее. Однако Брянский фронт оказался рассеченным. Его войска, неся потери, с боями отходили на восток. Создалось угрожающее положение и на тульском направлении.

По приказу командующего Западным фронтом генерал-полковника И. С. Конева был нанесен контрудар севернее Вязьмы по обходящей наши войска северной группировке войск противника. К сожалению, успеха этот контрудар не имел. К исходу 6 октября значительная часть войск Западного и Резервного фронтов была окружена западнее Вязьмы.

Из беседы в штабе Западного фронта и анализа обстановки у меня создалось впечатление, что катастрофу в районе Вязьмы можно было бы предотвратить. Несмотря на превосходство врага в живой силе и технике, наши войска могли избежать окружения. Для этого необходимо было своевременно более правильно определить направление главных ударов противника и сосредоточить против них основные силы и средства за счет пассивных участков. Этого сделано не было, и оборона наших фронтов не выдержала сосредоточенных ударов противника. Образовались

зияющие бреши, которые закрыть было нечем, так как никаких резервов в руках командования не оставалось.

В 2 часа 30 минут 8 октября я позвонил И. В. Сталину. Он еще работал. Доложив обстановку на Западном фронте, я сказал:

— Главная опасность сейчас заключается в слабом прикрытии на Можайской линии. Бронетанковые войска противника могут поэтому внезапно появиться под Москвой. Надо быстрее стягивать войска откуда только можно на Можайскую линию обороны.

И. В. Сталин спросил:

— Где сейчас 19, 20-я армии и группа Болдина Западного фронта? Где 24-я и 32-я армии Резервного фронта?

— В окружении западнее и юго-западнее Вязьмы.

— Что вы намерены делать?

— Выезжаю сейчас же к Буденному.

— А вы знаете, где штаб Резервного фронта?

— Буду искать где-то в районе Малоярославца.

— Хорошо, поезжайте к Буденному и оттуда сразу же позвоните мне.

Моросил мелкий дождь, густой туман стлался по земле, видимость была плохая. Утром 8 октября, подъезжая к полустанку Оболенское, мы увидели двух связистов, тянувших кабель в Малоярославец со стороны моста через реку Протву. Я спросил:

— Куда тянете, товарищи, связь?

— Куда приказано, туда и тянем, — не обращая на нас внимания, ответил солдат громадного роста.

Пришлось назвать себя и сказать, что мы ищем штаб Резервного фронта.

Подтянувшись, тот же солдат ответил:

— Извините, товарищ генерал армии, мы вас в лицо не знаем, потому так и ответили. Штаб фронта вы уже проехали. Он был переведен сюда два часа назад и размещен в домиках в лесу, вон там, на горе. Там охрана вам покажет, куда ехать.

Машины повернули обратно. Вскоре я был в комнате представителя Ставки армейского комиссара 1 ранга Л. З. Мехлиса, где находился также начальник штаба фронта генерал-майор А. Ф. Анисов. Л. З. Мехлис говорил по телефону и кого-то здорово распекал.

На вопрос, где командующий, начальник штаба ответил:

— Неизвестно. Днем он был в 43-й армии. Боюсь, как бы чего-нибудь не случилось с Семеном Михайловичем.

— А вы приняли меры к его розыску?

— Да, послали офицеров связи, они еще не вернулись.

Обращаясь ко мне, Л. З. Мехлис спросил:

— А вы с какими задачами прибыли к нам?

— Приехал как член Ставки по поручению Верховного Главнокомандующего разобраться в сложившейся обстановке.

— Вот видите, в каком положении мы оказались. Сейчас собираю неорганизованно отходящих. Будем на сборных пунктах довооружать и формировать из них новые части.

Из разговоров с Л. З. Мехлисом и А. Ф. Анисовым я узнал очень мало конкретного о положении войск Резервного фронта и о противнике. Сел в машину и поехал в сторону Юхнова, надеясь на месте в войсках скорее выяснить обстановку.

Проезжая Протву, вспомнил свое детство. Всю местность в этом районе я знал прекрасно, так как в юные годы исходил ее вдоль и поперек. В десяти километрах от Обнинского, где остановился штаб Резервного фронта, — моя родная деревня Стрелковка. Сейчас там остались мать, сестра и ее четверо детей. Как они? Что если захватят? Нет, невозможно, время не позволяет! Но что будет с ними, если туда придут фашисты? Как они поступят с моими близкими, если узнают, что они родные генерала Красной Армии? Наверняка расстреляют! При первой же возможности надо вывезти их в Москву.

Через две недели деревня Стрелковка, как и весь Угодско-Заводский район, была занята немецкими войсками. К счастью, я успел вывезти мать и сестру с детьми в Москву.

Мои земляки оказали врагу серьезный отпор. В районе был организован партизанский отряд, который возглавил мужественный борец за Родину, умный организатор, комсомолец-пограничник Виктор Карасев. Комиссаром стал секретарь Угодско-Заводского райкома ВКП(б) Александр Курбатов. В этом же отряде находился бесстрашный народный мститель, председатель Угодско-Заводского районного исполнительного комитета Михаил Алексеевич Гурьянов.

Угодско-Заводский партизанский отряд производил смелые налеты на штабы, тыловые учреждения и отдельные подразделения немецких войск.

В ноябре 1941 года коммунист Михаил Алексеевич Гурьянов был схвачен, зверски избит и повешен немцами. Мои земляки свято чтят память бесстрашного героя. При отступлении немцы сожгли Стрелковку, как и ряд других деревень, сожжен был и дом моей матери.

Другим крупным партизанским отрядом, действовавшим в этом районе, был отряд под командованием В. В. Жабо. Этот отряд играл важную роль во всех операциях против частей 12-го корпуса немцев, готовившегося к наступлению на Москву. Об одной из таких операций 29 ноября 1941 г. Совинформбюро сообщило:

«Получено сообщение о большом успехе партизан в Н-ском районе. 24 ноября несколько партизанских отрядов совершили налет на крупный населенный пункт. (Имелся в виду Угодский Завод. — Г. Ж.). Разгромлен штаб немецкого корпуса. Захвачены важные документы».

Владимир Владиславович Жабо родился в Донецке в 1909 году. Кадровый офицер-пограничник, он отличался большим мужеством и храбростью. Мне его рекомендовали как исполнительного и решительного командира. Я принял его лично. В. В. Жабо понравился мне своей готовностью идти на любое ответственное дело. Как уроженец тех мест, где отряду предстояло действовать, я знал хорошо местность, где дислоцировались соединения 12-го корпуса противника, и дал ряд советов, как лучше выполнить поставленную задачу. Операция была успешно выполнена. Владимир Жабо пал смертью героя 8 августа 1943 г. в бою в районе деревни Дуброво Хотынецкого района Орловской области, где он командовал тогда 49-й мехбригадой 6-го гвардейского мехкорпуса.

Угодско-Заводский район освободила в декабре 1941 года 17-я стрелковая дивизия генерала Д. М. Селезнева.

Там, где был в 1941 году штаб Резервного фронта, а затем штаб Западного фронта, на месте деревни Пяткино (которую немецкие войска при отступлении тоже сожгли), после войны возник город Обнинск. Теперь он известен далеко за пределами нашей страны: здесь построена первая атомная электростанция. Город Обнинск в настоящее время является одним из крупнейших научных центров страны.

Но вернемся к событиям того времени.

Проехав до центра Малоярославца, я не встретил ни одной живой души. Город казался покинутым. Около здания райисполкома увидел две легковые машины.

- Чьи это машины? — спросил я, разбудив шофера.
- Маршала Буденного, товарищ генерал армии.
- Где Семен Михайлович?
- В помещении райисполкома.
- Давно вы здесь?
- Часа три стоим.

Войдя в райисполком, я увидел склонившегося над картой С. М. Буденного.

Мы тепло поздоровались. Было видно, что он многое пережил в эти тяжелые дни.

— Ты откуда? — спросил С. М. Буденный.

— От Конева.

— Ну, как у него дела? Я более двух суток не имею с ним никакой связи. Вчера я находился в штабе 43-й армии, а штаб фронта снялся в мое отсутствие, и сейчас не знаю, где он остановился.

— Я его нашел в лесу налево, за железнодорожным мостом через реку Протву. Тебя там ждут. На Западном фронте, к сожалению, значительная часть сил попала в окружение.

— У нас не лучше, — сказал С. М. Буденный, — 24-я и 32-я армии отрезаны. Вчера я сам чуть не угодил в лапы противника между Юхновом и Вязьмой. В сторону Вязьмы шли большие танковые и моторизованные колонны, видимо, для обхода города с востока.

— В чьих руках Юхнов?

— Сейчас не знаю. На реке Угре было до двух пехотных полков, но без артиллерии. Думаю, что Юхнов в руках противника.

— Ну, а кто же прикрывает дорогу от Юхнова на Малоярославец?

— Когда я ехал сюда, кроме трех милиционеров в Медыни, никого не встретил. Местные власти из Медыни ушли.

— Поезжай в штаб фронта, — сказал я Семену Михайловичу, — разберись в обстановке и сообщи в Ставку о положении дел, а я поеду дальше. Доложи Верховному о нашей встрече и скажи, что я поехал в район Юхнова, а затем в Калугу. Надо выяснить, что там происходит.

В Медыни я действительно никого не обнаружил. Только одна старая женщина что-то искала в развалинах дома, разрушенного бомбой.

— Бабушка, что вы тут ищете? — спросил я.

Она подняла голову. Широко раскрытые, блуждающие глаза бессмысленно смотрели на меня.

— Что с вами, бабушка?

Ничего не ответив, она снова принялась копать. Откуда-то из-за развалин подошла другая женщина с мешком, наполовину набитым какими-то вещами.

— Не спрашивайте ее. Она сошла с ума от горя. Позавчера на город налетели немцы. Бомбили и стреляли с самолетов. Эта женщина жила с внучатами здесь, в этом доме. Во время

палета она стояла у колодца, набирала воду, и на ее глазах бомба попала в дом. Дети погибли. Наш дом тоже разрушен. Надо скорее уходить, да вот ищу под обломками — может, что-нибудь найду из обуви и одежды.

По щекам ее катились слезы.

С тяжелым сердцем двинулся я в сторону Юхнова. Временами приходилось притормаживать и внимательно осматриваться, чтобы не заехать в расположение врага.

Километров через 10—12 меня внезапно остановили в лесу вооруженные советские солдаты в комбинезонах и танкистских шлемах. Один из них подошел к машине.

— Дальше ехать нельзя, — сказал он. — Вы кто будете?

Я назвал себя и, в свою очередь, спросил, где их часть.

— Здесь, в лесу, в ста метрах, стоит штаб танковой бригады.

— Очень хорошо. Проводите меня в штаб.

Меня обрадовало, что здесь оказалась танковая бригада. В штабе навстречу мне поднялся невысокого роста, подтянутый танкист в синем комбинезоне, с очками на фуражке. Сразу показалось, что этого человека я где-то видел.

— Докладывает командир танковой бригады резерва Ставки полковник Троицкий.

— Троицкий! Вот не ожидал вас встретить здесь!

И. И. Троицкий мне запомнился по Халхин-Голу, где в 1939 году он был начальником штаба 11-й танковой бригады, той самой, которой командовал Герой Советского Союза Яковлев. Эта бригада была грозой для японцев.

— Я тоже не думал, что встречу вас здесь, товарищ генерал армии. Знал, что вы командуете Ленинградским фронтом, а что вернулись оттуда, не слышал.

— Ну, что у вас тут делается, докладывайте. Прежде всего, где противник?

Полковник И. И. Троицкий рассказал:

— Противник занимает Юхнов. Его передовые части захватили мост на реке Угре. Посылал я разведку и в Калугу. В городе противника пока нет, но в районе Калуги идут напряженные бои. Там действует 5-я стрелковая дивизия и некоторые отошедшие части 43-й армии. Вверенная мне бригада находится в резерве Ставки. Стою здесь второй день и не получаю никаких указаний.

— Пошлите офицера связи в штаб Резервного фронта в район полустанка Обнинское; он расположен в деревне Пяткино за рекой Протва. Информировать С. М. Буденного об обстановке.

Разверните часть бригады и организуйте оборону с целью прикрытия направления на Медынь. Через штаб Резервного фронта доложите в Генштаб о полученном от меня приказании и сообщите, что я поехал в Калугу в 5-ю стрелковую дивизию.

Позже мне стало известно о том, что мост через реку Угру был взорван отрядом майора И. Г. Старчака, начальника парашютно-десантной службы Западного фронта. Этот отряд численностью в 400 человек был сформирован 4 октября по его личной инициативе из числа пограничников, которые готовились к действиям по вражеским тылам.

Отряд И. Г. Старчака после взрыва моста занял оборону по реке Угре. Вскоре он был поддержан отрядом курсантов подольских военных училищ под командованием старшего лейтенанта Л. А. Мамчика и капитана Я. С. Россиякова. Попытки вражеских войск форсировать реку Угру и прорваться на Медынь успешно отражались героическими действиями этих отрядов.

В результате пятидневных ожесточенных боев немногие остались в живых, но своим героическим самопожертвованием они сорвали план быстрого захвата Малоярославца и помогли нашим войскам выиграть необходимое время для организации обороны на подступах к Москве. Тем временем в районе Малоярославца, на его укрепленный рубеж, вышли и развернулись артиллерийское и стрелково-пулеметное училища Подольска.

В районе Калуги меня разыскал офицер связи штаба фронта и вручил телефонограмму начальника Генерального штаба, в которой Верховный Главнокомандующий приказывал мне прибыть 10 октября в штаб Западного фронта.

К исходу 8 октября я вновь заехал в штаб Резервного фронта.

Встретивший меня начальник штаба фронта доложил о полученном приказе Ставки об отзыве С. М. Буденного и назначении меня командующим Резервным фронтом. Однако вскоре мне было передано приказание прибыть 10 октября в штаб Западного фронта.

Звоню Б. М. Шапошникову. На мой вопрос, какой приказ выполнять, Борис Михайлович ответил:

— Дело в том, что Государственный Комитет Оборона рассматривает сейчас вопрос о расформировании Резервного фронта и передаче его частей и участков обороны в состав Западного. Ваша кандидатура рассматривается на должность командующего Западным фронтом. До 10 октября разберитесь с обстановкой на Резервном фронте и сделайте все возможное, чтобы противник не прорвался через Можайско-Малоярославец-

кий рубеж, а также в районе Алексина на серпуховском направлении.

10 октября по прибытии в штаб Западного фронта, который теперь располагался в Красновидове, меня вызвали к телефону. Звонил И. В. Сталин.

— Ставка решила назначить вас командующим Западным фронтом. Конев остается вашим заместителем. Вы не возражаете?

— Нет, какие же могут быть возражения! Коневу, я думаю, следует поручить руководство группой войск на калининском направлении. Это направление слишком удалено, и там нужно иметь вспомогательное управление фронта.

— Хорошо, — согласился И. В. Сталин. — В ваше распоряжение поступают оставшиеся части Резервного фронта и части, находящиеся на Можайской линии. Берите скорее все в свои руки и действуйте. Приказ мною подписан и уже передается фронтам.

— Принимаюсь за выполнение указаний, но прошу срочно подтягивать более крупные резервы, так как в ближайшее время надо ожидать наращивания удара гитлеровцев на Москву.

Вскоре мне передали нижеследующий приказ Ставки:

«По прямому проводу Военному совету Западного фронта, Военному совету Резервного фронта, командующему Резервным фронтом тов. Жукову, тт. Молотову, Ворошилову.

10 октября 1941 г. 17 час. В целях объединения руководства войсками западного направления Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Объединить Западный и Резервный фронты в Западный фронт.

2. Назначить командующим Западным фронтом тов. Жукова.

3. Назначить тов. Конева заместителем командующего Западным фронтом.

4. Назначить тт. Булганина, Хохлова и Круглова членами Военного совета Западного фронта.

5. Тов. Жукову вступить в командование Западным фронтом в 18.00 11 октября 1941 г.

6. Управление Резервного фронта расформировать и обратить на укомплектование Западного и Московского Резервного фронтов.

Получение подтвердить.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин.

Б. Шапошников.

№ 2844»¹.

¹ Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2511, д. 7, л. 150.

Обсудив обстановку с И. С. Коневым, мы прежде всего решили отвести штаб фронта в Алабино. И. С. Коневу предстояло взять с собой необходимые средства управления, группу командиров и немедленно выехать для координации действий группы войск на калининское направление. Военному совету фронта выехать в Можайск к коменданту Можайского УРа полковнику С. И. Богданову, чтобы на месте разобраться в обстановке на этом направлении.

Штаб фронта двинулся в Алабино, а мы с членом Военного совета Н. А. Булганиным часа через два были в Можайске. Здесь были слышны артиллерийская канонада и разрывы авиационных бомб. С. И. Богданов доложил, что на подступах к Бородину с передовыми моторизованными и танковыми частями противника ведет бой 32-я стрелковая дивизия, усиленная артиллерией и танками. Ею командует полковник В. И. Полосухин, опытный командир. На дивизию можно надеяться.

Дав необходимые указания С. И. Богданову, мы выехали в штаб фронта.

Разместившись временно в лагерных домиках, штаб фронта немедленно приступил к организационно-оперативным делам. Работа предстояла большая.

Нужно было срочно создать прочную оборону на рубеже Волоколамск — Можайск — Малоярославец — Калуга. Развить оборону в глубину, создать вторые эшелоны и резервы фронта, чтобы можно было ими маневрировать для укрепления уязвимых участков обороны. Необходимо было организовать наземную и воздушную разведки и твердое управление войсками фронта; наладить материально-техническое обеспечение войск. А главное — развернуть партийно-политическую работу, поднять моральное состояние воинов и укрепить их веру в свои силы, в неизбежность разгрома противника на подступах к Москве.

Дни и ночи шла в войсках напряженная работа. Люди от усталости и бессонницы буквально валились с ног, но, движимые чувством личной ответственности за судьбу Москвы, за судьбу Родины, проводили колоссальную работу по созданию устойчивой обороны войск фронта на подступах к Москве.

Летом и осенью 1941 года Центральный Комитет партии, Государственный Комитет Оборона и Верховное Главнокомандование предприняли ряд крупных мероприятий по укреплению обороны столицы, формированию значительных войсковых резервов, пополнению Действующей армии новыми частями и соединениями, боевой техникой. Теперь были предприняты дополнительные меры, чтобы приостановить противника.

7 октября началась переброска войск из резерва Ставки и с соседних фронтов на Можайскую оборонительную линию. Сюда прибывали 14 стрелковых дивизий, 16 танковых бригад, более 40 артиллерийских полков и ряд других частей. Заново формировались 16, 5, 43-я и 49-я армии. В середине октября в их составе насчитывалось 90 тысяч человек. Конечно, для создания сплошной надежной обороны этих сил было явно недостаточно. Но большими возможностями Ставка тогда не располагала, а переброска войск с Дальнего Востока и из других отдаленных районов в силу ряда причин задерживалась. Поэтому мы решили в первую очередь занять главнейшие направления: волоколамское, Можайское, малоярославецкое, калужское. На этих же направлениях сосредоточивались и основные артиллерийские и противотанковые средства.

На волоколамское направление мы направили штаб и командование 16-й армии во главе с К. К. Рокоссовским, А. А. Лобачевым и М. С. Малининым. В состав 16-й армии включались новые соединения, так как ее дивизии, переданные 20-й армии, остались в окружении западнее Вязьмы. 5-я армия под командованием генерал-майора Д. Д. Лелюшенко (после его ранения в командование армией вступил генерал Л. А. Говоров) концентрировалась на Можайском направлении. В районе Наро-Фоминска сосредоточивалась 33-я армия, командующим которой вскоре был назначен генерал-лейтенант М. Г. Ефремов. На малоярославецком направлении развертывалась 43-я армия под командованием генерал-майора К. Д. Голубева. 49-я армия под командованием генерал-лейтенанта И. Г. Захаркина занимала оборону на калужском направлении.

Всех этих командующих мы хорошо знали как опытных военачальников и полностью им доверяли. Знали, что они с вверенными им войсками сделают все возможное, чтобы не пропустить врага к Москве.

Должен отметить четкую работу штаба фронта во главе с генерал-лейтенантом В. Д. Соколовским, начальником оперативного отдела генерал-лейтенантом Г. К. Маландиным. Энергичные усилия по обеспечению устойчивой связи с войсками фронта были предприняты начальником войск связи фронта генерал-майором Н. Д. Псурцевым.

В тылу войск первого эшелона Западного фронта проводились большие инженерно-саперные работы по развитию обороны в глубину, строились противотанковые заграждения на всех танкоопасных направлениях. На основные направления подтягивались резервы фронта.

Штаб фронта вскоре переехал в Перхушково. Отсюда протянулись телефонно-телеграфные провода к наземным и воздушным силам фронта. Сюда же подтянули провода из Ставки Верховного Главнокомандования.

Таким образом, по существу заново создавался Западный фронт, на который возлагалась историческая миссия — оборона столицы нашей Родины.

Под руководством Центрального Комитета развернулась огромная работа по разъяснению создавшегося положения — непосредственной опасности, нависшей над Москвой. Партия призвала советский народ с честью выполнить свой долг и не пропустить врага к столице.

В тылу войск противника, в районе западнее и северо-западнее Вязьмы, в это время все еще героически дрались наши окруженные войска, пытаясь прорваться на соединение с частями Красной Армии. Но все их попытки оказались безуспешными. Командование фронта и Ставка помогали окруженным войскам. Осуществлялась бомбардировка с воздуха немецких боевых порядков, сбрасывались с самолетов продовольствие и боеприпасы. Но большего тогда фронт и Ставка для окруженных войск сделать не могли, так как не располагали ни силами, ни средствами.

Оказавшись в тылу противника, войска не сложили оружия, а продолжали мужественно драться, сковывая крупные силы врага, не позволяя ему развить наступление на Москву.

Дважды — 10 и 12 октября — были переданы командармам окруженных войск радиogramмы, в которых содержалась краткая информация о противнике, ставилась задача на прорыв, общее руководство которым поручалось командующему 19-й армией генералу М. Ф. Лукину. Мы просили немедленно сообщить план выхода и группировку войск и указать участок, где можно было бы организовать помощь окруженным войскам авиацией фронта. Однако на обе наши радиogramмы ответа не последовало: вероятно, пришли они слишком поздно. По-видимому, управление было потеряно, и войскам удавалось прорываться из окружения лишь отдельными группами.

Вот что мне рассказывал потом бывший командир 45-й кавалерийской дивизии Андрей Трофимович Стученко.

— Пробираясь из окружения с остатками дивизии на соединение с фронтом, мы везде, где только было возможно, уничтожали гитлеровцев, которых в общей сложности уложили не одну тысячу. В середине октября не было дня, чтобы у нас не происходили ожесточеннейшие схватки с врагом. В этих боях по-

гибло много замечательных бойцов, командиров и политработников.

С большим волнением Андрей Трофимович рассказал о героической гибели комиссара 45-й кавалерийской дивизии А. Г. Полехина, который, несмотря на смертельную опасность, взялся лично возглавлять разведку.

— Несмотря на гибель большей части дивизии, бойцы и командиры не потеряли присутствия духа, все мы жили тогда одним стремлением — скорее соединиться с войсками фронта и вместе биться за Москву. И самым счастливым днем был тот, когда мы, вырвавшись из окружения, вновь влились в ряды войск фронта, чтобы дать отпор врагу...

Благодаря упорству и стойкости, которые проявили наши войска, дравшиеся в окружении в районе Вязьмы, мы выиграли драгоценное время для организации обороны на Можайской линии. Пролитая кровь и жертвы, понесенные войсками окруженной группировки, оказались не напрасными. Подвиг героически сражавшихся под Вязьмой советских воинов, внесших великий вклад в общее дело защиты Москвы, еще ждет должной оценки.

С 13 октября разгорелись ожесточенные бои на всех главных оперативных направлениях, ведущих к Москве.

Это были грозные дни.

ЦК партии и Государственный Комитет Обороны приняли решение срочно эвакуировать из Москвы в Куйбышев часть центральных учреждений и весь дипломатический корпус, а также вывезти из столицы особо важные государственные ценности.

С каждым днем усиливались бомбежки Москвы. Воздушные тревоги объявлялись почти каждую ночь. Однако к этому времени уже была проделана большая работа по укреплению местной противовоздушной обороны. Миллионы граждан активно обучались противовоздушной защите, и «зажигалки» были уже не страшны москвичам.

Верховное Главнокомандование сконцентрировало в районе Москвы крупные группы истребительной, штурмовой и бомбардировочной авиации.

С 20 октября в Москве и прилегающих к ней районах постановлением Государственного Комитета Обороны было введено осадное положение. Во всех войсках, защищавших столицу, установился строжайший порядок. Каждое серьезное нарушение дисциплины пресекалось решительными мерами. Жители Москвы дали достойный отпор пособникам врага — папикарам.

Мужественно встретила советская столица надвигавшуюся

опасность. Призывы Центрального и Московского Комитетов партии отстоять советскую столицу, разгромить врага были понятны каждому москвичу, каждому воину, всем советским людям. Москвичи превратили столицу и подступы к ней в неприступную крепость, а защита Москвы вылилась в героическую эпопею.

Когда мы говорим о героических подвигах, совершенных в битве за Москву, то подразумеваем не только действия нашей армии — героических советских бойцов, командиров и политработников. То, что было достигнуто на Западном фронте в октябре, а затем и в последующих сражениях, стало возможным только благодаря единству и общим усилиям войск и населения столицы и Московской области, той действенной помощи, которую оказали армии и защитникам столицы вся страна, весь советский народ.

Уже в первые месяцы войны под руководством городских партийных организаций были сформированы 12 дивизий народного ополчения. В них вступали специалисты самых различных мирных профессий — рабочие, инженеры, техники, ученые, работники искусства. Люди эти, конечно, не обладали военными навыками, многое пришлось познавать уже в ходе боев. Но было нечто общее, что всем им было свойственно, — высочайший патриотизм, непоколебимая стойкость и уверенность в победе. И разве это случайность, что из добровольческих формирований после приобретения ими необходимого боевого опыта сложились великолепные боевые соединения?

Ополченцы составляли ядро многих специальных подразделений разведчиков, лыжников, активно действовали в партизанских отрядах. Западный фронт в своей борьбе опирался на эту неоценимую помощь со стороны населения Москвы.

Сотни тысяч москвичей круглосуточно работали на строительстве оборонительных рубежей, опоясывающих столицу. Только на внутреннем поясе обороны в октябре и ноябре трудилось до 250 тысяч человек, три четверти которых составляли женщины и подростки. Они соорудили 72 тысячи погонных метров противотанковых рвов, около 80 тысяч метров эскарпов и контрэскарпов, 52,5 тысячи метров надолб и много других препятствий, вырыли почти 128 тысяч погонных метров окопов и ходов сообщения. Своими руками эти люди вынули более 3 миллионов кубометров земли!

Доблестным и самоотверженным был труд рабочих и инженеров на оставшихся в Москве предприятиях. Работали на устаревшем оборудовании, т.к. все ценное было эвакуировано. Людей было мало, но военное производство наладили в самый

короткий срок. На Московском автомобильном заводе организовали производство пистолет-пулеметов системы Шпагина — ПППШ. Затворы к ним поставляли Первый подшипниковый завод и завод им. Серго Орджоникидзе.

В декабре от этих предприятий потребовали дать продукции в 35 раз больше, чем в ноябре. И дали! На Втором часовом заводе выпускали взрыватели к минам. Троллейбусный парк Ленинградского района делал гранаты. Танки ремонтировали «Серп и молот» и «Красный пролетарий». Там же и на заводе имени Владимира Ильича производили боеприпасы. Автопарки ремонтировали боевые машины. Кондитерская фабрика «Рот-Фронт» выпускала пищевые концентраты. Небольшие предприятия, ранее снабжавшие население галантереей, теперь отправляли фронту противотанковые гранаты и взрыватели для боеприпасов.

Фронтовики знали, что на защиту столицы встала вся страна. Эта всенародная поддержка была воодушевляющей и надежной опорой наших побед в битвах за Москву.

В ответ на призыв ЦК ВКП(б) многие тысячи коммунистов и комсомольцев Москвы и других городов пришли на фронт в качестве политбойцов, которые своим примером повышали боеспособность войск.

В тяжелые дни октября 1941 года Военный совет Западного фронта обратился к войскам с воззванием, в котором говорилось:

«Товарищи! В грозный час опасности для нашего государства жизнь каждого воина принадлежит Отчизне. Родина требует от каждого из нас величайшего напряжения сил, мужества, героизма и стойкости. Родина зовет нас стать нерушимой стеной и преградить путь фашистским ордам к родной Москве. Сейчас, как никогда, требуется бдительность, железная дисциплина, организованность, решительность действий, непреклонная воля к победе и готовность к самопожертвованию».

Приближались решающие события.

В связи с тем, что оборонительный рубеж Волоколамск — Можайск — Малоярославец — Серпухов занимали наши слабые силы, а местами уже был захвачен противником, Военный совет фронта основным рубежом обороны избрал новую линию — Ново-Завидовский — Клин — Истринское водохранилище — Истра — Красная Пахра — Серпухов — Алексин.

Учитывая большую растянутость фронта, а также возникшие трудности в управлении войсками калининской группировки, Военный совет Западного фронта обратился в Ставку с просьбой несколько сократить фронт и передать эти войска в другое

подчинение. Приказом Ставки от 17 октября 22, 29-я и 30-я армии были переданы во вновь формируемый Калининский фронт. Командующим Калининским фронтом был назначен генерал-полковник И. С. Конев, членом Военного совета — корпусной комиссар Д. С. Леонов, начальником штаба — генерал-майор И. И. Иванов. Образование Калининского фронта сократило полосу обороны Западного фронта и облегчило управление войсками.

Брянский фронт, во главе которого стоял генерал-лейтенант А. И. Еременко, также находился в крайне тяжелом положении. Большинство войск фронта оказалось в окружении и с трудом пробивалось на восток. Героическими усилиями им все же удалось 23 октября вырваться из окружения. Преследуя остатки войск Брянского фронта, передовые части армии Гудериана, захватив Орел, 29 октября подошли к Туле.

В октябре здесь, кроме формируемых тыловых учреждений 50-й армии, способных оборонять город, войск не было. Во второй половине октября в район Тулы отходили три сильно пострадавшие стрелковые дивизии. В этих соединениях насчитывалось от пятисот до полутора тысяч бойцов, а в артиллерийском полку осталось всего лишь четыре орудия. Отошедшие части были крайне переутомлены.

Жители Тулы оказали нашим войскам большую помощь в срочном пошиве обмундирования, ремонте оружия и боевой техники. Под руководством партийных организаций города дни и ночи трудились они над тем, чтобы привести наши части в боеготовое состояние.

Комитет обороны города, во главе которого стоял секретарь обкома партии Василий Гаврилович Жаворонков, сумел в короткий срок сформировать и вооружить рабочие отряды. Вместе с частями 50-й армии Брянского фронта они мужественно дрались на ближних подступах к Туле и не пропустили противника в город.

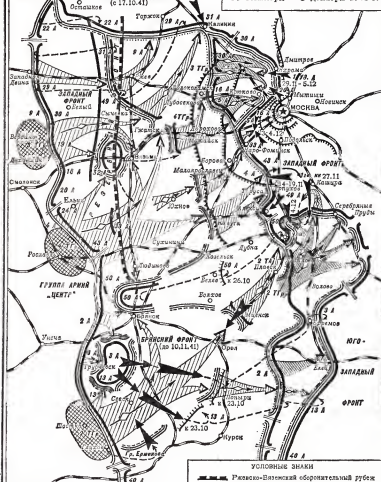
Особое упорство и мужество здесь проявил тульский рабочий полк во главе с капитаном А. П. Горшковым и комиссаром Г. А. Агеевым. Этот полк занял вместе с отошедшими частями войск рубеж обороны в районе Косой Горы. Против немецких танков на подступах к городу командующим обороной генералом В. С. Поповым был использован зенитный полк. Все части, оборонявшие Тулу, дрались с противником исключительно мужественно.

Гудериан рассчитывал захватить Тулу с ходу, а затем двинуться на Москву с юга. Но это ему не удалось.

ГРУППА
АРМИЙ
„СЕРБ“

16 А (27 А)
НАЛИННИНСКИЙ ФРОНТ
(с 17.10.41)

ОБОРОНА МОСКВЫ 30 сентября — 5 декабря 1941 г.

- Линия фронта к 30 сентября
- ➔ Направления ударов танковых соединений противника
- ➔ Направления ударов общевойсковых соединений противника
- 4.12 Направления контрударов советских войск к 4 в. даты
- Отход войск

- УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ
- Ржевско-Вяземский оборонительный рубеж
  - ▲▲▲▲▲ Можайская линия обороны. Рубежи советских войск (16А, 3А, 43А, 49А) к 10.X.1941 г.
  - ▲▲▲▲▲ Рубежи Московской зоны обороны
  - Линия фронта к 10 октября
  - Линия фронта к 30 сентября
  - Линия фронта к 6 декабря

30 октября наступление противника было отбито защитниками Тулы с большими для него потерями.

10 ноября решением Ставки Брянский фронт был расформирован, а оборона Тулы возложена на Западный фронт.

Как ни пытался враг в течение ноября 1941 года взять Тулу и этим открыть себе дорогу к столице, успеха он не добился. Город стоял, как неприступная крепость! Тула связала по рукам и ногам всю правофланговую группировку немецких войск. Тогда противник решил обойти город, но из-за этого он вынужден был растянуть свою группировку. В результате оперативно-тактическая плотность войск армии Гудериана была потеряна.

В разгроме немецких войск под Москвой Туле и ее жителям принадлежит выдающаяся роль.

Думается, мне нет необходимости пересказывать весь ход боевых действий, поскольку он не раз и подробно уже описан. Известен и итог октябрьских оборонительных сражений под Москвой. За месяц ожесточенных, кровопролитных боев немецко-фашистским войскам удалось в общей сложности продвинуться на 230—250 километров. Однако план гитлеровского командования, рассчитывавшего взять Москву к середине октября, был сорван, силы врага были серьезно истощены, его ударные группировки растянуты.

С каждым днем наступление противника выдыхалось все больше и больше. К концу октября оно было остановлено на рубеже Тургиново — Волоколамск — Дорохово — Наро-Фоминск, западнее Серпухова и Алексина. В районе Калинина к этому же времени стабилизировалась оборона войск Калининского фронта.

Имена героев, отличившихся в октябре 1941 года при защите столицы, невозможно перечислить. Не только отдельные наши воины, но целые соединения проявили массовый героизм, прославив своими доблестными подвигами нашу Родину. Такие часты и соединения были на всех армейских участках.

На волоколамском направлении, где наступал усиленный 5-й армейский корпус врага, а затем еще два моторизованных корпуса, стойко оборонялись подразделения УРов и соединения вновь созданной 16-й армии. Особенно отличилась 316-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора И. В. Панфилова.

На наиболее ответственный участок 16-й армии был направлен сводный стрелковый полк курсантов Московского командного пехотного училища. Курсантский полк поддерживался тремя противотанковыми артиллерийскими полками.

Перед выступлением курсантов в назначенный район обороны командир полка, начальник училища С. И. Младенцев сказал им:

— Озверелый враг рвется к сердцу нашей Родины — Москве. Мы должны преградить ему путь, защитить родную столицу. И наш долг — сражаться так, как сражались старшие братья, славные кремлевские курсанты. Сейчас нет времени принимать от вас выпускные экзамены. Их вы будете держать на фронте, в боях с врагом. И я уверен, что каждый из вас этот экзамен выдержит с честью...

Пройдя ускоренным маршем из Солнечногорска 85 километров, полк прибыл вечером 7 октября в район Волоколамска. Командование училища не ошиблось в своих питомцах. Презирая опасность и смерть, они крепко держали порученный им участок обороны. Боевым соседом этого полка была 316-я стрелковая Панфиловская дивизия, которая за массовый героизм, проявленный в ходе борьбы за Москву, была преобразована в 8-ю гвардейскую.

Ввиду общего недостатка сил и средств батальонные районы были растянуты по фронту до 7—10 километров и в глубину до 3 километров. Сплошной обороны на всем Волоколамском рубеже тогда еще не было. Заняты были только опорные пункты, промежутки которых простреливались артиллерийским огнем, а кое-где и дальним пулеметным.

На Можайском направлении против 40-го моторкорпуса врага, поддержанного авиацией, особенно упорно сражалась 32-я стрелковая дивизия полковника В. И. Полосухина. Спустя почти 130 лет после Отечественной войны 1812 года на Бородинском поле — том самом поле, которое стало бессмертным памятником русской воинской славы, — вновь разгорелся ожесточенный бой.

На малоярославецком направлении наступали части 12-го армейского и 57-го моторкорпуса противника. На подступах к Малоярославцу героически сражались части 312-й стрелковой дивизии полковника А. Ф. Наумова и курсанты подольских пехотного и артиллерийского училищ. В районе Медыни на смерть стояли танкисты полковника И. И. Троицкого, о котором я уже говорил. У старинного русского города Боровска прославили свои боевые знамена солдаты и командиры 110-й стрелковой дивизии и 151-й мотострелковой бригады. Плечом к плечу с ними стойко отражали натиск врага танкисты 127-го танкового батальона. Ценой больших потерь противник отеснил наши части к реке Протве, а затем к реке Наре, но прорваться дальше не смог.

33-я армия заняла оборону в районе Наро-Фоминска, в промежутке между 5-й и 43-й армиями. Южнее Наро-Фоминска, по восточному берегу реки Нары, заняла оборону 43-я армия. На рубеже западнее Серпухова — восточнее Тарусы, Алексина — 49-я армия.

Укрепившись на этом рубеже, войска фронта были полны решимости встретить и отразить вражеские атаки.

За три недели октябрьских сражений воины нашего фронта многому научились. В частях проводилась большая воспитательная партийно-политическая работа, основой которой была популяризация лучших способов уничтожения врага, индивидуального и массового героизма и боевой доблести частей и подразделений.

Хочется особо подчеркнуть ту большую роль, которую сыграл в налаживании политической работы в войсках начальник политического управления Западного фронта, замечательный коммунист и бесстрашный воин, дивизионный комиссар Д. А. Лестев.

1 ноября 1941 года я был вызван в Ставку. И. В. Сталин сказал:

— Мы хотим провести в Москве, кроме торжественного заседания по случаю годовщины Октября, и парад войск. Как вы думаете, обстановка на фронте позволит нам провести эти торжества?

Я ответил:

— В ближайшие дни враг не начнет большого наступления. Он понес в предыдущих сражениях серьезные потери и вынужден пополнять и перегруппировывать войска. Против авиации, которая наверняка будет действовать, необходимо усилить ПВО и подтянуть к Москве истребительную авиацию с соседних фронтов.

Как известно, в канун праздника в столице на станции метро «Маяковская» было проведено торжественное заседание, посвященное 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, а 7 ноября на Красной площади состоялся традиционный военный парад. Бойцы прямо с Красной площади шли на фронт.

Это событие сыграло огромную роль в укреплении морального духа армии, советского народа и имело большое международное значение. В выступлениях И. В. Сталина вновь прозвучала уверенность партии и правительства в неизбежном разгроме немецко-фашистских захватчиков.

Тем временем на угрожаемых участках строилась глубоко

эшелонированная противотанковая оборона, создавались противотанковые опорные пункты и районы. Войска пополнялись личным составом, вооружением, боеприпасами, имуществом связи, инженерными и материально-техническими средствами. С 1 по 15 ноября Западный фронт получил в качестве пополнения 100 тысяч бойцов и офицеров, 300 танков, 2 тысячи орудий.

Эти резервы, сформированные Ставкой из переброшенных сюда из глубины страны дополнительных соединений стрелковых и танковых войск, сосредоточивались на наиболее опасных направлениях. Большая часть войск концентрировалась на волоколамско-клинском и истринском направлениях, где, как мы предполагали, последует главный удар бронетанковых группировок противника. Подтягивались резервы и в район Тула — Серпухов: здесь ожидался повторный удар 2-й танковой и 4-й полевой армий противника.

В начале ноября у меня состоялся не совсем приятный разговор по телефону с Верховным.

— Как ведет себя противник? — спросил И. В. Сталин.

— Заканчивает сосредоточение своих ударных группировок и, видимо, в скором времени перейдет в наступление.

— Где вы ожидаете главный удар?

— Из района Волоколамска. Танковая группа Гудериана, видимо, ударит в обход Тулы на Каширу.

— Мы с Шапошниковым считаем, что нужно сорвать готовящиеся удары противника своими упреждающими контрударами. Один контрудар надо нанести в районе Волоколамска, другой — из района Серпухова во фланг 4-й армии немцев. Видимо, там собираются крупные силы, чтобы ударить на Москву.

— Какими же силами, товарищ Верховный Главнокомандующий, мы будем наносить эти контрудары? Западный фронт свободных сил не имеет. У нас есть силы только для обороны.

— В районе Волоколамска используйте правофланговые соединения армии Рокоссовского, танковую дивизию и кавкорпус Доватора. В районе Серпухова используйте кавкорпус Белова, танковую дивизию Гетмана и часть сил 49-й армии.

— Считаю, что этого делать сейчас нельзя. Мы не можем бросать на контрудары, успех которых сомнителен, последние резервы фронта. Нам печем будет тогда подкрепить оборону войск армий, когда противник перейдет в наступление своими ударными группировками.

— Ваш фронт имеет шесть армий. Разве этого мало?

— Но ведь линия обороны войск Западного фронта сильно

растянулась; с изгибами она достигла в настоящее время более 600 километров. У нас очень мало резервов в глубине, особенно в центре фронта.

— Вопрос о контрударах считайте решенным. План сообщите сегодня вечером, — недовольно отрезал И. В. Сталин.

Минут через пятнадцать ко мне зашел Н. А. Булганин и с порога сказал:

— Ну и была мне сейчас головомойка!

— За что?

— Сталин сказал: «Вы там с Жуковым зазнались. Но мы и на вас управу найдем!» Он потребовал от меня, чтобы я сейчас же шел к тебе и мы немедленно организовали контрудары.

— Ну что же, садись, вызовем Василия Даниловича и предупредим Рокоссовского и Захаркина.

Часа через два штаб фронта дал приказ командующим 16-й и 49-й армиями и командирам соединений о проведении контрударов, о чем мы и доложили в Ставку. Однако эти контрудары, где главным образом действовала конница, не дали тех положительных результатов, которых ожидал Верховный. Враг был достаточно силен, а его наступательный пыл еще не охладел. Только в районе Алексина нам удалось добиться значительных результатов: части 4-й армии противника здесь понесли большие потери и не смогли принять участия в общем наступлении на Москву.

Для продолжения наступления на Москву гитлеровское командование подтянуло новые силы и к 15 ноября сосредоточило против войск Западного фронта 51 дивизию, в том числе 31 пехотную, 13 танковых и 7 моторизованных, хорошо укомплектованных личным составом, танками, артиллерией и боевой техникой¹.

На волоколамско-клинском и истринском направлениях против армии К. К. Рокоссовского были сосредоточены 3-я и 4-я танковые группы противника в составе семи танковых, трех моторизованных и трех пехотных дивизий² при поддержке почти двух тысяч орудий и мощной авиационной группы.

На тульско-каширском направлении против 50-й армии сосредоточена ударная группа вражеских войск в составе 24-го и 47-го моторизованных корпусов, 53-го и 43-го армейских корпусов общей численностью в девять дивизий (в том числе четыре танковые и моторизованная дивизия «Великая Германия»). Их поддерживала мощная авиагруппа.

¹ Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2511, д. 1029, л. 332.

² Там же.

4-я полевая армия противника в составе шести армейских корпусов развернулась на звенигородском, кубинском, наро-фоминском, подольском и серпуховском направлениях. Этой армии было приказано фронтальными ударами сковать войска обороны Западного фронта, ослабить их, а затем нанести удар в центре нашего фронта в направлении на Москву.

Второй этап наступления на Москву немецкое командование начало 15 ноября ударом по 30-й армии Калининского фронта. Южнее Волжского водохранилища эта армия имела весьма слабую оборону. Одновременно противник нанес удар и по войскам Западного фронта, а именно по правому флангу армии К. К. Рокоссовского, южнее реки Шоши. Вспомогательный удар был нанесен в полосе этой армии в районе Теряевой Слободы.

Против 30-й армии Калининского фронта противник бросил более 300 танков, которым противостояло всего лишь 56 наших легких танков со слабым вооружением. Оборона не выдержала и была здесь быстро прорвана.

С утра 16 ноября вражеские войска начали стремительно развивать наступление из района Волоколамска на Клин. Резервов в этом районе у нас не оказалось, так как они, по приказу Ставки, были брошены в район Волоколамска для нанесения контрудара, где и были скованы противником.

В тот же день немецко-фашистские войска нанесли мощный удар в районе Волоколамска. На истринском направлении наступали две танковые и две пехотные немецкие дивизии. Против наших 150 легких танков немцы бросили 400 средних танков. Развернулись ожесточенные сражения. Особенно упорно дрались стрелковые дивизии 16-й армии: 316-я генерала И. В. Панфилова, 78-я полковника А. П. Белобородова и 18-я генерала П. Н. Чернышева, отдельный курсантский полк С. И. Младенцева, 1-я гвардейская, 23, 27, 28-я отдельные танковые бригады и кавалерийская группа генерал-майора Л. М. Доватора.

В 23 часа 17 ноября 30-я армия Калининского фронта была передана Ставкой Западному фронту, вследствие чего оборона Западного фронта вновь еще больше расширилась на север (до Волжского водохранилища). Командующим 30-й армией был назначен генерал-майор Д. Д. Лелюшенко.

Бои, проходившие 16—18 ноября, для нас были очень тяжелыми. Враг, не считаясь с потерями, лез напролом, стремясь любой ценой прорваться к Москве своими танковыми клиньями.

Но глубоко эшелонированная артиллерийская и противотанковая оборона и хорошо организованное взаимодействие всех родов войск не позволили противнику прорваться через боевые

порядки 16-й армии. Медленно, но в полном порядке эта армия отводилась на заранее подготовленные и уже занятые артиллерией рубежи, где вновь ее части упорно дрались, отражая атаки гитлеровцев.

С беспримерной храбростью действовала переданная в состав 16-й армии 1-я гвардейская танковая бригада. В октябре эта бригада (тогда 4-я танковая) героически сражалась под Орлом и Мценском, за что и была удостоена высокой чести именоваться 1-й гвардейской танковой бригадой. Теперь, в ноябре, защищая подступы к Москве, гвардейцы-танкисты новыми подвигами еще выше подняли свою славную боевую репутацию.

Государственный Комитет Оборона, часть руководящего состава ЦК партии и Совнаркома по-прежнему оставались в Москве. Рабочие Москвы трудились по 12—18 часов в сутки, обеспечивая оборонявшие столицу войска оружием, боевой техникой, боеприпасами.

Однако угроза столице не миновала: враг хотя и медленно, но приближался к Москве.

Не помню точно какого числа — это было вскоре после тактического прорыва немцев на участке 30-й армии Калининского фронта — мне позвонил И. В. Сталин и спросил:

— Вы уверены, что мы удержим Москву? Я спрашиваю вас это с болью в душе. Говорите честно, как коммунист.

— Москву, безусловно, удержим. Но нужно еще не менее двух армий и хотя бы двести танков.

— Это неплохо, что у вас такая уверенность. Позвоните в Генштаб и договоритесь, куда сосредоточить две резервные армии, которые вы просите. Они будут готовы в конце ноября. Танков пока дать не сможем.

Через полчаса мы договорились с А. М. Василевским о том, что Западному фронту будут переданы 1-я ударная и 10-я армии, а также все соединения 20-й армии. Формируемая 1-я ударная армия должна быть сосредоточена в районе Яхромы, а 10-я армия — в районе Рязани.

На тульско-московском операционном направлении противник перешел в наступление 18 ноября. На венёвском направлении, где оборонялись 413-я и 299-я стрелковые дивизии 50-й армии, наступали 3, 4-я и 17-я танковые дивизии противника. Прорвав оборону, эта группа захватила район Болохово — Дедилово. Для противодействия в район Узловой нами были спешно брошены 239-я стрелковая и 41-я кавалерийская дивизии. Ожесточенные сражения, отличавшиеся массовым героизмом наших войск, не прекращались здесь ни днем, ни ночью. Осо-

бенно упорно дрались части 413-й стрелковой дивизии. Однако 21 ноября Узловая и Сталиногорск были заняты главными силами танковой армии Гудериана. В направлении Михайлова наступал 47-й моторизованный корпус противника. В результате в районе Тулы создавалась довольно сложная обстановка.

В этих условиях Военный совет фронта принял решение усилить каширский боевой участок 112-й танковой дивизией, которой командовал полковник А. Л. Гетман (ныне генерал армии); рязанский боевой участок — танковой бригадой и другими частями; зарайский участок — 9-й танковой бригадой, 35-м и 127-м отдельными танковыми батальонами; лаптевский участок — 510-м стрелковым полком с ротой танков.

26 ноября 3-й танковой дивизии противника удалось потеснить наши части и перерезать железную дорогу и шоссе Тула — Москва в районе севернее Тулы. Однако 1-й гвардейский кавалерийский корпус генерала П. А. Белова, 112-я танковая дивизия и ряд других частей фронта в районе Каширы не дали противнику продвинуться дальше на этом участке. На помощь сражающимся там частям были дополнительно переброшены 173-я стрелковая дивизия и 15-й гвардейский минометный полк.

27 ноября кавкорпус П. А. Белова во взаимодействии со 112-й танковой дивизией, 173-й стрелковой дивизией и другими частями нанес стремительный контрудар по войскам Гудериана и отбросил их на юг на 10—15 километров в сторону Венёва.

До 30 ноября шли напряженные бои в этом районе к югу от Мордвеса. Враг не смог здесь добиться успеха. Командующий 2-й танковой армией Гудериан убедился в невозможности сломить упорное сопротивление советских войск в районе Кашира — Тула и пробиться отсюда в сторону Москвы. Гитлеровцы вынуждены были перейти на этом участке к обороне.

Советские войска, сражавшиеся в этом районе, отразили все удары врага, нанесли ему большие потери и не пропустили к Москве.

Еще более тяжелая обстановка сложилась на правом крыле фронта, в районе Истра — Клин — Солнечногорск, где упорно оборонялась 16-я армия.

23 ноября танки противника ворвались в Клин. Чтобы не подвергать наши войска угрозе окружения, в ночь на 24 ноября их пришлось отвести на следующий тыловой рубеж. После тяжелых сражений 16-я армия отошла от Клина. В связи с потерей Клина образовался разрыв между 16-й и 30-й армиями, который прикрывался лишь слабой группой наших войск.

25 ноября 16-я армия отошла и от Солнечногорска. Здесь

Прикрытие Москвы с воздуха.

СТОЛИЦА ГОТОВИЛАСЬ К БИТВЕ С
ВРАГОМ.

7 НОЯБРЯ 1941 г. ПАРАД НА КРАСНОЙ
ПЛОЩАДИ.

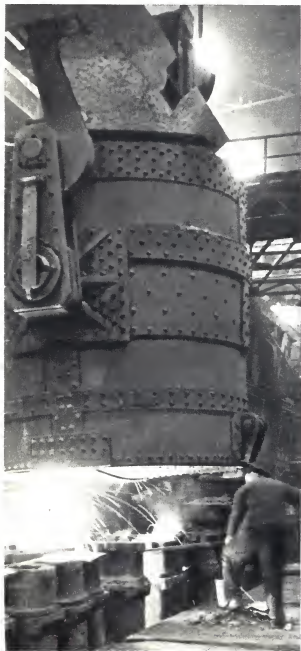

Торжественное заседание трудящихся Москвы.
Станция метро «Маяковская».

Командующий Западным фронтом генерал
армии Г. К. Жуков, член Военного совета
Н. А. Булганин и начальник штаба генерал
В. Д. Соколовский на узле связи.

ВСЕ ДЛЯ ФРОНТА! ВСЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ!

Командир 2-го гвардейского кавалерийского
корпуса генерал Л. М. Доватор.

Командующий 1-й ударной
армией генерал
В. И. Кузнецов (слева).

Начальник Генерального штаба
Маршал Советского Союза Б. М. Шапошиков
(1942 г.)

Командир 9-й гвардейской стрелковой дивизии полковник
А. П. Белобородов (в центре).

Командующий Западным фронтом генерал Г. К. Жуков
в штабе фронта в д. Перхушково. Ноябрь 1941 г.

◀ Командир 316-й
стрелковой дивизии
генерал И. В. Панфилов
(слева), начальник
штаба полковник
И. И. Серебряков
и старший батальонный
комиссар С. А. Егоров.

▶ Справа налево:
член Военного совета
Юго-Западного фронта
дивизионный комиссар
К. А. Гуров, заместитель
командующего фронтом
генерал Ф. Я. Костенко
и начальник штаба
генерал П. И. Бодин.

Командир 1-го гвардейского
кавалерийского корпуса
генерал П. А. Белов.

Командующий 5-й армией
генерал Л. А. Говоров.

Часть 1-й гвардейской Московской дивизии идет в наступление.

После боя.

Они не прошли к Москве...

...ОНИ ПРОШЛИ ПО МОСКВЕ ТАКИ

создалось катастрофическое положение. Военный совет фронта перебрасывал сюда все, что мог, с других участков фронта. Отдельные группы танков, группы солдат с противотанковыми ружьями, артиллерийские батареи и зенитные дивизионы, взятые у командующего ПВО генерала М. С. Громадина, были переброшены в этот район. Необходимо было во что бы то ни стало задержать противника на этом опасном участке до прибытия сюда 7-й гвардейской стрелковой дивизии из района Серпухова, двух танковых бригад и двух противотанковых артиллерийских полков из резерва Ставки.

Фронт нашей обороны выгибался дугой — образовывались очень слабые места. Казалось, вот-вот случится непоправимое. Но нет! Войска стояли насмерть, а получив подкрепление, вновь создавали непреодолимый фронт обороны.

Вечером 29 ноября, воспользовавшись слабой обороной моста через канал Москва — Волга в районе Яхромы, танковая часть противника захватила его и прорвалась за канал. Здесь она была остановлена подошедшими передовыми частями 1-й ударной армии, которой командовал генерал-лейтенант В. И. Кузнецов, и после ожесточенного боя отброшена обратно за канал.

Состояние фронта было действительно чрезвычайно сложным. В результате иногда происходили события, которые можно было объяснить только величайшей напряженностью момента. Вот один пример.

К Верховному Главнокомандующему каким-то образом поступили сведения, что наши войска северо-западнее Нахабина оставили город Дедовск. Это было уж совсем близко от Москвы.

И. В. Сталин, естественно, был сильно обеспокоен таким сообщением: ведь еще 28 и 29 ноября 9-я гвардейская стрелковая дивизия, которой командовал генерал-майор А. П. Белобородов, не без успеха отражала неоднократные яростные атаки противника в районе Истры. Но прошли какие-то сутки, и, оказывается, Дедовск в руках у гитлеровцев...

Верховный вызвал меня к телефону:

— Вам известно, что занят Дедовск?

— Нет, товарищ Сталин, неизвестно.

И. В. Сталин не замедлил раздраженно высказаться по этому поводу:

— Командующий должен знать, что у него делается на фронте. Немедленно выезжайте на место, лично организуйте контратаку и верните Дедовск.

Я попытался возразить:

— Покидать штаб фронта в такой напряженной обстановке вряд ли осмотрительно.

— Ничего, мы как-нибудь тут справимся, а за себя оставьте на это время Соколовского.

Положив трубку, я сразу же связался с К. К. Рокоссовским и потребовал объяснить, почему в штабе фронта ничего не известно об оставлении Дедовска. И тут сразу же выяснилось, что город Дедовск противником не занят, а речь, видимо, идет о деревне Дедово. В районе Хованское — Дедово — Снигири и южнее 9-я гвардейская стрелковая дивизия ведет оборонительный бой, не допуская прорыва противника вдоль Волоколамского шоссе на Дедовск — Нахабино.

Я решил позвонить Верховному и объяснить, что произошла ошибка. Но тут, как говорится, нашла коса на камень. И. В. Сталин окончательно рассердился. Он потребовал немедленно выехать к К. К. Рокоссовскому и сделать так, чтобы этот самый злополучный населенный пункт непременно был отбит у противника. Да еще приказал взять с собой командующего 5-й армией Л. А. Говорова:

— Он артиллерист, пусть поможет Рокоссовскому организовать артиллерийский огонь в интересах 16-й армии.

Возражать в подобной ситуации не имело смысла. Когда я вызвал генерала Л. А. Говорова и поставил перед ним задачу, он вполне резонно попытался доказать, что не видит надобности в такой поездке: в 16-й армии есть свой начальник артиллерии генерал-майор артиллерии В. И. Казаков, да и сам командующий К. К. Рокоссовский знает, что и как нужно делать, зачем же ему, Говорову, в такое горячее время бросать свою армию.

Чтобы не вести дальнейших прений по этому вопросу, пришлось разъяснить генералу, что таков приказ Верховного.

Мы заехали к К. К. Рокоссовскому и вместе с ним тут же отправились в дивизию А. П. Белобородова. Вряд ли командир дивизии обрадовался нашему появлению в расположении своих частей. У него в то время и так было забот по горло, а тут пришлось еще давать объяснения по поводу занятых противником нескольких домов деревни Дедово, расположенных по другую сторону оврага.

Афанасий Павлантьевич, докладывая обстановку, довольно убедительно объяснил, что возвращать эти дома нецелесообразно, исходя из тактических соображений. К сожалению, я не мог сказать ему, что в данном случае мне приходится руководство

ваться отнюдь не соображениями тактики. Поэтому приказал А. П. Белобородову послать стрелковую роту с двумя танками и выбить взвод засевших в домах немцев, что и было сделано.

Но вернемся к серьезным вещам.

1 декабря гитлеровские войска неожиданно для нас прорвались в центре фронта, на стыке 5-й и 33-й армий, и двинулись по шоссе на Кубинку. Однако у деревни Акулово им преградила путь 32-я стрелковая дивизия, которая артиллерийским огнем уничтожила часть танков противника. Немало танков подорвалось и на минных полях.

Тогда танковые части врага, неся большие потери, повернули на Голицыно, где были окончательно разгромлены резервом фронта и подошедшими частями 5-й и 33-й армий. 4 декабря этот прорыв противника был полностью ликвидирован. На поле боя враг оставил более 10 тысяч убитыми, 50 разбитых танков и много другой боевой техники.

В конце ноября по характеру действий и силе ударов всех группировок немецких войск чувствовалось, что враг выдыхается и для ведения наступательных действий уже не имеет ни сил, ни средств.

Развернув ударные группировки на широком фронте и далеко замахнувшись своим бронированным кулаком, противник в ходе битвы за Москву растянул войска до такой степени, что в финальных сражениях на ближних подступах к столице они потеряли пробивную способность. Гитлеровское командование не ожидало таких больших потерь, а восполнить их и усилить свою подмосковную группировку не смогло.

Из опроса пленных было установлено, что в некоторых ротах осталось по 20—30 человек, моральное состояние немецких войск резко ухудшилось, веры в возможность захвата Москвы уже нет.

Войска Западного фронта тоже понесли большие потери, сильно переутомились, но сдержали оборону и, подкрепленные резервами, удесятирили силы в борьбе с врагом.

За 20 дней второго этапа наступления на Москву немцы потеряли более 155 тысяч убитыми и ранеными, около 800 танков, не менее 300 орудий и значительное количество самолетов. Тяжелые потери, незавершенность в осуществлении стратегических задач посеяли в массах немецких войск сомнения в успешном исходе войны в целом. Фашистское военно-политическое руководство потеряло престиж непобедимости в глазах мирового общественного мнения.

Бывшие гитлеровские генералы и генерал-фельдмаршалы пытаются в провале плана захвата Москвы и планов войны в целом обвинить Гитлера, который якобы не посчитался с их советами и приостановил в августе движение группы армий «Центр» на Москву, повернув часть ее войск на Украину.

Так, немецкий генерал Ф. Мелентин пишет: «Удар на Москву, сторожником которого был Гудериан и от которого мы в августе временно отказались, решив сначала захватить Украину, возможно, принес бы решающий успех, если бы его всегда рассматривали как главный удар, определяющий исход всей войны. Россия оказалась бы пораженной в самое сердце»¹.

Генералы Г. Гудериан, Г. Гот и другие основной причиной поражения немецких войск под Москвой, наряду с ошибками Гитлера, считают суровый русский климат.

Конечно, и погода, и природа играют свою роль в любых военных действиях. Правда, все это в равной степени воздействует на обе противоборствующие стороны. Да, гитлеровцы кутались в теплые вещи, отобранные у населения, ходили в уродливых самодельных соломенных калошах. Полушубки, валенки, телогрейки, теплое белье — все это тоже оружие. Наша страна одевала и согревала своих солдат. А гитлеровские войска не были подготовлены к зиме.

Произошло это потому, что гитлеровское руководство собиралось налегке пройти по России, исчисляя сроки всей кампании неделями и месяцами. Значит, дело не в климате, а в политических и военно-стратегических просчетах фашистской верхушки.

Другие генералы, буржуазные историки винят во всем грязь и распутицу. Эта версия тоже не нова. Наполеон, загубивший свою 800-тысячную армию, тоже ссылался на русский климат.

Но я видел своими глазами, как в ту же самую распутицу и грязь тысячи и тысячи москвичей, главным образом женщины, не приспособленных, вообще-то говоря, к тяжелым саперным работам, покинув свои уютные городские квартиры, копали противотанковые рвы, траншеи, устанавливали надолбы, сооружали заграждения, таскали мешки с песком. Грязь прилипала к их ногам, к колесам тачек, на которых они возили землю, неизменно утяжеляя и без того неподручную для женских рук лопату.

Могу еще добавить для тех, кто склонен непогодой маскировать истинные причины поражения под Москвой, что в ок-

¹ Ф. Мелентин. Танковые сражения 1939—1945 гг., М., 1957, стр. 140.

тябре 1941 года распутица была сравнительно кратковременной. В первых числах ноября наступило похолодание, выпал снег, местность и дороги стали всюду проходимыми. В ноябрьские дни «генерального наступления» гитлеровских войск температура в районе боевых действий на московском направлении установилась от 7 до 10 градусов мороза, а при такой погоде, как известно, грязи не бывает.

Нет! Не дождь и снег остановили фашистские войска под Москвой. Более чем миллионная группировка отборных гитлеровских войск разбилась о железную стойкость, мужество и героизм советских войск, за спиной которых был их народ, столица, Родина.

Что касается временного отказа от наступления на Москву и поворота части сил на Украину, то можно сказать, что без осуществления этой операции положение центральной группировки немецких войск могло оказаться еще хуже, чем это имело место в действительности. Ведь резервы Ставки, которые в сентябре были обращены на заполнение образовавшихся брешей на юго-западном направлении, в декабре — при контрнаступлении, могли быть использованы для мощного удара во фланг и тыл группы армий «Центр» при ее наступлении на Москву.

Взбешенный провалом второго этапа наступления на Москву, срывом своего плана молниеносной войны, Гитлер нашел «козла отпущения» и отстранил от должности главнокомандующего сухопутными войсками генерал-фельдмаршала Браухича, командующего группой армий «Центр» генерал-фельдмаршала фон Бока, командующего 2-й танковой армией генерала Гудериана и десятки других генералов, которых он за полтора-два месяца до этого щедро награждал крестами. Гитлер объявил себя главнокомандующим сухопутными войсками, видимо, считая, что это магически подействует на войска.

11 декабря 1941 года гитлеровское правительство объявило войну США. Этим актом Гитлер, видимо, преследовал две цели. Во-первых, он хотел показать, что Германия, несмотря на потери, все еще настолько сильна, что способна вести войну не только с Советским Союзом и Англией, но и с США. Во-вторых, он хотел скорее толкнуть Японию против Соединенных Штатов, чтобы исключить участие США в войне против Германии в Европе. Когда И. В. Сталин узнал об этом, он рассмеялся:

— Интересно, какими силами и средствами гитлеровская Германия собирается воевать с США? Для такой войны она не имеет ни авиации дальнего действия, ни соответствующих морских сил.

Меня не раз спрашивали: как удалось советским войскам разгромить сильнейшую немецко-фашистскую группировку под Москвой и отбросить ее остатки на запад?

О разгроме немцев под Москвой написано много и в основном, на мой взгляд, правильно. Однако, как бывшему командующему Западным фронтом, мне хочется высказать свое мнение по этому вопросу.

Как известно, предпринимая операцию на московском направлении под кодовым наименованием «Тайфун», немецко-фашистское командование рассчитывало разгромить советские войска на вяземско-московском и брянско-московском направлениях и, обойдя Москву с севера и юга, овладеть ею в возможно короткий срок. Противник намеревался достичь этой стратегической цели последовательно, методом двойного охвата. Первое окружение и разгром советских войск планировалось провести в районах Брянска и Вязьмы. Второе окружение и захват столицы замыслилось осуществить путем глубокого обхода бронетанковыми войсками города с северо-запада через Клин и Калинин и с юга через Тулу и Каширу, с тем чтобы замкнуть клещи стратегического окружения в районе Ногинска.

Однако, планируя такую сложную стратегическую операцию, гитлеровское верховное командование допустило крупную ошибку в расчете сил и средств. Оно серьезно недооценило возможности Красной Армии и явно переоценило возможности своих войск.

Тех сил, которые сосредоточило немецко-фашистское командование, хватило лишь на то, чтобы прорвать нашу оборону в районах Вязьмы и Брянска и оттеснить войска Западного и Калининского фронтов на линию Калинин — Яхрома — Красная Поляна — Крюково — реки Нара и Ока — Тула — Кашира.

В результате, достигнув в начале октября своей ближайшей цели, противник не смог осуществить второй этап операции «Тайфун».

При создании ударных группировок для проведения его были также допущены крупные просчеты. Фланговые группировки противника, особенно те, которые действовали в районе Тулы, были слабы и имели в своем составе недостаточно общевойсковых соединений. Ставка на бронетанковые соединения в тех условиях себя не оправдала. Эти части понесли большие потери и утратили пробивную силу. Германское командование не сумело одновременно нанести удар в центре Западного фронта, хотя здесь у него сил было достаточно. Это дало нам возмож-

ность свободно перебрасывать резервы, включая и дивизионные, с пассивных участков, из центра к флангам и направлять их против ударных группировок врага.

В некоторых военно-исторических работах утверждается, что в цикл операций битвы под Москвой не входят октябрьские сражения Западного, Резервного и Брянского фронтов; что противник якобы сначала полностью был остановлен на Можайской линии обороны, а затем гитлеровскому командованию будто бы пришлось готовить новую «генеральную наступательную операцию».

Все, что говорилось выше о крахе операции «Тайфун», опровергает подобное утверждение. Ссылка на то, что гитлеровцам в ноябре пришлось произвести значительное пополнение войск, материальных средств и некоторую перегруппировку танковых соединений на своем левом крыле, также не является убедительной. Ведь известно, что эти мероприятия проводятся обычно в каждой стратегической наступательной операции, а потому и не могут служить фактором, определяющим ее начало и конец.

Главное состоит в том, что в начале ноября нам удалось своевременно установить сосредоточение ударных группировок противника на флангах нашего фронта обороны. В результате было правильно определено направление главных ударов врага. Ударному кулаку противника мы противопоставили глубоко эшелонированную оборону, оснащенную достаточным количеством противотанковых и инженерных средств. Здесь же, на самых опасных направлениях, сосредоточились все наши основные танковые части.

Коммуникации врага, протянувшиеся более чем на тысячу километров, находились под постоянными ударами партизанских отрядов, которые своими героическими действиями регулярно нарушали снабжение войск противника, работу его органов управления.

Большие потери гитлеровских войск, затяжной характер, который приняла операция «Тайфун», ожесточенное сопротивление советских воинов — все это резко отразилось на боеспособности немецко-фашистских войск, породило в их рядах растерянность и неверие в успех.

Советские войска в ходе битвы под Москвой тоже понесли большие потери, но они сохранили до конца оборонительных сражений боеспособность и непоколебимую веру в победу. Самое трудное время осталось позади.

Красная Армия сорвала гитлеровский план, рассчитанный на

захват Ленинграда и соединение немецко-фашистских войск с финскими вооруженными силами. Перейдя в контрнаступление в районе Тихвина, она разгромила противника и заняла город. Войска Южного фронта в это же время тоже перешли в контрнаступление и заняли Ростов-на-Дону.

В этих условиях готовилось контрнаступление под Москвой. Сама идея его возникла еще в ноябре. В ходе оборонительных сражений она окончательно сложилась, стала важнейшим и постоянным элементом замыслов и расчетов Ставки Советского Верховного Главнокомандования.

Чрезвычайная сложность обстановки того времени и невозможность создать более благоприятные условия для организации и подготовки контрнаступления вынуждали нас готовить его в ходе тяжелых оборонительных сражений, и методы его проведения окончательно определились, когда по всем признакам гитлеровские войска уже не могли выдерживать наши контрудары. Воодушевленные успехами, достигнутыми в оборонительных боях, наши войска перешли в контрнаступление без какой-либо паузы.

29 ноября я позвонил Верховному Главнокомандующему и, доложив обстановку, просил его дать приказ о начале контрнаступления.

И. В. Сталин слушал внимательно, а затем спросил:

— А вы уверены, что противник подошел к кризисному состоянию и не имеет возможности ввести в дело какую-нибудь новую крупную группировку?

— Противник истощен. Но если мы сейчас не ликвидируем опасные вражеские вклинения, немцы смогут подкрепить свои войска в районе Москвы крупными резервами за счет северной и южной группировок своих войск, и тогда положение может серьезно осложниться.

И. В. Сталин сказал, что он посоветуется с Генштабом.

Я попросил начальника штаба фронта В. Д. Соколовского, который также считал, что пора вводить в действие наши резервные армии, связаться с Генштабом и поддержать наше предложение о целесообразности начала незамедлительного контрнаступления.

Поздно вечером 29 ноября нам сообщили, что Ставка приняла решение о начале контрнаступления и предлагает представить наш план контрнаступательной операции. Утром 30 ноября мы представили Ставке соображения Военного совета фронта по плану контрнаступления, исполненному графически на карте с самыми необходимыми пояснениями. Подробностей от

нас не требовалось, поскольку все основное было заранее оговорено лично с И. В. Сталиным, Б. М. Шапошниковым и А. М. Василевским. Я направил с планом только коротенькую записку Александру Михайловичу Василевскому: «Прошу срочно доложить народному комиссару обороны т. Сталину план контрнаступления Западного фронта и дать директиву, чтобы можно было приступить к операции, иначе можно запоздать с подготовкой».

Объяснительная записка к плану-карте прежде всего показывала, что по условиям обстановки какого-то одновременного перехода армий фронта в контрнаступление не будет. Сроки наступления были оговорены следующие:

«1. Начало наступления, исходя из сроков выгрузки и сосредоточения войск и их довооружения, установить для 1-й ударной, 20-й и 16-й армий и армии Голикова с утра 3—4 декабря, для 30-й армии — 5—6 декабря».

Оговорив в следующем пункте записки, что состав армий находится в строгом соответствии с директивами Ставки, мы указали на задачи Западного фронта:

«... — Ближайшая задача: ударом на Клин, Солнечногорск и в истринском направлении разбить основную группировку противника на правом крыле и ударом на Узловая и Богородицк во фланг и тыл группе Гудериана разбить противника на левом крыле фронта армий Западного фронта.

— Дабы сковать силы противника на остальном фронте и лишить его возможности переброски войск, 5, 33, 43, 49-я и 50-я армии фронта 4—5 декабря переходят в наступление с ограниченными задачами.

— Главная группировка авиации (три четверти) будет направлена на взаимодействие с правой ударной группировкой и остальная часть с левой — армией генерал-лейтенанта Голикова»¹.

На этом плане И. В. Сталин коротко написал: «Согласен» и поставил подпись.

Что касается задач, поставленных войскам армий, входящих в состав Западного фронта, то они были следующие:

1-я ударная армия под командованием генерал-лейтенанта В. И. Кузнецова должна развернуться всеми своими силами в районе Дмитров — Яхромы и нанести удар во взаимодействии с 30-й и 20-й армиями в направлении на Клин и далее в общем направлении на Теряеву Слободу;

¹ Архив МО СССР, ф. 16-А, оп. 947, д. 36, лл. 70—72.

20-я армия из района Красная Поляна — Белый Раст, взаимодействуя с 1-й ударной и 16-й армиями, наносит удар в общем направлении на Солнечногорск, охватывая его с юга, и далее на Волоколамск; кроме того, 16-я армия своим правым флангом наступает на Крюково и далее в зависимости от обстановки;

10-я армия, взаимодействуя с войсками 50-й армии, наносит удар в направлении Сталиногорск — Богородицк и далее продолжает наступление южнее реки Упы.

Таким образом, выполнив ближайшую задачу контрнаступления на флангах Западного фронта, мы смогли бы разгромить ударные группировки группы армий «Центр» и устранить непосредственную угрозу Москве. Для постановки войскам фронта более далеких и решительных целей у нас тогда еще не было сил. Мы стремились только отбросить врага как можно дальше от Москвы и нанести ему возможно большие потери.

Несмотря на передачу нам дополнительно трех армий, Западный фронт не имел численного превосходства над противником (кроме авиации). В танках и артиллерии превосходство было на стороне врага. Это обстоятельство явилось главной особенностью контрнаступления наших войск под Москвой.

В ночь на 1 декабря 1941 г. после всестороннего анализа хода и результатов боев на Калининском фронте Ставка пришла к выводу, что метод частных атак, предпринятых этим фронтом на различных направлениях 27—29 ноября, неэффективен в данной конкретной обстановке.

Ставка приказала Калининскому фронту сосредоточить в течение ближайших двух-трех дней ударную группировку в составе не менее пяти-шести дивизий и нанести удар на Тургиново для выхода в тыл клинковой группировки противника и тем самым содействовать войскам Западного фронта в ее уничтожении.

Командующий фронтом генерал И. С. Конев, получив приказ Ставки, доложил, что выполнить его не может из-за нехватки сил и отсутствия танков. Он предложил вместо глубокого и достаточно мощного удара, намеченного Верховным Главнокомандованием, провести частную операцию по овладению Калининском.

Ставка совершенно справедливо заметила, что предложения командующего Калининским фронтом не только не соответствуют, а прямо противоречат общей цели — решительному контрнаступлению под Москвой.

И. В. Сталин поручил заместителю начальника Генштаба генералу А. М. Василевскому, подписавшему вместе с ним упомянутую выше директиву о создании ударной группировки

Калининского фронта, переговорить с генералом И. С. Коневым, разъяснить его ошибку и суть дела. Александр Михайлович прекрасно выполнил это поручение. Опираясь на детальное знание оперативной обстановки на фронте, его состава и возможностей, он сообщил 1 декабря И. С. Коневу по «Бодо»:

«Сорвать наступление немцев на Москву и тем самым не только спасти Москву, но и положить начало серьезному разгрому противника можно лишь активными действиями, с решительной целью. Если мы этого не сделаем в ближайшие дни, то будет поздно. Калининский фронт, занимая исключительно выгодное оперативное положение для этой цели, не может быть в стороне от этого. Вы обязаны собрать буквально все для того, чтобы ударить по врагу, а он против вас слаб. И, поверьте, успех будет обеспечен»¹.

Затем А. М. Василевский подробно разобрал силы фронта, посоветовал, откуда снять дивизии, как усилить их артиллерией из ресурсов фронта.

«Дорог буквально каждый час, а поэтому надо принять все меры к тому, чтобы начать операцию не позднее утра четвертого», — подчеркнул он.

Командующему фронтом осталось только признать справедливость расчета Ставки и дать заверение, что он соберет все для удара:

«Иду на риск», — заметил И. С. Конев все же в заключение.

Поздно вечером 4 декабря мне позвонил Верховный Главнокомандующий и спросил:

— Чем еще помочь фронту, кроме того, что уже дано?

Я ответил, что необходимо получить поддержку авиации резерва Главнокомандования и ПВО страны, и снова попросил хотя бы две сотни танков: без них фронт не может быстро развить контрнаступление.

— Танков пока нет, дать не можем, — опять, как и в наш предыдущий разговор, сказал И. В. Сталин, — авиация будет. Договоритесь с Генштабом. Я сейчас туда позвоню. Мы дали указание 5 декабря перейти в наступление Калининскому фронту, а 6 декабря оперативной группе правого крыла Юго-Западного фронта в районе Ельца.

Из Генштаба уточнили:

— Для содействия контрнаступлению Западного фронта привлекаются войска Калининского фронта. Задача их заключается в том, чтобы ударом в юго-западном направлении выйти на тылы Калпско-Солнечногорской группировки противника

¹ Архив МО СССР, ф. 96-А, оп. 2011, д. 5, лл. 185—190.

и тем самым содействовать ее уничтожению войсками Западного фронта.

Нанесение удара Юго-Западным фронтом по Елецкой группировке противника должно было способствовать Западному фронту в разгроме вражеских войск юго-западнее Москвы.

Выпавший в первых числах декабря глубокий снег несколько затруднил сосредоточение, перегруппировку и выход войск в исходные районы для подготавливавшейся операции. Но преодолев эти трудности, все рода войск к утру 6 декабря были готовы к переходу в контрнаступление.

Наступило утро 6 декабря 1941 года. Войска Западного фронта севернее и южнее столицы начали контрнаступление. Под Калинином и под Ельцом двинулись вперед соседние фронты. Развернулось грандиозное сражение.

В первый день наступления войска Калининского фронта вклинились в передний край обороны противника, но опрокинуть врага не смогли. Лишь после десятидневных упорных боев и изменения тактики наступления войска фронта начали продвигаться вперед. Это произошло после того, как правое крыло Западного фронта разгромило немецкую группировку в районе Рогачево — Солнечногорск и обошло Клин.

13 декабря 30-я армия под командованием Д. Д. Лелюшенко и часть сил 1-й ударной армии Западного фронта подошли к Клину. Охватив город со всех сторон, советские войска ворвались в него и после ожесточенных боев в ночь на 15 декабря очистили Клин от противника.

Успешно развивали наступательные действия 20-я и 16-я армии. К исходу дня 9 декабря, преодолев упорное сопротивление противника, 20-я армия подошла к Солнечногорску и 12 декабря выбила противника из города. 16-я армия, освободив 8 декабря Крюково, развивала наступление к Истринскому водохранилищу.

Продвигались вперед и войска правого крыла 5-й армии, которой командовал генерал Л. А. Говоров. Продвижение этой армии во многом способствовало успеху 16-й армии.

После того как Клин был нами освобожден, туда прибыл министр иностранных дел Великобритании А. Иден.

В конце декабря мы прочли в «Правде» заявление А. Идена, сделанное им по возвращении в Лондон. Делясь впечатлениями о поездке в СССР, он сказал: «Я был счастлив увидеть некоторые из подвигов русских армий, подвигов поистине великих».

Большой утратой для нас явилась гибель 19 декабря в рай-

оне деревни Палашкино (в 12 километрах северо-западнее Рузы) командира 2-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-майора Л. М. Доватора и командира 20-й кавалерийской дивизии подполковника М. П. Тавлиева. По представлению Военного совета фронта Л. М. Доватору посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Контрнаступательные действия правого крыла Западного фронта шли непрерывно. Их активно поддерживала авиация фронта, авиация ПВО страны и авиация дальнего действия, которой командовал генерал А. Е. Голованов. Авиация наносила мощные удары по артиллерийским позициям, танковым частям, командным пунктам, а когда началось отступление гитлеровских войск, штурмовала и бомбила пехотные, бронетанковые и автотранспортные колонны. В результате все дороги на запад после отхода войск противника были забиты его разбитой боевой техникой и автомашинами.

В тыл противника командование фронта направляло лыжные части, конницу и воздушнодесантные войска, которые громили отходившего врага. Согласовывая свои действия с Военными советами фронтов, развернули борьбу с врагом партизаны. Их действия серьезно осложнили обстановку для немцев.

На левом крыле фронта еще 3 декабря войска 50-й армии и кавалерийский корпус генерала П. А. Белова приступили к разгрому 2-й танковой армии Гудермана в районе Тулы. 3, 17-я танковые и 29-я моторизованная дивизии фашистской армии, оставив на поле боя до 70 танков, начали поспешно откатываться на Венёв.

10-я армия вступила в сражение в декабре в районе Михайлова, где противник пытался удержать оборону, с тем чтобы прикрыть фланг своей отходившей 2-й танковой армией. 8 декабря из района Тулы перешли в наступление и остальные войска 50-й армии, угрожая отрезать пути отхода противника из Венёва и Михайлова.

Действия 10-й и 50-й армий, а также удары кавалерийского корпуса генерала П. А. Белова непрерывно поддерживала авиация фронта и Ставки.

Армия Гудермана, глубоко охваченная с флангов и не имевшая сил парировать контрнаступательные удары Западного фронта и оперативной группы Юго-Западного фронта, начала поспешно отходить в общем направлении на Узловую, Богородицк и далее на Сухиничи, бросая тяжелое оружие, автомашины, тягачи и танки.

В ходе десятидневных боев войска левого крыла Западного фронта нанесли серьезное поражение 2-й танковой армии Гудериана и продвинулись вперед на 130 километров.

Левее Западного фронта успешно продвигались вперед соединения восстановленного Брянского фронта. С выходом войск на линию Орешки — Старица — реки Лама и Руза — Малоярославец — Тихонова Пустынь — Калуга — Мосальск — Сухиничи — Белев — Мценск — Новосиль закончился первый этап контрнаступления советских войск под Москвой.

Была наконец ликвидирована угроза городу Туле. В контрнаступлении основную роль здесь сыграли танковая дивизия А. Л. Гетмана и кавкорпус П. А. Белова. Подвижная оперативная группа 50-й армии, действовавшая под командованием генерал-лейтенанта В. С. Попова, нанесла решающий удар противнику при освобождении города Калуги.

Гитлеровские армии, обессиленные, измотанные боями, несли большие потери и под напором наших войск отступали на запад. Для западного направления (Западного, Калининского и Брянского фронтов), как нам казалось, последующий этап контрнаступления должен был состоять в том, чтобы, получив усиление соответствующими силами и средствами, продолжить его вплоть до полного завершения. Имелось в виду восстановить то положение, которое эти фронты занимали до начала наступательной операции немецко-фашистских войск.

Если бы тогда Ставка могла нам дать хотя бы четыре армии на усиление (по одной для Калининского и Брянского фронтов и две для Западного фронта), мы получили бы реальную возможность нанести врагу более сильный удар и еще дальше отбросить его от Москвы, а возможно, даже выйти на линию Витебск — Смоленск — Брянск.

Успех контрнаступления советских войск в декабре на центральном стратегическом направлении имел огромное значение. Ударные группировки немецкой группы армий «Центр» потерпели тяжелое поражение и отступили.

Однако в целом враг был еще силен. На центральном участке нашего стратегического фронта противник оказывал ожесточенное сопротивление. Начавшиеся успешно наши наступательные операции под Ростовом и Тихвином, не получив должного завершения, приняли затяжной характер.

Но в связи с разгромом немецко-фашистских войск под Москвой и успехами, достигнутыми в ходе контрнаступления, Верховный был настроен оптимистически. Он считал, что и на других фронтах немцы не выдержат ударов Красной Армии,

стоит только умело организовать прорыв их обороны. Отсюда появилась у него идея начать как можно быстрее общее наступление на всех фронтах, от Ладожского озера до Черного моря.

Вечером 5 января 1942 года, как член Ставки, я был вызван к Верховному Главнокомандующему для обсуждения проекта плана общего наступления Красной Армии.

После информации Б. М. Шапошникова о положении на фронтах и изложения им проекта плана И. В. Сталин сказал:

— Немцы в растерянности от поражения под Москвой, они плохо подготовились к зиме. Сейчас самый подходящий момент для перехода в общее наступление. Враг рассчитывает задержать наше наступление до весны, чтобы весной, собрав силы, вновь перейти к активным действиям. Он хочет выиграть время и получить передышку.

Никто из присутствовавших, как мне помнится, против этого не возразил, и И. В. Сталин развивал свою мысль далее.

— Наша задача состоит в том, — рассуждал он, прохаживаясь по своему обыкновению вдоль кабинета, — чтобы не дать немцам этой передышки, гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы еще до весны...

На словах «до весны» он сделал акцент, немного задержался и затем разъяснил:

— Когда у нас будут новые резервы, а у немцев не будет больше резервов...

Изложив свое понимание возможной перспективы войны, Верховный перешел к практическим действиям отдельных фронтов.

Замысел Верховного Главнокомандования был таков. Учитывая успешный ход контрнаступления войск западного направления, целью общего наступления поставить разгром противника на всех фронтах.

Главный удар планировалось нанести по группе армий «Центр». Ее разгром предполагалось осуществить силами левого крыла Северо-Западного, Калининского и Западного фронтов путем двустороннего охвата с последующим окружением и уничтожением главных сил в районе Ржева, Вязьмы и Смоленска.

Перед войсками Ленинградского, Волховского фронтов, правого крыла Северо-Западного фронта ставилась задача разгромить группу армий «Север».

Войска Юго-Западного и Южного фронтов должны были нанести поражение группе армий «Юг» и освободить Донбасс, а Кавказский фронт и Черноморский флот — освободить Крым.

Переход в общее наступление предполагалось осуществить в крайне сжатые сроки.

Изложив этот проект, И. В. Сталин предложил высказаться присутствовавшим.

— На западном направлении, — доложил я, — где создались более благоприятные условия и противник еще не успел восстановить боеспособность своих частей, надо продолжать наступление. Но для успешного исхода дела необходимо пополнить войска личным составом, боевой техникой и усилить резервами, в первую очередь танковыми частями. Если мы это пополнение не получим, наступление не может быть успешным.

Что касается наступления наших войск под Ленинградом и на юго-западном направлении, то там наши войска стоят перед серьезной обороной противника. Без наличия мощных артиллерийских средств они не смогут прорвать оборону, сами измотаются и понесут большие, ничем не оправданные потери. Я за то, чтобы усилить фронты западного направления и здесь вести более мощное наступление.

— Мы сейчас еще не располагаем материальными возможностями, достаточными для того, чтобы обеспечить одновременное наступление всех фронтов, — поддержал меня Н. А. Вознесенский.

— Я говорил с Тимошенко, — сказал И. В. Сталин. — Он за то, чтобы действовать и на юго-западном направлении. Надо быстрее перемалывать немцев, чтобы они не смогли наступать весной. Кто еще хотел бы высказаться?

Ответа не последовало. Обсуждение предложений Верховного так и не состоялось.

Выйдя из кабинета, Б. М. Шапошников сказал:

— Вы зря спорили: этот вопрос был заранее решен Верховным.

— Тогда зачем же спрашивали наше мнение?

— Не знаю, не знаю, голубчик! — ответил Борис Михайлович, тяжело вздохнув.

Директиву о наступлении штаб Западного фронта получил 7 января 1942 года. Во исполнение этой директивы Военный совет поставил войскам фронта следующие дополнительные задачи на продолжение контрнаступления:

— правому крылу фронта (1-й ударной, 20-й и 16-й армиям) продолжать наступление в общем направлении на Сычевку и во взаимодействии с Калининским фронтом разгромить сычевско-ржевскую группировку;

— центру фронта (5-й и 33-й армиям) наступать в общем

направлении на Можайск — Гжатск; 43, 49-й и 50-й армиям нанести удар на Юхнов, разгромить юхново-кондровскую группировку противника и развивать удар на Вязьму;

— усиленному кавалерийскому корпусу генерала П. А. Белова выйти в район Вязьмы навстречу 11-му кавалерийскому корпусу генерал-майора С. В. Соколова, действующему в составе Калининского фронта, для совместного удара по вяземской группировке противника (в этот период в районе Вязьмы активно действовали крупные партизанские отряды);

— 10-й армии наступать на Киров и прикрывать левый фланг фронта.

Сосед справа — Калининский фронт, как мы уже сказали выше, имел задачу наступать в общем направлении на Сычевку, Вязьму и частью сил в обход Ржева; его 22-я армия должна была развивать удар на Белый.

Северо-Западный фронт должен был вести наступление в двух расходящихся направлениях. Его 3-я ударная армия под командованием генерал-лейтенанта М. А. Пуркаева наступала в общем направлении на Великие Луки; 4-я ударная армия, которой командовал генерал-полковник А. И. Еременко, развертывала наступление на Торопец — Велиж.

Армиям правого крыла Юго-Западного и Брянского фронтов ставилась задача сковать противостоящего врага и не допустить переброски его сил на центральное направление и в Донбасс.

Войскам юго-западного направления надлежало овладеть Харьковом и захватить плацдармы в районах Днепропетровска и Запорожья.

План был большой. К сожалению, на ряде направлений, в том числе и на главном, западном, он не был обеспечен достаточными силами и средствами. Это обстоятельство, конечно, было хорошо известно Верховному. Однако он верил, что и при имеющихся у фронтов возможностях нам удастся сокрушить оборону немецко-фашистских войск, если строго руководствоваться принципом массирования сил в ударные группировки и умело проводить артиллерийское наступление.

10 января командующие фронтами и командармы получили Директивное письмо Ставки Верховного Главнокомандования, где имелась оценка военного положения в духе выступления И. В. Сталина на упомянутом заседании от 5 января 1942 года и давались практические указания фронтам для действий ударными группами и организации артиллерийского наступления.

Позволю себе привести наиболее важные отрывки из этого Директивного письма:

«Для того, чтобы добиться успехов в 1942 г., необходимо, чтобы наши войска научились взламывать оборонительную линию противника, научились организовывать прорыв обороны противника на всю ее глубину и тем открыли дорогу для продвижения нашей пехоты, наших танков, нашей кавалерии. У немцев имеется не одна оборонительная линия, — они строят и будут иметь скоро вторую и третью оборонительные линии. Если наши войска не научатся быстро и основательно взламывать и прорывать оборонительную линию противника, наше продвижение вперед станет невозможным...»¹

Затем были изложены два условия, которые, как считал И. В. Сталин, необходимо соблюдать, чтобы иметь боевые успехи.

Первое — это действия ударными группами. «...Наши войска наступают обычно отдельными дивизиями или бригадами, расположенными по фронту в виде цепочки. Понятно, что такая организация наступления не может дать эффекта, так как не дает нам перевеса сил на каком-либо участке. Такое наступление обречено на провал. Наступление может дать должный эффект лишь в том случае, если мы создадим на одном из участков фронта большой перевес сил над силами противника. А для этого необходимо, чтобы в каждой армии, ставящей себе задачу прорыва обороны противника, была создана ударная группа в виде трех или четырех дивизий, сосредоточенных для удара на определенном участке фронта. В этом первейшая задача командования армии, ибо только таким образом можно обеспечить решительный перевес сил и успех прорыва обороны противника на определенном участке фронта...»²

После этого следовало второе указание по поводу «артиллерийского наступления».

«...У нас нередко бросают пехоту в наступление против оборонительной линии противника без артиллерии, без какой-либо поддержки со стороны артиллерии, а потом жалуются, что пехота не идет против обороняющегося и окопавшегося противника. Понятно, что такое «наступление» не может дать желательного эффекта. Это не наступление, а преступление, — преступление против Родины, против войск, вынужденных нести бессмысленные жертвы...»

¹ Архив МО СССР, ф. 132-А, оп. 2642, д. 41, лл. 75—81.

² Там же.

Это означает, во-первых, что артиллерия не может ограничиваться разовыми действиями в течение часа или двух часов перед наступлением, а должна наступать вместе с пехотой, должна вести огонь при небольших перерывах за все время наступления, пока не будет взломана оборонительная линия противника на всю ее глубину.

Это означает, во-вторых, что пехота должна наступать не после прекращения артиллерийского огня, как это имеет место при так пазываемой «артиллерийской подготовке», а вместе с наступлением артиллерией, под гром артиллерийского огня, под звуки артиллерийской музыки.

Это означает, в-третьих, что артиллерия должна действовать не вразброс, а сосредоточенно, и она должна быть сосредоточена не в любом месте фронта, а в районе действия ударной группы армии, фронта, и только в этом районе, ибо без этого условия немыслимо артиллерийское наступление»¹.

Указания Директивного письма Ставки были приняты к безусловному исполнению. Однако я позволю себе еще раз сказать, что зимой 1942 года мы не имели реальных сил и средств, чтобы воплотить в жизнь все эти правильные с общей точки зрения идеи о широком наступлении. А не имея сил, войска не могли создавать необходимые ударные группировки и проводить артиллерийское наступление столь эффективно, чтобы разгромить в 1942 году такого мощного и опытного врага, как гитлеровский вермахт.

Жизнь это подтвердила. Только продвижение войск Северо-Западного фронта развивалось успешно, так как здесь не было сплошной линии обороны противника.

В начале февраля 1942 года 3-я и 4-я ударные армии этого фронта, пройдя около 250 километров, вышли на подступы к Великим Лукам, Демидову и Велижу. 22-я армия Калининского фронта в это время вела бои за город Белый, а 11-й кавалерийский корпус выходил в район северо-западнее Вязьмы, 39-я и 29-я армии Калининского фронта медленно продвигались западнее Ржева. Войска левого крыла Калининского фронта успеха не имели, так как перед ними была сильная оборона.

Общий характер действий противника в этот период определялся приказом Гитлера от 3 января 1942 года, в котором, в частности, говорилось: «Цепляться за каждый населенный пункт, не отступать ни на шаг, обороняться до последнего пат-

¹ Архив МО СССР, ф. 132-А, оп. 2642, д. 41, лл. 75—81.

рона, до последней гранаты — вот что требует от нас текущий момент».

«Господа командиры! — писал в приказе командир 23-й немецкой пехотной дивизии. — Общая обстановка военных действий властно требует остановить быстрое отступление наших частей на рубеже реки Ламы и занять дивизией упорную оборону. Позиция на реке Ламе должна защищаться до последнего человека. Вопрос поставлен о нашей жизни и смерти...»

На что рассчитывало гитлеровское командование, требуя от своих войск решительной остановки на рубеже Ламы?

Оно исходило из того, что там находились построенные советскими войсками еще в октябре-ноябре оборонительные позиции, на которых можно было временно закрепиться. Эти позиции располагались по обоим берегам реки Ламы с севера на юг и далее соединялись с позициями на реках Рузе и Наре.

К середине декабря 1941 года, подбрасывая из глубины всякого рода сборные, запасные и вновь подвезенные с оккупированных территорий дивизии, противник сумел дооборудовать эти позиции к обороне. Поэтому ко времени описываемых событий эти оборонительные рубежи смогли быть частично заняты отступающими немецкими войсками.

Позволю себе коротко напомнить читателю ход наступления советских войск под Москвой в начале 1942 г.

10 января 1942 года войска нашего Западного фронта (20-я, часть сил 1-й ударной армии, 2-й гвардейский кавалерийский корпус И. А. Плиева, 22-я танковая бригада, пять лыжных батальонов) после полуторачасовой артиллерийской подготовки начали наступление с целью прорыва фронта в районе Волоколамска. В результате упорных двухдневных боев удалось взломать оборону противника. В прорыв был введен кавалерийский корпус генерал-майора И. А. Плиева с пятью лыжными батальонами и 22-й танковой бригадой.

16 и 17 января войска правого крыла фронта при содействии партизанских отрядов заняли Лотошино, Шаховскую и перерезали железную дорогу Москва — Ржев. Казалось бы, именно здесь следовало парировать силы для развития успеха. Но произошло иначе.

19 января поступил приказ Верховного Главнокомандующего вывести из боя 1-ю ударную армию в резерв Ставки. Мы с В. Д. Соколовским обратились в Генштаб с просьбой оставить у нас 1-ю ударную армию. Ответ был один — таков приказ Верховного.

Звоню лично И. В. Сталину.

Объясняя, что вывод этой армии приведет к ослаблению ударной группировки.

В ответ слышу:

— Выводите без всяких разговоров! У вас войск много, посчитайте, сколько у вас армий.

Пробую возразить:

— Товарищ Верховный Главнокомандующий, фронт у нас очень широк, на всех направлениях идут ожесточенные бои, исключающие возможность перегруппировок. Прошу до завершения начатого наступления не выводить 1-ю ударную армию из состава правого крыла Западного фронта, не ослаблять на этом участке нажим на врага.

Вместо ответа И. В. Сталин бросил трубку. Переговоры с Б. М. Шапошниковым по этому поводу также ни к чему не привели.

— Голубчик, — сказал Б. М. Шапошников, — ничего не могу сделать, это личное решение Верховного.

Пришлось растянуть на широком фронте 20-ю армию. Ослабленные войска правого крыла фронта, подойдя к Гжатску, были остановлены обороной противника и продвинуться дальше не смогли.

5-я и 33-я армии, наступавшие в центре фронта, к 20 января освободили Рузу, Дорохово, Можайск, Верею. 43-я и 49-я армии вышли в район Доманова и завязали бой с юхновской группировкой противника.

Здесь я хочу более подробно остановиться на действиях наших войск в районе Вязьмы. В сорока километрах южнее Вязьмы (район Желанье) с 18 по 22 января для перехвата тыловых путей противника были выброшены два батальона 201-й воздушнодесантной бригады и 250-й авиадесантный полк. 33-й армии генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова было приказано развивать прорыв и, во взаимодействии с 1-м гвардейским кавалерийским корпусом П. А. Белова, авиадесантом, партизанскими отрядами и 11-м кавалерийским корпусом Калининского фронта, овладеть Вязьмой.

27 января корпус генерала П. А. Белова прорвался через Варшавское шоссе в 35 километрах юго-западнее Юхнова и через три дня соединился с десантниками и партизанскими отрядами южнее Вязьмы. 1 февраля туда же вышли три стрелковые дивизии 33-й армии (113, 338-я и 160-я) под личным командованием генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова и завязали бой на подступах к Вязьме. Для усиления 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерала П. А. Белова и установления взаи-

модействия с 11-м кавалерийским корпусом Калининского фронта Ставка приказала выбросить в район Озеречни 4-й воздушно-десантный корпус. Но из-за отсутствия транспортной авиации в дело была введена одна 8-я воздушнодесантная бригада в составе двух тысяч человек.

Развивая наступление из района Наро-Фоминска в общем направлении на Вязьму, 33-я армия в последний день января быстро вышла в район Шанского Завода и Доманова, где оказалась широкая, ничем не заполненная брешь в оборове противника. Отсутствие сплошного фронта дало нам основание считать, что у немцев нет на этом направлении достаточных сил, чтобы надежно оборонять город. Поэтому и было принято решение: пока противник не подтянул сюда резервы, захватить с ходу Вязьму, с падением которой вся вяземская группировка противника окажется в исключительно тяжелом положении.

Генерал-лейтенант М. Г. Ефремов решил сам встать во главе ударной группы армии и начал стремительно продвигаться на Вязьму.

3—4 февраля, когда главные силы этой группировки в составе трех дивизий вышли на подступы к Вязьме, противник, ударив под основание прорыва, отсек группу и восстановил свою оборону по реке Угре. Второй эшелон армии в это время задержался в районе Шанского Завода, а левый ее сосед — 43-я армия — в районе Медыни. Задачу, полученную от командования фронта об оказании помощи группе генерала М. Г. Ефремова, 43-я армия своевременно выполнить не смогла.

Введенный в сражение на вяземском направлении кавалерийский корпус П. А. Белова, выйдя в район Вязьмы и соединившись там с войсками М. Г. Ефремова, сам лишился тыловых путей.

К тому времени немецкое командование перебросило из Франции и с других фронтов в район Вязьмы крупные резервы и сумело стабилизировать там свою оборону, прорвать которую мы так и не смогли.

В результате пришлось всю эту группировку наших войск оставить в тылу противника в лесном районе к юго-западу от Вязьмы, где базировались многочисленные отряды партизан.

Находясь в тылу противника, корпус П. А. Белова, группа М. Г. Ефремова и воздушнодесантные части вместе с партизанами в течение двух месяцев наносили врагу чувствительные удары, истребляя его живую силу и технику.

10 февраля 8-я воздушнодесантная бригада и отряды партизан заняли район Моршаново—Дягилево, где разгромили штаб 5-й немецкой танковой дивизии, захватив при этом многочисленные трофеи. В тот же день мы поставили об этом в известность генералов П. А. Белова и М. Г. Ефремова. Им было приказано увязать свои действия с командиром этой бригады, штаб которой находился в Дягилеве.

Командование фронта, установив с П. А. Беловым и М. Г. Ефремовым радиосвязь, в пределах возможного наладило снабжение их войск по воздуху боеприпасами, медикаментами и продовольствием. Воздушным путем было вывезено большое количество раненых. В группу неоднократно вылетал начальник оперативного отдела штаба фронта генерал-майор В. С. Голушкевич, а также офицеры связи.

В начале апреля обстановка в районе Вязьмы серьезно осложнилась. Противник, сосредоточив крупные силы, начал теснить группу, стремясь к весне ликвидировать эту опасную для него «занозу». Наступившая в конце апреля оттепель до крайности сократила возможность маневра и связь группы с партизанскими районами, откуда она также получала продовольствие и фураж.

По просьбе генералов П. А. Белова и М. Г. Ефремова командование фронта разрешило им выводить войска на соединение с нашими главными силами. При этом было строго указано выходить из района Вязьмы через партизанские районы, лесами, в общем направлении на Киров, где 10-й армией будет подготовлен прорыв обороны противника, так как там она была слабее.

Кавалерийский корпус генерала П. А. Белова и воздушнодесантные части в точности выполнили приказ и, совершив большой подковообразный путь, вышли на участок 10-й армии 18 июля 1942 года. Умело обходя крупные группировки противника и уничтожая на своем пути мелкие, большинство частей вышло через прорыв, образованный 10-й армией, в расположение фронта. За время действия в тылу врага была утрачена значительная часть тяжелого оружия и боевой техники. Большинство частей все же вышло к своим войскам. Какой радостной была встреча для тех, кто вырвался из тыла врага, и тех, кто с фронта обеспечивал их выход! Бойцы и командиры не стыдились своих слез: это были слезы радости и самой крепкой в жизни солдатской дружбы.

Однако выйти удалось, к сожалению, не всем. Генерал-лейтенант М. Г. Ефремов, считая, что путь на Киров слишком

длиннен для его утомленной группы, обратился по радио непосредственно в Генштаб с просьбой разрешить ему прорваться по кратчайшему пути — через реку Угру.

Мне тут же позвонил И. В. Сталин и спросил, согласен ли я с предложением Ефремова. Я ответил категорическим отказом. Но Верховный сказал, что Ефремов опытный командарм и что надо согласиться с ним. Ставка приказала организовать встречный удар силами фронта. Такой удар был подготовлен и осуществлен 43-й армией, однако взаимодействий со стороны группы генерала М. Г. Ефремова не последовало.

Как выяснилось позже, немцы обнаружили отряд при движении к реке Угре и разбили его. Командарм М. Г. Ефремов, дравшийся как настоящий герой, был тяжело ранен и, не желая попасть в руки врага, застрелился. Так трагически закончилась жизнь талантливого и храбрейшего военачальника, вместе с которым погибла и значительная часть героических воинов его группы.

Генерал-лейтенант М. Г. Ефремов вступил в командование 33-й армией 25 октября 1941 года, когда немцы рвались к Москве. В битве за Москву войска армии под его командованием дрались мужественно и не пропустили через свои оборонительные рубежи противника. За боевую доблесть в битве под Москвой генерал М. Г. Ефремов был награжден орденом Красного Знамени.

Вместе с М. Г. Ефремовым погиб командующий артиллерией армии генерал-майор П. Н. Афросимов, способнейший артиллерист, большой души человек, и ряд других командиров и политработников, отличившихся в боях за Москву.

Критически оценивая сейчас эти события 1942 года, считаю, что нами в то время была допущена ошибка в оценке обстановки в районе Вязьмы. Мы переоценили возможности своих войск и недооценили противника. «Орешек» там оказался более крепким, чем мы предполагали...

В феврале и марте Ставка требовала усилить наступательные действия на западном направлении, но у фронтов к этому времени истощились силы и средства.

Вообще ресурсы нашей страны в то время были крайне ограничены. Потребности войск еще не могли удовлетворяться так, как этого требовали задачи и обстановка. Дело доходило до того, что каждый раз, когда нас вызывали в Ставку, мы буквально выпрашивали у Верховного Главнокомандующего противотанковые ружья, автоматы ППШ, 10—15 орудий ПТО, минимально необходимое количество снарядов и мин. Все, что

удавалось таким образом получить, тотчас же грузилось в автомашины и направлялось в наиболее нуждающиеся армии.

Особенно плохо обстояло дело с боеприпасами. Так, из запланированных на первую декаду января боеприпасов нашему Западному фронту было предоставлено: 82-миллиметровых мин — 1 процент; артиллерийских выстрелов — 20—30 процентов. А в целом за январь 50-миллиметровых мин — 2,7 процента, 120-миллиметровых мин — 36 процентов, 82-миллиметровых мин — 55 процентов, артиллерийских выстрелов — 44 процента¹. Февральский план совсем не выполнялся. Из запланированных 316 вагонов на первую декаду не было получено ни одного. Из-за отсутствия боеприпасов для реактивной артиллерии ее пришлось частично отводить в тыл².

Вероятно, трудно поверить, что нам приходилось устанавливать норму расхода... боеприпасов — 1—2 выстрела на орудие в сутки. И это, заметьте, в период наступления! В донесении Западного фронта на имя Верховного Главнокомандующего от 14 февраля 1942 года говорилось:

«Как показал опыт боев, недостаток снарядов не дает возможности проводить артиллерийское наступление. В результате система огня противника не уничтожается, и наши части, атакуя малоподавленную оборону противника, несут очень большие потери, не добившись надлежащего успеха»³.

В конце февраля — начале марта 1942 года Ставка приняла решение подкрепить силами и средствами фронты, действовавшие на западном направлении, но это уже было запоздалое решение. Противник, обеспокоенный развитием событий, значительно усилил свою вяземскую группировку и, опираясь на заранее укрепленные позиции, начал активные действия против войск Западного и Калининского фронтов.

Переутомленным и ослабленным войскам становилось все труднее преодолевать сопротивление врага. Наши неоднократные доклады и предложения о необходимости остановиться и закрепиться на достигнутых рубежах отклонялись Ставкой. Наоборот, директивой от 20 марта 1942 года Верховный вновь потребовал энергичнее продолжать выполнение ранее поставленной задачи.

В конце марта — начале апреля фронты западного направления пытались выполнить эту директиву, требовавшую разгро-

¹ Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2513, д. 204, л. 169.

² Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2513, д. 207, л. 210.

³ Там же.

мить ржевско-виземскую группировку, однако наши усилия оказались безрезультатными.

Наконец, Ставка была вынуждена принять наше предложение о переходе к обороне на линии Великие Луки — Велиж — Демидов — Белый — Духовщина — река Днепр — Нелидово — Ржев — Погорелое Городище — Гжатск — река Угра — Спас-Деменск — Киров — Людиново — Холмищи — река Ока.

За период зимнего наступления войска Западного фронта продвинулись всего лишь на 70—100 километров, однако несколько улучшили общую оперативно-стратегическую обстановку на западном направлении.

Каковы же общие итоги великой битвы под Москвой?

Немецкий генерал Вестфаль, описывая операцию «Тайфун», вынужден был признать, что «немецкая армия, ранее считавшаяся непобедимой, оказалась на грани уничтожения». Это же заявляют и другие генералы гитлеровской армии, такие, как К. Типпельскирх, Г. Блюментрит, Ф. Байерлейн, Ф. Мантейфель и многие другие.

В битве под Москвой гитлеровцы потеряли в общей сложности более полумиллиона человек, 1300 танков, 2500 орудий, более 15 тысяч машин и много другой техники. Немецкие войска были отброшены от Москвы на запад на 150—300 километров.

Контрнаступление зимой 1941/42 года проходило в сложных условиях и, что самое главное, как я уже говорил, без численного превосходства над противником. К тому же мы не имели в распоряжении фронтов полноценных танковых и механизированных соединений, а без них, как показала практика войны, проводить наступательные операции с решительными целями и большим размахом нельзя. Опережать маневр противника, быстро обходить его фланги, перерезать тыловые пути, окружать и рассекать вражеские группировки можно только с помощью мощных танковых и механизированных соединений.

Красная Армия в битве под Москвой впервые за шесть месяцев войны нанесла крупнейшее поражение главной группировке гитлеровских войск. До этого Советские Вооруженные Силы уже осуществили ряд серьезных операций, замедливших продвижение вермахта на всех трех главных направлениях его ударов. Тем не менее они по своим масштабам и результатам уступают великой битве у стен советской столицы.

Умелое ведение оборонительных сражений, удачное осу-

шествление контрударов и быстрый переход в контрнаступление обогатили советское военное искусство, показали возросшую стратегическую и оперативно-тактическую зрелость советских военачальников, рост боевого мастерства воинов всех родов войск.

Исход битвы под Москвой и зимнее наступление Красной Армии явились свидетельством того, что гитлеровские войска не в состоянии выиграть сражение, если положение на фронте осложняется.

Разгром гитлеровских войск под Москвой имел большое международное значение. Во всех странах антигитлеровской коалиции народные массы с большим энтузиазмом встретили весть об этой выдающейся победе советского оружия. С ней прогрессивное человечество связывало свои надежды на избавление от фашистского порабощения.

Неудачи немецких войск под Ленинградом, Ростовом, в районе Тихвина и битва под Москвой отрезвляюще подействовали на реакционные круги Японии и Турции, заставили их проводить более осторожную политику в отношении Советского Союза.

Немецко-фашистские войска перешли к обороне. Для восстановления их боеспособности гитлеровское военно-политическое руководство вынуждено было провести ряд тотальных мероприятий и перебросить на советско-германский фронт значительное количество частей из оккупированных стран Европы. Пришлось прибегнуть к нажиму на правительства государств — сателлитов Германии и потребовать от них отправки на советский фронт новых соединений и дополнительных материальных ресурсов, что ухудшило внутриполитическую обстановку в этих странах.

После разгрома гитлеровцев под Москвой не только рядовые немецкие солдаты, но и многие офицеры и генералы убедились в могуществе Советского государства, убедились в том, что Советские Вооруженные Силы являются непреодолимой преградой на пути к достижению поставленных гитлеровским военным руководством целей.

Мне нередко задают вопрос о роли И. В. Сталина во время битвы под Москвой.

И. В. Сталин был все это время в Москве, организуя силы и средства для разгрома врага. Надо отдать ему должное. Возглавляя Государственный Комитет Обороны и опираясь на руководящий состав наркоматов, он проделал колоссальную работу по организации необходимых стратегических резервов и

материально-технических средств для обеспечения контрнаступления под Москвой. Своей жесткой требовательностью он добивался, можно сказать, почти невозможного.

Когда меня спрашивают, что больше всего запомнилось из минувшей войны, я всегда отвечаю: битва за Москву.

В суровых, зачастую чрезвычайно сложных и трудных условиях наши войска закалялись, мужали, набирались опыта и, получив в свои руки даже минимально необходимое количество боевых и материальных средств, из отступающей, обороняющейся силы превращались в мощную наступательную силу. Благодарные потомки никогда не должны забывать огромную организаторскую работу партии, трудовые героические дела советского народа и боевые подвиги не только отдельных воинов, но и целых соединений в этот труднейший для нашей страны период.

Выражая глубокую благодарность всем участникам битвы за Москву, оставшимся в живых, я склоняю голову перед светлой памятью тех, кто стоял насмерть, но не пропустил врага к сердцу нашей Родины, ее столице, городу-герою Москве. Мы все в неоплатном долгу перед ними!

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили подвиг тех, кто в суровом 1941 году выстоял в жестокой схватке с сильным врагом и одержал историческую победу.

В период контрнаступления под Москвой и зимнего наступления Красной Армии 36 тысяч бойцов и командиров были награждены за боевые подвиги орденами и медалями. 110 особо отличившимся в боях воинам было присвоено звание Героя Советского Союза. Медали «За оборону Москвы» удостоены более миллиона человек.

В ознаменование нашей великой победы Президиум Верховного Совета СССР Указом от 8 мая 1965 г. присвоил городу Москве почетное звание «Город-герой» с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». У стен седого Кремля покоятся теперь останки Неизвестного солдата, погибшего при защите столицы. На его могильной плите начертаны слова:

«Имя твое неизвестно,
Подвиг твой бессмертен».

Вечный огонь славы героям, павшим при защите столицы, никогда не угаснет. Он будет всегда напоминать о мужестве и массовом героизме советских людей, беззаветно защищавших свою социалистическую Родину.

СУРОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ (1942 год)

В 1942 году вследствие ряда причин наша страна вновь подверглась суровым испытаниям. Но, как и в 1941 году в битве под Москвой, советский народ и его вооруженные силы, руководимые ленинской партией, мужественно преодолев трудности, сумели разгромить крупнейшую стратегическую группировку немецких войск в междуречье Дона и Волги, положив начало изгнанию немецко-фашистских войск из пределов нашей Родины.

Чтобы глубже понять происшедшие события на юге нашей страны, необходимо в кратких чертах ознакомиться с военно-политической обстановкой, сложившейся к началу лета 1942 года.

В конце весны 1942 года международное и внутреннее положение Советского Союза несколько улучшилось. Антифашистский фронт продолжал расширяться и укрепляться. В январе была подписана декларация 26 стран, в которой они согласились использовать все силы и средства для борьбы против агрессивных государств и не заключать с ними сепаратного мира или перемирия. С США и Англией была достигнута договоренность об открытии в 1942 году второго фронта в Европе. Все эти и другие обстоятельства, особенно разгром немецких войск под Москвой, срыв гитлеровских планов молниеносной войны против СССР, в значительной степени активизировали антифашистские силы во всех странах.

На советско-германском фронте наступило временное затишье. Обе стороны перешли к обороне. Войска, находившиеся на оборонительных позициях, рыли окопы, строили блиндажи, минировали подступы к переднему краю, ставили проволочные заграждения и проводили другие оборонительные работы. Командный состав и штабы наших войск отрабатывали систему огня, взаимодействие родов войск и другие вопросы.

В Ставке, Генеральном штабе и в частях подводились итоги пройденного этапа войны, критически рассматривались и осмысливались удачные и неудачные действия войск, глубже изучалось военное искусство противника, его сильные и слабые стороны.

Советский народ, воодушевленный крупной победой Красной Армии в районе Москвы, положившей начало коренному повороту в войне, успешно осуществлял перестройку народного хозяйства на военный лад. На вооружение советских войск стало поступать больше новой танковой и авиационной техники, артиллерийского, реактивного оружия и боеприпасов.

Однако после того как было завершено общее зимнее наступление, Советские Вооруженные Силы пока еще сильно уступали противнику по своей численности и по технической оснащенности. Готовых резервов и крупных материальных ресурсов у нас в то время не было. Поэтому необходимо было в тылу страны сформировать новые стратегические резервы всех родов войск. Успехи нашей танковой и артиллерийской промышленности дали возможность Верховному Главнокомандованию начать формирование танковых корпусов и танковых армий, оснащая их новейшей по тому времени материальной частью.

На вооружение войск поступали модернизированные артиллерийские 45-миллиметровые противотанковые пушки, новые 76-миллиметровые пушки. Формировались новые артиллерийские части и соединения. Проводились большие организационные мероприятия по противовоздушной обороне войск и страны в целом. Наши военно-воздушные силы получили возможность приступить к формированию воздушных армий. В июне мы уже имели 8 воздушных армий. В значительной степени начали пополняться соединения авиации дальнего действия. Общая численность нашей Действующей армии возросла до 5,5 миллиона человек, количество танков достигло 4065, орудий и минометов — 43 642, боевых самолетов — 3164¹. В войсках широко развернулась боевая подготовка, всесторонне осваивался опыт войны и новая боевая техника.

Готовилось к летней кампании и немецко-фашистское командование, по-прежнему считавшее главным для себя Восточный фронт. Гитлеровское руководство направляло сюда все новые и новые войска. Фашистская Германия и ее союзники имели на фронтах от Баренцева до Черного моря 217 дивизий

¹ 50 лет Вооруженных Сил СССР, Воениздат, 1968, стр. 313.

и 20 бригад, причем 178 дивизий, 8 бригад и 4 военно-воздушных флота были только германскими. На остальных фронтах и в оккупированных странах благодаря отсутствию второго фронта Германия держала не более 20 процентов своих вооруженных сил.

К маю 1942 года враг на советско-германском фронте имел более чем шестимиллионную армию (в том числе 810 тысяч союзнических войск), 3230 танков и штурмовых орудий, до 43 тысяч орудий и минометов, 3400 боевых самолетов. В численности личного состава у войск противника по-прежнему имелось превосходство. У нас же было некоторое количественное превосходство в танках, но в качественном отношении значительная часть нашего танкового парка пока еще уступала немецкому.

В общих чертах политическая и военная стратегия гитлеровского главкомандования на ближайший период 1942 года сводилась к тому, чтобы разгромить наши войска на юге, овладеть районом Кавказа, выйти к Волге, захватить Сталинград, Астрахань и тем самым создать условия для уничтожения СССР как государства.

Планируя наступательные действия на лето 1942 года, немецкое командование хотя и имело численное превосходство в людях над советскими войсками, но уже не располагало возможностями для одновременного наступления на всех стратегических направлениях, как это было в 1941 году по плану «Барбаросса».

К весне 1942 года немецкие войска растянулись от Баренцева до Черного моря. Вследствие этого их оперативная плотность резко снизилась.

Проведя ряд тотальных мероприятий, гитлеровскому командованию удалось хорошо укомплектовать группу армий «Юг» и сосредоточить в ней силы, значительно превосходившие возможности наших войск юго-западного направления.

Директивой Гитлера № 41 от 5 апреля 1942 года предусматривалось оторгнуть от Советского Союза богатейшие промышленные и сельскохозяйственные районы, получить дополнительные экономические ресурсы (в первую очередь кавказскую нефть) и занять господствующее стратегическое положение для достижения своих военно-политических целей.

Гитлер и его окружение надеялись, что, как только немецкие войска достигнут успеха на юге нашей страны, они смогут нанести удары и на других стратегических направлениях и вновь атаковать Ленинград и Москву.

На московском стратегическом направлении в 1942 году

предполагалось ограничиться проведением частных наступательных операций с целью ликвидации советских войск, глубоко вклинившихся в расположение немецкой обороны. Этим преследовалась двоякая цель. Во-первых, улучшить оперативное положение своих войск и, во-вторых, отвлечь внимание советского командования от южного стратегического направления, где противник готовил главный удар.

Планируя захват Кавказа и Волги, немецкое командование, в частности, стремилось лишить Советский Союз южных путей сообщения с нашими союзниками по антигитлеровской коалиции.

Весной 1942 года я часто бывал в Ставке, принимал участие в обсуждениях у Верховного Главнокомандующего ряда принципиальных стратегических вопросов и хорошо знал, как он оценивал сложившуюся обстановку и перспективы войны на 1942 год.

Было совершенно очевидно, что Верховный не вполне верит обещаниям Черчилля и Рузвельта об открытии второго фронта в Европе, но и не теряет надежды, что они в какой-то степени попытаются осуществить что-либо в других районах. И. В. Сталин больше доверял Рузвельту и меньше Черчиллю.

Верховный предполагал, что немцы летом 1942 года будут в состоянии вести крупные наступательные операции одновременно на двух стратегических направлениях, вероятнее всего — на московском и на юге страны. Что касается севера и северо-запада, говорил И. В. Сталин, то там следует ожидать незначительной активности. Возможно, противник там попытается срезать выступы в нашей оборонительной линии и улучшить группировку своих войск.

Из тех двух направлений, на которых немцы, по мнению Верховного, могли развернуть свои стратегические наступательные операции, И. В. Сталин больше всего опасался за московское, где у них находилось более 70 дивизий.

В отношении наших планов на весну и начало лета 1942 года И. В. Сталин полагал, что мы пока еще не имеем достаточно сил и средств, чтобы развернуть крупные наступательные операции. На ближайшее время он считал нужным ограничиться активной стратегической обороной. Однако одновременно он полагал необходимым провести ряд наступательных операций в Крыму, в районе Харькова, на льговско-курском и смоленском направлениях, а также в районах Ленинграда и Демянска.

Мне было известно, что Б. М. Шапошников стоял на том, чтобы проводить только активную стратегическую оборону,

измотать и обескровить врага в начале лета, а затем, накопив резервы, перейти летом к широкому контрнаступательным действиям. Поддерживая в этом Б. М. Шапошникова, я, однако, считал, что на западном направлении нам нужно обязательно в начале лета разгромить ржевско-вяземскую группировку, где немецкие войска удерживали обширный плацдарм и имели крупные силы.

После дополнительного изучения обстановки Ставка и Генеральный штаб пришли к выводу, что наиболее опасными направлениями следует считать орловско-тульское и курско-воронежское с возможным ударом противника на Москву — обходом столицы с юго-запада. Вот почему было принято решение для защиты Москвы с этой стороны сосредоточить к концу весны значительную часть резервов Ставки в районе Брянского фронта. Сюда были направлены значительные силы и средства. К середине мая в состав Брянского фронта были включены четыре танковых корпуса, семь стрелковых дивизий, одиннадцать отдельных стрелковых бригад, четыре отдельные танковые бригады и большое количество артиллерии. Кроме того, за этим фронтом закреплялась 5-я танковая армия резерва Ставки, которая предназначалась для нанесения мощного контрудара на случай наступления противника в данной полосе.

В основном я был согласен с оперативно-стратегическими прогнозами Верховного, но не мог согласиться с ним в отношении количества намечаемых фронтовых наступательных операций наших войск, считая, что они поглотят без особой пользы наши резервы и этим осложнится подготовка к последующему генеральному наступлению советских войск.

Докладывая свои соображения, я предлагал И. В. Сталину, так же как и Генштабу, о чем я уже говорил, в первую очередь нанести мощные удары на западном стратегическом направлении с целью разгрома вяземско-ржевской группировки противника. Эти удары должны были проводиться силами Западного, Калининского и ближайших фронтов, а также авиацией Верховного Главнокомандования и ПВО Москвы.

Разгром противника на западном направлении должен был серьезно ослабить немецкие силы и принудить их отказаться от крупных наступательных операций, по крайней мере на ближайшее время.

Конечно, теперь при ретроспективной оценке событий этот вывод мне уже не кажется столь бесспорным, но в то время при отсутствии полных данных о противнике я был уверен в своей правоте.

Ввиду сложности вопроса И. В. Сталин приказал еще раз обсудить общую обстановку и возможные варианты действий наших войск во время летней кампании.

Особое внимание предлагалось уделить предложениям командования юго-западного направления о проведении большой наступательной операции силами Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов. Цель этой операции — разгром противника на южном фланге и выход наших войск на рубеж Гомель — Киев — Черкассы — Первомайск — Николаев.

На совещании, которое состоялось в ГКО в конце марта, присутствовали К. Е. Ворошилов, С. К. Тимошенко, Б. М. Шапошников, А. М. Василевский и я.

Б. М. Шапошников сделал очень обстоятельный доклад, который в основном соответствовал прогнозам И. В. Сталина. Но, учитывая численное превосходство противника и отсутствие второго фронта в Европе, он предложил на ближайшее время ограничиться активной обороной. Основные стратегические резервы, не вводя в дело, сосредоточить на центральном направлении и частично в районе Воронежа, где, по мнению Генштаба, летом 1942 года могут разыграться главные события.

При рассмотрении плана наступательной операции, представленного командованием юго-западного направления, маршал Б. М. Шапошников выразил несогласие с этим планом Генштаба, пытался указать на трудности организации этой операции, на отсутствие резервов, которые здесь требовались. Однако Верховный, не дав ему закончить, сказал:

— Не сидеть же нам в обороне сложа руки и ждать, пока немцы нанесут удар первыми! Надо самим нанести ряд упреждающих ударов на широком фронте и прощупать готовность противника. Жуков предлагает развернуть наступление на западном направлении, а на остальных фронтах обороняться. Я думаю, что это полумера.

Слово взял С. К. Тимошенко. Доложив обстановку на юго-западном направлении, он сказал:

— Войска этого направления сейчас в состоянии и безусловно должны нанести немцам на юго-западном направлении упреждающий удар и расстроить их наступательные планы против Южного и Юго-Западного фронтов, в противном случае повторится то, что было в начале войны. Что касается перехода в наступление на западном направлении, я поддерживаю Жукова. Это будет сковывать силы противника.

К. Е. Ворошилов поддержал мнение С. К. Тимошенко.

Я еще раз доложил свое несогласие с развертыванием нескольких наступательных операций одновременно. Однако это соображение во внимание не было принято и последовало половинчатое решение. С одной стороны, Верховный согласился с Генеральным штабом, который решительно возражал против проведения крупной наступательной операции группы советских фронтов под Харьковом. С другой, — он дал разрешение С. К. Тимошенко на проведение силами юго-западного направления частной наступательной операции — ударами из района Волчанска и с барвенковского плацдарма разгромить харьковскую группировку противника, овладеть г. Харьковом и создать предпосылки для освобождения Донбасса.

Вот как об этом вспоминает непосредственный участник событий А. М. Василевский:

«Б. М. Шапошников, учитывая рискованность наступления из оперативного мешка, каким являлся барвенковский выступ для войск Юго-Западного фронта, предназначавшихся для этой операции, внес предложение воздержаться от ее проведения. Однако командование направления продолжало настаивать на своем предложении и заверило Сталина в полном успехе операции. Он дал разрешение на ее проведение и приказал Генштабу считать операцию внутренним делом направления и ни в какие вопросы по ней не вмешиваться»¹.

События мая и июня показали, что в этом решении был допущен чрезвычайно большой просчет. В конце апреля наступление наших войск в Крыму окончилось неудачей. Войска Крымского фронта, возглавляемые генерал-лейтенантом Д. Т. Козловым, не достигнув цели, понесли значительные потери. Ставка приказала командованию фронта перейти к жесткой обороне.

8 мая противник, сосредоточив против Крымского фронта свою ударную группировку и введя в дело многочисленную авиацию, прорвал оборону. Наши войска, оказавшись в тяжелом положении, были вынуждены оставить Керчь.

Поражение в районе Керчи серьезно осложнило положение в Севастополе, где защитники города с октября 1941 года вели напряженную борьбу. Теперь, заняв Керчь, немецкое командование сосредоточило все силы против Севастополя.

4 июля после девяти месяцев осады, многодневных и ожесто-

¹ А. М. Василевский. Дело всей жизни. Издательство политической литературы, Москва, 1973, стр. 191.

ченных сражений, в которых советские моряки, бойцы сухопутных войск обрели бессмертную славу, Севастополь был оставлен нашими войсками. Крым был полностью потерян, что в значительной степени осложнило для нас общую обстановку и, естественно, облегчило ее для противника, который высвободил одну из боеспособных армий и значительные средства усиления.

3 мая Северо-Западный фронт начал наступление против войск 16-й немецкой армии в районе Демянска. Сражение, длившееся целый месяц, не принесло успеха. Правда, противнику был нанесен большой урон.

Как-то во время телефонного разговора со мной о Крымском фронте и юго-западном направлении Верховный сказал:

— Вот видите, к чему приводит оборона. ...Мы должны крепко наказать Козлова, Мехлиса и Кулика за их беспечность, чтобы другим неповадно было ротозейничать. Тимошенко скоро начнет действовать.

12 мая войска Юго-Западного фронта перешли в наступление в направлении на Харьков, нанося, как это было задумано, два удара: один из района Волчанска, другой — из барвенковского выступа.

Вначале эта операция развивалась успешно. Наши войска прорвали оборону противника и за трое суток продвинулись на 25—50 км. И. В. Сталин был доволен. Это дало, как вспоминает А. М. Василевский, повод Верховному бросить упрек Генштабу, что по его настоянию он чуть было не отменил столь удачно развивающуюся операцию.

Однако вскоре положение изменилось. Обеспечение операции на участке Лозовая—Барвенково—Славянск возлагалось на Южный фронт (командующий генерал-полковник Р. Я. Малиновский). Командование этого фронта не учло в должной мере размеров угрозы со стороны Краматорска, где заканчивала сосредоточение крупная наступательная группировка немецких бронетанковых и моторизованных войск.

Утром 17 мая 11 немецких дивизий из состава армейской группы Клейста перешли в наступление из района Славянск — Краматорск против советских 9-й и 57-й армий Южного фронта. Оборона была прорвана. За двое суток враг вышел во фланг войскам левого крыла Юго-Западного фронта в районе Петровского.

Вечером 17 мая А. М. Василевский, который из-за болезни Б. М. Шапошникова временно исполнял обязанности начальника Генштаба, связался с начальником штаба 57-й армии ге-

нералом А. Ф. Анисовым. Осветив положение, тот доложил, что обстановка у них критическая.

А. М. Василевский немедленно доложил Верховному Главнокомандующему и предложил прекратить наступление Юго-Западного фронта, а часть сил из состава его ударной группировки бросить на ликвидацию угрозы, возникшей со стороны Краматорска. Иных способов спасти положение не было, поскольку в этом районе никакими резервами Ставки фронт не располагал.

И. В. Сталин не любил менять свои решения. Переговорив с С. К. Тимошенко, он заявил начальнику Генштаба, что «...мер, принимаемых командованием направления, вполне достаточно, чтобы отразить удар врага против Южного фронта, а поэтому Юго-Западный фронт будет продолжать наступление...»¹.

18 мая обстановка на Юго-Западном фронте резко ухудшилась. Генштаб еще раз высказался за то, чтобы прекратить нашу наступательную операцию под Харьковом. Он предлагал повернуть основные силы барвенковской ударной группировки, ликвидировать прорыв противника и восстановить положение 9-й армии Южного фронта.

Мне довелось присутствовать в этот день в Ставке при одном из последующих разговоров И. В. Сталина с командующим Юго-Западным фронтом. Хорошо помню, что Верховный тогда уже четко выразил С. К. Тимошенко серьезное опасение по поводу успехов противника в районе Краматорска.

К вечеру 18 мая состоялся разговор по этому же вопросу с членом Военного совета фронта Н. С. Хрущевым, который высказал такие же соображения, что и командование Юго-Западного фронта: опасность со стороны краматорской группы противника сильно преувеличена и нет оснований прекращать операцию. Ссылаясь на эти доклады Военного совета Юго-Западного фронта о необходимости продолжения наступления, Верховный отклонил соображения Генштаба. Существующая версия о тревожных сигналах, якобы поступающих от Военных советов Южного и Юго-Западного фронтов в Ставку, не соответствует действительности. Я это свидетельствую потому, что лично присутствовал при переговорах Верховного.

19 мая обстановка на юго-западном направлении стала катастрофической. Ударная группировка противника ворвалась в тыл советским войскам. Только теперь был отдан приказ

¹ А. М. Василевский. Дело всей жизни. Издательство политической литературы, Москва, 1973, стр. 192.

прекратить наше наступление на Харьков и повернуть главные силы барвенковской ударной группы против войск Клейста. Было, однако, уже поздно.

23 мая 6, 57-я армии, часть сил 9-й армии и оперативная группа генерала Л. В. Бобкина оказались окруженными. Многим частям удалось вырваться из окружения, но некоторые не смогли это сделать и, не желая сдаваться, дрались до последней капли крови. В этих сражениях погиб заместитель командующего фронтом генерал Федор Яковлевич Костенко — герой гражданской и Отечественной войн, бывший командир 19-го Манычского полка 4-й Донской казачьей дивизии. Там же пали смертью храбрых командующий 57-й армией генерал К. П. Подлас и командующий опергруппой генерал Л. В. Бобкин, вместе с которыми я учился на курсах усовершенствования высшего командного состава. Они были прекрасные командиры и верные сыны нашей партии и Родины.

Анализируя ход Харьковской операции, нетрудно понять, что основная причина нашего поражения здесь кроется в недооценке серьезной опасности, которую таило в себе юго-западное стратегическое направление, где не были сосредоточены необходимые резервы Ставки.

Если бы на оперативных тыловых рубежах юго-западного направления стояло хотя бы несколько боеспособных резервных армий, тогда бы не случилось этой катастрофы.

В июне продолжались ожесточенные сражения на всем юго-западном направлении. Наши войска под ударами превосходящего по силам врага были вынуждены с большими потерями отойти за реку Оскол, пытаясь закрепиться на тыловых рубежах.

28 июня противник начал более широкие наступательные действия. Им был нанесен удар из района Курска на воронежском направлении по 13-й и 40-й армиям Брянского фронта. 30 июня из района Волчанска перешла в наступление в направлении Острогожска 6-я немецкая армия, которая прорвала оборону 21-й и 28-й армий. Положение наших войск на воронежском направлении значительно ухудшилось. Часть сил оказалась в окружении.

Вот что пишет в своих воспоминаниях Маршал Советского Союза А. М. Василевский:

«К исходу 2 июля обстановка на воронежском направлении резко ухудшилась. Оборона на стыке Брянского и Юго-Западного фронтов оказалась прорванной на глубину до восьмидесяти километров. Фронтные резервы, имевшиеся на этом направле-

нии, были втянуты в сражение. Ударная группировка врага грозила прорваться к Дону и захватить Воронеж. Чтобы помешать этому, Ставка передала из своего резерва командующему Брянским фронтом генерал-лейтенанту Ф. И. Голикову две общевойсковые армии (6-ю и 60-ю.— Г. Ж.), приказав развернуть их по правому берегу Дона на участке Задонск — Павловск и обязав Голикова взять на себя руководство боевыми действиями в районе Воронежа.

Одновременно в распоряжение этого фронта передали 5-ю танковую армию. Вместе с танковыми соединениями фронта она должна была нанести контрудар по флангу и тылу группировки немецко-фашистских войск, наступавшей на Воронеж. В ночь на 3 июля корпуса 5-й танковой армии заканчивали сосредоточение к югу от Ельца. Немедленный и решительный их удар по врагу, рвавшемуся к Воронежу, мог бы резко изменить обстановку в нашу пользу, тем более, что основные силы этой фашистской группировки, понеся уже довольно значительные потери и растянувшись на широком фронте, были связаны боями с нашими войсками.

Однако танковая армия никаких задач от командования фронта не получила. По поручению Ставки мне пришлось срочно отправиться в район Ельца, чтобы ускорить ввод в сражение танковой армии. Предварительно по телеграфу я передал командующему армией и командованию Брянского фронта приказание немедленно приступить к подготовке контрудара¹.

Несмотря на большую помощь Ставки и Генерального штаба, обстановка на Брянском фронте день ото дня осложнялась, что в значительной степени усугублялось недостатками в управлении войсками во фронтовом и армейских звеньях. В связи с этим Ставка провела организационные мероприятия, разделив Брянский фронт на два фронта. Командующим новым, Воронежским фронтом был назначен Н. Ф. Ватутин; командующим Брянским фронтом вместо Ф. И. Голикова — К. К. Рокоссовский.

В районе Воронежа в боевых действиях приняли участие переданные Ставкой 6-я и 60-я общевойсковые и 5-я танковая армии, что несколько укрепило устойчивость обороны, но не ликвидировало серьезную опасность прорыва противника через Дон и удара вдоль Дона в сторону Сталинграда.

В результате потери Крыма, поражения наших войск в рай-

¹ А. М. Василевский. Дело всей жизни. Издательство политической литературы, Москва, 1973, стр. 197.

оне Барвенково, в Донбассе и под Воронежем противник вновь захватил стратегическую инициативу и, подведя свежие резервы, начал стремительное продвижение к Волге и на Кавказ. К середине июля, отбросив наши войска за Дон от Воронежа до Клетской и от Суровикина до Ростова, войска противника завязали бой в большой излучине Дона, стремясь прорваться к Сталинграду.

В результате вынужденного отхода наших войск в руки врага попали богатейшие области Дона и Донбасса. Создалась прямая угроза выхода противника на Волгу и на Северный Кавказ, угроза потери Кубани и всех путей сообщения с Кавказом, потери важнейшего экономического района, снабжавшего нефтью армию и промышленность.

Народный комиссар обороны И. В. Сталин издал 28 июля 1942 года приказ № 227. Этим приказом вводились жесткие меры борьбы с паникерами и нарушителями дисциплины, решительно осуждались «отступательные» настроения. В нем говорилось, что железным законом для действующих войск должно быть требование «Ни шагу назад!». Приказ был подкреплён усиленной партийно-политической работой.

Еще в июне 1942 г. ЦК партии рассмотрел в целом состояние политической работы в Красной Армии и выработал мероприятия по ее дальнейшему улучшению. ЦК потребовал от политорганов более широкого развертывания идейно-политической работы в войсках. Всем командирам и политработникам, в том числе и высшего звена, было предложено лично вести агитацию и пропаганду среди воинов. Улучшилось обобщение опыта политической работы в войсках.

Усиливалось руководство всей этой важной и трудной работой в целом. Во главе Главного политического управления РККА вместо Л. З. Мехлиса был поставлен кандидат в члены Политбюро, секретарь Центрального Комитета ВКП(б) и Московского комитета партии А. С. Щербаков. В Главное политическое управление пришли способные политработники, хорошо проявившие себя в Действующей армии. Были проведены совещания членов Военных советов и начальников политорганов армии и флота, на которых выступали секретари ЦК, М. И. Калинин, Е. М. Ярославский, Д. З. Мануильский и многие другие видные государственные и партийные деятели.

Центральный Комитет потребовал от Военных советов фронтов и армий улучшить работу среди солдат и командиров, с тем чтобы поднять дисциплину, усилить стойкость и боеспособность войск. Были проведены специальные мобилизации коммунистов

и комсомольцев. Приток коммунистов в Действующую армию значительно укрепил наши вооруженные силы. В войска, которые вели самые напряженные бои, регулярно выезжали крупные пропагандисты.

Прежде всего необходимо было преградить путь немецким войскам к Волге. Ставка создала новый, Сталинградский фронт, включив в него 62-ю армию под командованием генерал-майора В. Я. Колпакчи, 63-ю армию под командованием генерал-лейтенанта В. И. Кузнецова, 64-ю армию под командованием генерал-лейтенанта В. И. Чуйкова, а также 21-ю армию под командованием генерал-майора А. И. Данилова из состава ликвидированного Юго-Западного фронта.

Военный совет бывшего Юго-Западного фронта в полном составе принял вновь образованный Сталинградский фронт. Для усиления фронта ему были переданы сформировавшиеся 1-я и 4-я танковые армии, уцелевшие части 28, 38-й и 57-й армий. В оперативное подчинение командования фронта перешла также Волжская военная флотилия.

На подступах к Сталинграду развернулась подготовка оборонительных и укрепленных рубежей. Как и при обороне Москвы, многие тысячи жителей вышли на строительство рубежей и самоотверженно готовили город к обороне.

Большую организаторскую работу провели обком и горком партии Сталинграда по формированию и подготовке народного ополчения, рабочих отрядов самообороны, по реорганизации производства для нужд фронта и по эвакуации из города детей, стариков, а также государственных ценностей.

Сталинградский фронт к 17 июля занял следующую линию обороны: Павловск-на-Дону и далее по левому берегу Дона до Серафимовича, затем Клетская, Суровикино вплоть до Верхне-Курмоярской.

При отступлении Южный фронт понес большие потери. В четырех его армиях осталось лишь немногим больше ста тысяч человек. Чтобы укрепить руководство войсками на северо-кавказском направлении, Ставка ликвидировала Южный фронт и все оставшиеся войска этого фронта передала в состав Северо-Кавказского фронта, командующим которого был назначен Маршал Советского Союза С. М. Буденный.

37-я и 12-я армии Северо-Кавказского фронта получили задачу прикрывать ставропольское направление, а 18, 56-я и 47-я армии — краснодарское.

В конце июля — начале августа развитие событий на северо-кавказском направлении складывалось явно не в нашу

пользу. Превосходящие силы противника настойчиво продвигались вперед. Вскоре немецкие войска вышли на реку Кубань.

В августе разгорелись серьезные сражения и на майкопском направлении. 10 августа вражеские войска захватили Майкоп, а 11 августа — Краснодар.

В середине августа противник, заняв Моздок, вышел на реку Терек. К 9 сентября, сбив с рубежей нашу 46-ю армию, немецко-фашистские войска овладели почти всеми горными перевалами. Над Сухуми нависла серьезная опасность.

В эти дни суровых испытаний народы Кавказа не дрогнули, не потеряли веры в силу и мощь единства многонационального Советского государства.

Партийные организации Грузии, Армении и Азербайджана взяли на себя снабжение действующих войск и их обслуживание; формировались вооруженные отряды, добровольцы вливались в ряды Красной Армии. Эти мероприятия дали возможность укрепить действующие фронты. Расчет гитлеровцев на то, что с приходом немецко-фашистских войск народы Кавказа отойдут от Советского Союза, провалился.

В борьбе с врагом большую помощь действующим войскам оказали партизанские отряды, сформированные из отважных горцев, великолепно знавших свою местность, горные перевалы и тропинки. Их дерзкие налеты наводили страх на противника, причиняли ему значительные потери.

К концу июля в состав Сталинградского фронта входило 38 дивизий. Только 18 из них были полностью укомплектованы, 6 имели от 2,5 до 4 тысяч человек, а 14 — от 300 до 1000 человек¹. Этим малочисленным войскам пришлось развернуться на 530-километровом фронте. Всего в составе фронта в тот период насчитывалось 187 тысяч человек, 360 танков, 337 самолетов, 7900 орудий и минометов.

Против фронта неприятель сосредоточил 250 тысяч человек, около 740 танков, 1200 самолетов, 7500 орудий и минометов. Таким образом, соотношение сил составляло: по людям — 1,4 : 1, по орудиям и минометам — 1 : 1, по танкам — 2 : 1, по самолетам 3,5 : 1 в пользу противника.

В дальнейшем из-за упорного сопротивления наших войск на подступах к Сталинграду противник вынужден был перебросить с кавказского направления для удара со стороны Котельникова 4-ю танковую армию и дополнительно развернуть часть сил армий сателлитов.

¹ 50 лет Вооруженных Сил СССР. Воениздат, М., 1968, стр. 320.

В соответствии с директивой верховного немецкого командования (ОКВ) № 45 от 23 июля 1942 года группа армий «Б», прикрываясь с севера по среднему течению Дона (где последовательно развертывались венгерские, итальянские и румынские войска), намеревалась стремительно захватить Сталинград, Астрахань и твердо закрепиться на Волге, отрезав Кавказ от центра Советского Союза. Для обеспечения этой задачи были выделены основные силы 4-го воздушного флота (1200 боевых самолетов).

26 июля бронетанковые и моторизованные немецкие войска прорвали оборону 62-й армии и вышли в район Каменского. Для противодействия прорыву Ставка приказала немедленно ввести в бой формируемые 1-ю и 4-ю танковые армии, имевшие всего лишь 240 танков, и две стрелковые дивизии, которые не смогли остановить, но несколько задержали продвижение врага.

Конечно, ввод в бой частей, находящихся в стадии формирования, нельзя признать правильным, но иного выхода в то время у Ставки не было, так как пути на Сталинград прикрывались слабо.

Тяжелые сражения развернулись и на участке 64-й армии, но и здесь противнику не удалось с ходу прорваться в Сталинград.

В течение первой половины августа на подступах к городу шли ожесточенные сражения. Наши войска, опираясь на укрепленные рубежи, героически отстаивали каждую пядь земли, наносили контрудары, изматывали и обескровливали вражеские войска, рвущиеся к Сталинграду.

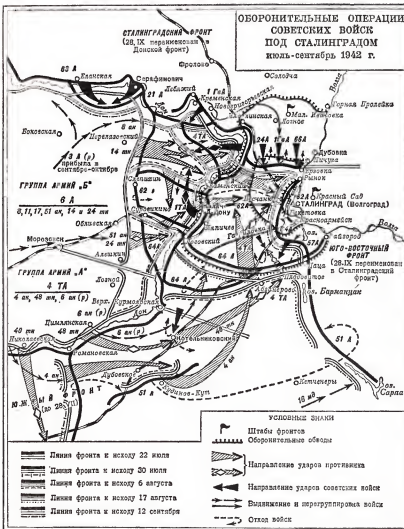
В связи с тем, что войска Сталинградского фронта растянулись на 700 километров и возникли трудности управления войсками, Ставка решила разделить этот фронт на два: Сталинградский и Юго-Восточный. Это было сделано 5 августа.

Командующим Сталинградским фронтом оставался генерал-лейтенант В. Н. Гордов, сменивший Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко, начальником штаба — генерал-майор Д. Н. Никишев. В состав фронта вошли 63, 21, 62-я и 4-я танковая армии, а также формируемая 16-я воздушная армия под командованием генерал-майора С. И. Руденко.

В Юго-Восточный фронт включались 57, 51, 64, 1-я гвардейская и 8-я воздушная армии. Командующим фронтом был назначен генерал-полковник А. И. Еременко.

Для координации действий войск под Сталинградом 12 августа ГКО направил начальника Генерального штаба генерал-

**ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ
СОВЕТСКИХ ВОЙСК
ПОД СТАЛИНГРАДОМ
июль-сентябрь 1942 г.**

полковника А. М. Василевского. Сталинградский фронт был в оперативном отношении подчинен командующему Юго-Восточным фронтом.

После многодневных ожесточенных сражений 23 августа 14-й танковый корпус противника прорвался в район Вертячего и, рассекая сталинградскую оборону на две части, вышел к Волге в районе Латошинка — Рынок. 62-я армия была отрезана от основных сил Сталинградского фронта, вследствие чего ее передали в состав Юго-Восточного фронта.

Немецкая бомбардировочная авиация подвергла Сталинград варварским бомбардировкам, превращая его в груды развалин. Гибли мирные жители, уничтожались промышленные предприятия и культурные ценности.

Утром 24 августа часть сил 14-го танкового корпуса противника перешла в наступление в направлении Тракторного завода, но безуспешно. Здесь в ожесточенных боях приняли участие вооруженные рабочие сталинградских заводов.

Одновременно войска Сталинградского фронта, отошедшие на северо-запад, атаковали противника с севера на юг, заставили его развернуть значительные силы, предназначенные для захвата Сталинграда. Этим маневром удар противника на город был значительно ослаблен, а его 14-й танковый корпус оказался отрезанным от своих тылов и вынужден был несколько дней получать снабжение по воздуху.

Переправив свои главные силы через Дон, противник развернул энергичное наступление, поддержав его мощными ударами авиации.

К 30 августа войска Юго-Восточного фронта под давлением превосходящих сил противника отошли на внешний, а затем на внутренний обвод. 62-я и 64-я армии заняли оборону на линии Рынок — Орловка — Гумрак — Песчанка — Ивановка. В это время 62-й армией командовал генерал-лейтенант Антон Иванович Лопатин. Он сделал все, что от него требовал воинский долг, и даже больше, поскольку прекрасно знал, что действовавший против войск его армии противник был в численном превосходстве. С 10 сентября 1942 года 62-й армией стал командовать генерал-лейтенант В. И. Чуйков.

В это тяжелое время Ставка приказала провести на западном направлении частные наступательные операции с целью сковывания резервов противника и недопущения переброски их в район Сталинграда.

На Западном фронте, которым я в то время командовал, события развивались следующим образом. На левом крыле

фронта в начале июля 10, 16-я и 61-я армии развернули наступление с рубежа Киров — Болхов в сторону Брянска. На правом крыле, в районе Погорелое Городище, усиленная 20-я армия во взаимодействии с левым крылом Калининского фронта в августе повела успешное наступление с целью разгрома противника в районе Сычевка — Ржев.

После прорыва немецкой обороны и выхода к железной дороге Ржев — Вязьма наступление войск Западного фронта было приостановлено. Город Ржев войсками Калининского фронта взять не удалось, и он остался в руках противника.

В районе Погорелое Городище — Сычевка противник понес большие потери. Чтобы остановить успешный удар войск Западного фронта, немецкому командованию пришлось спешно бросить туда значительное количество дивизий, предназначенных для развития наступления на сталинградском и кавказском направлениях.

Немецкий генерал К. Типпельскирх по этому поводу писал: «Прорыв удалось предотвратить только тем, что три танковые и несколько пехотных дивизий, которые уже готовились к переброске на южный фронт, были задержаны и введены сначала для локализации прорыва, а затем и для контрудара»¹.

Если бы в нашем распоряжении были одна-две армии, можно было бы во взаимодействии с Калининским фронтом под командованием генерала И. С. Конева не только разгромить ржевскую группировку, но и всю ржевско-вяземскую группу немецких войск и значительно улучшить оперативное положение на всем западном стратегическом направлении. К сожалению, эта реальная возможность была упущена Верховным Главнокомандованием.

Вообще должен сказать, Верховный понял, что неблагоприятная обстановка, сложившаяся летом 1942 года, является следствием и его личной ошибки, допущенной при утверждении плана действий наших войск в летней кампании 1942 года. И он не искал других виновников среди руководящих лиц Ставки и Генерального штаба.

27 августа 1942 года, когда я находился в районе Погорелое Городище, где мы проводили наступательную операцию, мне позвонил А. Н. Поскребышев. Он сообщил, что накануне 26 августа ГКО, рассматривая обстановку на юге страны, принял решение о назначении меня заместителем Верховного Главнокомандующего.

Александр Николаевич предупредил, чтобы я в 14.00 на-

¹ К. Типпельскирх. История второй мировой войны, М., 1956, стр. 241.

ходил на командном пункте и ждал звонка И. В. Сталина. Вообще крайне скупой на разговоры, он и на этот раз на все мои вопросы отвечал: «Не знаю. Об этом, видимо, скажет сам». Однако даже из этих слов я понял, что Государственный Комитет Обороны находится в большой тревоге за исход борьбы в районе Сталинграда.

Вскоре по ВЧ позвонил Верховный. Справившись о положении дел на Западном фронте, он сказал:

— Вам нужно как можно быстрее приехать в Ставку. Оставьте за себя начальника штаба. Продумайте, кого следует назначить командующим вместо вас.

На этом разговор был окончен. И. В. Сталин не сказал о назначении меня заместителем Верховного Главнокомандующего. Видимо, об этом он хотел объявить при личной встрече. Вообще Верховный по телефону говорил только о том, что было крайне необходимо сказать в данный момент. От нас он требовал быть крайне осторожными во время телефонных разговоров, особенно в зоне действующих войск, где не было стационарных средств засекречивания переговоров.

Не заезжая в штаб фронта, я выехал в Москву.

Поздно вечером этого же дня прибыл в Кремль. И. В. Сталин работал у себя в кабинете. Там же находились некоторые члены ГКО.

Верховный сказал, что у нас плохо идут дела на юге и может случиться, что немцы возьмут Сталинград. Не лучше складывается обстановка и на Северном Кавказе. Он объявил, что ГКО решил назначить меня заместителем Верховного Главнокомандующего и послать в район Сталинграда. Сейчас там находятся Василевский, Маленков и Малышев.

— Маленков останется с вами, а Василевский должен лететь в Москву. Когда вы можете вылететь? — спросил меня Верховный.

Я ответил, что мне потребуются сутки для изучения обстановки и 29-го я смогу вылететь в Сталинград.

— Ну, вот и хорошо. А вы не голодны? — спросил вдруг И. В. Сталин. — Не мешало бы немного подкрепиться.

Принесли чай и десяток бутербродов. За чаем И. В. Сталин вкратце сообщил сложившуюся обстановку на 20 часов 27 августа. Рассказав кратко, что произошло под Сталинградом, И. В. Сталин сказал, что Ставка решила передать Сталинградскому фронту 24-ю, 1-ю гвардейскую и 66-ю армии.

— В связи с тяжелой обстановкой в Сталинграде, — сказал Верховный, — мы приказали срочно перебросить 1-ю гвардей-

скую армию, которой командует Москаленко, в район Лозное и с утра 2 сентября нанести ею и другими частями Сталинградского фронта контрудар по прорвавшейся к Волге группировке противника и соединиться с 62-й армией. Одновременно в состав Сталинградского фронта перебрасываются 66-я армия генерала Машиновского и 24-я армия генерала Козлова.

— Вам следует принять меры, чтобы 1-я гвардейская армия генерала Москаленко 2 сентября нанесла контрудар, а под ее прикрытием вывести в исходные районы 24-ю и 66-ю армии, — сказал он, обращаясь ко мне. — Эти две армии вводите в бой немедленно, иначе мы потеряем Сталинград.

Было ясно, что предстоящая битва имеет крупнейшее военное-политическое значение. С падением Сталинграда вражеское командование получало возможность отрезать юг страны от центра. Мы могли также потерять и Волгу — важнейшую водную артерию страны, по которой большим потоком шли грузы с Поволжья и Кавказа.

Верховное Главнокомандование направляло в район Сталинграда все, что было тогда возможно. Только вновь формируемые стратегические резервы, предназначенные для ведения дальнейшей борьбы, пока не вводились в действие. Принимались срочные меры по увеличению производства самолетов, танков, оружия, боеприпасов и других материальных средств, чтобы своевременно ввести их в дело для разгрома вражеской группировки, вышедшей в этот район.

Вылетев 29 августа с Центрального аэродрома Москвы, наш самолет через четыре часа сел на полевую площадку в районе Камышина на Волге. Встретил меня А. М. Василевский и тут же познакомил с последними событиями. После короткого разговора мы поехали в штаб Сталинградского фронта, в Малое Иваново.

Было уже около двенадцати часов, когда мы прибыли на место.

Генерал-лейтенант В. Н. Гордов находился на передовых позициях. Обстановку доложили начальник штаба Д. Н. Никишев и начальник оперативного отдела И. Н. Рухле. Слушая их доклад, мне показалось, что они не совсем уверены в том, что в районе Сталинграда противника можно остановить.

Позвонив в штаб 1-й гвардейской армии, где в это время находился генерал В. Н. Гордов, я сказал ему, чтобы он ждал нас в штабе командующего армией генерала К. С. Москаленко, куда мы должны были выехать с А. М. Василевским.

На командном пункте 1-й гвардейской армии мы встрети-

лись с В. Н. Гордовым и К. С. Москаленко. Их доклады, как и они сами, произвели на нас отрадное впечатление. Чувствовалось, что оба они хорошо знают силу противника и возможности своих войск.

Обсудив обстановку и состояние наших частей, мы пришли к выводу, что подготовить войска сосредоточиваемых армий к контрудару мы сможем не ранее чем 6 сентября. Я тут же доложил об этом по ВЧ Верховному. Он выслушал меня и сказал, что у него возражений нет.

Так как А. М. Василевскому было приказано срочно вернуться в Москву, он, если мне не изменяет память, 1 сентября вылетел из Сталинграда.

Наступление 1-й гвардейской армии было назначено Ставкой на 2 сентября. Однако в тот день оно не смогло осуществиться. Из-за отсутствия горючего и растянутости в пути входящие в состав этой армии войска к утру 2 сентября не вышли в исходные районы. По просьбе командарма К. С. Москаленко атака была мною перенесена на 3 сентября. В донесении Ставке было сказано:

«1-я гвардейская армия 2 сентября перейти в наступление не смогла, так как ее части не сумели выйти в исходное положение, подвезти боеприпасы, горючее и организовать бой. Чтобы не допустить неорганизованного ввода войск в бой и не понести от этого напрасных потерь, после личной проверки на месте перенес наступление на 5 часов 3 сентября.

Наступление 24-й и 66-й армий назначаю на 5—6 сентября. Сейчас идет детальная отработка задач всем командным составом, а также принимаем меры материального обеспечения операции...»¹

Утром 3 сентября после артиллерийской подготовки войска 1-й гвардейской армии перешли в наступление, но продвинулись в направлении Сталинграда всего лишь на несколько километров, нанеся противнику незначительное поражение. Дальнейшее продвижение 1-й гвардейской армии было остановлено непрерывными ударами авиации и контратаками танков и пехоты противника, поддержанных артиллерией из района Сталинграда.

3 сентября за подписью И. В. Сталина я получил телеграмму следующего содержания:

«Положение со Сталинградом ухудшилось. Противник нахо-

¹ Архив МО СССР, ф. 132-А, оп. 1160, д. 1, л. 219.

дятся в трех верстах от Сталинграда. Сталинград могут взять сегодня или завтра, если северная группа войск не окажет немедленную помощь. Потребуйте от командующих войсками, стоящих к северу и северо-западу от Сталинграда, немедленно ударить по противнику и прийти на помощь к сталинградцам. Недопустимо никакое промедление. Промедление теперь равносильно преступлению. Всю авиацию бросьте на помощь Сталинграду. В самом Сталинграде авиации осталось очень мало»¹.

Я тут же позвонил Верховному и доложил, что могу приказывать завтра же с утра начать наступление, но войска всех трех армий будут вынуждены начать бой почти без боеприпасов, так как их могут доставить на артиллерийские позиции не раньше вечера 4 сентября. Кроме того, мы не можем раньше этого времени увязать взаимодействие частей с артиллерией, танками и авиацией, а без этого ничего не получится.

— Думаете, что противник будет ждать, пока вы раскачаетесь?.. Еременко утверждает, что противник может взять Сталинград при первом же нажиме, если вы немедленно не ударите с севера.

Я ответил, что не разделяю эту точку зрения и прошу разрешения начать общее наступление 5-го, как было ранее намечено. Что касается авиации, то я сейчас же дам приказ бомбить противника всеми силами.

— Ну, хорошо,— согласился Верховный.— Если противник начнет общее наступление на город, немедленно атакуйте его, не дожидаясь окончательной готовности войск. Ваша главная задача отвлечь силы немцев от Сталинграда, и если удастся, ликвидировать немецкий коридор, разделяющий Сталинградский и Юго-Восточный фронты.

До утра 5 сентября, как мы и рассчитывали, особых событий под Сталинградом не произошло. В три часа ночи Верховный вызвал Г. М. Маленкова и осведомился о готовности к переходу в наступление войск Сталинградского фронта. Убедившись в том, что его приказ выполняется, меня к телефону он не вызвал.

На рассвете 5 сентября по всему фронту 24-й, 1-й гвардейской и 66-й армий началась артиллерийская и авиационная подготовка. Плотность артиллерийского огня даже на направлениях главных ударов армий была небольшой и не дала необходимого результата. После залпов «катюш» началась атака.

¹ Архив МО СССР, ф. 132-А, оп. 2642, д. 13, л. 21.

Я следил за ней с наблюдательного пункта командующего 1-й гвардейской армией. По мощности огня, которым встретил противник наши атакующие войска, было видно, что артиллерийская подготовка не дала нужных результатов и что глубокого продвижения наших наступающих частей ожидать не следует.

Примерно через полтора-два часа из докладов командующих войсками стало известно, что на ряде участков противник своим огнем остановил наше продвижение и контратакует пехотой и танками. Авиационная разведка установила, что из района Гумрак — Орловка — Большая Россоска на север движутся большие группы танков, артиллерии и мотопехоты противника. Появившаяся авиация противника начала бомбардировку наших боевых порядков. Во второй половине дня вступили в бой новые части противника и на некоторых участках оттеснили наши войска на исходные рубежи.

Продолжавшийся весь день напряженный огневой бой к вечеру почти затих. Мы подвели итоги. За день сражения наши части продвинулись всего лишь на 2—4 километра, 24-я армия осталась почти на исходных позициях.

К вечеру войскам дополнительно подвезли снаряды, мины и другие боеприпасы. С учетом выявленных за день боя данных о противнике было решено в течение ночи подготовить новую атаку, произведя в пределах возможного необходимую перегруппировку.

Поздно вечером меня вызвал Верховный.

— Как идут дела?

Я доложил, что в течение всего дня шло очень тяжелое сражение. К северу от Сталинграда противник вынужден был ввести в бой новые войска, переброшенные из района Гумрака.

— Это уже хорошо: это отвлекает силы противника от Сталинграда.

Я продолжал:

— Наши части имеют незначительное продвижение, а в ряде случаев остались на исходных рубежах.

— А в чем дело?

— Из-за недостатка времени наши войска не успели хорошо подготовить наступление, провести артиллерийскую разведку и выявить систему огня противника и поэтому, естественно, подавить ее не смогли. Когда же мы перешли в наступление, противник своим огнем и контратаками остановил его. Кроме того, авиация противника весь день господствовала в воздухе и бомбила наши части.

— Продолжайте атаки,— приказал И. В. Сталин.— Ваша главная задача — оттянуть от Сталинграда возможно больше сил противника.

На другой день бой разгорелся с еще большим ожесточением. Наша авиация всю ночь на 6 сентября бомбила противника. Кроме фронтовой авиации, была введена в бой авиация дальнего действия под командованием генерал-лейтенанта А. Е. Голованова.

Днем мы повторили атаку, но и на этот раз она была отбита. В течение 6 сентября противник подвел из района Сталинграда новые части. На ряде господствующих высот враг зарыл в землю танки, штурмовые орудия и основательно организовал опорные пункты, которые можно было разбить только мощным огнем артиллерии. Но ее у нас тогда было очень мало.

7 сентября после полудня ко мне обратился начальник оперативного отдела Сталинградского фронта полковник И. Н. Рухле:

— Верховный спрашивает, достаточно ли у нас сил, чтобы разгромить противника?

Мы надеялись, что переброска некоторого количества войск с Воронежского фронта от Н. Ф. Ватутина может поправить дело, и передали Верховному ответ:

«Для разгрома противника под Сталинградом тех сил, которые имеются здесь, явно не хватит. Необходимо сосредоточить дополнительную группу войск, с тем чтобы в кратчайший срок нанести более сильный удар противнику...»

Однако решения Ставки о дополнительной переброске дивизий не последовало.

Третий и четвертый день сражений прошли главным образом в состязании огневых средств и боях в воздухе.

10 сентября, еще раз объехав части и соединения армии, я окончательно укрепился во мнении, что прорвать боевые порядки противника и ликвидировать его коридор имеющимися силами и в той же группировке невозможно. В таком же духе высказались и генералы В. Н. Гордов, К. С. Москаленко, Р. Я. Малиновский, Д. Т. Козлов и другие.

В тот же день я передал Верховному по ВЧ:

— Теми силами, которыми располагает Сталинградский фронт, прорвать коридор и соединиться с войсками Юго-Восточного фронта в городе нам не удастся. Фронт обороны немецких войск значительно укрепился за счет вновь подошедших частей из-под Сталинграда. Дальнейшие атаки теми же силами

и в той же группировке будут бесцельны, и войска неизбежно понесут большие потери. Нужны дополнительные войска и время на перегруппировку для более концентрированного удара Сталинградского фронта. Армейские удары не в состоянии опрокинуть противника.

Верховный ответил, что было бы неплохо, если бы я прилетел в Москву и доложил лично эти вопросы.

Днем 12 сентября я вылетел в Москву и через четыре часа был в Кремле, куда Верховный вызвал и начальника Генштаба А. М. Василевского.

Александр Михайлович доложил о подходе в район Сталинграда новых частей противника из района Котельникова, о ходе сражения в районе Новороссийска, а также о боях на грозненском направлении.

Верховный, внимательно выслушав доклад А. М. Василевского, резюмировал:

— Рвутся любой ценой к грозненской нефти. Ну, теперь послушаем Жукова.

Я повторил то же, о чем докладывал два дня назад по телефону. Сказал, что 24, 1-я гвардейская и 66-я армии, участвовавшие в наступлении 5—11 сентября, показали себя боееспособными соединениями. Основная их слабость — отсутствие достаточных средств усиления, мало гаубичной артиллерии и танков, необходимых для непосредственной поддержки стрелковых частей.

Местность же на участке Сталинградского фронта крайне невыгодна для наступления наших войск: открытая, изрезанная глубокими оврагами, где противник хорошо укрывается от огня. Заняв ряд командных высот, он имеет дальнейшее артиллерийское наблюдение и может во всех направлениях маневрировать огнем. Кроме того, у противника есть возможности вести дальний артиллерийский огонь и из района Кузьмичи — Акатовка — совхоз «Опытное поле». При этих условиях 24, 1-я гвардейская и 66-я армии Сталинградского фронта прорвать фронт обороны противника не могут.

— Что нужно Сталинградскому фронту, чтобы ликвидировать коридор противника и соединиться с Юго-Восточным фронтом? — спросил И. В. Сталин.

— Минимум еще одну полнокровную общевойсковую армию, танковый корпус, три танковые бригады и не менее 400 орудий гаубичной артиллерии. Кроме того, на время операции необходимо дополнительно сосредоточить не менее одной воздушной армии.

А. М. Василевский полностью поддержал мои расчеты.

Верховный достал свою карту с расположением резервов Ставки, долго и пристально ее рассматривал. Мы с Александром Михайловичем отошли подальше от стола в сторону и очень тихо говорили о том, что, видимо, надо искать какое-то иное решение.

— А какое «иное» решение? — вдруг подняв голову, спросил И. В. Сталин.

Я никогда не думал, что у И. В. Сталина такой острый слух. Мы подошли к столу.

— Вот что, — продолжал он, — поезжайте в Генштаб и подумайте хорошенько, что надо предпринять в районе Сталинграда. Откуда и какие войска можно перебросить для усиления сталинградской группировки, а заодно подумайте и о Кавказском фронте. Завтра в 9 часов вечера снова соберемся здесь.

Весь следующий день мы с А. М. Василевским проработали в Генеральном штабе. Все внимание сосредоточили на возможности осуществления операции крупного масштаба, с тем чтобы не расходоватьготавливаемые и уже готовые резервы на частные операции. В октябре у нас заканчивалось формирование стратегических резервов. К этому времени наша промышленность значительно увеличила производство самолетов новейших конструкций и боеприпасов для артиллерии.

Перебрав все возможные варианты, мы решили предложить И. В. Сталину следующий план действий: первое — активной обороной продолжать изматывать противника; второе — приступить к подготовке контрнаступления, чтобы нанести противнику в районе Сталинграда такой удар, который резко изменил бы стратегическую обстановку на юге страны в нашу пользу.

Что же касается конкретного плана контрнаступления, то, естественно, за один день мы не могли подготовить детальные расчеты, но нам было ясно, что основные удары нужно наносить по флангам сталинградской группировки, прикрывавшимся королевскими румынскими войсками.

Ориентировочный расчет показывал, что раньше середины ноября подготовить необходимые силы и средства для контрнаступления будет невозможно. При оценке противника мы исходили из того, что фашистская Германия уже не в состоянии выполнить свой стратегический план 1942 года. Тех сил и средств, которыми к осени 1942 года располагала Германия, не хватит для завершения задач ни на Северном Кавказе, ни в районе Дона и Волги.

Все, что германское командование могло использовать на Кавказе и в районе Сталинграда, уже было в значительной степени обескровлено и измотано. Ничего более значительного немцы явно не могли сюда бросить, и, безусловно, они будут вынуждены, так же как и после разгрома под Москвой, перейти к обороне на всех направлениях.

Нам было известно, что наиболее боеспособные в вермахте 6-я армия Паулюса и 4-я танковая армия Гота, втянувшись в изнурительные бои в районе Сталинграда, не в состоянии завершить операцию по захвату города и увязли там.

Советские войска в смертельных схватках с врагом на подступах к Сталинграду, а в дальнейшем и в самом городе понесли тяжелейшие потери и поэтому наличными силами не имели возможности разгромить врага. Но у нас закончилась подготовка крупных стратегических резервов, имевших новейшее оружие и новейшую боевую технику. К ноябрю у Ставки должны были быть механизированные и танковые соединения, вооруженные боеспособными и маневренными танками Т-34, что позволяло нам ставить своим войскам более сложные задачи.

К тому же наши высшие командные кадры за первый период войны многому научились, многое переосмыслили и, пройдя тяжелую школу борьбы с сильным врагом, стали мастерами оперативного и тактического искусства. Командно-политический состав и воины Красной Армии на опыте многочисленных ожесточенных схваток с вражескими войсками закалились и в полной мере освоили способы и методы боевых действий в любой обстановке.

Генеральный штаб на основе данных фронтов изучил сильные и слабые стороны немецких, венгерских, итальянских и румынских войск. Войска сателлитов по сравнению с немецкими были хуже вооружены, менее опытные, недостаточно боеспособны даже в обороне. И самое главное — их солдаты, да и многие офицеры не хотели умирать за чуждые им интересы на далеких полях России, куда их направили Гитлер, Муссолини, Антонеску, Хорти и другие фашистские лидеры.

Положение противника усугублялось еще и тем, что в районе Волги и Дона у него было очень мало войск в оперативном резерве — не более шести дивизий, да и те были разбросаны на широком фронте. Собрать их в кулак в короткое время было невозможно. Нам благоприятствовала и оперативная конфигурация всего фронта противника: наши войска занимали охватывающее положение и могли сравнительно легко развернуться на плацдармах в районах Серафимовича и Клетской.

Проанализировав все это, мы были готовы к докладу Верховному.

Вечером А. М. Василевский позвонил И. В. Сталину и доложил, что мы готовы, как было указано, прибыть в 21.00. И. В. Сталин сказал, что некоторое время он будет занят и примет нас в 22 часа.

В 22.00 мы были у Верховного, в его кабинете.

Поздоровавшись, он возмущенно сказал:

— Десятки, сотни тысяч советских людей отдают свою жизнь в борьбе с фашизмом, а Черчилль торгуется из-за двух десятков «харикейнов». А их «харикейны» — дрянь, наши летчики не любят эту машину... — И затем совершенно спокойным тоном без всякого перехода продолжал: — Ну, что надумали? Кто будет докладывать?

— Кому прикажете, — ответил Александр Михайлович, — мнение у нас одно.

Верховный подошел к нашей карте.

— Это что у вас?

— Это предварительные наброски плана контрнаступления в районе Сталинграда, — пояснил А. М. Василевский.

— Что это за группировки войск в районе Серафимовича?

— А это новый фронт. Его нужно создать, чтобы нанести мощный удар по оперативному тылу группировки противника, действующей в районе Сталинграда.

— Хватит ли сейчас сил для такой большой операции?

Я доложил, что, по нашим подсчетам, через 45 дней операцию можно обеспечить необходимыми силами и средствами и хорошо ее подготовить.

— А не лучше ли ограничиться ударом с севера на юг и с юга на север вдоль Дона? — спросил И. В. Сталин.

В этом случае немцы могут быстро повернуть из-под Сталинграда свои бронетанковые дивизии и парировать наши удары. Удар наших войск западнее Дона не даст возможности противнику из-за речной преграды быстро сманеврировать и своими резервами выйти навстречу нашим группировкам.

— А не далеко ли замахнулись ударными группировками?

Мы с Александром Михайловичем объяснили, что операция делится на два основных этапа: 1) прорыв обороны, окружение сталинградской группировки немецких войск и создание прочного внешнего фронта, чтобы изолировать эту группировку от внешних сил; 2) уничтожение окруженного противника и пресечение попыток противника деблокироваться.

— Над планом надо еще подумать и подсчитать наши ресурсы, — сказал Верховный. — А сейчас главная задача — удержать Сталинград и не допустить продвижения противника в сторону Камышина.

Вошел А. Н. Поскребышев и доложил, что звонит А. И. Еременко.

Закончив телефонный разговор, Верховный сказал:

— Еременко докладывает, что противник подтягивает к городу танковые части. Завтра надо ждать нового удара. Дайте сейчас же указание о немедленной переброске через Волгу 13-й гвардейской дивизии Родимцева из резерва Ставки и посмотрите, что еще можно направить туда завтра, — сказал он А. М. Василевскому.

Обратившись ко мне, Верховный приказал:

— Позвоните Гордову и Голованову, чтобы они незамедлительно вводили в дело авиацию. С утра Гордов пусть атакует, чтобы сковать противника. Сами вылетайте обратно в войска Сталинградского фронта и приступайте к изучению обстановки в районе Клетской и Серафимовича. Василевскому через несколько дней надо вылететь на Юго-Восточный фронт к А. И. Еременко для изучения обстановки на его левом крыле. Разговор о плане продолжим позже. То, что мы здесь обсуждали, кроме нас троих, пока никто не должен знать.

Через час я был в самолете и вылетел в штаб Сталинградского фронта.

13, 14, 15 сентября для сталинградцев были тяжелыми, слишком тяжелыми днями. Противник, не считаясь ни с чем, шаг за шагом прорывался через развалины города все ближе и ближе к Волге. Казалось, вот-вот не выдержат люди. Но стоило врагу броситься вперед, как наши славные бойцы 62-й и 64-й армий в упор расстреливали его. Руины города стали крепостью. Однако сил с каждым часом оставалось все меньше.

Перелом в эти тяжелые и, как временами казалось, последние часы был создан 13-й гвардейской дивизией А. И. Родимцева. После переправы в Сталинград она сразу же контратаковала противника. Ее удар был совершенно неожиданным для врага. 16 сентября дивизия А. И. Родимцева отбила Мамаев курган. Помогли сталинградцам удары авиации под командованием А. Е. Голованова и С. И. Руденко, а также атаки и артиллерийские обстрелы с севера войск Сталинградского фронта по частям 8-го армейского корпуса немцев.

Необходимо отдать должное воинам 24, 1-й гвардейской и 66-й армий Сталинградского фронта, летчикам 16-й воздуш-

ной армии и авиации дальнего действия, которые, не считаясь ни с какими жертвами, оказали бесценную помощь 62-й и 64-й армиям Юго-Восточного фронта в удержании Сталинграда.

Со всей ответственностью заявляю, что если бы не было настоячивых контрударов войск Сталинградского фронта, систематических ударов авиации, то, возможно, Сталинграду пришлось бы еще хуже.

Небезынтересно, что по этому поводу пишет немецкий офицер, находившийся в армии Паулюса: «В то же время части нашего корпуса понесли огромные потери, отражая в сентябре яростные атаки противника, который пытался прорвать наши отсечные позиции с севера. Дивизии, находившиеся на этом участке, были обескровлены; в ротах оставалось, как правило, по 30—40 солдат»¹.

В момент затишья по приказу Верховного на командный пункт 1-й гвардейской армии приехали А. И. Еременко и Н. С. Хрущев. А. Е. Голованов и я также находились там. А. И. Еременко сказал, что он хотел бы ознакомиться с обстановкой и обсудить положение в Сталинграде. В. Н. Гордов и К. С. Москаленко познакомили А. И. Еременко со всеми деталями обстановки и своими соображениями.

Поскольку Верховный предупредил меня о сохранении в строжайшей тайне проектируемого плана большого контрнаступления, разговор велся главным образом об усилении войск Юго-Восточного и Сталинградского фронтов. На вопрос А. И. Еременко о плане более мощного контрудара я, не уклоняясь от ответа, сказал, что Ставка в будущем проведет контрудары значительно большей силы, но пока что для такого плана нет ни сил, ни средств.

В конце сентября меня вновь вызвал И. В. Сталин в Москву для более детального обсуждения плана контрнаступления. К этому времени вернулся в Москву и А. М. Василевский, изучавший условия для контрнаступления армий левого крыла Юго-Восточного фронта.

Прежде чем явиться в Ставку, мы встретились с Александром Михайловичем, чтобы обменяться впечатлениями.

Во время обсуждения обстановки на участке Сталинградского фронта Верховный спросил меня, что собой представляет генерал Гордов. Я доложил, что Гордов в оперативном отно-

¹ И. Видер. Катастрофа на Волге. М., 1965, стр. 52.

шения подготовленный генерал, но как-то не может поладить со штабом и командным составом.

И. В. Сталин сказал, что в таком случае во главе фронта следует поставить другого командующего. Кандидатом на этот пост был предложен генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский. А. М. Василевский поддержал меня. Тут же было решено: Сталинградский фронт переименовать в Донской, а Юго-Восточный — в Сталинградский. Командующим Донским фронтом назначить К. К. Рокоссовского, начальником штаба фронта — М. С. Малинина.

Кандидатом на должность командующего во вновь создаваемый Юго-Западный фронт был назван генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин. В качестве основного ядра для развертывания штаба Юго-Западного фронта решили взять штаб 1-й гвардейской армии. Командующий этой армией К. С. Москаленко назначался командующим 40-й армией.

После детального обсуждения вопроса по плану контрнаступательной операции Верховный, обращаясь ко мне, сказал:

— Вылетайте обратно на фронт. Принимайте все меры, чтобы еще больше измотать и обессилить противника. Посмотрите еще раз намеченные планом районы сосредоточения резервов и исходные районы для Юго-Западного фронта и правого крыла Сталинградского фронта, особенно в районе Серафимовича и Клетской. Товарищу Василевскому с этой же целью следует выехать еще раз на левое крыло Юго-Восточного фронта и там изучить все вопросы, намеченные планом.

После тщательного изучения на месте всех условий для подготовки контрнаступления мы с А. М. Василевским вернулись в Ставку, где еще раз был обсужден план контрнаступления и после этого утвержден.

Карту-план контрнаступления подписали Г. К. Жуков и А. М. Василевский. «Утверждаю» подписал Верховный.

И. В. Сталин сказал А. М. Василевскому:

— Не раскрывая смысла нашего плана, надо опросить командующих фронтами в отношении их дальнейших действий.

Мне было приказано лично проинструктировать Военный совет Донского фронта о характере действий войск с целью всемерной помощи Сталинграду. Хорошо помню разговор 29 сентября в землянке, в балке севернее Сталинграда, где размещался командный пункт командарма К. С. Москаленко.

На мои указания активных действий не прекращать, чтобы противник не перебрасывал с участка Донского фронта силы и

средства для штурма Сталинграда, К. К. Рокоссовский сказал, что сил и средств у фронта очень мало и что ничего серьезного мы здесь не добьемся. Конечно, он был прав. Я тоже был такого мнения, но без активной помощи Юго-Восточному фронту (теперь Сталинградскому) удержать город было невозможно.

1 октября я вернулся в Москву для дальнейшей работы над планом контрнаступления. От Сталинграда до Москвы летел в самолете генерал-лейтенанта А. Е. Голованова, которым он управлял лично. Я с удовольствием сел в кабину к такому опытному летчику.

Не долетая до Москвы, почувствовал, что самолет неожиданно делает разворот и снижается. Я решил, что мы, видимо, уклонились от курса. Однако спустя несколько минут А. Е. Голованов повел машину на посадку на незнакомой мне местности. Приземлились благополучно.

— Почему посадили машину здесь? — спросил я Голованова.

— Скажите спасибо, что были рядом с аэродромом, а то могли бы свалиться.

— А в чем дело?

— Обледенение.

Во время разговора подрулил мой самолет, который летел вслед за нами, и на нем уже я добрался до Центрального московского аэродрома. Естественно, что полеты в сложных условиях, спешка с вылетами, не могли быть все удачными.

Хорошо помню еще одну «самолетную» историю, едва не стоившую нам жизни. Это было также во время полета из Сталинграда в Москву. Погода в тот день стояла нелетная, шел дождь. Москва сообщала, что над городом туман, видимость ограничена. А лететь надо: вызывал Верховный.

До Москвы летели неплохо, но на подходе к Москве видимость не превышала ста метров. По радио летчику была дана команда из отдела перелетов ВВС идти на запасной аэродром. В этом случае мы наверняка опаздывали в Кремль, где нас ждал Верховный.

Приняв всю ответственность на себя, я приказал летчику Е. Смирнову садиться на Центральный аэродром и остался в его кабине. Пролетая над Москвой, мы неожиданно увидели в 10—15 метрах от левого крыла горловину фабричной трубы. Я взглянул на Смирнова, он, что называется, не моргнув глазом, поднял самолет чуть выше и через 2—3 минуты повел его на посадку.

— Кажется, мы счастливо вышли из той ситуации, про кото-

рую говорят «дело — труба»! — сказал я, когда мы приземлились.

— В воздухе все бывает, если летный состав игнорирует погодные условия, — ответил он улыбаясь.

— Моя вина! — сказал я летчику, крепко пожав при этом ему руку.

Е. Смирнов был славный человек и очень опытный летчик. С ним мы налетали более 130 часов. Е. Смирнов погиб в авиационной катастрофе.

В октябре в Сталинград по решению Ставки было переправлено через Волгу более шести доукомплектованных дивизий, так как от старого состава 62-й армии, по сути дела, ничего не осталось, кроме тылов и штабов. Несколько был усилен и Донской фронт. Особую заботу Ставка и Генеральный штаб проявляли о вновь создаваемом Юго-Западном фронте.

Ожесточеннейшие сражения в самом городе и в прилегающих районах продолжались. Гитлер требовал от командования группы армий «В» и от командующего 6-й армией Паулюса в самое ближайшее время взять Сталинград.

Как я уже говорил, для решительного штурма немецкое командование еще в сентябре сняло с обороны флангов немецкие войска и заменило их румынскими, чем резко ослабило боеспособность своей обороны в районах Серафимовича и южнее Сталинграда.

В середине октября противник развернул новое наступление в надежде уже на этот раз обязательно покончить со Сталинградом. Но вновь, как и прежде, он встретил упорную оборону советских войск. Особенно ожесточенно и умело дрались 13-я гвардейская дивизия А. И. Родимцева, 95-я дивизия В. А. Горишнего, 37-я гвардейская дивизия В. Г. Жолудева, 112-я дивизия И. Е. Ермолкина, группа С. Ф. Горохова, 138-я дивизия И. И. Людникова, 84-я танковая бригада Д. Н. Белого.

Дни и ночи не прекращались бои на улицах города, в домах, на заводах, на берегу Волги — везде и всюду. Наши части, понеся большие потери, остались на небольших «островках» Сталинграда.

Для помощи сталинградцам 19 октября в наступление перешли войска Донского фронта. Немцы были вынуждены и на этот раз, как это бывало и раньше, снять со штурма города значительную часть авиации, артиллерии и танков и повернуть их против наступающего Донского фронта.

В этот же период 64-я армия нанесла контрудар с юга в районе Купоросное — Зеленая Поляна во фланг наступающим частям противника. Наступление Донского фронта и контрудар

64-й армии облегчили тяжелое положение 62-й армии и сорвали усилия противника, нацеленные на овладение городом. Не будь помощи со стороны Донского фронта и 64-й армии, 62-я армия не смогла бы устоять, и Сталинград, возможно, был бы взят противником.

В начале ноября противник несколько раз пробовал провести в городе операции по ликвидации отдельных очагов обороны, а 11 ноября, когда наши войска заканчивали грандиозную подготовку к контрнаступлению, еще раз попытался наступать, но безрезультатно.

К этому времени враг был измотан до предела. Из опроса плененных было установлено, что части и соединения крайне малочисленны, морально-политическое состояние не только солдат, но и офицеров резко понизилось и мало кто верит, что выйдет живым из этого крошечного ада многомесячных сражений.

За период с июля по ноябрь в сражениях в районе Дона, Волги и в Сталинграде противник потерял до 700 тысяч человек, более тысячи танков, свыше 2 тысяч орудий и минометов, до 1400 самолетов. Общее оперативное положение немецких войск в районе Волги также осложнилось. Выше мы уже говорили, что дивизионных и корпусных резервов у противника не было, на флангах фронта группы армий «Б» были недостаточно боеспособные войска, начавшие понимать свое бесперспективное и тревожное положение.

Советские войска на Дону занимали выгодные позиции, обеспечивающие исходное положение для контрнаступления Юго-Западного и Донского фронтов. Южнее Сталинграда 51-я армия частным контрударом вышибла противника из озерных дефиле и прочно удерживала в своих руках выгодный рубеж Сарпа — Цаца — Барманцак. Этот район, по рекомендации А. М. Василевского, и был избран как исходный для ноябрьского контрнаступления левого крыла Сталинградского фронта.

Более трех месяцев продолжались ожесточенные сражения за Сталинград.

За величайшей битвой в районе Дона, Волги и Сталинграда с затаенным дыханием следили народы всего мира. Успехи советских войск, их мужественная борьба с врагом вдохновляли все прогрессивное человечество и вселяли уверенность в победе над фашизмом.

Сталинградская битва явилась огромнейшей школой побед для наших войск. Командование и штабы получили большую практику организации взаимодействия пехоты, танков, артил-

лерии, авиации. Войска научились вести упорную оборону в городе, сочетая ее с маневром на флангах. Моральное состояние наших войск значительно повысилось, и все это, вместе взятое, подготовило благоприятные условия для перехода советских войск в контрнаступление.

В середине ноября 1942 года оборонительными сражениями в районе Сталинграда и Северного Кавказа заканчивался первый период Великой Отечественной войны, который в жизни советского народа занимает особое место. Этот период был крайне тяжелым для советского народа и его вооруженных сил, особенно когда гитлеровские войска, сея смерть и разрушения, подошли к Ленинграду, Москве и заняли Украину. К ноябрю 1942 года вражеские войска оккупировали огромную территорию нашей страны площадью около 1 миллиона 800 тысяч квадратных километров, на которой до войны проживало около 80 миллионов человек. Многие миллионы советских людей, застигнутые войной, вынуждены были покинуть родные края и свой дом, уходить на восток, чтобы не остаться под вражеской оккупацией. Советские войска в результате сложившейся военной обстановки вынужденно отступали в глубь страны, неся при этом значительные людские и материальные потери.

Однако и в это тяжелое время советский народ и наши вооруженные силы не потеряли веру в возможность разгромить вражеские полчища. Смертельная опасность еще теснее сплотила наш народ вокруг Коммунистической партии, и, несмотря на трудности, враг на всех направлениях был окончательно остановлен.

За 16 месяцев вражеские войска на советско-германском фронте, встретив упорное сопротивление советских войск и народа в оккупированных районах, понесли колоссальнейшие потери. К ноябрю 1942 года эти потери достигли двух миллионов человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Это были лучшие кадры немецких войск, которые в конце первого периода войны фашистскому командованию заменить уже было нечем.

Благодаря огромным усилиям партии и народа советские войска получили в свои руки достаточное количество современных танков, самолетов, боевую и вспомогательную технику. В 1942 году было выпущено более 21 тысячи боевых самолетов, более 24 тысяч танков, с конца года по решению ГКО было развернуто серийное производство самоходно-артиллерийских установок. Энтузиазм воинов подкреплялся надежным оружием, и они дрались более эффективно, со значительными результатами.

Первый период войны, закончившийся оборонительной битвой за Сталинград, явился большой школой вооруженной борьбы с сильным противником. Советское Верховное Главнокомандование, Генеральный штаб, командование и штабы войск уже приобрели прекрасный опыт в организации и ведении активных оборонительных сражений и контрнаступательных операций.

В ходе ожесточеннейших сражений, проходивших за это время, с особой силой проявились массовый героизм советских воинов и мужество их военачальников, воспитанных нашей ленинской партией. Особенно положительную роль сыграл личный пример коммунистов и комсомольцев, которые, когда было необходимо, шли на самопожертвование ради победы над врагом. Яркой страницей в летопись истории первого периода войны вошла героическая борьба защитников Брестской крепости, Ленинграда, Москвы, Одессы, Севастополя, Сталинграда, Киева, Новороссийска, Керчи и Кавказа.

В первом периоде войны зародилась советская гвардия.

За массовый героизм личного состава и достигнутые успехи в боях за 1941—1942 годы получили звание гвардейских 4 кавалерийских корпуса, 36 стрелковых дивизий, 11 танковых бригад, 32 авиационных полка и ряд других частей. В Военно-Морском Флоте звание гвардейских было присвоено одному крейсеру, четырем подводным лодкам, эсминцу и минному заградителю.

До предела напряженная вооруженная борьба с противником вызвала большой расход боевой техники, вооружения и материальных средств. Несмотря на утрату значительной части важнейших экономических районов, фабрик и заводов, наш народ своим самоотверженным трудом стремился обеспечить советские войска необходимыми средствами для ведения войны. К концу 1942 года страна была превращена в военный лагерь. Советские люди считали своим долгом сделать все возможное для победы над врагом.

Героическую работу провели труженики органов тыла Красной Армии. За полтора года войны общий объем воинских перевозок по железным дорогам составил 6 миллионов 350 тысяч вагонов. В армии было доставлено более 113 тысяч вагонов боеприпасов, около 60 тысяч вагонов вооружения и технического имущества, более 210 тысяч вагонов горюче-смазочных материалов. Автотранспортные части только в 1942 году перевезли 2 миллиона 700 тысяч человек, 12,3 миллиона тонн грузов, 1923 танка и 3674 орудия. Военно-транспортная авиация

ГЕРОИЧЕСКАЯ ПЕХОТА.

ПАРТИЗАНСКИМИ ТРОПАМИ

Константин Симонов и Алексей Сурков.

«ТЫ ПОМНИШЬ, АЛЕША, ДОРОГИ СМОЛЕНЩИНЫ?..»

В БОЙ ЗА РОДИНУ НЕ ЩАДЯ ЖИЗНИ

Представитель Ставки Верховного Главнокомандования, начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза А. М. Василевский.

Представитель Ставки Верховного Главнокомандования маршал артиллерии Н. Н. Воронов.

Справа налево: командующий 56-й армией Северо-Кавказского фронта генерал А. А. Гречко, полковник Е. Е. Мальцев и полковник П. М. Соломко. 1943 г.

Представитель Ставки Верховного Главнокомандования
Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

Командующий
3-й гвардей-
ской танковой
армией генерал
П. С. Рыбалко
(слева).

Представитель Ставки Верховного Главнокомандования маршал Г. К. Жуков, начальник штаба 1-го Украинского фронта генерал А. Н. Боголюбов и командующий 1-м Украинским фронтом генерал армии Н. Ф. Ватутин.

Командующий 62-й армией генерал В. И. Чуйков и член Военного совета генерал К. А. Гуров.

Командующий Волховским фронтом
Маршал Советского Союза
К. А. Мерецков.

Командующий 1-й гвардейской армией
генерал Д. Д. Лелюшенко.

Адмирал И. С. Исаков.

Командир 13-й гвардейской стрелковой
дивизии генерал А. И. Родимцев
(в центре) на командном пункте.

СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА.

Бои шли за каждый дом.

Сталинград. Август 1942 г.

доставила более 532 тысяч человек, в том числе 158 тысяч раненых.

Проведенная в начале войны реорганизация тыла Красной Армии целиком себя оправдала. Правильный подбор руководящих работников центральных и войсковых органов тыла, политработников и руководителей партийных органов обеспечил тесную деловую связь с народным хозяйством страны и эффективное использование всех громаднейших ресурсов, которые направлялись в войска.

Наше молодое поколение должно знать, какую тяжелую борьбу выдержал советский народ, отстаивая свою Родину. Читая некоторые мемуары и художественные произведения, не всегда можно правильно понять, насколько был опытен и силен враг, с которым советским воинам пришлось драться.

Прежде всего об основной массе немецких войск — солдатах и офицерах.

Опьяненные легкими победами над армиями стран Западной Европы, отравленные геббельсовской пропагандой, твердо верящие в возможность легкой победы над Красной Армией и в свое превосходство над всеми другими народами, немецкие войска вторглись в пределы нашей Родины с надеждой на легкую победу. Особенно воинственно были настроены молодые солдаты и офицеры, состоявшие в фашистских организациях, личный состав бронетанковых войск и авиации. Мне приходилось в первые месяцы войны допрашивать пленных и, должен сказать, чувствовалось, что они верили всем авантюристическим посулам Гитлера.

Что касается боеспособности немецких солдат и офицеров в первом периоде войны, их специальной выучки и боевого воспитания, то, надо сказать, что они, безусловно, были на высоком уровне во всех родах войск, особенно в танковых войсках и авиации.

В боях и полевой службе немецкий солдат знал свое дело, был упорен, самоуверен и дисциплинирован.

Конечно, после разгрома фашистских войск в районе Сталинграда солдаты и офицеры противника потеряли веру в обещанную победу, заметно пали духом и уже не могли состязаться с советскими воинами в боевой доблести. Но в целом советскому воину пришлось иметь дело с опытным и сильным врагом, у которого вырвать победу было не так-то просто.

Штабы немецких частей, соединений и армий были обучены современным способам организации боя, сражения и операций. Управление войсками в процессе боевых действий осуществля-

лось главным образом при помощи радиосредств, которыми командно-штабные инстанции вермахта были достаточно обеспечены. В ходе сражений они настойчиво добивались от войск выполнения поставленных задач. При этом умели организовать взаимодействие с боевой авиацией, которая часто бомбовыми ударами прокладывала путь сухопутным войскам.

Об оперативных штабах немецких вооруженных сил в начальном периоде войны у меня сложилось неплохое впечатление. Видно было, что они скрупулезно планировали и организовывали свои удары на всех стратегических направлениях. Подобрали опытных командиров соединений и командующих армиями. В ряде случаев правильно определили направления, силу и состав войск для своих ударов, нацелив их на наиболее слабые участки нашей обороны. Несмотря на все это, военнополитическая стратегия германского фашизма оказалась явно авантюристичной, глубоко ошибочной и недальновидной. В политических и военно-стратегических расчетах противником были допущены грубейшие просчеты. Сил, которыми располагала Германия (даже с учетом резервов ее сателлитов), уже в 1941 году не хватило для завершения основных задач на главнейших направлениях.

Противник, понеся громаднейшие потери в Смоленском сражении, вынужден был прекратить наступление на Москву и перейти здесь к временной обороне. При этом он перенацелил значительную часть сил группы армий «Центр» на помощь войскам группы армий «Юг», действовавших против наших войск Центрального и Юго-Западного фронтов.

Не сумев захватить Ленинград, главное командование немецких войск вынуждено было снять оттуда авиацию и бронетанковые войска и перегруппировать их на московское направление для усиления группы армий «Центр». В октябре-ноябре немецкие войска перенесли основные усилия на центральное направление, но и здесь в связи с возросшим сопротивлением советских войск на подступах к Москве у них не хватило сил для завершения операции «Тайфун».

В основе всех этих просчетов лежала явная недооценка силы и могущества нашей социалистической страны и советского народа, переоценка своих сил и возможностей.

Планируя вторжение в Советский Союз, Гитлер и его окружение рассчитывали все свои силы и средства бросить против Советского Союза. Это была ставка азартного игрока. Несмотря на предательство правительства Петэна, трудовой народ Франции не склонил головы перед фашистскими оккупантами. Не

склонили головы и свободолюбивые народы Югославии, Польши, Чехословакии и ряда других стран. Гитлеровцам пришлось иметь дело с массовым движением Сопротивления. Англия также не прекратила борьбу, хотя и вела ее не в полную силу своих возможностей.

Не предполагали гитлеровцы, что советский народ, сплотившийся вокруг партии, найдет в себе такие силы и в короткий срок перестроит экономику страны, быстро организует массовое производство танков, самолетов, артиллерии, боеприпасов. Всего того, что необходимо было Советским Вооруженным Силам для создания превосходства над противником, для коренного перелома в ходе войны, начала изгнания немецко-фашистских войск с территории нашей Родины и создания условий для окончательного разгрома фашистской Германии.

В суровых условиях наши войска закалялись, мужали, набирались опыта борьбы и, получив в свои руки необходимые средства, из отступающей, обороняющейся стороны превратились в мощную наступающую силу.

Большая организаторская и вдохновляющая работа нашей ленинской партии дала блестящие результаты как в области военного строительства, так и мобилизации советского народа на создание материально-технической базы, обеспечившей вооруженную борьбу Красной Армии с немецко-фашистскими войсками.

Итак, первый период Великой Отечественной войны закончился провалом стратегических планов гитлеровского командования и значительным истощением сил и средств Германии. Этот главный итог борьбы с немецко-фашистскими войсками в значительной степени предопределил весь дальнейший ход второй мировой войны.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПОРАЖЕНИЕ ПРОТИВНИКА В РАЙОНЕ СТАЛИНГРАДА

В октябре 1942 года стало ясно, что немецкое командование вынуждено будет перейти к стратегической обороне на всем Восточном фронте. Гитлеровские войска понесли колоссальные потери и к тому времени окончательно утратили наступательные возможности. По существу это означало окончательный срыв всех планов войны против Советского Союза.

Фашистская пропаганда развернула кампанию за «более тщательную и своевременную подготовку ко второй русской зиме». От своих войск немецкое командование требовало подготовить несокрушимую активную оборону, чтобы создать в 1943 году условия для победного окончания войны.

Чем же определялась сложность положения для верховного главнокомандования немецких вооруженных сил в тот период?

С одной стороны, незавершенность стратегических целей, как и в 1941 году, чрезмерная растянутость войск от Черного моря через Северный Кавказ, Сталинград, Дон и до Баренцева моря, отсутствие свободных стратегических резервов на фронте и в тылу страны, тяжелое морально-политическое состояние в немецких войсках. С другой стороны, все явственнее проявлялась возрастающая мощь Советского государства, успешное преодоление им экономических и военных трудностей.

К началу ноября 1942 года немцы имели на советско-германском фронте 266 дивизий, в составе которых насчитывалось около 6,2 миллиона человек, свыше 70 тысяч орудий и минометов, 6600 танков и штурмовых орудий, 3500 боевых самолетов и 194 боевых корабля.

К этому же сроку в действующих войсках Советского Союза находилось 6,1 миллиона человек, 72,5 тысячи орудий и минометов, 6014 танков, 3088 боевых самолетов. В стратегическом резерве Ставки к этому периоду накопилось 25 дивизий, 13 тан-

ковых и механизированных корпусов, 7 отдельных стрелковых и танковых бригад.

Таким образом, к завершению первого периода войны соотношение сил начало изменяться в пользу Советского Союза.

Наше превосходство над немцами ощущалось и в том, что Советские Вооруженные Силы научились сохранять в глубокой тайне свои намерения, производить в широких масштабах дезинформацию и вводить противника в заблуждение. Скрытные перегруппировки и сосредоточения войск позволяли осуществлять внезапные удары по врагу.

После тяжелейших для нас сражений на юге страны, в районе Сталинграда и на Северном Кавказе гитлеровское военное руководство считало, что советские войска не в состоянии в этих районах провести крупное наступление.

В оперативном приказе главного командования немецко-фашистских сухопутных войск от 14 октября 1942 года говорилось:

«Сами русские в ходе последних боев были серьезно ослаблены и не смогут зимой 1942/43 года располагать такими же большими силами, какие имелись у них в прошлую зиму».

Но это было далеко не так.

Активные действия наших войск летом и осенью 1942 года на западном направлении против немецкой группы армий «Центр», по расчетам Ставки, должны были дезориентировать противника, создать впечатление, что именно здесь, а не где-либо в другом месте мы готовим зимнюю операцию. Поэтому в октябре гитлеровское командование начало большое сосредоточение своих войск против наших западных фронтов. В район Великих Лук из-под Ленинграда были переброшены танковая, моторизованная и пехотная дивизии. В район Витебска и Смоленска направлялось семь дивизий из Франции и Германии. В район Ярцева и Рославля — две танковые дивизии из-под Воронежа и Жиздры. Итого к началу ноября для усиления группы армий «Центр» было переброшено двенадцать дивизий, не считая других средств.

Оперативные просчеты немцев усугубились плохой работой их разведки, которая не сумела вскрыть подготовку нами крупнейшего контрнаступления в районе Сталинграда, где участвовали 10 общевойсковых, одна танковая и четыре воздушные армии, ряд отдельных танковых, механизированных, кавалерийских корпусов, бригад и отдельных частей, 13,5 тысячи орудий и минометов, около 900 танков и самоходно-артиллерийских установок, 1414 боевых самолетов.

После войны бывший начальник штаба оперативного руководства немецко-фашистскими вооруженными силами Подль признал, что они не смогли раскрыть сосредоточение советских войск против левого фланга армии Паулюса.

«Мы абсолютно не имели представления о силе русских войск в этом районе. Раньше здесь ничего не было, и внезапно был нанесен удар большой силы, имевший решающее значение».

К началу контрнаступления наших войск противник на юге страны занимал следующее оперативно-стратегическое положение.

В районе Среднего Дона, Сталинграда и южнее по Сарпинским озерам действовали основные силы группы армий «Б», а именно: войска 8-й итальянской, 3-й и 4-й румынских армий, 6-й и 4-й танковой немецких армий. В среднем на дивизию приходилось до 15—20 километров.

В этой группировке насчитывалось более миллиона человек, 675 танков и штурмовых орудий, более 10 тысяч орудий и минометов. Количественное соотношение сил сторон было почти равным, за исключением небольшого нашего превосходства в танках.

Группу армий «Б» поддерживали 4-й воздушный флот и 8-й авиакорпус.

Советское Верховное Главнокомандование, разрабатывая план разгрома группы армий «Б», исходило из того, что разгром противника в районе Сталинграда поставит в тяжелое положение противника и на Северном Кавказе и заставит его поспешно отступать или драться в условиях окружения.

После смерти И. В. Сталина появилась некоторая неясность, кто же все-таки является автором плана такого значительного по своим масштабам, эффекту и результатам контрнаступления? Хотя этот вопрос теперь, возможно, и не имеет особого значения и в предыдущем разделе уже изложены данные о работе над планом, все же внесу здесь некоторые дополнения.

Имеется предположение о том, что первые наброски будущей наступательной операции разрабатывались в Ставке якобы еще в августе 1942 года, притом первоначальный вариант плана носил ограниченный характер.

Но это были не наброски будущей контрнаступательной операции, а всего лишь план контрудара с целью задержать противника на подступах к Сталинграду. О большем тогда в Ставке никто и не думал, так как на большее у нас в то время не было ни сил, ни средств.

Имели место также высказывания, что 6 октября 1942 года Военный совет Сталинградского фронта направил в Ставку свои предложения по организации и проведению контрнаступления по собственной инициативе.

На это дает ответ А. М. Василевский:

«С рассветом 6 октября мы вместе с Н. Н. Вороновым и В. Д. Ивановым... отправились на НП 51-й армии... Здесь мы заслушали доклад командарма Н. И. Труфанова. В тот же вечер на КП фронта, встретившись с командующим войсками и членом Военного совета, мы еще раз обсудили предложенный Ставкой план предстоящего контрнаступления и, так как никаких принципиальных возражений у командования фронта план не вызывал, подготовили в ночь на 7 октября на имя Верховного Главнокомандующего соответствующее донесение.

7 октября я от имени Ставки дал указание командующему Донским фронтом о подготовке аналогичных соображений относительно своего фронта»¹.

Думаю, что-либо добавлять к тому, что сказал Александр Михайлович, не требуется. Данные, изложенные им, убеждают, что главная роль в планировании контрнаступления принадлежит Ставке и Генеральному штабу.

В исторических разработках также упоминается о том, что несколько позже командующий Юго-Западным фронтом Н. Ф. Ватутин тоже направил план контрнаступления. Возникают вопросы: когда позже, какой план, план фронта или общий план контрнаступления?

Как известно, Юго-Западный фронт был образован только в конце октября, в период, когда средства и силы фронта уже заканчивали свое сосредоточение согласно плану контрнаступления и общий план Ставки уже был сверстан и утвержден.

О чем здесь необходимо сказать, так это о том, что каждый командующий фронтом, разрабатывая план действий вверенного ему фронта, согласно существующей практике и порядку, докладывал его на утверждение Ставки в Москве или ее представителям на месте и при этом, естественно, излагал свои соображения о взаимодействии с соседями и просьбы к Ставке.

Чтобы разработать такую крупнейшую стратегическую операцию, как план наступления трех фронтов в районе Сталинграда, нужно было основываться не только на оперативных выводах, но и на определенных материально-технических расчетах.

1 «Военно-исторический журнал» № 10, 1965, стр. 20—21.

Кто же мог производить конкретные расчеты сил и средств для операции такого масштаба? Конечно, только тот орган, который держал в руках эти материальные силы и средства. В данном случае это могли быть только Ставка Верховного Главнокомандования и Генеральный штаб.

Вполне естественно, что Ставка и Генштаб в процессе боевых действий тщательно изучали разведывательные данные о противнике, поступавшие от фронтов и войск, анализировали их и делали выводы о характере действий противника и своих войск. Они изучали соображения штабов, командующих фронтами, видами вооруженных сил и родами войск и, анализируя все эти данные, принимали то или иное решение.

Следовательно, план проведения операции стратегического масштаба мог возникнуть в полном объеме только в результате длительных творческих усилий всех войск, штабов, командиров.

Еще раз повторяю: основная и решающая роль во всестороннем планировании и обеспечении контрнаступления под Сталинградом неоспоримо принадлежит Ставке Верховного Главнокомандования и Генеральному штабу.

Точно так же неоспоримо принадлежит приоритет в непосредственном разгроме врага тем, кто своим смелым ударом, метким огнем, мужеством, отвагой и мастерством громил не на жизнь, а на смерть противостоящего врага. Я здесь говорю о наших славных бойцах, командирах, генералах, которые, преодолев тяжелые испытания первого периода войны, были накануне контрнаступления в полной готовности взять инициативу сражений в свои руки и учинить врагу катастрофический разгром.

Заслуга Ставки Верховного Главнокомандования и Генштаба состоит в том, что они оказались способными с научной точностью проанализировать все факторы этой грандиозной операции, сумели предвидеть ход ее развития и завершение. Следовательно, не о персональных претендентах на «авторство» идеи контрнаступления должна идти речь.

Не считаю целесообразным здесь излагать в деталях весь план контрнаступления и ход операций, так как об этом много и в основном правильно написано в нашей военно-исторической литературе. Однако на некоторых моментах полагаю необходимым остановиться.

Главную роль на первом этапе контрнаступления выполнял Юго-Западный фронт, командующим которого был генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин.

Юго-Западный фронт, нанося мощные и глубокие удары, действовал с плацдармов на правом берегу Дона в районах Серафимовича и Клетской. Сталинградский фронт наступал из района Сарпинских озер. Ударные группировки обоих фронтов должны были соединиться в районе Калач (Калач-на-Дону) — хутор Советский и тем самым завершить окружение основных сил противника под Сталинградом.

Юго-Западный фронт, развернув свою главную группировку в составе 21, 5-й танковой армий, части сил 1-й гвардейской армии и других мощных средств прорыва с плацдармов юго-западнее Серафимовича и в районе Клетской, должен был прорвать оборону 3-й румынской армии и стремительно развивать удар подвижными соединениями на юго-восток с целью выхода на Дон, на участке Большенабатовская — Калач. В результате этого удара войска фронта должны были выйти в тыл сталинградской группировке и отрезать ей все пути отхода на запад.

Обеспечение наступления ударной группировки фронта с юго-запада и запада и образование внешнего фронта окружения на этом направлении возлагались на правифланговую армию Юго-Западного фронта, 1-ю гвардейскую армию под командованием генерал-лейтенанта Д. Д. Лелюшенко, в последующем на основные силы 5-й танковой армии под командованием генерал-лейтенанта П. Л. Романенко. Эти войска, развивая наступление на запад, юго-запад и юг, должны были на третий день операции выйти на рубеж от Вешенской до Боковской и далее по реке Чир до Обливской.

Действия наземных войск Юго-Западного фронта поддерживались авиацией 2-й и 17-й воздушных армий, которыми командовали генерал-майор авиации К. Н. Смирнов и генерал-майор авиации С. А. Красовский.

Донской фронт должен был нанести два вспомогательных удара. Один одновременно с Юго-Западным фронтом из района восточнее Клетской на юго-восток силами 65-й армии с целью свертывания обороны противника на правом берегу Дона. Вторым — силами 24-й армии из района Качалинской вдоль левого берега Дона на юг в общем направлении на Вертячий с целью отсечения войск противника, действовавших в малой излучине Дона, от его группировки в районе Сталинграда.

66-я армия своими активными действиями севернее Сталинграда должна была прочно сковать противника и лишить его возможности маневрировать резервами. Действия наземных войск Донского фронта поддерживались 16-й воздушной армией под командованием генерал-майора авиации С. И. Руденко.

Сталинградский фронт своей ударной группировкой, в которую входили 51, 57-я и 64-я армии, должен был перейти в наступление на фронте от Ивановки до северной оконечности озера Барманцак. Этой группировке ставилась задача прорвать оборону противника и, развивая удар в северо-западном направлении, выйти в район Калач — хутор Советский, где и соединиться с войсками Юго-Западного фронта, завершив окружение врага в районе Сталинграда.

51-я армия под командованием генерал-майора Н. И. Труфанова прорывала оборону противника с плацдармов на перешейках между озерами Сарпа, Цаца и Барманцак и основными силами развивала наступление на северо-запад в общем направлении на Абганерово.

57-я армия генерала Ф. И. Толбухина и 64-я армия генерала М. С. Шумилова переходили в наступление из района Ивановки в западном и северо-западном направлениях с целью охвата вражеской группировки с юга.

62-я армия генерала В. И. Чуйкова должна была активной обороной сковать войска противника, действовавшие непосредственно в городе, и быть в готовности к переходу в наступление.

Для обеспечения наступления войск ударной группировки Сталинградского фронта с юго-запада и создания внешнего фронта окружения на этом направлении использовалась 51-я армия (в том числе и 4-й кавалерийский корпус генерала Т. Т. Шапкина), которая должна была наступать на юго-запад в общем направлении на Абганерово, Котельниково (Котельниковский). Войска Сталинградского фронта поддерживались 8-й воздушной армией под командованием генерал-майора авиации Т. Т. Хрюкина.

При подготовке контрнаступления предстояло провести колоссальные перевозки войск и материально-технических средств для всех фронтов, особенно для вновь создаваемого Юго-Западного фронта. Надо отдать должное Генеральному штабу и штабу тыла Красной Армии. Они блестяще справились с сосредоточением сил и средств для операции.

На перевозке войск и грузов работало 27 тысяч машин. Железные дороги ежедневно подавали 1300 вагонов грузов. Войска и грузы для Сталинградского фронта перевозились в исключительно сложных условиях осеннего ледохода на Волге. С 1 по 19 ноября через Волгу было переправлено 160 тысяч солдат, 10 тысяч лошадей, 430 танков, 600 орудий, 14 тысяч автомашин, около 7 тысяч тонн боеприпасов.

Конец октября и начало ноября мне, А. М. Василевскому и другим представителям Ставки пришлось основательно поработать в войсках, чтобы помочь командованию, штабам и войскам полностью освоить план контрнаступления и способы его выполнения. Итоговые совещания в штабах фронтов, армий и войск показали, что эта сложная и трудоемкая работа была проведена командно-политическим составом с чувством большой ответственности и творческой инициативы.

С 1 по 4 ноября были рассмотрены и откорректированы планы Юго-Западного фронта, а затем во всех деталях были рассмотрены и увязаны планы действий 21-й армии и 5-й танковой армии.

При проработке плана действий в штабе Юго-Западного фронта, кроме меня, присутствовали и другие представители Ставки: по вопросам артиллерии — генерал Н. Н. Воронов, авиации — генералы А. А. Новиков и А. Е. Голованов, по бронетанковым войскам — генерал Я. Н. Федоренко, которые помогли глубже отработать вопросы применения и взаимодействия важнейших родов войск.

4 ноября в штабе 21-й армии состоялось рассмотрение хода подготовки к наступлению 21-й и 65-й армий. На это совещание было приглашено командование Донского фронта и 65-й армии. А. М. Василевский в эти дни работал в войсках Сталинградского фронта, проверяя ход подготовки 51, 57-й и 64-й армий. Мы с ним условились, что я прибуду туда же.

Работая в войсках, мы детально изучали сведения о противнике, характере его обороны, расположении основных сил и общей системы огня, наличии и месте противотанковых средств и противотанковых опорных пунктов.

Определялся способ и план артиллерийской подготовки, ее плотность, вероятность уничтожения и подавления обороны противника, а также способ сопровождения артиллерией боевых порядков при наступлении. Увязывался план взаимодействия авиации и артиллерии и распределялись цели между ними, план и способ взаимодействия с танковыми войсками при прорыве и после ввода их в прорыв. Уточнялось взаимодействие на флангах с соседями, особенно во время ввода в прорыв подвижных войск, и их действия в оперативной глубине обороны противника. Тут же давались практические указания: что нужно дополнительно узнать о противнике, что нужно еще спланировать, какую работу провести непосредственно на местности и с войсками.

Главное внимание всего командно-политического состава было сосредоточено на необходимости стремительно прорвать тактическую оборону вражеских войск, ошеломить их мощным ударом и быстро ввести в дело вторые эшелоны для развития тактического прорыва в оперативный.

При отработке задач в корпусах, дивизиях и частях мы добивались от командного состава глубокого изучения и осмысления поставленных задач и способов взаимодействия со средствами усиления и соседями, особенно в глубине обороны противника.

Для всех категорий командно-политического состава эта работа была трудной, и она потребовала напряжения всех сил и способностей, но все это хорошо окупилось в ходе сражений.

Большую партийно-политическую работу в войсках развернули политорганы, партийные и комсомольские организации. Эта важная деятельность умело направлялась Военным советом фронта и его политическим управлением, которое возглавлял генерал М. В. Рудаков.

Для окончательной отработки плана наступления войск Сталинградского фронта, как мы договорились с А. М. Василевским, я прибыл на командный пункт 57-й армии в Татьяновку утром 10 ноября, где к тому времени, кроме Военного совета фронта, были: М. М. Попов, М. С. Шумилов, Ф. И. Толбухин, Н. И. Труфанов, командиры корпусов В. Т. Вольский и Т. Т. Шапки и другие генералы фронта. Перед совещанием мы с А. М. Василевским, командующими 51-й и 57-й армиями Н. И. Труфановым и Ф. И. Толбухиным, М. М. Поповым и другими генералами выехали на участки войск этих армий, с тем чтобы еще раз осмотреть местность, где предстояло развернуть наступление главных сил Сталинградского фронта.

После рекогносцировки были рассмотрены вопросы взаимодействия фронта с Юго-Западным фронтом, увязана техника встречи передовых частей в районе Калача, взаимодействие частей после завершения окружения и другие проблемы предстоящей операции.

После этого были рассмотрены армейские планы, о которых докладывали командующие армиями и командиры корпусов.

Вечером 11 ноября я сообщил Верховному по «Бодо»:

«В течение двух дней работал у Еременко. Лично осмотрел позиции противника перед 51-й и 57-й армиями. Подробно поработал с командирами дивизий, корпусов и командармами предстоящие задачи по «Урану». Проверка показала: лучшие идет подготовка к «Урану» у Толбухина...

Мною приказано провести боевую разведку и на основе добытых сведений уточнить план боя и решение командарма.

Попов работает неплохо и дело свое знает.

Две стрелковые дивизии, данные Ставкой (87-я и 315-я) в адрес Еременко, еще не грузились, так как до сих пор не получили транспорта и конского состава.

Из мехбригад пока прибыла только одна.

Плохо идет дело со снабжением и с подвозом боеприпасов. В войсках снарядов для «Урана» очень мало.

К установленному сроку операция подготовлена не будет. Приказал готовить на 15.11.1942 г.

Необходимо немедленно подбросить Еременко 100 тонн антифриза, без чего невозможно будет бросить мехчасти вперед; быстрее отправить 87-ю и 315-ю стрелковые дивизии; срочно доставить 51-й и 57-й армиям теплое обмундирование и боеприпасы с прибытием в войска не позже 14.11.1942 г.

Константинов ¹.

11.11.1942 г.

№ 4657».

Надо сказать, что Верховный обычно уделял должное внимание авиационному обеспечению операций. Получив мое сообщение о неудовлетворительной подготовке авиационного обеспечения предстоящего контрнаступления, Верховный прислал мне нижеследующую телеграмму:

«Товарищу Константинову.

Если авиаподготовка операции неудовлетворительна у Еременко и Ватутина, то операция кончится провалом. Опыт войны с немцами показывает, что операцию против немцев можно выиграть лишь в том случае, если имеем превосходство в воздухе. В этом случае наша авиация должна выполнить три задачи:

Первое — сосредоточить действия нашей авиации в районе наступления наших ударных частей, подавить авиацию немцев и прочно прикрыть наши войска.

Второе — пробить дорогу нашим наступающим частям путем систематической бомбежки стоящих против них немецких войск.

Третье — преследовать отступающие войска противника путем систематической бомбежки и штурмовых действий, чтобы

¹ Псевдоним Г. К. Жукова. (Ред.)

окончательно расстроить их и не дать им закрепиться на ближайших рубежах обороны.

Если Новиков думает, что наша авиация сейчас не в состоянии выполнить эти задачи, то лучше отложить операцию на некоторое время и накопить побольше авиации.

Поговорите с Новиковым и Ворожейкиным, растолкуйте им это дело и сообщите мне Ваше общее мнение.

Васильев ¹.

12.11.42. 4 часа.

№ 170686».

Завершив отработку планов войск Сталинградского фронта 12 ноября, мы с А. М. Василевским позвонили И. В. Сталину и сказали, что нам нужно лично доложить ему ряд соображений, связанных с предстоящей операцией.

13 ноября утром мы были у И. В. Сталина. Он был в хорошем расположении духа и подробно расспрашивал о положении дел под Сталинградом в ходе подготовки контрнаступления.

Основные положения нашего доклада сводились к следующему.

Касаясь соотношения сил как в качественном, так и в количественном отношении, мы указали, что на участках наших главных ударов (Юго-Западный и Сталинградский фронты) по-прежнему обороняются в основном румынские войска. По данным пленных, общая их боеспособность невысокая. В количественном отношении на этих направлениях мы будем иметь значительное превосходство, если к моменту перехода в наступление немецкое командование не перегруппирует сюда свои резервы. Но пока никаких перегруппировок наша разведка не обнаружила. 6-я армия Паулюса и основные силы 4-й танковой армии находятся в районе Сталинграда, где они скованы войсками Сталинградского и Донского фронтов.

Наши части, как и предусмотрено планом, сосредоточиваются в назначенных районах, и, судя по всему, разведка противника их перегруппировки не обнаружила. Нами приняты меры к еще большей скрытности передвижений сил и средств.

Задачи фронтов, армий и войсковых соединений отработаны. Взаимодействие всех родов оружия увязано непосредственно на местности. Предусмотренная планом встреча войск удар-

¹ Псевдоним И. В. Сталина. (Ред.)

ных группировок Юго-Западного и Сталинградского фронтов отработана с командующими, штабами фронтов армий и тех войск, которые будут выходить в район хутор Советский — Калач. В авиационных армиях подготовка, видимо, будет закончена не раньше 15 ноября.

Варианты создания внутреннего фронта окружения сталинградской группировки противника и внешнего фронта для обеспечения ликвидации окружаемого врага можно считать отработанными.

Подвоз боеприпасов, горючего и зимнего обмундирования несколько задерживается, но есть все основания рассчитывать, что к исходу 16—17 ноября материальные средства будут доставлены войскам.

Контрнаступательную операцию можно начать войсками Юго-Западного и Донского фронтов 19 ноября, а Сталинградского фронта — на сутки позже.

Разница в сроках объясняется тем, что перед Юго-Западным фронтом были более сложные задачи. Он находился на большем удалении от района Калач — хутор Советский и ему предстояло форсировать Дон.

Верховный слушал нас внимательно. По тому, как он не спеша раскуривал свою трубку, разглаживал усы и ни разу не перебил наш доклад, было видно, что он доволен. Само проведение такой крупной контрнаступательной операции означало, что инициатива переходит к советским войскам. Все мы верили в успех предстоящего контрнаступления, плоды которого могли быть значительными для освобождения нашей Родины от немецко-фашистских захватчиков.

Пока мы докладывали, в кабинете Верховного собрались члены Государственного Комитета Оборона и некоторые члены Политбюро. Нам пришлось повторить основные вопросы, которые были доложены в их отсутствие.

После краткого обсуждения плана контрнаступления он был полностью утвержден.

Мы с А. М. Василевским обратили внимание Верховного на то, что немецкое главное командование, как только наступит тяжелое положение в районе Сталинграда и Северного Кавказа, вынуждено будет перебросить часть своих войск из других районов, в частности из района Вязьмы, на помощь южной группировке.

Чтобы этого не случилось, необходимо срочно подготовить и провести наступательную операцию в районе севернее Вязьмы и в первую очередь разгромить немцев в районе ржевского

выступа. Для этой операции мы предложили привлечь войска Калининского и Западного фронтов.

— Это было бы хорошо,— сказал И. В. Сталин.— Но кто из вас возьмется за это дело?

Мы с Александром Михайловичем предварительно согласовали свои предложения на этот счет, поэтому я сказал:

— Сталинградская операция во всех отношениях уже подготовлена. Василевский может взять на себя координацию действий войск в районе Сталинграда, я могу взять на себя подготовку наступления Калининского и Западного фронтов.

Верховный, согласившись с нашим предложением, сказал:

— Вылетайте завтра утром в Сталинград. Проверьте еще раз готовность войск и командования к началу операции.

14 ноября я вновь был в войсках Н. Ф. Ватутина, А. М. Василевский — у А. И. Еременко. На следующий день я получил от И. В. Сталина нижеследующую телеграмму:

«Товарищу Константинову.

Только лично.

День переселения Федорова и Иванова¹ можете назначить по Вашему усмотрению, а потом доложите мне об этом по приезду в Москву. Если у Вас возникнет мысль о том, чтобы кто-либо из них начал переселение раньше или позже на один или два дня, то уполномочиваю Вас решить и этот вопрос по Вашему усмотрению.

Васильев.

13 часов 10 минут

15.11.42 г.»

Переговорив с А. М. Василевским, мы назначили срок перехода в наступление для Юго-Западного фронта и 65-й армии Донского фронта 19 ноября, для Сталинградского фронта — 20 ноября. Верховный утвердил наше решение.

17 ноября я был вызван в Ставку для разработки операции войск Калининского и Западного фронтов.

19 ноября в 7 часов 30 минут войска Юго-Западного фронта мощным ударом прорвали оборону 3-й румынской армии одновременно на двух участках: 5-я танковая армия под командованием генерал-лейтенанта П. Л. Романенко с плацдарма юго-западнее Серафимовича и 21-я армия под командованием генерал-майора И. М. Чистякова с плацдарма у Клетской.

¹ День наступления фронтов Н. Ф. Ватутина и А. И. Еременко. (Г. Ж.).

Противник не выдержал удара и начал в панике отступать или сдаваться в плен. Немецкие части, стоявшие сзади румынских войск, сильной контратакой пытались остановить продвижение наших войск, но были смяты введенными в бой 1-м и 26-м танковыми корпусами. Тактический прорыв на участке Юго-Западного фронта был завершен.

Командарм П. Л. Романенко был в своей стихии. Надо сказать, что это был отважный человек и способнейший командир. По своему характеру он как нельзя лучше подходил именно к такого рода стремительным действиям.

Против 21-й армии генерала И. М. Чистякова противник бросил свои резервы, в том числе части 14-й немецкой танковой дивизии. 22-я немецкая, а также 1-я танковая и 7-я кавалерийская румынские дивизии развернулись против нашей 5-й танковой армии, в первую очередь, против ее 1-го танкового корпуса, которым командовал генерал-майор В. В. Бутков.

26-й танковый корпус под командованием генерал-майора А. Г. Родина нанес тяжелое поражение 1-й танковой дивизии и разгромил штаб 5-го румынского армейского корпуса. Часть личного состава в панике бежала, а большая часть сдалась в плен.

С выходом наших войск на оперативные просторы основные силы 3-й румынской армии, оборонявшиеся против Юго-Западного фронта, и немецкие резервные части, брошенные на ее спасение, были полностью разгромлены и фактически перестали существовать.

26-й танковый корпус А. Г. Родина и 4-й танковый корпус А. Г. Кравченко стремительно продвигались в район Калача на соединение с 4-м мехкорпусом Сталинградского фронта. Левее 21-й армии наступала 65-я армия Донского фронта под командованием генерал-лейтенанта П. И. Батова.

В ночь на 23 ноября передовой отряд 26-го танкового корпуса, возглавляемый подполковником Г. Н. Филипповым, смелым налетом захватил мост через Дон.

Немецкая охрана моста, ничего не подозревая, спокойно ждала своей смены. В это время на мост ворвались передовые части отряда Г. Н. Филиппова. Гитлеровцы приняли их за свою учебную часть, оснащенную русскими трофейными танками. Пока разобрались — было уже поздно. Короткая схватка — и мост в наших руках. Враг несколько раз пытался сбить с моста отряд Г. Н. Филиппова, но это ему не удалось.

Удерживая мост, Г. Н. Филиппов решил захватить Калач отрядом танков подполковника Н. М. Филиппенко. До Калача оставалось два километра. Подполковник Н. М. Филиппенко, несмотря на малое количество сил в его отряде, принял решение атаковать город с ходу. Бой за Калач продолжался всю ночь. Немцы упорно сопротивлялись, но вскоре подошли передовые части главных сил корпуса, и город был взят.

В этих боях пали смертью храбрых коммунист москвич Григорий Гурьев, предельно смелые разведчики Александр Иванов, Григорий Давидьян и другие товарищи. За этот героический подвиг подполковнику Г. Н. Филиппову и подполковнику Н. М. Филиппенко было присвоено звание Героя Советского Союза, а личный состав отряда награжден орденами и медалями Советского Союза.

24 ноября 21-я и 5-я армии Юго-Западного фронта, разгромив окруженные группировки румынских войск, взяли в плен более 30 тысяч солдат, офицеров, генералов и громаднейшее количество боевой техники.

Вот записи из дневника румынского офицера, начальника метеослужбы артиллерийской бригады 6-й дивизии, характерные для тех дней.

«19 ноября.

Русские открыли ураганный огонь по левому флангу 5-й дивизии. Такого огня я еще не видел... от артиллерийской канонады сотрясалась земля и сыпались стекла... На высоте 163 показались вражеские танки и держат путь на Распопинскую. Вскоре сообщили, что танки прошли на полном ходу через позиции и ворвались в село... Наши пушки не причинили им никакого вреда... У этих тяжелых, 52-тонных танков, идущих с максимальной скоростью, очень толстая броня, и наши снаряды ее не пробивают...

20 ноября.

С утра на участке 13-й дивизии «Прут» противник начал сильную артиллерийскую подготовку... 13-я дивизия была полностью разгромлена. Танки прошли в Громки, в станцию Евстратовскую и направились далеко в наш тыл в Перелазовский. Командование 5-го корпуса стояло в Перелазовском. Его предупредили о создавшемся положении. Никакой связи с высшим командованием у нас нет. 6-я дивизия каким-то чудом получила приказ: «Любой ценой держаться до последнего солдата».

Сейчас мы окружены войсками противника. В мешке находятся 5, 6, 15-я и остатки 13-й дивизии.

21 ноября.

С утра наше положение остается тяжелым. Мы окружены... В Головском большое замешательство... Сейчас 10 час. 05 мин. Мы не знаем, что делать. Сюда собрались офицеры 13-й и 15-й дивизий, потерявшие свои части.

Вот какое положение!

Печально, но это истина.

Мои друзья просматривают фотографии своих близких, жён, детей. Я тоже с болью в душе вспоминаю свою мать, брата, сестер и родственников. Мы одеваемся во все, что есть у нас лучшего, и даже надеваем по две пары белья и думаем, что конец может быть очень трагичным... Очень много разговоров и споров в связи с создавшимся положением... Все же мы не теряем надежды... мы думаем, что немецкие войска придут к нам на помощь.

Сейчас 13 час. 30 мин. Командование всеми дивизиями взял на себя генерал Мазарини — командир 5-й дивизии... Кольцо вокруг наших частей начинает сжиматься. Сегодня большой религиозный праздник. Чем согрели мы или наши предки? Почему мы должны терпеть такие страдания? Мы, три офицера, обсуждаем здесь наше положение и приходим к выводу, что избежать катастрофы у нас нет никаких шансов. Неприятные вести из Осиновки начинают подтверждаться. Пришла группа офицеров 5-го тяжелого артиллерийского полка, спасаемая бегством.

Поздно вечером командиры дивизий и полков снова собрались, чтобы принять окончательное решение.

Обсуждаются два варианта:

1) Прорваться.

2) Капитулировать.

После длительного обсуждения остановились на втором варианте — капитулировать.

Пришло известие: от русских идет парламентар с предложением капитулировать...»

На этом запись оборвалась. Но мы и без нее знаем: вся эта группа румынских войск капитулировала.

Верховный, будучи серьезно обеспокоен действиями правого крыла войск Донского фронта, в конце дня 23 ноября послал нижеследующее указание командующему Донским фронтом К. К. Рокоссовскому:

«Товарищу Донцову.

Копия: товарищу Михайлову¹.

По докладу Михайлова 3-я мотодивизия и 16-я танковая дивизия немцев целиком или частично сняты с Вашего фронта, и теперь они дерутся против фронта 21-й армии. Это обстоятельство создает благоприятную обстановку для того, чтобы все армии Вашего фронта перешли к активным действиям. Галанин действует вяло, дайте ему указание, чтобы не позже 24 ноября Вертячий был взят.

Дайте также указание Жадову, чтобы он перешел к активным действиям и приковал к себе силы противника.

Подтолкните как следует Батова, который при нынешней обстановке мог бы действовать более напористо.

И. Сталин.

23.11.42 г.

19 часов 40 минут».

В результате успешного наступления 21-й армии под командованием генерал-майора И. М. Чистякова и принятых командованием Донского фронта мер положение с 65-й армией выправилось. Она начала более энергичное продвижение вперед.

24-я армия Донского фронта начала наступление тремя днями позже, нанося удар вдоль левого берега Дона. Ввиду общей ее слабости особого успеха армия не имела.

51, 57, 64-я армии Сталинградского фронта начали действия 20 ноября — на сутки позже, чем войска Юго-Западного и Донского фронтов.

51-я армия под командованием генерал-майора Н. И. Труфанова начала наступление в общем направлении на Плодовитое и далее на Абганерово.

57-я армия, которой командовал генерал-майор Ф. И. Толбухин, наступала в общем направлении на Калач.

64-я армия под командованием генерал-лейтенанта М. С. Шумилова из района Ивановки своей левофланговой группировкой нанесла удар в общем направлении на Гавриловку, Варваровку, содействуя правофланговой группировке 57-й армии.

После успешного прорыва обороны и разгрома 1, 2, 18-й и 20-й румынских дивизий и 29-й немецкой моторизованной ди-

¹ Донцов — К. К. Рокоссовский, Михайлов — А. М. Василевский. (Прим. автора).

визии на участке 51-й армии был введен в прорыв на Плодовитое 4-й механизированный корпус генерала В. Т. Вольского, а в полосе действия 57-й армии — 13-й танковый корпус под командованием генерал-майора Т. И. Тапасчишина. Тогда же начал действовать 4-й кавалерийский корпус генерала Т. Т. Шапкина, который в тот же день захватил станцию Абганерово.

Противник, пытаясь преградить путь 57-й армии на Калач, бросил туда из-под Сталинграда 16-ю и 24-ю танковые дивизии. Но их действия были запоздалыми, к тому же они не имели той силы, которая могла бы выдержать мощные удары войск Юго-Западного и Сталинградского фронтов, вышедших своими танковыми частями в 16 часов 23 ноября в район хутора Советского, где 45-я танковая бригада 4-го танкового корпуса под командованием подполковника П. К. Жидкова первой встретилась с 36-й механизированной бригадой подполковника М. И. Родионова из 4-го механизированного корпуса.

Переправившись через Дон, 4-й танковый корпус Юго-Западного фронта под командованием генерала А. Г. Кравченко и 4-й механизированный корпус Сталинградского фронта В. Т. Вольского встретились в районе хутора Советского, замкнув кольцо окружения сталинградской группировки противника в междуречье Дона и Волги.

После этого 64, 57, 21, 65, 24, 66-я армии получили возможность развивать наступление в общем направлении на Сталинград, сжимая клещами внутреннее кольцо окружения противника.

1-я гвардейская армия, 5-я танковая армия Юго-Западного фронта и 51-я армия Сталинградского фронта, усиленные танковыми соединениями, преследуя отходящего противника, получили задачу отбросить на запад разбитые части противника подальше от окруженной сталинградской группировки и создать прочный внешний фронт, необходимый для успешной ликвидации окруженного врага.

На этом первый этап контрнаступления закончился.

К первым числам декабря кольцо окружения противника было сжато крепко, и войска приступили к следующему этапу, задачей которого являлась ликвидация окруженной группировки.

Все это время я хорошо был информирован А. М. Василевским и Генеральным штабом о ходе контрнаступления. После окружения 6-й армии и соединений 4-й танковой армии немецких войск наступил самый ответственный момент — не дать вражеским войскам вырваться из окружения.

28 ноября я находился в штабе Калининского фронта, где обсуждал с командованием предстоящую наступательную операцию.

Поздно вечером мне позвонил Верховный и спросил, знаком ли я с последними данными об обстановке в районе Сталинграда. Я ответил утвердительно. Тогда Верховный Главнокомандующий приказал подумать и доложить ему соображения по ликвидации немецких войск, окруженных под Сталинградом.

Утром 29 ноября мною была послана Верховному телеграмма следующего содержания:

«Окруженные немецкие войска сейчас, при создавшейся обстановке, без вспомогательного удара противника из района Нижне-Чирская — Котельниково на прорыв и выход из окружения не рискнут.

Немецкое командование, видимо, будет стараться удержать в своих руках позиции в районе Сталинград — Вертячий — Мариновка — Карповка — совхоз Горная Поляна и в кратчайший срок собрать в районе Нижне-Чирская — Котельниково ударную группу для прорыва фронта наших войск в общем направлении на Карповку, с тем чтобы, разорвав фронт наших частей, образовать коридор для питания войск окруженной группы, а в последующем и вывода ее по этому коридору.

При благоприятных для противника условиях этот коридор может быть образован на участке Мариновка — Ляпичев — Верхне-Чирская фронтом на север.

Вторая сторона этого коридора, фронтом на юго-восток, — по линии Цыбенко — Зеты — Гичловская — Шебалин.

Чтобы не допустить соединения нижне-чирской и котельниковской группировок противника со сталинградской и образования коридора, необходимо:

— как можно быстрее отбросить нижне-чирскую и котельниковскую группировки и создать плотный боевой порядок на линии Обливская — Тормосин — Котельниково. В районе Нижне-Чирская — Котельниково держать две группы танков, не меньше 100 танков в каждой в качестве резерва;

— окруженную группу противника под Сталинградом разорвать на две части. Для чего... нанести рассекающий удар в направлении Бол. Россошка. Навстречу ему нанести удар в направлении Дубининский, высота 135. На всех остальных участках перейти к обороне и действовать лишь отдельными отрядами в целях истощения и изматывания противника.

После раскола окруженной группы противника на две части нужно ...в первую очередь уничтожить более слабую груп-

пу, а затем всеми силами ударить по группе в районе Сталинграда.

Жуков.

№ 02.

29.11.42 г.»

После доклада Верховному я разговаривал по ВЧ с А. М. Василевским. Он согласился с моими соображениями. Одновременно мы обменялись мнениями и относительно предстоящих действий войск Юго-Западного фронта. Александр Михайлович согласился временно отказаться от операции «Большой Сатурн» и направить удар Юго-Западного фронта во фланг тормосинской группировки противника. Генеральный штаб был того же мнения.

Юго-Западный фронт получил задачу под условным названием «Малый Сатурн»: нанести удар силами 1-й и 3-й гвардейских армий и 5-й танковой армией в общем направлении на Морозовск, с тем чтобы разгромить в том районе группировку противника. Удар Юго-Западного фронта был поддержан 6-й армией Воронежского фронта, которая наступала в общем направлении на Кантемировку.

Гитлеровское командование испытывало острую нужду в резервах, чтобы с их помощью выправить катастрофическое положение своих войск на сталинградском и кавказском направлениях. Чтобы не допустить переброску войск из группы армий «Центр», как я говорил, Ставка приняла решение одновременно с ходом контрнаступления в районе Сталинграда организовать наступление Западного и Калининского фронтов против немецких войск, занимавших ржевский выступ. В период с 20 ноября по 8 декабря планирование и подготовка наступления были закончены.

8 декабря 1942 года фронтам была дана директива:

«Совместными усилиями Калининского и Западного фронтов к 1 января 1943 года разгромить группировку противника в районе Ржев — Сычевка — Оленино — Белый и прочно закрепить на фронте Ярыгино — Сычевка — Андреевское — Ленино — Новое — Ажево — Дентялево — Свиты.

Западному фронту при проведении операции руководствоваться следующим:

а) в течение 10—11.XII. прорвать оборону противника на участке Большое Кротово — Ярыгино и не позже 15.XII. овладеть Сычевкой, 20.XII. вывести в район Андреевское не

менее двух стрелковых дивизий для организации замыкания совместно с 41-й армией Калининского фронта окруженного противника;

б) после прорыва обороны противника и выхода главной группировки на линию железной дороги подвижную группу фронта и не менее четырех стрелковых дивизий повернуть на север для удара в тыл ржевско-чертолинской группировки противника.

в) 30-й армии прорвать оборону на участке Кошкино, стык дорог северо-восточнее Бургово и не позже 15.XII. выйти на железную дорогу в районе Чертолино; с выходом на железную дорогу установить боевое взаимодействие с подвижной группой фронта и ударом вдоль железной дороги наступать на Ржев с задачей взять Ржев 23.XII.

Калининскому фронту при выполнении задачи руководствоваться следующим:

а) продолжать развивать удар 39-й и 22-й армиями в общем направлении на Оленино с задачей разгромить оленинскую группировку противника не позже 16.XII. Армиям выйти в район Оленино.

Частью сил 22-й армии нанести вспомогательный удар в направлении Егорье с целью помощи 41-й армии в разгроме белыйской группировки противника.

б) 41-й армии к 10.XII. разгромить прорвавшуюся группировку противника в районе Цыцно и восстановить утраченное положение в районе Околица.

Не позже 20. XII. частью сил выйти в район Мольня — Владимирское — Ленино с задачей замкнуть с юга окруженную группировку противника совместно с частями Западного фронта.

Не позже 20.XII. овладеть городом Белый...

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин.
Г. Жуков.

№ 170700».

Эта операция, проводившаяся силами двух фронтов, имела важное значение для содействия нашим войскам в разгроме противника в районе ржевского выступа, и о ней следует сказать несколько слов.

Командование Калининского фронта в лице генерал-лейтенанта М. А. Пуркаева со своей задачей справилось. Группа

войск фронта, наступавшая южнее города Белого, успешно прорвав фронт, двинулась в направлении на Сычевку. Группа войск Западного фронта должна была, в свою очередь, прорвать оборону противника и двинуться навстречу войскам Калининского фронта, с тем чтобы замкнуть кольцо окружения вокруг ржевской группировки пемцев. Но случилось так, что Западный фронт оборону противника не прорвал.

Верховный потребовал от меня немедленно выехать к И. С. Коневу.

Прибыв на командный пункт Западного фронта, я пришел к выводу, что повторять операцию было бесполезно. Противник разгадал наш замысел и сумел подтянуть к району действия значительные силы с других участков.

В это время усложнилась обстановка и на Калининском фронте в районе нашего прорыва. Сильным ударом по флангам противник отсек наш механизированный корпус, которым командовал генерал-майор М. Д. Соломатин, и корпус остался в окружении.

Пришлось срочно подводить из резерва Ставки дополнительный стрелковый корпус, чтобы с его помощью вывести наши войска из окружения. Более трех суток корпус М. Д. Соломатина дрался в тяжелейших условиях.

В ночь на четвертые сутки подоспевшие сибиряки прорвали фронт противника, и нам удалось вывести корпус М. Д. Соломатина из окружения. Бойцы и офицеры корпуса были крайне измотаны, и их пришлось тут же отвести в тыл на отдых.

Хотя наши войска здесь не достигли поставленной Ставкой цели — ликвидации ржевского выступа, но своими активными действиями они не позволили немецкому командованию перебросить значительные подкрепления с этого участка в район Сталинграда.

Более того, чтобы сохранить за собой ржевско-вяземский плацдарм, гитлеровское командование вынуждено было перебросить в район Вязьма — Ржев четыре танковые и одну моторизованную дивизии.

Разбираясь в причинах неудавшегося наступления войск Западного фронта, мы пришли к выводу, что основной из них явилась недооценка трудностей рельефа местности, которая была выбрана командованием фронта для нанесения главного удара.

Опыт войны учит, что если оборона противника располагается на хорошо наблюдаемой местности, где отсутствуют естественные укрытия от артиллерийского огня, то такую оборону

легко разбить артиллерийским и минометным огнем, и тогда наступление наверняка удастся.

Если же оборона противника расположена на плохо наблюдаемой местности, где имеются хорошие укрытия за обратными скатами высот, в оврагах, идущих параллельно фронту, то такую оборону разбить огнем и прорвать трудно, особенно когда применение танков ограничено.

В данном конкретном случае не было учтено влияние местности, на которой была расположена немецкая оборона, хорошо укрытая за обратными скатами пересеченной местности.

Другой причиной неудачи был недостаток танковых, артиллерийских, минометных и авиационных средств для обеспечения прорыва обороны противника.

Все это командование фронта старалось исправить в процессе наступления, но сделать это не удалось. Положение осложнилось тем, что немецкое командование вопреки нашим расчетам значительно усилило здесь свои войска, перебросив их с других фронтов.

Вследствие всех этих факторов группа войск Калининского фронта, осуществив прорыв южнее Белого, оказалась в одиночестве.

Однако вернемся к действиям наших войск в районе Сталинграда.

В первой половине декабря операция по уничтожению окруженного противника войсками Донского и Сталинградского фронтов развивалась крайне медленно.

Немецкие войска, ожидая обещанную лично Гитлером поддержку, дрались упорно за каждую позицию. Наступление наших войск в связи с отвлечением значительной их части для ликвидации немецкой группировки, перешедшей в наступление из района Котельникова, не давало желаемых результатов.

Для немцев разгром в районе Сталинграда грозил разрастись в катастрофу большого стратегического масштаба.

Чтобы спасти общее положение, гитлеровское командование прежде всего считало необходимым стабилизировать фронт обороны своих войск на сталинградском направлении и под его прикрытием отвести с Кавказа группу армий «А». Для этих целей оно сформировало новую группу армий «Дон», командующим которой был назначен генерал-фельдмаршал Манштейн.

По мнению гитлеровского руководства, это был самый подходящий и наиболее способный из командующих. Для формирования этой группы армий перебрасывались войска с других

участков советско-германского фронта и частично из Франции и Германии.

Для спасения окруженных в районе Сталинграда войск генерал-фельдмаршал Манштейн, как теперь стало известно, предполагал создать две ударные группы. Одну — в районе Котельникова, другую — в районе Тормосина.

Но судьба не улыбалась ни Манштейну, ни окруженным немецким войскам. Вермахт в этот момент испытывал острый недостаток резервов. Войска, которые удавалось собрать, двигались очень медленно по растянутым коммуникациям. А наши партизаны в тылу врага, зная, для какой цели спешат немецкие войска в южном направлении, делали все, чтобы задержать их продвижение. Невзирая на жесточайший террор фашистов и несмотря на все меры предосторожности с их стороны, отважные патриоты пустили под откос не один десяток эшелонов с гитлеровскими войсками.

Время шло, а сосредоточение немецких войск, на которые возлагалась надежда деблокирования и создания нового фронта обороны, срывалось. Гитлер, предчувствуя гибель своих войск под Сталинградом, торопил Манштейна начать операцию, не ожидая полного сосредоточения войск.

Манштейн начал ее 12 декабря только из района Котельникова вдоль железной дороги.

В котельниковскую группу Манштейн включил 6, 23-ю, а затем 17-ю танковые дивизии, отдельный танковый батальон, оснащенный тяжелыми танками «тигр», четыре пехотные дивизии и ряд частей для усиления группы, а также две румынские кавалерийские дивизии. За три дня боев противнику удалось продвинуться вперед к Сталинграду на 45 километров и даже переправиться через реку Аксай-Есауловский.

В районе Верхне-Кумского разгорелось ожесточенное сражение, в котором обе стороны несли большие потери. Враг, не считаясь с жертвами, рвался вперед к Сталинграду. Но советские войска, закаленные в предшествовавших боях, упорно защищали оборонительные рубежи. Только под давлением вновь подошедшей сюда 17-й танковой дивизии и из-за резко усилившейся авиационной бомбардировки части 51-й армии и кавалерийского корпуса генерала Т. Т. Шапкина отошли за реку Мышкову.

Теперь противник находился в 40 километрах от Сталинграда, и ему, видимо, казалось, что победа близка и реальна. Но это были преждевременные надежды. Согласно указаниям Ставки А. М. Василевский подтянул и ввел здесь в сражение

усиленную 2-ю гвардейскую армию генерала Р. Я. Малшиновского, хорошо оснащённую танками и артиллерией, удар которой окончательно решил участь сражения в пользу советских войск.

16 декабря пачали наступление войска Юго-Западного фронта и 6-я армия Воронежского фронта с целью разгрома противника в районе Среднего Дона и выхода в тыл тормосинской группировки.

1-я гвардейская армия под командованием генерал-лейтенанта В. И. Кузнецова, 3-я гвардейская армия под командованием генерал-лейтенанта Д. Д. Лелюшенко (к этому времени 1-я гвардейская армия была разделена на две армии: на 1-ю и 3-ю гвардейские), 6-я армия под командованием генерал-майора Ф. М. Харитонов (переданная в состав Юго-Западного фронта и усиленная 17-м танковым корпусом П. П. Полубоярова), разгромив 8-ю итальянскую армию, стремительно развили удар в общем направлении на Морозовск.

В первом оперативном эшелоне, таранным ударом опрокидывая сопротивление врага, наступали 24-й и 25-й танковые корпуса и 1-й гвардейский механизированный корпус. Уступом справа в район Миллерово выходили 17-й и 18-й танковые корпуса.

Стремительные действия войск Юго-Западного фронта на этом направлении заставили Манштейна израсходовать силы, предназначавшиеся для удара в направлении Сталинграда из района Тормосина, обратив их против Юго-Западного фронта, выходящего во фланг и тыл всей группы армий «Дон».

Докладывая по «Бодо» 28 декабря Ставке о ходе наступательной операции, командующий Юго-Западным фронтом Н. Ф. Ватутин так характеризовал обстановку:

— Все, что было ранее перед фронтом, то есть около 17 дивизий, можно сказать, совершенно уничтожено, и запасы захвачены нами. Взято в плен свыше 60 тысяч человек, не менее этого убито; таким образом, жалкие остатки этих бывших войск сейчас не оказывают почти никакого сопротивления, за редким исключением.

Перед войсками фронта противник продолжает упорно обропяться на фронте Обливская — Верхне-Чирская. В районе Морозовска сегодня уже захвачены пленные 11-й танковой дивизии и 8-й авиационной полевой дивизии, которые раньше были перед армией Романенко. Наибольшее сопротивление армии Лелюшенко и нашим подвижным войскам оказывают части противника, которые из района Котельникова переправились

через реку Дон и выдвинулись на фронт Чернышковский — Морозовск — Скосырская — Тацинская. Эти войска противника стремятся занять рубеж, чтобы воспрепятствовать дальнейшему наступлению наших подвижных соединений и обеспечить тем самым возможность отхода своих войск. А может быть, противник при благоприятных для него условиях попытается вообще удержать за собой весь этот выступ, с тем чтобы потом выручить через него свою окруженную группировку. Однако это ему не удастся. Все силы будут приложены к тому, чтобы отрезать этот выступ.

Авиаразведка ежедневно отмечает выгрузку войск противника в районах Россоши, Старобельска, Ворошиловграда, Чеботовки, Каменска, Лихой, Зверева. О намерениях противника судить трудно, видимо, он основной рубеж обороны готовит по реке Северский (Северный) Донец. Противник вынужден в первую очередь затыкать сделанную нашими войсками брешь шириной по прямой 350 километров. Было бы хорошо без особой паузы продолжать бить противника, однако для этого надо давать сюда подкрепление, так как те силы, которые здесь есть, заняты завершением «Малого Сатурна», а для «Большого Сатурна» нужны дополнительные силы.

У телеграфного аппарата находились Верховный и я.

— Первая ваша задача — не допустить разгрома Баданова и поскорее направить ему на помощь Павлова и Руссиянова, — сказал И. В. Сталин. — Вы правильно поступили, что разрешили Баданову в самом крайнем случае покинуть Тацинскую. Ваш встречный удар на Тормосин 8-го кавалерийского корпуса хорошо бы подкрепить еще какой-либо пехотной частью. Что касается 3-го гвардейского кавалерийского корпуса и одной стрелковой дивизии, направляемых через Суворовский на Тормосин, это очень кстати.

Для того чтобы превратить «Малый Сатурн» в «Большой Сатурн», мы уже передали вам 2-й и 23-й танковые корпуса. Через неделю получите еще два танковых корпуса и три-четыре стрелковые дивизии... У нас имеется сомнение насчет 18-го танкового корпуса, который вы хотите направить в Скосырскую, лучше оставить его в районе Миллерово — Верхне-Тарасовское вместе с 17-м танковым корпусом. Вообще вам надо иметь в виду, что танковые корпуса лучше пускать на дальнейшее расстояние парой, а не в одиночку, чтобы не попасть в положение Баданова.

— Где сейчас 18-й танковый корпус? — спросил я Н. Ф. Ватутина.

— Он находится непосредственно восточнее Миллерова и не будет изолирован.

— Помните Баданова, не забывайте Баданова, выручайте его во что бы то ни стало!

— Приму абсолютно все возможные меры, и Баданова выручим, — заверил Н. Ф. Ватутин.

Разговор о 24-м танковом корпусе, которым командовал В. М. Баданов, возник не случайно. Вот что там произошло.

Войдя в прорыв северо-западнее Богучара 17 декабря в 18 часов 30 минут, 24-й танковый корпус прошел с боями около 300 километров, уничтожив по пути к станции Тацинская 6700 вражеских солдат и офицеров и захватив громадное количество военного имущества. Утром 24 декабря, подойдя к станции, наши танкисты с ходу атаковали ее с разных сторон. Гвардии капитан И. А. Фомин с группой бойцов ворвался на станцию Тацинская, перерезав железнодорожную магистраль Лпхая — Сталинград. Уничтожив вражескую охрану, он захватил эшелон разобранных новых самолетов. К сожалению, капитан И. А. Фомин там же погиб смертью героя от вражеской пули.

В это же время танкисты под командованием капитана М. Е. Нечаева ворвались на аэродром, где стояло более двухсот немецких транспортных самолетов, готовых к вылету. Но взлететь им не удалось, они были раздавлены нашими танками. Пять суток танковый корпус удерживал Тацинскую, ведя напряженный бой в окружении с подошедшими резервами противника. Утром 29 декабря корпус, получив приказ Н. Ф. Ватутина, прорвал окружение и благодаря мужеству и умелому руководству боем со стороны В. М. Баданова в полном порядке отошел в Ильинку, а через несколько дней уже успешно атаковал Морозовск.

Учитывая значительный вклад в общее дело разгрома вражеских войск в районе Волги и Дона, 24-й корпус был преобразован во 2-й гвардейский танковый корпус и получил почетное наименование Тацинского, а комкор В. М. Баданов был первым в стране награжден орденом Суворова II степени. Многие солдаты, командиры и политработники также были награждены правительственными наградами.

Успешные удары войск Юго-Западного и Сталинградского фронтов на котельниковском и морозовском направлениях окончательно решили судьбу окруженных войск Паулюса в районе Сталинграда.

Войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов, бле-

стояще выполнив поставленные задачи и учинив стремительный разгром врага, сорвали план Манштейна по деблокированию войск Паулюса. В начале января войска Н. Ф. Ватутина вышли на линию Новая Калитва — Кризское — Чертково — Волошино — Миллерово — Морозовск, создав прямую угрозу всей кавказской группировке немцев.

Разбитая котельниковская группа немецких войск к концу декабря отошла на линию Цимлянская — Жуковская — Дубовское — Зимовники. Понесшая серьезные потери тормосинская группа отошла на линию Чернышевская — Лозной — Цимлянская.

Таким образом, попытка командующего группой армий «Дон» генерал-фельдмаршала Манштейна прорвать наш внешний фронт и вывести из окружения войска Паулюса провалилась окончательно.

Это уже понимали и командование и солдаты окруженных войск. Отчаяние и стремление как-то спастись от неминуемой гибели приняли массовый характер. Когда же их надежды на спасение рухнули, наступило горькое разочарование...

Гитлеровское военно-политическое руководство после полного провала попыток деблокады видело главную задачу уже не в том, чтобы спасти окруженные и обреченные на гибель свои войска, а в том, чтобы заставить их дольше драться в окружении, сковать советские войска. Им необходимо было выиграть максимум времени для отвода своих войск с Кавказа и переброски сил с других фронтов для создания нового фронта, способного в какой-то степени остановить наше контрнаступление.

Ставка Верховного Главнокомандования, в свою очередь, принимала меры к тому, чтобы быстрее покончить с окруженной группировкой и высвободить войска двух фронтов, необходимых для быстрейшего разгрома отходящих войск с Кавказа и на юге нашей страны.

Верховный всемерно торопил командующих фронтами.

В конце декабря в Государственном Комитете Оборона состоялось обсуждение дальнейших действий. Верховный предложил:

— Руководство по разгрому окруженного противника нужно передать в руки одного человека. Сейчас действия двух командующих фронтами мешают ходу дела.

Присутствовавшие члены ГКО поддержали это мнение.

— Какому командующему поручим окончательную ликвидацию противника?

Кто-то предложил передать все войска в подчинение К. К. Рокоссовскому.

— А вы что молчите? — обратился Верховный ко мне.

— На мой взгляд, оба командующих достойны, — ответил я. — Еременко будет, конечно, обижен, если передать войска Сталинградского фронта под командование Рокоссовского.

— Сейчас не время обижаться, — отрезал И. В. Сталин и приказал мне:

— Позвоните Еременко и объявите ему решение Государственного Комитета Обороны.

В тот же вечер я позвонил А. И. Еременко по ВЧ и сказал:

— Андрей Иванович, ГКО решил окончательную ликвидацию сталинградской группировки противника поручить Рокоссовскому, для чего 57, 64-ю и 62-ю армии Сталинградского фронта вам следует передать в состав Донского фронта.

— Чем это вызвано? — спросил А. И. Еременко.

Я разъяснил ему, чем вызвано такое решение.

Все это, видимо, расстроило Андрея Ивановича, и чувствовалось, что он не в состоянии спокойно продолжать разговор. Я предложил ему перезвонить мне позже. Минут через 15 вновь раздался звонок.

— Товарищ генерал армии, я все же не понимаю, почему отдается предпочтение командованию Донского фронта. Я вас прошу доложить товарищу Сталину мою просьбу оставить меня здесь до конца ликвидации противника.

На мое предложение позвонить по этому вопросу лично Верховному А. И. Еременко ответил:

— Я уже звонил, но Поскребышев сказал, что товарищ Сталин распорядился по всем этим вопросам говорить только с вами.

Мне пришлось позвонить Верховному и передать разговор с А. И. Еременко. И. В. Сталин меня, конечно, отругал и сказал, чтобы немедленно была дана директива о передаче трех армий Сталинградского фронта под командование К. К. Рокоссовского. Такая директива была дана 30 декабря 1942 года.

Штаб Сталинградского фронта должен был возглавить группу войск, действующую на котельниковском направлении, и продолжать уничтожение вражеских сил в районе Котельникова.

Вскоре Сталинградский фронт был переименован в Южный фронт, который стал действовать на ростовском направлении.

Директивой Ставки Верховного Главнокомандования от 30.XII.1942 года в состав Донского фронта были переданы из Сталинградского фронта 62, 64-я и 57-я армии.

На 1 января 1943 года Донской фронт имел в своем составе 212 тысяч активных бойцов, около 6500 орудий и минометов, более 250 танков и до 300 боевых самолетов.

В конце декабря А. М. Василевский занимался главным образом вопросами, связанными с ликвидацией немецких войск в районах Котельникова, Тормосина и Морозовска. На Донской фронт своим представителем Ставка назначила генерала Н. Н. Воронова, который вместе с Военным советом фронта представил план окончательной ликвидации окруженной группировки немецких войск, известный под кодовым наименованием «Кольцо».

Генеральный штаб и Ставка, рассмотрев этот план, в своей директиве указали генералу Н. Н. Воронову:

«Главный недостаток представленного вами плана по «Кольцу» заключается в том, что главный и вспомогательный удары идут в разные стороны и нигде не смыкаются, что делает сомнительным успех операции.

По мнению Ставки Верховного Главнокомандования, главной вашей задачей на первом этапе операции должно быть отсечение и уничтожение западной группировки окруженных войск противника в районе Кравцов — Бабуркин — Мариновка — Карповка, с тем чтобы главный удар наших войск из района Дмитриевка — совхоз № 1 — Бабуркин повернуть на юг, в район станции Карповская, а вспомогательный удар 57-й армии из района Кравцов — Скляров направить навстречу главному удару и сомкнуть оба удара в районе станции Карповская.

Наряду с этим следовало бы организовать удар 66-й армии через Орловку в направлении поселка Красный Октябрь, а навстречу этому удару — удар 62-й армии, с тем чтобы оба удара сомкнуть и отсечь таким образом заводской район от основной группировки противника.

Ставка приказывает на основе изложенного переделать план. Предложенный вами срок начала операции по первому плану Ставка утверждает.

Операцию по первому этапу закончить в течение 5—6 дней после ее начала.

План операции по второму этапу представьте через Генштаб к 9 января, учтя при этом первые результаты по первому этапу.

№ 170718

28.XII.1942 г.»¹

И. Сталин.

Г. Жуков.

¹ Архив МО СССР, ф. 132-А, оп. 2642, д. 31, лл. 314—315.

В январе 1943 года внешний фронт в районе Дона усилиями Юго-Западного и Сталинградского фронтов был отодвинут на 200—250 километров на запад. Положение немецких войск, зажатых в кольцо, резко ухудшилось. Никаких перспектив на спасение у них уже не было. Материальные запасы истощались. Войска получали голодный паек. Госпитали переполнились до предела. Смертность от ранений и болезней резко возросла. Наступала неотвратимая катастрофа.

Чтобы прекратить кровопролитие, Ставка приказала командованию Донского фронта предъявить 6-й армии ультиматум о сдаче в плен на общепринятых условиях. Несмотря на неизбежную катастрофу, гитлеровское командование отвергло наш ультиматум и приказало своим солдатам драться до последнего патрона, обещая спасение, которого не могло быть, и это понимали немецкие солдаты.

10 января 1943 года после мощной артиллерийской подготовки войска Донского фронта перешли в наступление с целью рассеять вражескую группировку и уничтожить ее по частям, но не достигли полного успеха.

22 января после дополнительной подготовки войска Донского фронта вновь перешли в наступление. Враг не выдержал этого удара и стал отходить. Лучших результатов в этих сражениях достигли 57-я армия под командованием генерала Ф. И. Толбухина и 66-я армия генерала А. С. Жадова.

В своих воспоминаниях офицер-разведчик 6-й армии Паулюс так описывает отступление немецких частей под ударами советских войск.

«Мы вынуждены были начать отход по всему фронту... Однако отход превратился в бегство... Кое-где вспыхнула паника... Путь наш был устлан трупами, которые метель, словно из сострадания, вскоре заносила снегом... Мы уже отступали без приказа». И далее: «Наперегонки со смертью, которая без труда догоняла нас, пачками вырывая из рядов свои жертвы, армия стягивалась на все более узком пяталке преисподней»¹.

31 января была окончательно разгромлена южная группа немецких войск. Ее остатки во главе с командующим 6-й армией генерал-фельдмаршалом Паулюсом сдались в плен, а 2 февраля сдались и остатки северной группы. На этом была полностью завершена величайшая битва на Волге, где катастрофически закончила свое существование крупнейшая группировка немецких войск и сателлитов фашистской Германии.

¹ И. Видер. Катастрофа на Волге, М., 1965, стр. 95, 102.

Битва в районе Сталинграда была исключительно ожесточенной. Лично я сравниваю ее лишь с битвой за Москву. С 19 ноября 1942 года по 2 февраля 1943 года было уничтожено 32 дивизии и 3 бригады противника, остальные 16 дивизий потеряли от 50 до 75 процентов личного состава.

Общие потери вражеских войск в районе Дона, Волги, Сталинграда составили около 1,5 миллиона человек, до 3500 танков и штурмовых орудий, 12 тысяч орудий и минометов, до 3 тысяч самолетов и большое количество другой техники. Такие потери сил и средств катастрофически отразились на общей стратегической обстановке и до основания потрясли всю военную машину гитлеровской Германии.

Какие же обстоятельства привели немецкие войска к их катастрофическому разгрому в районе Сталинграда и способствовали нашей исторической победе?

Срыв всех гитлеровских стратегических планов 1942 года является следствием недооценки сил и возможностей Советского государства, могущественных потенциальных и духовных сил народа и переоценки со стороны гитлеровцев своих сил и боеспособности войск.

Важнейшими предпосылками разгрома немецких войск в операциях «Уран», «Малый Сатурн» и «Кольцо» явились умелая организация оперативно-тактической внезапности, правильный выбор направления главных ударов, точное определение слабых мест в обороне врага. Огромную роль сыграл верный расчет необходимых сил и средств для быстрого прорыва тактической обороны, активное развитие оперативного прорыва с целью завершения окружения главной группировки противника.

Встремительности действий по завершению окружения врага и его разгрома огромное значение имели танковые, механизированные войска и авиация.

Вся практическая подготовка контрнаступления проводилась командованием и штабами с исключительной тщательностью и глубокой продуманностью, а в процессе самого контрнаступления управление войсками во всех звеньях отличалось целеустремленностью, твердостью, умением предвидеть.

Значительную роль в успешном осуществлении разгрома вражеских войск сыграла партийно-политическая работа Военных советов, политорганов, партийных и комсомольских организаций и командования, воспитавших у воинов уверенность в своих силах, смелость, мужество и массовый героизм при решении боевых задач.

Победа наших войск под Сталинградом ознаменовала собой начало коренного перелома в войне в пользу Советского Союза и начало массового изгнания вражеских войск с нашей территории. С этого времени и до самого окончания войны советское командование полностью овладело стратегической инициативой.

Это была долгожданная и радостная победа не только для войск, непосредственно осуществлявших разгром врага, но и для всего советского народа, который дни и ночи упорно трудился, чтобы обеспечить армию всем необходимым. Верные сыны России, Украины, Белоруссии, Прибалтики, Кавказа, Казахстана, Средней Азии стойкостью и массовым героизмом заслужили бессмертную славу.

В офицерском и генеральском составе противника, а также среди немецкого народа стало более резко проявляться отрицательное отношение лично к Гитлеру и ко всему фашистскому руководству. Немецкий народ все больше начинал понимать, что Гитлер и его окружение втянули страну в явную авантюру и что обещанные им победы — миф, а войска погибли в катастрофе на Дону, Волге и Северном Кавказе.

«Поражение под Сталинградом, — пишет генерал-лейтенант Вестфаль, — повергло в ужас как немецкий народ, так и его армию. Никогда прежде за всю историю Германии не было случая столь страшной гибели такого количества войск».

Вследствие разгрома немецких, итальянских, венгерских и румынских армий на Волге и на Дону резко упало влияние Германии на своих союзников. Начались разногласия, трения, как следствие потери веры в гитлеровское руководство и желание как-то выпутаться из тех сетей войны, в которые вовлек их Гитлер.

В нейтральных странах и в странах, где все еще придерживались выжидательной тактики, разгром фашистских войск под Сталинградом действовал отрезвляюще и заставил их признать величайшее могущество СССР и неизбежный проигрыш гитлеровской Германии в этой войне.

Общезвестно, какой радостной волной прокатилась по всему миру весть о разгроме немецких войск в районе Сталинграда и как вдохновила она народы на дальнейшую борьбу с фашистскими оккупантами.

Лично для меня оборона Сталинграда, подготовка контрнаступления и участие в решении вопросов операций на юге страны имели особо важное значение. Здесь я получил гораздо большую практику в организации контрнаступления, чем в 1941 году в районе Москвы, где ограниченные силы не позво-

лили осуществить контрнаступление с целью окружения вражеской группировки.

За успешное общее руководство контрнаступлением в районе Сталинграда и достигнутые при этом результаты крупного масштаба в числе других я был награжден орденом Суворова I степени.

Получить орден Суворова I степени № 1 означало для меня не только большую честь, но и требование Родины работать еще лучше, чтобы быстрее приблизить час полного разгрома врага, час полной победы. Орденом Суворова I степени были награждены А. М. Василевский, Н. Н. Воронов, Н. Ф. Ватутин, А. И. Еременко, К. К. Рокоссовский. Большая группа генералов, офицеров, сержантов и солдат также была удостоена правительственных наград.

Успешный разгром немецких войск в районе Сталинграда, Дона и на Кавказе создал благоприятные условия для развертывания наступления всех фронтов на юго-западном направлении.

После разгрома вражеских войск в районе Дона и Волги была успешно проведена Острогожско-Россошанская и Воронежско-Касторненская операции. Советские войска, развивая зимнее наступление на запад, заняли Ростов, Новочеркасск, Курск, Харьков и ряд других важных районов. Общая оперативно-стратегическая обстановка для противника резко ухудшилась на всем советско-германском фронте.

РАЗГРОМ ФАШИСТСКИХ ВОЙСК НА КУРСКОЙ ДУГЕ

Итак, Сталинградская битва явилась крупнейшим событием зимней кампании 1942/43 года, событием огромного международного значения. На Северо-Западном фронте, ликвидировав врага в районе Демянска, наши войска вышли на реку Ловать. Войсками Западного фронта противник был отброшен из района Ржев — Вязьма, был занят рубеж Духовщина — Спас-Деменск.

К середине марта 1943 года на всех фронтах обстановка изменилась в пользу Советского Союза. После разгрома немецких, румынских, итальянских и венгерских войск в районе Волги, Дона, Северного Кавказа противник, неся колоссальные потери, к середине марта отошел на линию Севск — Рыльск — Сумы — Ахтырка — Красноград — Славянск — Лисичанск — Таганрог.

С момента перехода в контрнаступление под Сталинградом (ноябрь 1942 года) до марта 1943 года советские войска в общей сложности разгромили более 100 вражеских дивизий. Конечно, эти большие победы нелегко достались нашим воинам и советскому народу. Мы также понесли крупные потери.

На фронтах наступило затишье, и лишь на участках Воронежского, Юго-Западного, Южного фронтов и на Кубани все еще продолжались ожесточенные сражения.

Чтобы не допустить дальнейшего ухудшения обстановки на южном крыле фронта своих войск, немецкое главное командование, собрав дополнительные силы, организовало контрнаступление против Юго-Западного фронта. Цель — отбросить фронт за реку Северский Донец, а затем, прикрывшись здесь обороной, нанести удар по войскам Воронежского фронта и захватить Харьков и Белгород.

Как стало затем известно из трофейных документов, гитлеровское командование предполагало при наличии благоприят-

ной обстановки расширить действия своих войск с целью ликвидации курского выступа.

В начале марта противник из района Люботина нанес сильный контрудар по войскам левого крыла Воронежского фронта; неся потери, наши войска отступили. 16 марта противник вновь овладел Харьковом и начал развивать удар на белгородском направлении.

В то время, как представитель Ставки, я находился на Северо-Западном фронте, которым командовал Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко. Войска фронта, выйдя на реку Ловать, готовились к ее форсированию.

Примерно 13 или 14 марта на командный пункт Северо-Западного фронта позвонил И. В. Сталин.

Ознакомив Верховного Главнокомандующего с обстановкой на реке Ловать, я доложил ему, что ранняя оттепель привела к тому, что река стала труднопроходимой и, видимо, войскам Северо-Западного фронта временно придется прекратить здесь свои наступательные действия.

Верховный согласился с этим. Задав мне еще несколько вопросов относительно возможного развития событий на Северо-Западном фронте, И. В. Сталин в заключение разговора сказал, что командование Западным фронтом поручено В. Д. Соколовскому.

Я предложил поставить И. С. Конева, который до этого командовал Западным фронтом, во главе Северо-Западного фронта, а С. К. Тимошенко послать на юг представителем Ставки помогать командующим Южным и Юго-Западным фронтами. Он хорошо знал те районы, а обстановка там за последние дни вновь сложилась для наших войск невыгодная.

— Хорошо, — сказал И. В. Сталин, — я скажу Поскребышеву, чтобы Конев позвонил вам, и вы дайте ему все указания, а сами завтра выезжайте в Ставку. Надо обсудить обстановку на Юго-Западном и Воронежском фронтах. Возможно, — добавил он, — вам придется выехать в район Харькова.

Через некоторое время мне позвонил И. С. Конев.

— Что произошло, Иван Степанович?

— ГКО освободил меня от командования войсками Западного фронта. Командующим фронтом назначен Соколовский.

— Верховный приказал назначить вас командующим Северо-Западным фронтом вместо Тимошенко, который в качестве представителя Ставки будет послан на южное крыло нашего фронта.

И. С. Конев поблагодарил и сказал, что завтра утром выез-

жает к новому месту назначения. Утром следующего дня я выехал в Ставку.

В Москву прибыл в тот же день поздно вечером. Страшно устал за дорогу, так как пришлось ехать на вездеходе по сильно разбитым дорогам.

А. Н. Поскребышев сообщил мне по телефону, что И. В. Сталин собрал большую группу товарищей для обсуждения вопросов, связанных с топливом для металлургии, электроэнергией, авиационными и танкостроительными заводами. Мне было приказано тотчас же прибыть на совещание. Перекусив на ходу, отправился в Кремль.

В кабинете Верховного, кроме членов Политбюро, были руководители ведомств, конструкторы и директора ряда крупнейших заводов. Из их докладов отчетливо была видна все еще существовавшая большая напряженность в промышленности. Обещанная помощь из США по ленд-лизу поступала плохо.

Совещание у Верховного Главнокомандующего закончилось после трех часов ночи. Все его участники разошлись, кто в ЦК, кто в СНК, кто в Госплан, с тем чтобы изыскать ресурсы и срочно принять меры для улучшения работы промышленности.

После совещания И. В. Сталин подошел ко мне и спросил:

— Вы обедали?

— Нет.

— Ну тогда пойдемте ко мне да заодно и поговорим о положении в районе Харькова.

Во время обеда из Генштаба привезли карту с обстановкой на участках Юго-Западного и Воронежского фронтов. Направленец, ведущий обстановку по Воронежскому фронту, доложил, что там к 16 марта ситуация крайне ухудшилась. После того как бронетанковые и моторизованные части противника, наступавшие из района Краматорска, оттеснили части Юго-Западного фронта за реку Донец, создалось тяжелое положение юго-западнее Харькова.

Одновременно перешли в наступление части противника из района Полтавы и Краснограда. Н. Ф. Ватутин оттянул назад вырвавшиеся вперед части 3-й танковой армии и 69-й армии и организовал более плотные боевые порядки западнее и юго-западнее Харькова. Воронежский фронт, которым в то время командовал генерал-полковник Ф. И. Голиков, такой отвод войск не осуществил.

— Почему Генштаб не подсказал? — спросил Верховный.

— Мы советовали, — ответил направленец.

— Генштаб должен был вмешаться в руководство фронтом, — настойчиво заметил И. В. Сталин. А затем, подумав немного, обратился ко мне: — Придется вам утром вылететь на фронт.

Тут же Верховный позвонил члену Военного совета Воронежского фронта Н. С. Хрущеву и резко отчитал его за непринятие Военным советом мер против контрударных действий противника. Отпустив направленного, Верховный сказал:

— Все же надо закончить обед.

А было уже 5 часов утра...

После обеда, вернее уже завтрака, я попросил разрешения поехать в Наркомат обороны, чтобы подготовиться к отлету на Воронежский фронт. В семь часов утра был на Центральном аэродроме и вылетел в штаб Воронежского фронта. Как только сел в самолет, сейчас же крепко заснул и проснулся лишь от толчка при посадке на аэродроме.

В тот же день позвонил по ВЧ И. В. Сталину и обрисовал обстановку. Она была хуже той, которую утром докладывал направленный Генштаба. После захвата Харькова части противника без особого сопротивления продвигались на белгородском направлении и заняли Казачью Лопань.

— Необходимо, — докладывал я Верховному, — срочно двинуть сюда все что можно из резерва Ставки, в противном случае немцы захватят Белгород и будут развивать удар на курском направлении.

Через час из разговора с А. М. Василевским я узнал, что Верховным принято решение и уже передано распоряжение о выдвижении в район Белгорода 21-й армии, 1-й танковой армии и 64-й армии. Танковая армия поступала в мой резерв.

18 марта Белгород был захвачен танковым корпусом СС. Однако дальше на север противник прорваться уже не мог.

Из личного доклада командира 52-й гвардейской дивизии генерала Н. Д. Козина мне стало известно следующее.

По распоряжению командующего 21-й армией генерала И. М. Чистякова на Белгород был выслан передовой отряд армии во главе с командиром 155-го гвардейского стрелкового полка подполковником Г. Г. Пантюховым, для того чтобы войти в соприкосновение с противником и захватить пленных.

Двигаясь на Белгород, передовой отряд заметил противника и устроил ему засаду в районе Шапино (севернее Белгорода). В бою были захвачены пленные, принадлежавшие к танковой дивизии «Мертвая голова». Как выяснилось, отряд противника двигался на Обоянь.

К исходу 18 марта главные силы 52-й дивизии заняли оборону севернее Белгорода и выдвинули вперед боевое охранение. В дальнейшем, как ни пытался противник сбить наших гвардейцев, успеха он не имел. Правее 52-й дивизии заняла оборону 67-я гвардейская стрелковая дивизия, левее расположилась в обороне 375-я стрелковая дивизия.

По докладу командира 52-й дивизии в боях севернее Белгорода особенно отличились командир 153-го полка подполковник П. С. Бабич, начальник политотдела дивизии подполковник И. С. Воронов, командир 151-го стрелкового полка подполковник И. Ф. Юдич. Многим воинам дивизии 20 марта я вручил боевые награды.

20—21 марта основные силы 21-й армии организовали севернее Белгорода довольно крепкую оборону, а в районе южнее Обояни сосредоточивались войска 1-й танковой армии.

Многочисленные попытки немецко-фашистских войск в конце марта прорвать оборону наших войск в районе Белгорода и на Северском Донце, где в это время развернулась 64-я армия, не дали результатов. Понесла большие потери, противник закрепился на достигнутом рубеже.

С этого момента положение на Курской дуге стабилизировалось. Та и другая стороны готовились к решающей схватке.

Чтобы укрепить руководство Воронежским фронтом, Верховный приказал назначить командующим генерал-полковника Н. Ф. Ватутина. Вступив в командование, Николай Федорович с присущей ему энергией взялся за укрепление войск фронта и создание глубоко эшелонированной обороны.

В конце марта и начале апреля мы с Н. Ф. Ватутиным побывали почти во всех частях фронта. Вместе с командирами частей и соединений оценивали обстановку, уточняли задачи и необходимые меры, если противник перейдет в наступление. Меня особенно беспокоил тот участок обороны, где находилась 52-я гвардейская стрелковая дивизия, и я побывал там дважды. Я считал, что этой дивизии придется принять на себя главный удар противника. Командующие фронтом и армией были того же мнения, и мы решили всемерно подкрепить этот ответственный участок артиллерийскими средствами.

Пора было готовить предварительные соображения по плану Курской битвы.

По договоренности с начальником Генштаба А. М. Василевским и командующими фронтами мы приняли ряд мер по организации тщательной разведки противника на участках Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов.

А. М. Василевский дал задание разведывательному управлению, Центральному штабу партизанского движения выяснить наличие и расположение резервов в глубине войск противника, ход перегруппировок и сосредоточения войск, перебрасываемых из Франции, Германии и других стран.

Вообще мощь наших ударов по врагу значительно усиливалась действиями партизан, организуемых и направляемых из центра при постоянной и неутомимой работе местных подпольных партийных организаций. Укреплялись взаимодействия партизан и регулярной армии, которой они оказывали содействие в получении данных о противнике, громя его резервы, перерезая коммуникации, срывая переброску войск и оружия.

Уже в 1942 году гитлеровцы должны были бросить почти десять процентов своих сухопутных сил, находившихся на советско-германском фронте, против партизан. В 1943 году на эти же цели были оттянуты полицейские соединения СС и СД, полмиллиона солдат вспомогательных частей, около 25 дивизий Действующей армии.

Коммунистическая партия умело руководила патриотической народной борьбой против фашистских захватчиков, оказывая тем самым серьезную помощь нашим регулярным войскам. Коммунисты-партизаны не только воевали с оружием в руках, но и вели большую политическую, разъяснительную работу среди населения, распространяли листовки, воззвания, сообщения Совинформбюро, разоблачали лживую пропаганду врага. Огромное значение имело воздействие партизан на моральное состояние войск противника.

Войска фронтов, каждый в полосе своих действий, вели усиленную авиационную и войсковую разведку. В результате в начале апреля у нас имелись достаточно полные сведения о положении войск противника в районе Орла, Сум, Белгорода и Харькова. Проанализировав их, а также те данные, которые удалось получить с более широкого театра военных действий, и обсудив все с командующими Воронежским и Центральным фронтами, а затем с начальником Генштаба А. М. Василевским, я послал Верховному следующий доклад:

«Товарищу Васильеву¹

5 ч. 30 мин. 8 апреля 1943 г.

Докладываю свое мнение о возможных действиях противника весной и летом 1943 года и соображения о наших оборонительных боях на ближайший период.

¹ Псевдоним И. В. Сталина. (Прим. автора).

1. Противник, понеся большие потери в зимней кампании 42/43 года, видимо, не сумеет создать к весне большие резервы для того, чтобы вновь предпринять наступление для захвата Кавказа и выхода на Волгу с целью глубокого обхода Москвы.

Ввиду ограниченности крупных резервов противник вынужден будет весной и в первой половине лета 1943 года развернуть свои наступательные действия на более узком фронте и решать задачу строго по этапам, имея основной целью кампании захват Москвы.

Исходя из наличия в данный момент группировок против наших Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов, я считаю, что главные наступательные операции противник развернет против этих трех фронтов, с тем чтобы, разгромив наши войска на этом направлении, получить свободу маневра для обхода Москвы по кратчайшему направлению.

2. Видимо, на первом этапе противник, собрав максимум своих сил, в том числе до 13—15 танковых дивизий, при поддержке большого количества авиации нанесет удар своей орловско-кромской группировкой в обход Курска с северо-востока и белгородско-харьковской группировкой в обход Курска с юго-востока.

Вспомогательный удар с целью разрезания нашего фронта надо ожидать с запада из района Ворожбы, что между реками Сейм и Псёл, на Курск с юго-запада. Этим наступлением противник будет стремиться разгромить и окружить наши 13, 70, 65, 38, 40-ю и 21-ю армии. Конечной целью этого этапа может быть выход противника на рубеж река Короча — Короча — Тим — река Тим — Дросково.

3. На втором этапе противник будет стремиться выйти во фланг и тыл Юго-Западному фронту в общем направлении через Валуйки — Уразово.

Навстречу этому удару противник может нанести удар из района Лисичанска в северном направлении на Сватово — Уразово.

На остальных участках противник будет стремиться выйти на линию Ливны — Касторное — Старый и Новый Оскол.

4. На третьем этапе после соответствующей перегруппировки противник, возможно, будет стремиться выйти на фронт Лиски — Воронеж — Елец и, прикрывшись в юго-восточном направлении, может организовать удар в обход Москвы с юго-востока через Раменбург — Рязск — Рязань.

5. Следует ожидать, что противник в этом году основную ставку при наступательных действиях будет делать на свои танковые дивизии и авиацию, так как его пехота сейчас значительно слабее подготовлена к наступательным действиям, чем в прошлом году.

В настоящее время перед Центральным и Воронежским фронтами противник имеет до 12 танковых дивизий и, подтянув с других участков 3—4 танковые дивизии, может бросить против нашей курской группировки до 15—16 танковых дивизий общей численностью до 2500 танков.

6. Для того чтобы противник разбился о нашу оборону, кроме мер по усилению ПТО¹ Центрального и Воронежского фронтов, нам необходимо как можно быстрее собрать с пассивных участков и перебросить в резерв Ставки на угрожаемые направления 30 полков ИПТАП²; все полки самоходной артиллерии сосредоточить на участке Ливны — Касторное — Ст. Оскол. Часть полков желательно сейчас же дать на усиление Рокоссовскому и Ватутину и сосредоточить как можно больше авиации в резерве Ставки, чтобы массированными ударами авиации во взаимодействии с танками и стрелковыми соединениями разбить ударные группировки и сорвать план наступления противника.

Я не знаком с окончательным расположением наших оперативных резервов, поэтому считаю целесообразным предложить расположить их в районе Ефремов — Ливны — Касторное — Нов. Оскол — Валуйки — Россошь — Лиски — Воронеж — Елец. При этом главную массу резервов расположить в районе Елец — Воронеж. Более глубокие резервы расположить в районе Рязска, Раненбурга, Мичуринска, Тамбова.

В районе Тула — Сталиногорск необходимо иметь одну резервную армию.

Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю нецелесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выбьем его танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку противника.

Константинов³.

№ 256».

¹ Противотанковая оборона. (Ред.)

² Истребительно-противотанковые артиллерийские полки. (Ред.)

³ Псевдоним Г. К. Жукова. (Ред.)

Наши прогнозы в основном не разошлись с тем, что в действительности замышляло немецко-фашистское командование.

Вот что говорилось в приказе Гитлера от 15 апреля 1943 года:

«Ставка фюрера

15 апреля 1943 г.

Совершенно секретно.

Только для командования.

Я решил, как только позволят условия погоды, провести наступление «Цитадель» — первое наступление в этом году.

Этому наступлению придается решающее значение. Оно должно завершиться быстрым и решающим успехом. Наступление должно дать в наши руки инициативу на всю весну и лето текущего года.

В связи с этим все подготовительные мероприятия необходимо провести с величайшей тщательностью и энергией. На направлении главных ударов должны быть использованы лучшие соединения, наилучшее оружие, лучшие командиры и большое количество боеприпасов. Каждый командир, каждый рядовой солдат обязан проникнуться сознанием решающего значения этого наступления. Победа под Курском должна явиться факелом для всего мира.

Я приказываю:

1. Целью наступления является сосредоточенным ударом, проведенным решительно и быстро силами одной ударной армии из района Белгорода, и другой — из района южнее Орла, путем концентрического наступления окружить находящиеся в районе Курска войска и уничтожить их.

2. Необходимо:

а) широко использовать момент внезапности и держать противника в неведении прежде всего относительно времени начала наступления;

б) обеспечить максимальное массирование ударных сил на узком участке, с тем чтобы, используя местное подавляющее превосходство во всех средствах наступления (танках, штурмовых орудиях, артиллерии, минометах и т. д.), одним ударом пробить оборону противника, добиться соединения обеих наступающих армий и таким образом замкнуть кольцо окружения.

В обеих группах армий соединения, вновь прибывшие в состав ударных армий, должны соблюдать радиомолчание...

7. В целях соблюдения тайны в замысел операции должны быть посвящены только те лица, привлечение которых абсо-

лютно необходимо»¹.

Правильно оценив обстановку, советское командование до наступления немцев точно определило вероятность и направление действий немецко-фашистских войск в районе Курской дуги.

9 или 10 апреля, точно не помню, в штаб Воронежского фронта прибыл А. М. Василевский. С ним мы еще раз в деталях обсудили мой доклад, обстановку, соображения по дислокации оперативно-стратегических резервов и характер предстоящих действий. У нас с Александром Михайловичем было единое мнение по всем вопросам.

Составив проект директивы Ставки о расположении резервов Ставки и создании Степного фронта, мы послали его Верховному Главнокомандующему за нашими подписями.

В этом документе предусматривалась дислокация армий и фронтовых средств усиления. Штаб Степного фронта предполагалось развернуть в Новом Осколе, командный пункт фронта иметь в Короче, ВПУ фронта — в Великом Бурлуке. Командованию фронтов и штабам предписывалось, как это всегда бывало при подготовке больших операций, дать в Генеральный штаб свои соображения и предложения о характере действий.

В связи с имеющимися место ошибочными версиями об организации обороны и контрнаступления в районе Курска в 1943 году считаю нужным привести здесь те документы, которые поступили по этому поводу в Ставку и Генеральный штаб. При этом замечу, что никаких других документов в Ставку никто не направлял.

Вот донесение от 10 апреля начальника штаба Центрального фронта генерал-лейтенанта М. С. Малинина, посланное по требованию Генштаба.

«Из Центрального фронта 10.4.43

Начальнику оперативного управления ГШ КА
генерал-полковнику Антонову²

на № 11990

...4. Цель и наиболее вероятные направления для наступления противника в весенне-летний период 1943 года:

¹ См. В. И. Дашичев. Банкротство стратегии германского фашизма. М., Изд-во «Наука», 1973, т. 2, стр. 410—413.

² Три предыдущих пункта здесь не приводятся, так как они дают только перечисление противостоящих войск противника. (Прим. автора).

а) Учитывая наличие сил и средств, а главное результаты наступательных операций 1941—1942 годов, в весенне-летний период 1943 года следует ожидать наступления противника лишь на курско-воронежском операционном направлении.

На других направлениях наступление врага вряд ли возможно.

При создавшейся общей стратегической обстановке на этом этапе войны для немцев было бы выгодно прочно обеспечить за собой Крым, Донбасс и Украину, а для этого необходимо выдвинуть линию фронта на рубеж Штеровка — Старобельск — Ровеньки — Лиски — Воронеж — Ливны — Новосиль. Для решения этой задачи противнику потребуется не менее 60 пехотных дивизий с соответствующим авиационным, танковым и артиллерийским усилением.

Такое количество сил и средств на данном направлении враг сосредоточить может.

Отсюда курско-воронежское операционное направление приобретает первостепенное значение.

б) Исходя из этих оперативных предположений, следует ожидать направления главных усилий противника одновременно по внешним и внутренним радиусам действий:

— по внутреннему радиусу — из района Орла через Кромь на Курск и из района Белгорода через Обоянь на Курск;

— по внешнему радиусу — из района Орла через Ливны на Касторное и из района Белгорода через Старый Оскол на Касторное.

в) При отсутствии противодействующих мероприятий с нашей стороны этому намерению противника успешные его действия по этим направлениям могли бы привести к разгрому войск Центрального и Воронежского фронтов, к захвату противником важнейшей железнодорожной магистрали Орел — Курск — Харьков и выходу его войск на выгодный рубеж, обеспечивающий прочное удержание Крыма, Донбасса и Украины.

г) К перегруппировке и сосредоточению войск на вероятных для наступления направлениях, а также к созданию необходимых запасов противник может приступить после окончания весенней распутицы и весеннего половодья.

Следовательно, перехода противника в решительное наступление можно ожидать ориентировочно во второй половине мая 1943 года.

5. В условиях данной оперативной обстановки считал бы целесообразным предпринять следующие меры:

а) Объединенными усилиями войск Западного, Брянского

и Центрального фронтов уничтожить орловскую группировку противника и этим лишить его возможности нанести удар из района Орла через Ливны на Касторное, захватить важнейшую для нас железнодорожную магистраль Мценск — Орел — Курск и лишить противника возможности пользоваться Брянским узлом железных и грунтовых дорог.

б) Для срыва наступательных действий противника необходимо усилить войска Центрального и Воронежского фронтов авиацией, главным образом истребительной, и противотанковой артиллерией не менее 10 полков на фронт.

в) С этой же целью желательно наличие сильных резервов Ставки в районе Ливны — Касторное — Лиски — Воронеж — Елец.

Нач. штаба ЦЕНТРФ
генерал-лейтенант Малинин.

№ 4203»¹.

Командование Воронежского фронта также представило свои соображения.

«Начальнику Генштаба КА
на № 11990 12.4.43 г.

Перед Воронежским фронтом в настоящее время установлено:

1. Пехотных дивизий в первой линии девять (26, 68, 323, 75, 255, 57, 332, 167-я и одна дивизия невыясненной нумерации). Эти дивизии занимают фронт Красно-Октябрьское — Большая Чернетчина — Краснополье — Казацкое. Дивизия неизвестной нумерации, по показаниям пленных, выдвигается к району Солдатское и должна сменить 332-ю пехотную дивизию.

Эти данные проверяются. Есть непроверенные данные, что во втором эшелоне имеются шесть пехотных дивизий. Положение их пока не установлено, и эти данные также проверяются.

В районе Харькова, по данным радиоразведки, отмечается штаб венгерской дивизии, которая может быть выдвинута на второстепенное направление.

2. Танковых дивизий всего сейчас шесть («Великая Германия», «Адольф Гитлер», «Мертвая голова», «Райх», 6-я и 11-я), из них три дивизии — в первой линии и три дивизии («Великая Германия», 6-я и 11-я) — во второй линии. По данным радиоразведки, штаб 17-й танковой дивизии переместился из Алек-

¹ Архив МО СССР, ф. 233, оп. 2307, д. 3, лл. 29—33.

сеевского в Тащаговку, что говорит о выдвижении 17-й танковой дивизии на север. По наличию сил противник имеет возможность вывести дополнительно в район Белгорода до трех танковых дивизий с участка Юго-Западного фронта.

3. Таким образом, следует ожидать, что противник перед Воронежским фронтом сможет создать ударную группу силой до 10 танковых дивизий и не менее шести пехотных дивизий, всего до 1500 танков, сосредоточения которых следует ожидать в районе Борисовка — Белгород — Муром — Казачья Лопань. Эта ударная группа может быть поддержана сильной авиацией численностью примерно до 500 бомбардировщиков и не менее 300 истребителей.

Намерение противника — нанести концентрические удары из района Белгорода на северо-восток и из района Орла на юго-восток, с тем чтобы окружить наши войска, находящиеся западнее линии Белгород — Курск.

В дальнейшем следует ожидать удара противника в юго-восточном направлении во фланг и тыл Юго-Западному фронту, с тем чтобы затем действовать в северном направлении.

Однако не исключена возможность, что в этом году противник откажется от плана наступления на юго-восток и будет проводить другой план, именно после концентрических ударов из района Белгорода и Орла он наметит наступление на северо-восток для обхода Москвы.

С этой возможностью следует считаться и соответственно готовить резервы.

Таким образом, перед Воронежским фронтом противник вероятнее всего будет наносить главный удар из района Борисовка — Белгород в направлении на Старый Оскол и частью сил на Обоюнь и Курск. Вспомогательные удары следует ожидать в направлении Волчанск — Новый Оскол и Суджа — Обоюнь — Курск.

Для крупного наступления противник сейчас еще не готов. Начала наступления следует ожидать не ранее 20 апреля с. г., а вероятнее всего в первых числах мая.

Однако частных атак можно ожидать в любое время. Поэтому от наших войск требуем постоянной, самой высокой готовности.

Федоров, Никитин, Федотов¹.

№ 55/к².

¹ Федоров — Н. Ф. Ватутин, Никитин — Н. С. Хрушев, Федотов — Ф. К. Корженевич. (Прим. автора).

² Архив МО СССР, ф. 48-А, оп. 1147, д. 2, лл. 4—7.

Следовательно, до 12 апреля в Ставке еще не было выработано конкретное решение о способах действий наших войск в весенне-летний период 1943 года в районе Курской дуги.

Никакого наступления из района Курска тогда еще не намечалось. Да иначе и быть не могло, так как наши стратегические резервы находились в стадии формирования, а Воронежский и Центральный фронты, понеся потери в предыдущих сражениях, нуждались в пополнении личным составом, боевой техникой и материальными средствами.

В соответствии именно с этой обстановкой командующие фронтами получили указание Ставки о переходе фронтов к обороне.

Общее руководство на месте войсками Центрального и Воронежского фронтов и контроль за выполнением указаний Ставки были возложены Верховным Главнокомандованием на меня.

10 апреля мне позвонил в Бобрышево Верховный и приказал 11 апреля прибыть в Москву для обсуждения плана летней кампании 1943 года, и в частности по Курской дуге.

Поздно вечером 11 апреля я вернулся в Москву. А. М. Василевский сказал, что И. В. Сталин дал указание к вечеру 12 апреля подготовить карту обстановки, необходимые расчеты и предложения.

Весь день 12 апреля мы с Александром Михайловичем Василевским и его заместителем Алексеем Иннокентьевичем Антоновым готовили нужные материалы для доклада Верховному Главнокомандующему. С раннего утра все трое засели за порученную нам работу, и, так как между нами было полное взаимопонимание, все к вечеру было готово. А. И. Антонов, кроме всех своих других достоинств, обладал блестящим умением оформлять материал, и, пока мы с А. М. Василевским набрасывали план доклада И. В. Сталину, он быстро подготовил карту обстановки, карту-план действий фронтов в районе Курской дуги.

Все мы считали, что, исходя из политических, экономических и военно-стратегических соображений, гитлеровцы будут стремиться любой ценой удержаться на фронте от Финского залива до Азовского моря. Они могли хорошо оснастить свои войска на одном из стратегических направлений и подготовить крупную наступательную операцию в районе курского выступа, с тем чтобы попытаться разгромить здесь войска Центрального и Воронежского фронтов. Это могло бы изменить общую стратегическую обстановку в пользу немецких войск, не говоря

уже о том, что в этих условиях общий фронт значительно сокращался и повышалась общая оперативная плотность немецкой обороны.

В этом районе обстановка позволяла нанести в общем направлении на Курск два встречных удара: один из района южнее Орла, другой из района Белгорода. Предполагалось, что на остальных участках немецкое командование будет обороняться, так как здесь для наступательных операций, по расчетам Генштаба, оно необходимых сил не имело.

Вечером 12 апреля мы с А. М. Василевским и А. И. Антоновым поехали в Ставку.

Верховный, пожалуй, как никогда, внимательно выслушал наши соображения. Он согласился с тем, чтобы главные усилия сосредоточить в районе Курска, но по-прежнему опасался за московское направление.

Обсуждая в Ставке Верховного Главнокомандования план действий наших войск, мы пришли к выводу о необходимости построить прочную, глубоко эшелонированную оборону на всех важнейших направлениях, и в первую очередь в районе Курской дуги. В связи с этим командующим фронтами были даны надлежащие указания. Войска начали зарываться глубже в землю. Формируемые и подготавливаемые стратегические резервы Ставки было решено пока в дело не вводить, сосредоточивая их ближе к наиболее опасным районам.

Таким образом, уже в середине апреля Ставкой было принято предварительное решение о преднамеренной обороне. (Курсив мой. — Г. Ж.) Правда, к этому вопросу мы возвращались неоднократно, а окончательное решение о преднамеренной обороне было принято Ставкой в начале июня 1943 года. В то время фактически уже стало известно о намерении противника нанести по Воронежскому и Центральному фронтам мощный удар с привлечением для этого крупнейших танковых группировок и использованием новых танков «тигр» и «пантера» и самоходных орудий «фердинанд».

Главными действующими фронтами на первом этапе летней кампании Ставка считала Воронежский, Центральный, Юго-Западный и Брянский. Здесь, по нашим расчетам, должны были разыграться главные события. Мы хотели встретить ожидаемое наступление немецких войск мощными средствами обороны, нанести им поражение и в первую очередь разбить танковые группировки противника, а затем, перейдя в контрнаступление, окончательно его разгромить. Одновременно с планом преднамеренной обороны и контрнаступления решено было разработать

также и план наступательных действий, не ожидая наступления противника, если оно будет затягиваться на длительный срок.

Таким образом, оборона наших войск была, безусловно, не вынужденной, а сугубо преднамеренной, и выбор момента для перехода в наступление Ставка поставила в зависимость от обстановки. Имелось в виду не торопиться с ним, но и не затягивать его. (Курсив мой. — Г. Ж.)

Тогда же был решен вопрос о районах сосредоточения основных резервов Ставки. Их намечалось развернуть в районе Ливны — Старый Оскол — Короча, с тем чтобы подготовить рубеж обороны на случай прорыва противника в районе Курской дуги. Остальные резервы решено было расположить за правым флангом Брянского фронта в районе Калуга — Тула — Ефремов. За стыком Воронежского и Юго-Западного фронтов, в районе Лиски, должны были готовиться к действиям 5-я гвардейская танковая армия и ряд других соединений резерва Ставки.

А. М. Василевскому и А. И. Антонову было приказано приступить к разработке всей документации по принятому плану, с тем чтобы еще раз обсудить его в начале мая.

Мне же было поручено 18 апреля вылететь на Северо-Кавказский фронт. Войска этого фронта вели напряженные сражения с целью ликвидации таманской группировки противника, основным ядром которой была хорошо укомплектованная 17-я армия немецких войск.

Для советского командования ликвидация противника на Таманском полуострове имела важное значение. Кроме разгрома крупной группировки противника — в этом районе действовали 14—16 дивизий, примерно 180—200 тысяч человек, — в результате этой операции мы освобождали Новороссийск. Здесь на небольшом плацдарме с первой половины февраля сражался героический отряд воинов 18-й армии и моряков Черноморского флота.

В 18-ю армию генерала К. Н. Леселидзе мы прибыли вместе с наркомом Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецовым, командующим ВВС А. А. Новиковым и работником Генштаба генералом С. М. Штеменко.

Ознакомившись с обстановкой, силами и средствами армии и моряков Черноморского флота, все пришли к выводу о невозможности в то время проводить какие-либо крупные мероприятия по расширению новороссийского плацдарма, который именовался тогда в войсках Малой землей.

Действительно, это был плацдарм общей площадью всего лишь в 30 квадратных километров. Всех нас тогда беспокоил один вопрос, выдержат ли советские воины испытания, выпавшие на их долю, в неравной борьбе с врагом, который день и ночь наносил воздушные удары и вел артиллерийский обстрел по защитникам этого небольшого плацдарма.

Об этом мы хотели посоветоваться с начальником политотдела 18-й армии Л. И. Брежневым, который там неоднократно бывал и хорошо знал обстановку, но на этот раз он находился на Малой земле, где шли тяжелейшие бои.

Из того, что нам рассказал командарм К. Н. Леселидзе, было ясно: наши воины полны решимости драться с врагом до полного его разгрома и сбросить себя в море не дадут.

Доложив И. В. Сталину свое мнение, мы с С. М. Штеменко выехали в 56-ю армию Северо-Кавказского фронта, которой в то время командовал генерал А. А. Гречко.

В тот момент планировалось осуществить очередное наступление в район станицы Крымской, но командование армии считало, что оно недостаточно подготовлено. Решили его отсрочить, подтянуть боеприпасы, артиллерию с пассивных участков фронта, наметили, как лучше применить авиацию, использовать особую дивизию НКВД, переданную из резерва Ставки.

Параллельно шла работа и с командованием 18-й армии. Нужно было обязательно помочь десантной группе этой армии на Мысхако флотом и ударами авиации по противнику, занимавшему фронт перед героями-десантниками.

56-я армия до этого провела ряд блестящих сражений, освобождая Кубань. Теперь ей предстояло разгромить вражескую оборону 17-й армии в районе станицы Крымской и выйти в тыл новороссийской группы противника. В дальнейшем имелось в виду общими усилиями войск фронта ликвидировать таманский плацдарм противника.

Разгром противника на подступах к станице Крымской и ее захват были возложены на одну 56-ю армию, силы которой были ограниченны, а подкрепить ее серьезно ни Ставка, ни фронт возможности не имели. Армии предстояло преодолеть сильно укрепленную оборону, которую немецкие войска создали на подступах к станице. Планирование и подготовка операции были проведены А. А. Гречко со знанием дела и большой предусмотрительностью.

Наступление 56-армии на Крымскую началось 29 апреля. Несмотря на ограниченность сил, особенно авиации, танков и

артиллерии, командование армии, умело маневрируя имеющимися средствами, сломало упорное сопротивление вражеской обороны. Войска 56-й армии захватили станицу, важный железнодорожный узел и отбросили противника за Крымскую. Все эти события хорошо описаны в книге Маршала Советского Союза А. А. Гречко «Битва за Кавказ».

Дальнейшее наступление 56-й армии, как и других армий фронта, из-за отсутствия возможностей было приостановлено. Наступательные действия войск Северо-Кавказского фронта в том районе Ставка была вынуждена отложить до более благоприятного момента.

* * *

Подготавливая Красную Армию к летней кампании, Центральный Комитет партии, Государственный Комитет Обороны, Ставка и Генеральный штаб весной 1943 года развернули колоссальнейшую работу. Партия мобилизовала страну на решительный разгром врага.

Широкие активные мероприятия на фронте потребовали проведения ряда мер по усовершенствованию организационной структуры войск и их перевооружению новейшей техникой. В Генеральном штабе провели необходимые мероприятия, связанные с дальнейшим улучшением структуры войск Красной Армии. Пересматривались и совершенствовались организационные формы фронтов и армий. В их состав дополнительно включались артиллерийские, истребительно-противотанковые и минометные части. Войска усиливались средствами связи. Стрелковые дивизии оснащались более совершенным автоматическим, противотанковым вооружением и объединялись в стрелковые корпуса, с тем чтобы улучшить управление в общевойсковых армиях и сделать эти армии более мощными.

Формировались новые артиллерийские соединения, вооруженные более качественными системами. Создавались бригады, дивизии и корпуса прорыва артиллерии резерва Верховного Главнокомандования, предназначавшиеся для создания высоких плотностей огня на главных направлениях при решении важнейших задач наступления. В распоряжение фронтов и ПВО страны начали поступать зенитные дивизии. Это намного повышало мощь противовоздушной обороны.

Особое внимание ЦК партии и Государственного Комитета Обороны было сосредоточено на производстве танков и самоходной артиллерии.

К лету 1943 года, кроме отдельных механизированных и танковых корпусов, были сформированы и хорошо укомплектованы пять танковых армий новой организации, имевших в своем составе, как правило, два танковых и один механизированный корпуса. Кроме того, для обеспечения прорыва обороны противника и усиления армий было создано 18 тяжелых танковых полков.

Проводилась большая работа по реорганизации военно-воздушных сил, на вооружение которых поступали самолеты усовершенствованных конструкций, такие, как ЛА-5, ЯК-9, ПЕ-2, ТУ-2, ИЛ-4 и другие. К лету почти вся авиация была перевооружена новой материальной частью и был сформирован ряд дополнительных авиационных частей, соединений резерва Верховного Главнокомандования, в том числе 8 авиакорпусов авиации дальнего действия.

По количеству авиации наши ВВС уже превосходили немецкие воздушные силы. Каждый фронт имел свою воздушную армию численностью в 700—800 самолетов.

Большое количество артиллерии было переведено на моторизованную тягу. Машинами отечественного производства и «студебеккерами» были обеспечены инженерные части и войска связи. Тылы всех важнейших фронтов получили значительное количество автомобилей. В распоряжение Управления тыла Красной Армии поступили десятки новых автомобильных батальонов и полков, что резко повысило маневренность и работоспособность всей службы тыла.

Много внимания уделялось подготовке людских резервов. В 1943 году в различных учебных центрах обучались и переподготавливались сотни тысяч воинов, формировались и сколачивались крупные стратегические резервы. На 1 июля в резерве Ставки было несколько общевойсковых, две танковые и одна воздушная армии.

К лету 1943 года в составе нашей Действующей армии было свыше 6,4 миллиона человек, почти 99 тысяч орудий и минометов, около 2200 боевых установок полевой реактивной артиллерии, более 9,5 тысячи танков и самоходно-артиллерийских установок, почти 8300 боевых самолетов.

Огромная работа, проведенная Государственным Комитетом Обороны, нашей партией по усилению советских войск и их переподготовке на основе опыта войны, резко повысила боевые возможности войск действующих фронтов.

Коммунистическая партия, как всегда, уделяла много внимания повышению уровня партийно-политической работы в ар-

мии. В ряды войск вливались новые тысячи коммунистов, которые своей активностью еще выше поднимали боевой дух мужественных воинов Красной Армии. В 1943 году в Советских Вооруженных Силах насчитывалось уже 2,7 миллиона коммунистов и примерно столько же воинов-комсомольцев.

Политорганы, партийные и комсомольские организации направляли все свои усилия на повышение моральных качеств и политической сознательности личного состава войск. Этому способствовала перестройка армейских партийных организаций, которая осуществлялась в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 24 мая 1943 года «О реорганизации структуры партийных и комсомольских организаций в Красной Армии и усилении роли фронтовых, армейских и дивизионных газет».

Согласно этому постановлению парторганизации стали создаваться не в полках, а в батальонах. Полковые же бюро приравнивались к парткомам. Такая структура парторганизаций способствовала более конкретному руководству коммунистами в низовых звеньях. Партийно-политическая работа командиров, политработников, партийных и комсомольских организаций на основе майского решения Центрального Комитета партии явилась одним из важнейших условий роста боеготовности Советских Вооруженных Сил накануне грандиозных и ожесточенных сражений с врагом в летне-осенней кампании 1943 года.

В целом к лету 1943 года перед Курской битвой наши вооруженные силы как в количественном, так и в качественном отношении превосходили немецко-фашистские войска.

Советское Верховное Главнокомандование теперь имело все необходимые средства для того, чтобы разгромить вражеские войска, решительно и твердо сохранить стратегическую инициативу на всех важнейших направлениях и диктовать врагу свою волю.

Враг готовился взять реванш за поражение под Сталинградом.

Гитлеровское военно-политическое руководство, отдавая себе отчет в том, что его вооруженные силы растеряли бывшее превосходство над Красной Армией, принимало тотальные меры, чтобы послать на советско-германский фронт все лучшие войска, какие только можно было.

С Запада были переброшены в значительных количествах наиболее боеспособные войска. Военная промышленность, работая по 24 часа в сутки, торопилась дать новые танки «тигр» и «пантера» и тяжелые самоходные орудия «фердинанд». Военно-воздушные силы получили новые самолеты «фокке-вульф»

190-А» и «хейнкель-129». Немецкие войска в значительных размерах получили пополнение личным составом и материальной частью.

На советско-германском фронте на стороне противника действовало 232 дивизии Германии и ее союзников, около 5,2 миллиона человек, свыше 54 тысяч орудий и минометов, 5850 танков и штурмовых орудий, около трех тысяч боевых самолетов. В штабах всех степеней шла усиленная работа над планами предстоящих наступательных действий.

Для проведения задуманной операции против курского выступа германское командование сосредоточило 50 лучших своих дивизий, в том числе 16 танковых и моторизованных, 2 танковые бригады, 11 танковых батальонов и дивизионов штурмовых орудий, в которых насчитывалось свыше 2800 танков и штурмовых орудий и свыше двух тысяч самолетов (почти 60 процентов всех боевых самолетов, находившихся на Востоке). Были готовы к боевым действиям почти 900 тысяч человек.

Немецкое командование было уверено в успехе. Фашистская пропаганда принимала все меры к тому, чтобы поднять дух в войсках, обещая в предстоящих сражениях безусловную победу...

В первой половине мая я вернулся в Ставку из войск Северо-Кавказского фронта. В это время в Генеральном штабе в основном заканчивалось планирование летней кампании. Ставка провела тщательную агентурную и воздушную разведку, которая достоверно установила, что главные потоки войск и военных грузов противника идут в район Орла, Кром, Брянска, Харькова, Краснограда, Полтавы. Это подтверждало наши апрельские предположения. В Ставке и Генеральном штабе укреплялось мнение о возможном переходе немецких войск в наступление в ближайшие же дни.

Верховный Главнокомандующий потребовал предупредить Центральный, Брянский, Воронежский и Юго-Западный фронты о том, чтобы войска фронтов были в полной готовности встретить наступление. По его указанию была отдана директива Ставки за № 30123, в которой предусматривались возможные активные действия противника. Для срыва ожидаемого наступления готовилась авиационная и артиллерийская контрподготовка.

Командование фронтов, получив предупреждение Ставки, провело ряд новых мер по усилению системы огня в обороне, противотанковой обороны и инженерных заграждений.

Вот одно из донесений командования Центрального фронта по этому вопросу:

«Ставка Верховного Главнокомандования
тов. Сталину И. В.

Во исполнение директивы Ставки Верховного Главнокомандования от 8 мая сего года № 30123 докладываю:

1. С получением директивы Ставки отдано распоряжение всем армиям и отдельным корпусам ЦЕНТРОФ о приведении войск в боевую готовность к утру 10 мая.

2. В течение 9 и 10 мая выполнено:

а) войска ориентированы о возможных наступательных действиях противника в ближайший период;

б) части первых и вторых эшелонов и резерва приведены в полную боевую готовность. Командование и штабы проверяют на местах готовность войск;

в) в полосах армий, особенно на орловском направлении, усилена войсковая разведка и огневое воздействие на противника. В соединениях первого эшелона практически проверяется надежность огневой взаимодействия. Части вторых эшелонов и резервов проводят дополнительную рекогносцировку направлений вероятных действий и уточняют вопросы взаимодействия с частями первого боевого эшелона. Пополняются запасы боеприпасов на огневых позициях. Усилены заграждения, особенно на танкоопасных направлениях. Производится минирование глубины оборонительных полос. Проверена техническая связь — работает бесперебойно.

3. 16-я воздушная армия активизировала воздушную разведку и ведет тщательное наблюдение за противником в районе Глазуновка — Орел — Кромы — Комарики. Авиасоединения и части армии приведены в боевую готовность для отражения ударов авиации противника и срыва возможных его наступательных действий.

4. Для срыва возможного наступления противника на орловско-курском направлении подготовлена контрподготовка, в которой участвует вся артиллерия 13-й армии и авиация 16-й воздушной армии.

Рокоссовский, Телегин, Калинин.

№ 00219».

Примерно такие же донесения поступали и с других фронтов.

Несколько иначе смотрел на складывавшуюся ситуацию генерал армии Н. Ф. Ватутин. Не отрицая оборонительных

мероприятий, он предлагал Верховному нанести противнику упреждающий удар по его белгородско-харьковской группировке. В этом его полностью поддерживал член Военного совета Н. С. Хрущев.

Начальник Генштаба А. М. Василевский, А. И. Антонов и другие работники Генштаба не разделяли это предложение Военного совета Воронежского фронта. Я полностью был согласен с мнением Генерального штаба, о чем и доложил И. В. Сталину.

Верховный сам все еще колебался — встретить ли противника обороной наших войск или нанести упреждающий удар. И. В. Сталин опасался, что наша оборона может не выдержать удара немецких войск, как не раз это бывало в 1941 и 1942 годах. В то же время он не был уверен в том, что наши войска в состоянии разгромить противника своими наступательными действиями.

После многократных обсуждений Верховный решил встретить наступление немцев огнем всех видов глубоко эшелонированной обороны, мощными ударами авиации и контрударами оперативных и стратегических резервов. Затем, измотав и обескровив врага, добить его мощным контрнаступлением на белгородско-харьковском и орловском направлениях, после чего провести глубокие наступательные операции на всех важнейших направлениях.

После поражения немцев в районе Курской дуги Ставка предполагала освободить Донбасс, всю Левобережную Украину, ликвидировать плацдарм противника на Таманском полуострове, освободить восточные районы Белоруссии и создать условия для полного изгнания противника с нашей территории.

Разгром основных сил противника Ставка планировала осуществить следующим образом. Как только будет установлено окончательное сосредоточение главных группировок противника в исходных районах для наступления, внезапно накрыть их мощным огнем всех видов артиллерии и минометов и одновременно нанести удар всеми силами авиации. Удары авиации было решено продолжать в течение всего времени оборонительного сражения, привлекая для этого авиацию соседних фронтов и дальнюю авиацию Верховного Главнокомандования.

При переходе противника в наступление войска Воронежского и Центрального фронтов должны были упорно защищать каждую позицию, каждый рубеж огнем, контратаками и контр-

ударами из глубины. Для этого заранее предусматривалось подтягивание к угрожаям участкам резервов из оперативной глубины, в том числе танковых корпусов и армий.

Когда же враг будет обессилен и остановлен, незамедлительно перейти в контрнаступление силами Воронежского, Центрального, Степного, Брянского, левым крылом Западного и правым крылом Юго-Западного фронтов.

В соответствии с принятым решением директивой Ставки войскам были поставлены следующие задачи.

Центральному фронту оборонять северную часть курского выступа, с тем чтобы в ходе оборонительной операции измотать и обескровить противника, после чего перейти в контрнаступление и во взаимодействии с Брянским и Западным фронтами разгромить группировку немецких войск в районе Орла.

Воронежскому фронту, оборонявшему южную часть курского выступа, также измотать и обескровить противника, после чего во взаимодействии со Степным фронтом и правым крылом Юго-Западного фронта перейти в контрнаступление и завершить разгром противника в районе Белгорода и Харькова. Главные усилия Воронежского фронта сосредоточить на своем левом фланге на участке 6-й и 7-й гвардейских армий.

Степной фронт, расположенный за Центральным и Воронежским фронтами на рубеже Измаково — Ливны — река Кшень — Белый Колодезь, получил задачу подготовить оборону на вышеуказанном рубеже и обеспечить парирование возможных прорывов противника со стороны Центрального и Воронежского фронтов, а также быть в готовности к переходу к наступательным действиям.

Войскам Брянского фронта и левого крыла Западного фронта надлежало содействовать Центральному фронту в срыве наступления противника и также быть готовыми к переходу в наступление на орловском направлении.

Перед Центральным штабом партизанского движения была поставлена задача организовать в тылу врага массовые диверсии на всех важнейших коммуникациях противника Орловской, Харьковской и других областей, а также сбор и направление в Ставку важнейших разведывательных данных о противнике.

Чтобы сковать войска противника и не допустить маневрирования его резервами, были предусмотрены частные наступательные операции на ряде направлений юга страны и на северо-западном направлении.

К предстоящим сражениям в районе Курска советские войска готовились в мае и июне. Лично мне пришлось оба эти месяца

провести в войсках Воронежского и Центрального фронтов, изучая обстановку и ход подготовки наших войск к предстоящим действиям.

Вот одно из типичных донесений того времени в Ставку Верховного Главнокомандования.

«22.5.43. 4.48

«Товарищу Иванову¹

Докладываю обстановку на 21.5.43 г. на Центральном фронте.

1. На 21.5. всеми видами разведки установлено: в первой линии обороны противник перед Центральным фронтом имеет 15 пехотных дивизий; во второй линии и резерве — 13 дивизий, из них 3 танковые.

Кроме того, есть сведения о сосредоточении южнее Орла 2-й танковой дивизии и 36-й мотодивизии. Сведения об этих двух дивизиях требуют проверки.

4-я танковая дивизия противника, ранее находившаяся западнее Севска, куда-то переброшена. Кроме того, в районе Брянска и Карачева находятся три дивизии, из которых две танковые.

Следовательно, на 21.5. противник против Центрального фронта может действовать тридцатью тремя дивизиями, из них шестью — танковыми.

Инструментальной и визуальной разведкой фронта выявлено 800 орудий, главным образом 105- и 150-миллиметровых.

Главную массу артиллерии противник имеет против 13-й армии, левого фланга 48-й армии и правого фланга 70-й армии, то есть на участке Тросно — Первое Поздеево. За этой главной артиллерийской группировкой на линии Змеевка — Красная роща расположено до 600—700 танков. Причем главная масса сосредоточена восточнее реки Оки.

В районе Орла, Брянска, Смоленска противник сосредоточил 600—650 самолетов. Главную группировку авиации противник имеет в районе Орла.

В последние дни как на земле, так и в воздухе противник держит себя пассивно, ограничиваясь небольшой воздушной разведкой и редкими огневыми налетами.

На переднем крае и в глубине тактической обороны противник ведет окопные работы, особенно усиленно развивает свои оборонительные позиции перед фронтом 13-й армии и на участке

¹ Псевдоним И. В. Сталина. (Прим. автора).

Красная слободка — Сеньково, где у него уже появилась вторая линия обороны за рекой Неручь. По данным наблюдения, противник создает на этом направлении третью линию обороны в 3—4 километрах севернее реки Неручь.

Пленные показывают, что немецкому командованию известно о нашей группировке южнее Орла и нашем готовящемся наступлении, и немецкие части предупреждены об этом. Захваченные летчики показывают, что якобы немецкое командование само готовит наступление и что для этой цели стягивается авиация.

Я лично был на переднем крае 13-й армии, просматривал с разных точек оборону противника, наблюдал за его действиями, разговаривал с командирами дивизий 70-й и 13-й армий, с командующими Галаниным, Пуховым и Романенко и пришел к выводу, что непосредственной готовности к наступлению на переднем крае у противника нет.

Может быть, я ошибаюсь; может быть, противник очень искусно маскирует свои приготовления к наступлению, но анализируя расположение его танковых частей, недостаточную плотность пехотных соединений, отсутствие группировок тяжелой артиллерии, а также разбросанность резервов, считаю, что противник до конца мая перейти в наступление не может.

2. Оборона 13-й и 70-й наших армий организована правильно и глубоко эшелонирована. Оборона 48-й армии организована жидко и с очень слабой артиллерийской плотностью, и если противник ударит по армии Романенко и вздумает обойти Малоархангельск с востока с целью обхода главной группировки Костина¹, то Романенко не сможет сдержать удара противника. Резервы же фронта расположены главным образом за Пуховым и Галаниным, они вовремя на помощь Романенко подоспеть не смогут.

Я считаю, Романенко надо усилить за счет резерва Ставки двумя стрелковыми дивизиями, тремя танковыми полками Т-34, двумя ИПТАП и двумя минометными или артиллерийскими полками РГК. Если это будет дано Романенко, то он сможет организовать хорошую оборону и, если будет нужно, может плотной группировкой перейти в наступление.

В обороне Пухова и Галанина и других армий фронта основные недостатки заключаются в отсутствии ИПТАП. Фронт на сегодняшний день имеет всего четыре ИПТАП, из них два без тяги находятся в тылах фронта.

¹ Псевдоним К. К. Рокоссовского. (Прим. автора).

Ввиду большого некомплекта 45-миллиметровых орудий в батальонах и полках противотанковая оборона первых эшелонов и переднего края организована слабо.

Считаю, Костину нужно как можно быстрее дать четыре полка ИПТАП (с Романенко 6), три полка самоходной 152-миллиметровой артиллерии.

3. Подготовка Костина к наступлению не закончена. Проработав этот вопрос на местности с Костиным и Пуховым, мы пришли к выводу о необходимости сдвинуть участок прорыва на два-три километра западнее намеченного участка Костиным, то есть до Архангельского включительно, и пустить в первом эшелоне один усиленный корпус с танковым корпусом западнее железной дороги.

С артиллерийской группировкой планируемый прорыв Костин сделать не сможет, так как противник значительно усилил и глубже эшелонировал свою оборону на этом направлении.

Для того чтобы прорыв сделать наверняка, Костину нужно еще перебросить один артиллерийский корпус.

Боеприпасов фронт имеет в среднем полтора боекомплекта.

Прошу обязать Яковлева в двухнедельный срок доставить фронту три боекомплекта основных калибров.

4. У Пухова сейчас имеется 12 дивизий, шесть из них объединены в два корпуса, шестью дивизиями Пухов командует сам. Для пользы дела прошу приказывать срочно сформировать и перебросить для Пухова два корпусных управления, одно корпусное управление сформировать и перебросить для Галанина, у которого сейчас пять отдельных дивизий, кроме стрелкового корпуса.

Прошу вашего решения.

Юрьев¹.

№ 2069».

В таком же порядке изучалась обстановка и в войсках Воронежского фронта, о чем я тотчас же сообщал в Ставку. Командование фронтов и их штабы, в свою очередь, следя за каждым шагом противника и обобщая обстановку, также немедленно доносили в Генеральный штаб и Ставку.

Наблюдая работу штабов войск, фронтов и Генерального штаба, должен сказать, что их неутомимая деятельность сыграла важнейшую роль в сражениях летнего периода. Штабные работники дни и ночи кропотливо собирали и анализировали сведения о войсках противника, об их возможностях и намере-

¹ Псевдоним Г. К. Жукова. (Ред.).

ниях. Обобщенные данные докладывались командованию для принятия основных решений.

Для того чтобы разработать план действий войск в районе курского выступа, Ставка и Генштаб должны были организовать тщательную разведку с целью получения сведений о расположении войск противника, совершаемых перегруппировках бронетанковых, артиллерийских соединений, бомбардировочной и истребительной авиации и, самое важное, получить данные о намерениях командования войск противника.

Тот, кто знаком с объемом и методом подготовки крупных операций, сможет оценить всю сложность и многообразность работы штабов и командования по подготовке Курской битвы.

Обрабатывая полученные сведения, Генштаб должен был глубоко проанализировать их, сделать надлежащие выводы из всех многочисленных сообщений, среди которых могли быть и дезинформационные, и ошибочные. Ведь такую многогранную работу, как известно, выполняют тысячи людей в органах агентурной и войсковой разведки, партизаны и сочувствующие нашей борьбе люди.

Противник, готовясь к действиям, проводил систему специальных мероприятий, чтобы скрыть свои намерения: ложные перегруппировки и прочие обманные действия. В этом высшие штабы должны были суметь разобраться и отличить настоящее от фальшивого.

Подобного рода работа всегда может быть организована в больших масштабах только в результате централизованных указаний, объединения всех усилий, а не на основе тех или иных отдельных идей или предположений.

Конечно, и при такой системе возможны некоторые ошибки.

Так, Ставка и Генштаб считали, что наиболее сильную группировку противник создает в районе Орла для действий против Центрального фронта. На самом деле более сильной оказалась группировка против Воронежского фронта, где действовало 8 танковых, одна моторизованная дивизия и 2 танковые бригады. В них было свыше 1800 танков и штурмовых орудий. Танковая группировка противника, действовавшая против Центрального фронта, насчитывала лишь 1200 танков и штурмовых орудий. Этим в значительной степени и объясняется то, что Центральный фронт легче справился с отражением наступления противника, чем Воронежский фронт.

Как расположены были основные группы войск к началу битвы?

Наиболее опасные рубежи обороны в районе Белгорода занимали 6-я гвардейская армия под командованием генерала И. М. Чистякова и 7-я гвардейская под командованием генерала М. С. Шумилова. Непосредственно за 6-й армией во втором эшелоне фронта обороны на обоянском направлении располагалась 1-я танковая армия под командованием генерала М. Е. Катукова. За стыком 6-й и 7-й армий, прикрывая направление на Корочу и Прохоровку, стояла 69-я армия. Резервы фронта — 35-й стрелковый корпус и 2-й гвардейский танковый корпус были расположены в районе Корочи, 5-й гвардейский танковый корпус — южнее Обояни.

1-я танковая армия подготовила для всех частей оборонительные рубежи и прочные инженерные сооружения, чтобы в случае надобности встретить вражеские войска с места огнем танков и всех других видов оружия.

В результате творческой работы войск было со всей тщательностью отработано взаимодействие огневой системы с соседними войсками как по фронту, так и в глубину, а также взаимодействие с авиацией.

На наиболее опасном участке Центрального фронта в районе Поньрей оборонялась 13-я армия под командованием генерала Н. П. Пухова. За стыком этой армии и 70-й армии И. В. Галанина в оперативной глубине расположилась 2-я танковая армия под командованием генерала А. Г. Родина.

В резерве фронта находились 9, 19-й танковые корпуса и несколько истребительно-противотанковых артиллерийских частей. С воздуха войска фронта поддерживала 16-я воздушная армия под командованием генерала С. И. Руденко.

Хочется сказать и о наших резервах. Подготавливая Курскую операцию, Ставка приложила много усилий к тому, чтобы иметь в своем распоряжении крупные резервы.

На рубеже Ливны — Старый Оскол были сосредоточены войска Степного фронта, которые предназначались для парирования случайностей и в качестве мощной фронтовой группировки для перехода в общее контрнаступление. В состав Степного фронта были включены 5-я гвардейская общевойсковая армия генерала А. С. Жадова, 27, 53, 47-я общевойсковые армии, 5-я гвардейская танковая армия, 1-й гвардейский мехкорпус, 4-й гвардейский танковый и 10-й танковый корпуса, 3, 5, 7-й кавкорпуса. С воздуха Степной фронт поддерживался 5-й воздушной армией. Фронтом командовал генерал-полковник И. С. Конев, членом Военного совета был генерал-лейтенант

И. З. Сусайков, начальником штаба фронта — генерал-лейтенант М. В. Захаров.

Степному фронту отводилась весьма важная роль. Он не должен был допустить глубокого прорыва наступавшего противника, а при переходе наших войск в контрнаступление его задача заключалась в том, чтобы нарастить мощь удара наших войск из глубины. Расположение войск фронта на значительном удалении от противника обеспечивало ему свободный маневр всеми силами фронта или частью их.

По своему составу и целевому назначению Степной фронт существенно отличался от Резервного фронта, действовавшего осенью 1941 года на подступах к Москве. Резервный фронт тогда, по существу, являлся вторым оперативным эшелонном, расположенным основными силами на тыловых рубежах Западного фронта.

В последних числах июня обстановка окончательно прояснилась, и для нас стало очевидно, что именно здесь, в районе Курска, а не где-нибудь в другом месте, противник в ближайшие дни перейдет в наступление.

30 июня мне позвонил И. В. Сталин. Он приказал, чтобы я оставался на орловском направлении для координации действий Центрального, Брянского и Западного фронтов.

— На Воронежский фронт, — сказал Верховный, — командиром является Василевский.

В эти дни, находясь на Центральном фронте, я вместе с К. К. Рокоссовским работал в войсках 13-й армии, во 2-й танковой армии и резервных корпусах. На участке 13-й армии, где ожидался главный удар противника, была создана исключительно большая плотность артиллерийского огня. В районе Поньрей был развернут 4-й артиллерийский корпус резерва Главного Командования, имевший в своем составе 700 орудий и минометов. Здесь же были расположены все основные силы фронтовых артиллерийских частей и резерва Верховного Главнокомандования. Артиллерийская плотность была доведена до 92 орудий и минометов на 1 километр фронта.

Для отражения массированного танкового удара противотанковая оборона на обоих фронтах строилась на всю глубину расположения войск, которая максимально была оснащена артиллерией, танками и инженерно-минными средствами.

На Центральном фронте наиболее мощная противотанковая оборона была подготовлена в полосе 13-й армии и на примы-

кающих к ней флангах 48-й и 70-й армий. Противотанковая артиллерийская оборона в полосе 13-й армии Центрального фронта составляла более 30 единиц на 1 километр фронта.

На Воронежском фронте в полосе 6-й и 7-й гвардейских армий ее плотность составляла по 15,6 орудия на 1 километр фронта, а с учетом средств, расположенных во 2-м эшелоне, — до 30 орудий на 1 километр. Кроме того, противотанковая оборона на этом участке была усилена двумя танковыми полками и одной танковой бригадой.

На всех танкоопасных направлениях оборона состояла из противотанковых опорных пунктов и районов. Кроме артиллерии и танков, широко применялось минирование, отрывались противотанковые рвы, эскарпы и другие инженерно-заградительные средства. Широко применялись подвижные отряды заграждений и противотанковые резервы.

Все эти противотанковые мероприятия были достаточно эффективными — сказывался огромный опыт, добытый в тяжелых предшествовавших боях. Танковым войскам противника было обеспечено поражение, которое во многом должно было способствовать общему разгрому врага.

Из трофейных документов и разведанных было установлено: против Центрального и Воронежского фронтов действует авиация в составе 1, 4-го и 8-го авиационных корпусов, общим количеством до 2 тысяч боевых самолетов, под общим командованием генерал-фельдмаршала Рихтгофена.

Вражеская авиация начиная с марта постепенно наращивала свои авиационные удары по железнодорожным узлам, магистралям, по городам и важнейшим тыловым объектам, а с июня она все чаще и чаще стала заходить на войска и наши тылы.

Прикрытие войск и всего курского выступа обеспечивалось 2, 5-й и 16-й воздушными армиями и двумя истребительными авиадивизиями ПВО страны. Учитывая ожидаемое наступление противника, фронты были значительно усилены зенитными средствами, которые позволили фронтам прикрыть большое количество объектов двух-, трех-, четырех- и даже пятислойным огнем.

Зенитная артиллерийская оборона была увязана с истребительной авиацией и со всей службой наблюдения, оповещения и наведения. Тщательная и хорошо организованная противовоздушная оборона фронтов и всего курского выступа дала возможность надежно прикрыть войска и нанести большие потери вражеской авиации.

Глубина инженерного оборудования фронтов достигла свыше 150 километров, а с учетом Степного фронта общая глубина составила 250—300 километров. В инженерном отношении фронты сделали исключительно много. Войскам была дана возможность обезопасить себя от огня и эффективно уничтожать наступающего противника.

Поистине титаническую работу проделали тылы фронтов, армий и соединений. К сожалению, у нас очень мало пишут о тылах, работниках тыловой службы, которые своим трудом, своей творческой инициативой помогали войскам и командованию всех степеней бороться с противником, громить его и завершить войну всемирно-исторической победой.

Вообще без хорошо организованного и четко работающего тыла современные сражения успешно проводить нельзя. Отсутствие надлежащего материально-технического обеспечения войск в процессе операции неизбежно приводит к неудачам.

«Без самой тщательной, основанной на точных математических расчетах, организации тыла, без налаживания правильного питания фронта всем тем, что ему необходимо для ведения военных операций, без самого точного учета перевозок, обеспечивающих тыловое снабжение, без организации эвакуационного дела немислимо никакое сколько-нибудь правильное, разумное ведение больших военных операций», — говорил М. В. Фрунзе¹.

Тыл Центрального фронта возглавлял генерал Н. А. Антипенко. Еще в период битвы под Москвой он был начальником тыла 49-й армии Западного фронта. Уже тогда он показал себя выдающимся организатором тыловой службы. Отличную работу провел также начальник тыла 1-го Украинского фронта генерал Н. П. Анисимов, который хорошо помог войскам в материально-техническом обеспечении войск, ведущих сражения в сложных условиях. Н. П. Анисимов пользовался в войсках и тылах вполне заслуженным авторитетом. Особенно он запомнился мне во время Проскурово-Черновицкой операции, где он прекрасно справился с организацией тыла фронта, несмотря на полное весеннее бездорожье.

Для обеспечения запланированных Ставкой действий фронтов требовалось провести колоссальнейшую работу по материально-техническому обеспечению предстоящих операций. Известно, что только со стороны Центрального и Воронежского фронтов в боевых действиях участвовало 1330 тысяч

¹ М. В. Фрунзе. Избранные произведения. Воениздат, 1950, стр. 306.

человек, до 3600 танков и самоходно-артиллерийских установок, 20 тысяч орудий и 3130 самолетов (с учетом авиации дальнего действия).

Несмотря на трудные погодные условия, большие транспортные затруднения и попытки врага своими авиационными налетами сорвать подвоз всего необходимого для предстоящих операций, тылы фронтов блестяще справились с возложенной на них задачей. Они полностью обеспечили не только оборонительный период сражения, но и быстрый переход к контрнаступательным действиям.

Мне трудно сказать, тыл какого фронта был подготовлен лучше, но, учитывая то, что Центральному фронту понадобилось меньше времени для материального обеспечения перехода в контрнаступление, считаю, что здесь тыл как перед началом операции, так и в процессе ее работал наиболее оперативно. Конечно, здесь немалую роль сыграл масштаб колебаний фронтов в ходе операции.

Должен сказать, что Военные советы фронтов много занимались вопросами тыла, и этим в значительной степени объяснялась хорошая материально-техническая обеспеченность войск к началу сражения.

Большую помощь тылам и непосредственно войскам оказало местное население района Курской дуги. Промышленные предприятия прифронтовых районов ремонтировали танки, самолеты, машины, артиллерийскую и иную технику. В большом количестве шилось обмундирование и госпитальная одежда. Огромная работа была проведена по созданию оборонительных рубежей, постройке и ремонту дорог.

Можно сказать, фронт и тыл здесь воистину были слиты воедино. Каждый делал все, что только мог, для победы над врагом. В этом ярко проявлялась общность цели нашего народа и вооруженных сил в борьбе за свою социалистическую Родину.

Генералы Н. Ф. Ватутин и К. К. Рокоссовский лично много занимались вопросами тыла, и этим в значительной степени объяснялась хорошая материально-техническая обеспеченность войск к началу сражения.

Об усилиях тех напряженных дней хорошо рассказал Маршал Советского Союза А. М. Василевский в своей статье «Историческое сражение», опубликованной в «Правде» 4 июля 1968 года в связи с 25-летием разгрома немецко-фашистских войск под Курском.

«Трудно перечислить весь круг крупных мероприятий, которые были проведены Государственным Комитетом Обороны, Ставкой и Генеральным штабом в интересах подготовки к решающей битве на Курской дуге,— пишет А. М. Василевский.— Это была огромная, поистине титаническая работа.

В числе таких мероприятий было и создание многополосной обороны на курском направлении на общую глубину 250—300 километров, и выдвижение в район восточнее Курска мощного стратегического резерва Ставки — Степного фронта, и осуществление крупнейшего за все время войны сосредоточения в район Курска материальных средств и войск, и организация специальных воздушных операций по нарушению вражеских коммуникаций и завоеванию господства в воздухе, и активизация действий партизан с целью организации массовых диверсий в тылу врага и получения важнейших разведывательных данных, и проведение целого комплекса мероприятий по политическому обеспечению предстоявших действий Красной Армии».

Итак, во всех наземных и воздушных войсках в мае и июне проходила напряженная боевая подготовка, каждый боец и командир готовился к встрече с врагом.

И эта встреча вскоре состоялась...

Всеми видами разведки Ставке и фронтам удалось установить время перехода в наступление противника. 2 июля Ставка предупредила командующих фронтами о возможном переходе противника в наступление в период с 3 по 6 июля.

Теперь нашей ближайшей задачей становилось проведение мощной артиллерийской и авиационной контрподготовки советских войск.

Вечером 4 июля я был в штабе К. К. Рокоссовского. После разговора по ВЧ с А. М. Василевским, который находился в штабе Н. Ф. Ватутина, я уже знал о результатах боя с передовыми отрядами противника в районе Белгорода. Стало известно, что сведения, полученные в тот день от захваченного пленного солдата 168-й пехотной дивизии, о переходе противника в наступление на рассвете 5 июля подтверждаются и что, как это было предусмотрено планом Ставки, Воронежским фронтом будет проведена артиллерийская и авиационная контрподготовка.

Эти сведения я тут же передал К. К. Рокоссовскому и М. С. Малинину.

В третьем часу утра К. К. Рокоссовскому позвонил командующий 13-й армией генерал Н. П. Пухов и доложил, что захваченный пленный сапер 6-й пехотной дивизии сообщил о го-

товности немецких войск к переходу в наступление. Ориентировочно время называлось — 3 часа утра 5 июля.

К. К. Рокоссовский спросил меня:

— Что будем делать? Докладывать в Ставку или дадим приказ на проведение контрподготовки?

— Время терять не будем, Константин Константинович. Отдавай приказ, как предусмотрено планом фронта и Ставки, а я сейчас позвоню Верховному и доложу о полученных данных и принятом решении.

Меня тут же соединили с Верховным. Он был в Ставке и только что кончил говорить с А. М. Василевским. Я доложил о полученных данных и принятом решении провести контрподготовку. И. В. Сталин одобрил решение и приказал чаще его информировать.

— Буду в Ставке ждать развития событий, — сказал он.

Я почувствовал, что Верховный находится в напряженном состоянии. Да и все мы, несмотря на то, что удалось построить глубоко эшелонированную оборону и что в наших руках теперь находились мощные средства удара по немецким войскам, сильно волновались и были крайне возбуждены. Была глубокая ночь, но сон как рукой сняло.

Мы с К. К. Рокоссовским, как всегда в таких случаях, перебрались в штаб фронта. Начальника штаба Центрального фронта М. С. Малинина я знал со времени битвы под Москвой; тогда он являлся начальником штаба 16-й армии. Это был всесторонне подготовленный командир, штабной работник высокого класса. Со своим спаянным коллективом он отлично выполнял возложенные на штаб обязанности. Ему очень помогал начальник оперативного отдела генерал И. И. Бойков. Скромный, трудолюбивый, инициативный, он во всех делах был правой рукой начальника штаба фронта. Вот и сейчас — кругом телефонные звонки, нетерпеливые вопросы и запросы, а он спокоен, как всегда.

Здесь же находился начальник штаба артиллерии фронта полковник Г. С. Надысев. Он то и дело выходил для переговоров с командирами артиллерийских соединений резерва Верховного Главнокомандования и с командующим артиллерией фронта генералом В. И. Казаковым, находившимся в это время в 4-м артиллерийском корпусе.

Следует сказать, что штабы артиллерии и все командующие артиллерией фронтов, армий и соединений хорошо и умно поработали над организацией артиллерийской обороны и контрподготовки.

В 2 часа 20 минут был отдан приказ о начале контрподготовки. Все кругом закрутилось, завертелось, раздался ужасный грохот — началось величайшее сражение в районе Курской дуги. В этой адской «симфонии» звуков словно слились воедино удары тяжелой артиллерии, разрывы авиационных бомб, реактивных снарядов М-31, «катюш» и непрерывный гул авиационных моторов.

Вражеские войска от нашей штаб-квартиры находились по прямой не более чем в 20 километрах. Мы слышали и ощущали ураганный огонь, и невольно в нашем воображении возникла страшная картина на исходном плацдарме противника, внезапно попавшего под ураганный удар контрподготовки. Застигнутые врасплох вражеские солдаты и офицеры наверняка уткнулись носом в землю, в первую попавшуюся яму, канаву, траншею, любую щель, лишь бы укрыться от ужасающей силы разрывов бомб, снарядов и мин...

В 2 часа 30 минут, когда уже всюю шла контрподготовка, позвонил Верховный.

— Ну как? Начали?

— Начали.

— Как ведет себя противник?

Я доложил, что противник пытался отвечать на нашу контрподготовку отдельными батареями, но быстро замолк.

— Хорошо. Я еще позвоню.

Тогда трудно было сразу определить результаты нашей контрподготовки, но начатое противником в 5 часов 30 минут недостаточно организованное и не везде одновременное наступление говорило о серьезных потерях, которые она нанесла противнику.

Захваченные в ходе сражения пленные рассказали, что наш удар был для них совершенно неожиданным. По их сведениям, сильно пострадала артиллерия и почти всюду была нарушена связь, система наблюдения и управления.

Однако следует сказать, что к началу действий противника план контрподготовки у нас в деталях полностью еще не был завершен. Не были точно выявлены места сосредоточения в исходном положении и конкретное размещение целей в ночь с 4 на 5 июля. Хотя при тех разведывательных средствах, которыми мы тогда располагали, нелегко было точно установить местоположение целей, но все же можно было сделать значительно больше, чем это было сделано.

В результате нам пришлось вести огонь в ряде случаев не по конкретным целям, а по площадям. Это дало возможность

противнику избежать массовых жертв. Через два-два с половиной часа он сумел перейти в наступление и в первый же день, несмотря на небывалую плотность огня нашей обороны, продвинулся на 3—6 километров. Этого могло не быть при лучшей организации контрподготовки и более значительном поражении противника.

Правда, нельзя сбрасывать со счетов, что контрподготовка проводилась ночью, вследствие чего участие авиации было незначительным и, прямо скажем, малоэффективным; удары по аэродромам противника на рассвете полностью не достигли своей цели, так как к этому времени немецкое командование уже подняло авиацию в воздух для взаимодействия со своими наземными войсками.

Значительно эффективнее действовала авиация по тактическим боевым порядкам и по колоннам противника, совершавшим перегруппировки в ходе сражения.

Конечно, артиллерийская контрподготовка нанесла врагу большие потери и дезорганизовала управление наступлением войск, но мы все же ждали от нее больших результатов. Наблюдая ход сражения и опрашивая пленных, я пришел к выводу, что как Центральный, так и Воронежский фронты начали ее слишком рано: немецкие солдаты еще спали в окопах, блиндажах, оврагах, а танковые части были укрыты в выжидательных районах. Лучше было бы контрподготовку начать примерно на 30—40 минут позже.

Между половиной пятого и пятью часами утра 5 июля вместе с появлением авиации противника был открыт артиллерийский огонь по обороне Центрального фронта, особенно сильный по войскам 13-й армии. Через полчаса немецкие войска начали наступление.

Противник бросил в атаку в первом атакующем эшелоне три танковые и пять пехотных дивизий. Удару подверглись войска 13-й армии и примыкавшие к ней фланги 48-й и 70-й армий. Атака была встречена мощным огнем всей системы нашей обороны и отбита с потерями для немецко-фашистских войск.

В течение всего дня 5 июля противник провел пять яростных атак, пытаясь ворваться в оборону наших войск, но не сумел добиться существенных результатов. Почти на всех участках фронта войска твердо стояли на своих рубежах, и казалось, что пока нет такой силы, чтобы сдвинуть их с места. Только к исходу дня в районе Ольховатки и еще кое-где части против-

ника вклинились в нашу оборону на глубину от 3 до 6 километров.

Особенно мужественно дрались воины 13-й армии, в том числе 81-я дивизия генерала А. Б. Барина, 15-я дивизия полковника В. Н. Джанджгавы, 307-я дивизия генерала М. А. Еншина и 3-я истребительно-противотанковая артиллерийская бригада полковника В. Н. Рукосуева. Сильный удар приняла на себя батарея капитана Г. И. Игишева, которая за один день уничтожила 19 танков противника. Все воины этой батареи героически погибли в бою, но врага не пропустили.

Смело дралась 70-я армия генерала И. В. Галанина, сформированная из хорошо подготовленных пограничников Дальнего Востока, Забайкалья и Средней Азии.

Вечером было принято решение с утра следующего дня, то есть 6 июля, ввести в сражение 2-ю танковую армию и резервный 19-й танковый корпус, которые в тесном взаимодействии с войсками 13-й армии должны были нанести контрудар и отбросить противника в исходное положение, восстановив всю систему обороны на участке 13-й армии.

Особую боевую доблесть проявили части 17-го гвардейского стрелкового корпуса. 203-й гвардейский стрелковый полк 70-й гвардейской дивизии под командованием майора В. О. Коваленко за 6 июля отбил до шестнадцати атак противника и нанес ему тяжелые потери.

Однако, несмотря на хорошо организованную оборону, величайшее мужество и массовый героизм наших войск, за 5 и 6 июля войскам противника ценою больших потерь все же удалось продвинуться на отдельных участках до 10 километров. Оба дня, невзирая на колоссальные потери, свирепствовала его авиация. Но прорвать тактическую оборону враг так и не смог.

Перегруппировав свои ударные танковые части, противник с утра 7 июля бросился в ожесточенную атаку на Поньри. Здесь занимала оборону 307-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора М. А. Еншина, усиленная 5-й артиллерийской дивизией, 13-й противотанковой артбригадой, 11-й и 22-й минометными бригадами.

Целый день в районе Поньрей не смолкал непрерывный гул ожесточенного наземного и воздушного сражения. Враг бросал в бой все новые и новые танковые части, но и здесь ему не удалось сломать оборону.

8 июля усилились атаки в направлении Ольховатки. Здесь противник вновь натолкнулся на героическую стойкость советских воинов. Особенно отличились артиллеристы 3-й истреби-

тельно-противотанковой артиллерийской бригады полковника В. Н. Рукосуева. Бригада вела неравный бой с 300 танками противника.

Последующие попытки прорвать оборону советских войск также не дали противнику положительных результатов.

Так, до 10 июля, потеряв значительную часть танков, на которые Гитлер делал основную ставку, немецкие войска не смогли продвинуться вперед.

Еще в ходе описываемых сражений под утро 9 июля на командный пункт Центрального фронта мне позвонил И. В. Сталин и, ознакомившись с обстановкой, сказал:

— Не нора ли вводить в дело Брянский фронт и левое крыло Западного фронта, как это было предусмотрено планом?

— Здесь, на участке Центрального фронта, противник уже не располагает силой, способной прорвать оборону наших войск, — ответил я. — Чтобы не дать ему времени на организацию обороны, к которой он вынужден будет перейти, следует немедленно переходить в наступление всеми силами Брянского фронта и левым крылом Западного фронта, без которых Центральный фронт не сможет успешно провести запланированное контрнаступление.

— Согласен. Выезжайте к Попову и вводите в дело Брянский фронт. ...Когда можно будет начать наступление Брянского фронта?

— Двенадцатого.

— Согласен.

О положении дел на участках Воронежского фронта я не стал расспрашивать Верховного, так как держал непосредственную связь с А. М. Василевским, с Генеральным штабом и знал, что там так же, как и на участках Центрального фронта, разыгралось ожесточеннейшее сражение.

Вкратце позволю себе изложить события первого дня битвы на участке Воронежского фронта, о которых мне было известно из донесения в Ставку командования фронта.

В 16 часов 10 минут 4 июля противник начал наступательные действия передовыми отрядами. Эти действия, видимо, носили разведывательный характер. 5 июля из района Стрелецкий — Томаровка — Зыбино — Трефиловка после артиллерийского налета и авиационного удара враг перешел в наступление, введя в дело не менее 450 танков.

Первая атака была отбита.

Во второй половине дня, введя в дело тяжелые танки «тигр», противник вновь ринулся в наступление. На этот раз ему уда-

лось сломить сопротивление 52-й гвардейской стрелковой дивизии, которой командовал полковник И. М. Некрасов, и занять ряд населенных пунктов, в том числе Березов, Гремучий, Быково, Козьма-Демьяновку, Вознесенский. Соседняя 67-я гвардейская стрелковая дивизия полковника А. И. Баксова, подвергшаяся сильному удару, оставила Черкасское и отошла на рубеж Красный Починок.

За день боя немецко-фашистским войскам были нанесены колоссальные потери, но и войска фронта потеряли до 60 танков, 78 самолетов, значительное количество личного состава.

Из анализа действий противника чувствовалось, что в районе Белгорода его войсками руководят более инициативные и опытные генералы. Это действительно было так. Во главе группировки стоял генерал-фельдмаршал Манштейн.

Как развивались события на Брянском фронте?

Вечером 9 июля, как было указано Верховным, я был в штабе фронта, где встретился с командующим М. М. Поповым, членом Военного совета Л. З. Мехлисом и начальником штаба фронта Л. М. Сандаловым. Они уже получили указание Ставки о переходе в наступление войск фронта.

Должен отметить исключительно оперативную грамотность и умение четко спланировать наступательные действия, организовать систему управления войсками начальника штаба фронта генерала Л. М. Сандалова. Знал я его еще со времени битвы под Москвой, где он исполнял должность начальника штаба 20-й армии. Это был один из наиболее способных наших начальников штабов, глубоко разбиравшийся в оперативно-стратегических вопросах.

Планирование наступления в армиях было заранее продумано и подготовлено. Во главе армий стояли исключительно способные и опытные генералы. 3-й армией командовал генерал А. В. Горбатов, 61-й армией — генерал П. А. Белов, 63-й — генерал В. Я. Колпакчи, 3-й гвардейской танковой армией — генерал П. С. Рыбалко, 11-й гвардейской армией Западного фронта, которой предстояло наступать одновременно с Брянским фронтом, командовал генерал И. Х. Баграмян.

Во всех этих армиях Брянского и Западного фронтов я побывал и по мере возможности оказал их командованию помощь своими советами.

Особенно детально пришлось поработать в армии И. Х. Баграмяна, с которым у меня с давних пор сложились хорошие деловые и товарищеские взаимоотношения. В тот момент у И. Х. Баграмяна находился командующий Западным фронтом

генерал В. Д. Соколовский и представитель Ставки генерал Н. Н. Воронов, занимавшийся артиллерийскими вопросами.

При обсуждении метода артиллерийского огня, о котором докладывал командующий артиллерией 11-й гвардейской армии генерал П. С. Семенов, родилась идея преподнести врагу какой-то новый, еще неизвестный ему метод.

После долгих обсуждений всеми нами было решено: атаку начинать не после артиллерийской подготовки, как это было до сих пор, что помогало противнику определить начало перехода наших войск в наступление, а в процессе самой артиллерийской подготовки, в момент усиления ее темпа и мощности. Этот метод хорошо себя оправдал.

12 июля Брянский фронт и усиленная 11-я гвардейская армия Западного фронта перешли в наступление и, несмотря на глубоко эшелонированную, сильно развитую в инженерном отношении оборону и упорное сопротивление противника, прорвали ее и начали продвижение вперед в общем направлении на Орел.

Как и ожидалось, противник заметался на орловском плацдарме и стал снимать свои войска из группировки, действовавшей против Центрального фронта, и бросать их против Брянского фронта и против 11-й гвардейской армии Западного фронта. Этим незамедлительно воспользовался Центральный фронт и 15 июля перешел в контрнаступление.

Так здесь, в районе Орла, долго готовившееся гитлеровское генеральное наступление окончательно провалилось. Немецким войскам предстояло испытать горечь тяжелого поражения и ощутить могущество советского оружия, обрушившегося со всей мощью на ненавистного врага.

Однако в районе Белгорода противник наносил еще очень сильные удары. 6 июля на обоянском направлении разгорелось кровопролитнейшее сражение. С обеих сторон одновременно участвовали многие сотни самолетов, танков и самоходных орудий. Но враг не смог опрокинуть стальную оборону наших войск. Танкисты, артиллеристы и отошедшие с переднего края части мужественно отбивали многократные атаки врага. Только за 6 июля противник потерял здесь более 200 танков, десятки тысяч солдат и около 100 боевых самолетов.

Подтянув резервы и перегруппировав свои силы, противник на рассвете 7 июля ввел в дело новую сильную группировку танков. При этом основная их масса была брошена против 6-й гвардейской армии и 1-й танковой армии в направлении

Обоянь — Прохоровка, более 200 танков — против 7-й гвардейской армии М. С. Шумилова в направлении на Корочу.

Наши 6-я гвардейская и 1-я танковая армии в ночь на 7 июля были срочно усилены фронтовыми резервами.

С утра 7 июля вновь начались ожесточенные атаки врага. В воздухе и на земле стоял несмолкаемый гул боя, скрежет танков и шум моторов.

Войска Воронежского фронта, дравшиеся при мощной поддержке авиации, не допустили прорыва противника через вторую полосу обороны, но ему кое-где все же удалось вклиниться.

Тогда командование фронта ввело в дело на этом, ставшем теперь опасным, участке 2-й и 5-й гвардейские танковые корпуса, а также несколько стрелковых дивизий и артиллерийских частей, переброшенных с других направлений.

За два дня противник потерял еще не менее 200 танков и много другой техники. Его пехотные части уже насчитывали в своих рядах не более половины их исходной численности. Перегруппировав в течение 10 июля свои основные силы на более узком участке, противник вновь бросил их в направлении Прохоровки, рассчитывая здесь снять наши ослабевшие войска. В течение 11 июля на прохоровском направлении продолжалось тяжелое сражение.

К исходу дня на участке Воронежского фронта наступил опасный кризис. Согласно ранее разработанному плану Ставка подтянула из своего резерва сюда, в район Прохоровки, 5-ю гвардейскую общевойсковую и 5-ю гвардейскую танковую армии и на утро 12 июля ввела их в сражение. Вступив в дело, последняя имела в строю более 800 танков и самоходно-артиллерийских установок. Противник в общей сложности имел на обоянском и прохоровском направлениях не меньшее количество танков, но боевой дух его войск был уже надломлен в предшествовавших сражениях с войсками 6-й гвардейской армии, 1-й танковой армии и 7-й гвардейской армии.

В течение 12 июля на Воронежском фронте шла величайшая битва танкистов, артиллеристов, стрелков и летчиков, особенно ожесточенная на прохоровском направлении, где наиболее успешно действовала 5-я гвардейская танковая армия под командованием генерала П. А. Ротмистрова.

В тот день на командный пункт Брянского фронта мне позвонил Верховный и приказал срочно вылететь в район Прохоровки и принять на себя координацию действий Воронежского и Степного фронтов.

13 июля я прибыл на командный пункт Воронежского фронта, где находился также и командующий Степным фронтом генерал И. С. Конев. Вечером того же дня встретился на командном пункте 69-й армии с А. М. Василевским. Верховный Главнокомандующий поручил ему выехать на Юго-Западный фронт и организовать там наступательные действия, которые должны были начаться с переходом в контрнаступление Воронежского и Степного фронтов.

Ознакомившись с обстановкой, действиями противника и своих войск, мы пришли к выводу еще энергичнее продолжать начатый контрудар, с тем чтобы на плечах отходящего противника захватить ранее занимаемые им рубежи в районе Белгорода. После этого, произведя в сжатые сроки подготовку войск, перейти всеми силами обоих фронтов в решительное контрнаступление.

На всех участках фронта шли ожесточенные, кровавые бои, горели сотни танков и самоходных орудий. Над полем боя стояли тучи пыли и дыма. Это был переломный момент в сражении на белгородском направлении. Обескровленные и потерявшие веру в победу, гитлеровские войска постепенно переходили к оборонительным действиям. 16 июля противник окончательно прекратил атаки и начал отвод своих тылов на Белгород. 17 июля был обнаружен и отход войск противника, лишь части, находившиеся в соприкосновении с нашими войсками, продолжали оказывать упорное сопротивление.

18 июля мы с А. М. Василевским находились на участке, где сражались части 69-й армии под командованием генерал-лейтенанта В. Д. Крюченкина, 5-й гвардейской армии генерал-лейтенанта А. С. Жадова и 5-й гвардейской танковой армии генерал-лейтенанта П. А. Ротмистрова.

Нам довелось лично наблюдать ожесточенные бои в районе совхоза «Комсомолец» и Ивановских выселок, где действовали 29-й и 18-й танковые корпуса. Здесь противник оказывал сильное огневое сопротивление и даже переходил в контратаки. За 18 июля армиям П. А. Ротмистрова и А. С. Жадова удалось оттеснить его всего лишь на 4—5 километров, а 6-я гвардейская армия И. М. Чистякова заняла только высоту в районе Верхопенье. В войсках армии И. М. Чистякова чувствовалось большое переутомление. Начиная с 4 июля они не имели ни сна, ни отдыха. Нужны были дополнительные силы, чтобы помешать планомерному отходу немецких частей. Для этого пришлось ввести в дело 18-й танковый корпус генерал-майора Б. С. Ба-

харова и 29-й танковый корпус генерал-майора И. Ф. Кириченко, а также часть войск 53-й армии И. М. Манагарова.

Есть мнение, что в отличие от Центрального фронта командование Воронежского фронта не сумело точно определить, на каком направлении противник будет наносить главный удар, и что поэтому якобы оно рассредоточило усилия в полосе шириной в 164 километра, не массировало силы и средства на направлении главного удара врага. Это неверно, как и утверждение, что 6-я гвардейская армия, на оборону которой обрушилась главная группировка, наступавшая на Курск с юга, имела более широкую полосу обороны (64 километра), чем ее соседи, у которых было по 50 километров. Средняя плотность артиллерии на участке этой армии равнялась 25,4 орудия и 2,4 танка на один километр фронта, тогда как во всей полосе фронта она составляла 35,6 орудия и 6,9 танка¹.

Ставка, Генштаб и командование Воронежского фронта, анализируя обстановку, считали, что противник нанесет свой главный удар не по одной 6-й гвардейской армии, а по 6-й и 7-й гвардейским армиям. Что касается утверждений о ширине оборонительных полос, то фронт обороны 6-й и 7-й гвардейских армий, где ожидался главный удар немецких войск, равнялся 114 километрам, а в двух других армиях фронта — 130 километрам. Средняя плотность артиллерии и танков подсчитана недостаточно правильно, а именно: на участках 38-й и 40-й армий артиллерийская плотность была незначительная, а что касается танков, то их в этих армиях имелись единицы.

В то же время в полосе 6-й и 7-й гвардейских армий были сосредоточены почти все артиллерийские части и соединения резерва Верховного Главнокомандования, все танковые части и соединения и все фронтовые резервы. К тому же еще в оперативной глубине «в затылок» обороны 6-й гвардейской армии была поставлена 1-я танковая армия, хорошо подготовившая оборонительный рубеж, а за стыком 6-й и 7-й гвардейских армий в глубине располагалась 69-я армия на подготовленном оборонительном рубеже. Кроме того, в оперативной зоне за 6-й и 7-й гвардейскими армиями находились резервы фронта — 35-й гвардейский стрелковый корпус, 2-й и 5-й гвардейские танковые корпуса.

Следовательно, критика командования Воронежского фронта построена без знания дела, на неточном подсчете сил, средств и

¹ «Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 гг. Краткая история». Воениздат, М., 1965, стр. 244.

специфических условий оперативной обстановки. Подсчитана плотность только сил и средств армии, без учета артиллерии резерва Главного Командования, располагавшейся в полосе 6-й гвардейской армии. Что же касается плотности танков, то здесь главная ставка командования фронта была на 1-ю танковую армию, на 2-й и 5-й гвардейские танковые корпуса.

Чтобы правильно определить силу сопротивления обороны в крупных сражениях, нужно для подсчета брать средства и силы не только тактической обороны, но и находящиеся в оперативной глубине, тогда не будет ошибки.

Что касается результатов оборонительного сражения на фронтах, то не надо забывать, что по 6-й и 7-й гвардейским армиям Воронежского фронта противник в первый день нанес свой удар почти пятью корпусами (2-й танковый корпус СС, 3-й танковый корпус, 48-й танковый корпус, 52-й армейский корпус и часть корпуса «Раус»), тогда как по обороне Центрального фронта — тремя корпусами. Легко понять разницу в силе ударов немецких войск с орловского направления и из района Белгорода.

В отношении личных способностей в оперативно-стратегических вопросах командующего Воронежским фронтом Н. Ф. Ватутина должен со всей объективностью заявить: это был высокоэрудированный и мужественный военачальник.

Как я уже сказал, контрнаступление на Курской дуге готовилось еще задолго до перехода противника в наступление. Еще в мае Ставка рассмотрела план контрнаступления на орловском направлении под условным наименованием «Кутузов». В нем ставилась цель нанести удар по орловской группировке с трех сторон по сходящимся направлениям силами Центрального, Брянского и левого крыла Западного фронтов.

Выше говорилось, что 12 июля перешли в наступление войска Брянского и Западного фронтов, а 15 июля — Центрального фронта. Таким образом, в районе Орла развернулось мощное наступление трех фронтов, имевших ближайшую цель разгромить орловскую группировку врага.

Начавшееся здесь контрнаступление, а также большое истощение войск противника в районе Белгорода заставили гитлеровское руководство признать, что широко задуманный план «Цитадель» провалился. Чтобы спастись от полного разгрома, командованием противника было решено отвести войска генерал-фельдмаршала Манштейна обратно на оборонительные рубежи, с которых они начинали наступление.

Это ему удалось сделать вследствие исключительной переутомленности наших 1-й танковой, 6-й и 7-й гвардейских армий. 23 июля главные силы противника были отведены на белгородский оборонительный рубеж.

Войска Воронежского и Степного фронтов, выйдя 23 июля к переднему краю немецкой обороны, не могли сразу перейти в контрнаступление, хотя этого и требовал Верховный Главнокомандующий. Нужно было пополнить запасы горючего, боеприпасов и другие виды материально-технического обеспечения, организовать взаимодействие всех родов войск, тщательную разведку, произвести некоторую перегруппировку войск, особенно артиллерии и танков. По самым жестким подсчетам, на все это необходимо было минимум восемь суток.

Скрепя сердце, после многократных переговоров Верховный утвердил наше решение, так как иного выхода тогда не было.

Операция, как известно, планировалась на большую глубину, и она требовала тщательной подготовки и всестороннего обеспечения, в противном случае нас могла постигнуть неудача. Хорошо рассчитанная и подготовленная наступательная операция должна гарантировать не только успешное проведение прорыва тактической и оперативной глубины обороны противника, но и такое завершение наступления, которое обеспечит надлежащие условия для последующих наступательных действий.

Однако Верховный торопил нас с началом сражения. Мне и А. М. Василевскому стоило большого труда доказать ему необходимость не спешить с началом действий и начинать операцию только тогда, когда она будет всесторонне подготовлена и материально обеспечена. С нашими соображениями Верховный Главнокомандующий согласился.

После смерти И. В. Сталина появилась версия о том, что он единолично припимал военно-стратегические решения. С этим согласиться нельзя. Выше я уже говорил, что, если Верховному докладывали вопросы со знанием дела, он принимал их во внимание. И я знаю случаи, когда он отказывался от своего собственного мнения и ранее принятых решений. Так было, в частности, с началом сроков многих операций.

Битва в районе Курска, Орла и Белгорода является одним из величайших сражений Великой Отечественной войны и второй мировой войны в целом. Здесь были не только разгромлены отборные и самые мощные группировки немцев, но и безвозвратно подорвана в немецкой армии и народе вера в гитлеровское фашистское руководство и в способность Германии

противостоять все возрастающему могуществу Советского Союза.

Разгром главной группировки немецких войск в районе Курска подготовил почву для последовавших широких наступательных операций советских войск с целью полного изгнания немцев с нашей территории, а затем и с территории Польши, Чехословакии, Венгрии, Югославии, Румынии, Болгарии и окончательного разгрома фашистской Германии.

Что же явилось решающим в разгроме врага в районе Курска? Что сорвало его мощное и долго готовившееся наступление?

Прежде всего то, что к моменту оборонительного сражения советские войска как в количественном, так и особенно в качественном отношении превосходили своего противника.

Взросшая мощь советской авиации, бронетанковых войск и артиллерии позволяла в короткие сроки создавать такие ударные группировки, которые стремительно ломали всякое сопротивление вражеских войск. Это и дало возможность советскому военно-стратегическому руководству подготовить и уверенно осуществить разгром вражеских войск в районе Курской дуги, сорвать широко задуманные гитлеровские наступательные планы на 1943 год.

Почему противник решил провести свое генеральное наступление в районе Курска?

Дело в том, что оперативное расположение советских войск на курском выступе, вогнутом в сторону противника, сулило большие перспективы немецкому командованию. Здесь могли быть окружены сразу два крупных фронта, вследствие чего образовалась бы серьезная брешь, позволившая противнику осуществить крупные операции в южном и северо-восточном направлениях.

В своих оценках обстановки и возможных вариантов решения противника Ставка, Генеральный штаб и командование фронта исходили именно из этой предпосылки, что в дальнейшем подтвердилось.

Характерно, что все советское оперативно-стратегическое командование было в основном единодушно в оценке предстоящих действий противника. В этом единстве взглядов, основанном на глубоком анализе всех условий, как нельзя лучше сказалось возросшее искусство наших штабов и командования оперативно-стратегического масштаба.

Зато этого уже нельзя было сказать про командование немецких войск, у которого отсутствовала правильная и глубокая

оценка обстановки и единство в планах и способах предстоящих действий. Выпустив из рук стратегическую инициативу, оно не смогло справиться с возникшими трудностями, что усугублялось резким упадком воинского духа в войсках.

В битве под Курском войска Центрального и Воронежского фронтов, как я уже говорил, по силам и средствам несколько превосходили противника. Конкретно это выражалось так: в людях — в 1,4, в орудиях и минометах — в 1,9, в танках — в 1,3 и в самолетах — в 1,6 раза. Однако, делая основную ставку на танковые и моторизованные войска, немецкое командование сгруппировало их на узких участках, создав в первые дни битвы значительное превосходство над советскими войсками, занимавшими тактическую зону обороны.

Когда же вступили в действие наши войска, расположенные в оперативной глубине, превосходство перешло в руки советских войск.

Главное командование немецких войск в данном случае переоценило боевые силы своих войск и недооценило возможности советских войск, и это в который уже раз! Противник на этот раз особенно надеялся на свои танки «тигр» и «пантера» и штурмовые орудия «фердинанд». Ему, видимо, казалось, что эти системы ошеломят советские войска и они не выдержат их таранного удара. Но этого не случилось.

Несмотря на то, что фашистская Германия все еще опиралась на экономику большинства европейских стран, она уже не могла теперь, после столь ожесточенных сражений на Восточном фронте, соревноваться со все возрастающим экономическим и военным могуществом Советского государства.

Западные буржуазные политические и военные историки стараются доказать, что превосходство Красной Армии в материально-техническом отношении было достигнуто только за счет материальной помощи США и Англии.

Я не хочу полностью отрицать и игнорировать эту помощь. Она в определенной степени помогла Красной Армии и военной промышленности, но ей все же нельзя отводить роль больше той, чем она была в действительности.

Наше материальное превосходство над врагом было достигнуто благодаря преимуществу советского общественного строя, крайне тяжелой и героической борьбе советского народа под руководством партии на фронтах и в тылу.

Итак, гитлеровцы проиграли величайшее сражение, которое они готовили, напрягая все силы и возможности, чтобы

взять реванш за разгром их войск в 1941 году под Москвой, а зимой 1942/43 года на Волге и под Ленинградом.

Раздраженный неудачами и чрезвычайно большими потерями, Гитлер, как он всегда поступал в подобных случаях, всю вину за провал наступательной операции «Цитадель» переложил на головы своих фельдмаршалов и генералов. Он снимал их с должностей, заменяя новыми. Гитлер не понимал, что провал крупной стратегической операции зависит не только от командующих, а определяется главным образом большой суммой военно-стратегических, политических, моральных и материальных факторов.

Основной план контрнаступления советских войск на Курской дуге, разработанный и утвержденный, как мы уже говорили, Верховным Главнокомандующим еще в мае, в ходе оборонительного сражения корректировался и многократно обсуждался в Ставке. Это был план второго этапа разгрома противника в районе Орла, Белгорода и Харькова и являлся частью плана всей летней кампании 1943 года.

Первый этап — оборонительное сражение в битве под Курском — наши войска завершили на Центральном фронте 12 июля, а на Воронежском фронте — 23 июля. Разные сроки окончания оборонительных действий на этих фронтах объясняются масштабностью сражения и понесенными потерями. Следует также учесть, что Центральному фронту 12 июля была оказана значительная помощь Брянским и Западным фронтами, перешедшими в наступление против орловской группировки противника. Это заставило гитлеровцев срочно снять семь дивизий из войск, действовавших против Центрального фронта.

Второй этап битвы — контрнаступление — также начался одновременно.

Так, в районе Белгорода это произошло 3 августа, т. е. спустя 20 дней после перехода в контрнаступление Центрального, Брянского и Западного фронтов, которым требовалось меньше времени на подготовку, поскольку планирование контрнаступления и всестороннее его обеспечение в основном были отработаны заранее и уточнялись в ходе оборонительного сражения.

В районе Белгорода на подготовку времени требовалось больше, так как вводимые в контрнаступление войска Степного фронта не имели заранее полностью отработанного плана действий. Находясь в резерве Ставки, они не могли еще знать конкретных задач, исходных районов и для контрнаступления противника, против которого они должны будут действовать.

В процессе подготовки и проведения контрнаступления мне пришлось главным образом работать в войсках Воронежского и Степного фронтов, а 30—31 июля по заданию Верховного вылететь в войска Западного фронта на участок 4-й танковой армии.

По плану операции Воронежского и Степного фронтов, носившей условное название «Румянцев», главный удар осуществлялся из района Белгорода смежными флангами этих двух фронтов в общем направлении Богодухов — Валки — Нов. Водолага в обход Харькова с запада. С подходом наших войск к району Харькова должен был перейти в наступление Юго-Западный фронт. Его 57-я армия, которой командовал генерал Н. А. Гаген, наносила удар в обход Харькова с юго-запада.

Переход в контрнаступление войск Воронежского фронта осуществлялся в более сложных условиях, чем в районе Орла. В период оборонительного сражения они понесли большие потери в людях, боевой технике и материальных средствах. Противник, отойдя на свои заранее подготовленные оборонительные рубежи, своевременно занял их и неплохо подготовился к отражению нашего наступления. Разведкой было установлено, что для усиления своей белгородско-харьковской группировки он спешно перебросил с других направлений танковые и моторизованные дивизии.

Все говорило о том, что здесь предстоят тяжелые сражения, особенно для войск Степного фронта, вынужденного в силу обстановки наступать на хорошо укрепленный белгородский оборонительный район.

Справка правильно использовала Степной фронт. Если бы его силы в ходе оборонительного сражения не были введены для усиления Воронежского фронта, то последний мог оказаться в крайне опасном положении. Такого хода событий нам никак нельзя было допустить, ибо нетрудно догадаться, к чему бы это привело.

Что касается контрнаступления Степного фронта одновременно всеми силами на белгородском направлении, то следует помнить, что, когда были взяты армии Степного фронта для усиления Воронежского фронта, еще не вполне созрели условия для ввода Степного фронта всеми силами. Обстановка для перехода в контрнаступление на белгородско-харьковском направлении полностью определилась только к 20 июля, а фактический переход в контрнаступление мог быть осуществлен после всесторонней подготовки обоих фронтов, на что потребовалось значительное время.

23 июля советские войска, преследуя противника, вышли на рубежи севернее Белгорода и в основном захватили оборонительные позиции, которые Воронежский фронт занимал до 5 июля.

Обсудив обстановку с командованием фронта, с Генштабом и с Верховным, мы приняли решение остановить войска и тщательно подготовить их к переходу в контрнаступление с глубокими задачами.

Ведь прежде чем перейти в наступление, фронтам было необходимо:

- произвести перегруппировку сил и средств;
- провести тщательную разведку целей в интересах авиационного и артиллерийского наступления;
- произвести пополнение войск, понесших потери; особенно это касалось 6-й и 7-й гвардейских, 1-й танковой армий и ряда артиллерийских частей;
- запастись горючим, боеприпасами и всем необходимым для проведения глубокой наступательной операции.

А Степному фронту нужно было еще, кроме того, детально отработать план контрнаступления и его всестороннее обеспечение.

Общий замысел контрнаступления под Белгородом заключался в следующем.

Воронежский фронт наносил главный удар силами 5-й и 6-й гвардейских армий, 5-й гвардейской танковой и 1-й танковой армий в общем направлении на Валки и Нов. Водолагу. Плотность артиллерии на участке прорыва 5-й и 6-й гвардейских армий была доведена до 230 орудий и минометов на 1 километр фронта, а танков до 70 единиц. Дивизии получили для прорыва полосы до 3 километров.

Такое массовое сосредоточение средств прорыва вызывалось тем, что в первый же день контрнаступления здесь планировался ввод в прорыв двух танковых армий. Правее переходили в наступление 40-я и 38-я армии в общем направлении на Грайворон и далее на Тростянец. Поддержку с воздуха осуществляла 2-я воздушная армия генерала С. А. Красовского.

Степной фронт под командованием генерал-полковника И. С. Конева, действуя в составе 53, 69-й и 7-й гвардейской армий и 1-го механизированного корпуса, имел ближайшую задачу овладеть Белгородом и в дальнейшем наступать на Харьков, взаимодействуя с главными силами Воронежского фронта. Действия войск Степного фронта поддерживала 5-я воздушная армия генерала С. К. Горюнова.

При подготовке операции войск Степного фронта мне пришлось познакомиться с командующим 53-й армией генералом И. М. Манагаровым, которого я раньше близко не знал.

И. М. Манагаров произвел на меня очень хорошее впечатление, хотя и пришлось с ним серьезно поработать над планом наступления армии. А когда была кончена работа и мы сели ужинавать, он взял в руки баян и прекрасно сыграл несколько веселых вещей. Усталость как рукой сняло. Я глядел на него и думал: таких командиров бойцы особенно любят и идут за ними в огонь и воду...

Я поблагодарил И. М. Манагарова за отличную игру на баяне (чему, кстати говоря, всегда завидовал!) и выразил надежду, что он не хуже «сыграет» артиллерийскую музыку для противника 3 августа.

Усмехнувшись, И. М. Манагаров сказал:

— Постараемся, нам есть на чем «сыграть».

Понравился мне и командующий артиллерией генерал-лейтенант Н. С. Фомин, отлично знавший методы использования больших масс в артиллерийском наступлении. Он вместе с генерал-полковником артиллерии М. Н. Чистяковым, уполномоченным Ставки, проделал очень большую и полезную работу по распределению артиллерии, ее обеспечению боеприпасами, боевому применению и по подготовке всех данных для эффективного артиллерийского натиска.

Контрнаступление в районе Белгорода началось утром 3 августа. Более мощный огневой и авиационный удар нанес Воронежский фронт, в результате чего перешедшие в наступление войска 5-й и 6-й гвардейских армий, усиленные большим количеством танков, быстро прорвали главную полосу обороны противника. Во второй половине дня были введены в прорыв 1-я и 5-я гвардейская танковые армии, которые к исходу дня своими передовыми соединениями продвинулись до 30—35 километров, завершив поражение всей тактической обороны на этом участке.

Степной фронт не имел таких мощных средств прорыва, как Воронежский, и наступление здесь развивалось несколько медленнее. К исходу дня передовые войска продвинулись до 15 километров, но и это мы считали большим достижением, тем более что перед армиями Степного фронта была более сильная и более глубокая оборона противника.

На другой день противник усилил сопротивление, и наступление Степного фронта 4 августа развивалось значительно медленнее. Но это нас не очень волновало, так как ударная группа

Воронежского фронта успешно продвигалась вперед, выигрывая фланг белгородской группировки противника. Здесь немецко-фашистское командование, почувствовав угрозу окружения, к исходу 4 августа начало отвод своих войск, что дало возможность войскам Степного фронта ускорить продвижение вперед.

В 6 часов утра 5 августа в Белгород первым ворвался 270-й гвардейский стрелковый полк 89-й гвардейской стрелковой дивизии, а также части 305-й и 375-й стрелковых дивизий. Хорошо дрались 93, 94-я гвардейские и 111-я стрелковые дивизии, 89-я гвардейская и 305-я стрелковые дивизии удостоились почетного наименования Белгородских.

Очистив город от остатков врага, войска армий Степного фронта, взаимодействуя с войсками Воронежского фронта, быстро устремились вперед.

Вечером 5 августа 1943 года столица нашей Родины Москва салютовала в честь доблестных войск Брянского, Западного, Центрального фронтов, занявших Орел, и войск Степного и Воронежского фронтов, занявших Белгород. Это был первый артиллерийский салют в ходе Великой Отечественной войны в честь боевой доблести советских войск.

Настроение бойцов резко поднялось, лица сияли радостью, отвагой и уверенностью в своих силах.

Оценив ход событий, 6 августа я совместно с командованием Степного фронта направил Верховному Главнокомандующему предложения по дальнейшему развитию операции на белгородско-харьковском направлении.

«Из Действующей армии. 6.8.43.
Товарищу Иванову¹.

Докладываем:

В связи с успешным прорывом фронта противника и развитием наступления на белгородско-харьковском направлении операцию в дальнейшем будем проводить по следующему плану:

1. 53-я армия с корпусом Соломатина² будет наступать вдоль Белгородско-Харьковского шоссе, нанося главный удар в направлении на Дергачи.

Армия должна выйти на линию Ольшаны — Дергачи, сменив на этой линии части Жадова.

¹ Псевдоним И. В. Сталина. (Прим. автора).

² Генерал-лейтенант танковых войск М. Д. Соломатин — командир 1-го механизированного корпуса. (Прим. автора).

69-я армия наступает левее 53-й армии в направлении на Черемошное. По достижении Черемошного 69-я армия, передав несколько лучших дивизий Манагарову, сама остается во фронтовом резерве на доукомплектование в районе Микояновка — Черемошное — Грязное.

69-й армии необходимо как можно быстрее подать пополнение 20 тысяч человек.

7-я гвардейская армия сейчас будет наступать из района Пушкарное на Бродок и далее на Бочковку, сворачивая фронт противника с севера на юг.

С рубежа Черемошное и Зиборовка 7-я гвардейская армия будет наносить главный удар на Циркуны и выйдет на линию Черкасское — Лозовое — Циркуны — Ключикин.

Частью сил из района Зиборовка она будет наступать на Муром и далее на Терновую для того, чтобы помочь 57-й армии форсировать реку Северный Донец в районе Рубежное и Ст. Салтов.

2. 57-ю армию Юго-Западного фронта желательно передать в подчинение Степного фронта и сейчас готовить удар 57-й армии с линии Рубежное — Ст. Салтов в общем направлении на Непокрытую и далее на совхоз имени Фрунзе.

57-ю армию необходимо вывести на линию совхоз «Кутузовка» — совхоз имени Фрунзе — Рогань (северная).

Если 57-я армия будет оставаться в подчинении Юго-Западного фронта, то ее нужно обязать с подходом Шумилова¹ в район Муромы перейти в наступление в вышеуказанном направлении.

3. Для проведения второго этапа, то есть Харьковской операции, в состав Степного фронта необходимо передать 5-ю гв. танковую армию, которая выйдет в район Ольшаны — Старый Мерчик — Огульцы.

Харьковскую операцию ориентировочно предлагаем построить в следующем плане:

а) 53-я армия во взаимодействии с армией Ротмистрова будет охватывать Харьков с запада и юго-запада.

б) Армия Шумилова будет наступать с севера на юг с линии Циркуны — Дергачи.

в) 57-я армия будет наступать с востока с линии совхоз имени Фрунзе — Рогань, охватывая Харьков с юга.

г) 69-я армия (если она будет к этому времени пополнена) развернется в стыке между Жадовым и Манагаровым в районе

¹ Генерал-лейтенант М. С. Шумилов — командующий 7-й гвардейской армией. (Прим. автора).

Ольшан и будет наступать на юг для обеспечения Харьковской операции с юга.

69-я армия будет выходить на линию Снежков Кут — Минковка — Просяное — Новоселовка.

д) Левый фланг Воронежского фронта необходимо вывести на линию Отрада — Коломак — Снежков Кут.

Эту задачу должны выполнить армия Жадова и левый фланг 27-й армии.

Армию Катукова¹ желательно иметь в районе Ковяги — Алексеевка — Мерефа.

Юго-Западному фронту необходимо нанести удар из района Замостье в общем направлении на Мерефу, наступая по обоим берегам реки Мжа; частью сил наступать через Чугуев на Основу; частью сил необходимо очистить от противника лес южнее Замостья и выйти на рубеж Новоселовка — Охочае — Верх. Бишкин — Геевка.

4. Для проведения Харьковской операции необходимо, кроме 20 тысяч пополнения, дать 15 тысяч для дивизий 53-й и 7-й гвардейской армий; для доукомплектования танковых частей фронта дать 200 штук Т-34 и 100—Т-70, КВ — 35 штук. Перебросить четыре полка самоходной артиллерии и две инженерные бригады.

Доукомплектовать ВВС фронта штурмовиками, истребителями и бомбардировщиками в количестве: истребителей — 90, ПЕ-2 — 40 и ИЛ-2—60.

Просим утверждения.

Жуков, Конев, Захаров.

№ 64»².

Между тем, действия продолжали развертываться. 7 августа 1-я танковая армия и передовые части 6-й гвардейской армии Воронежского фронта захватили город Богодухов. У противника уже не было сплошного фронта. Его 4-я армия действовала в большом отрыве от группы «Кампф», а образовавшийся разрыв закрыть было нечем.

Отходившая на запад от Грайворона группа войск противника в составе трех пехотных и 19-й танковой дивизии была атакована большой группой авиации 2-й воздушной армии, а затем разбита 27-й армией генерала С. Г. Трофименко, что еще больше осложнило положение 4-й армии противника.

¹ Генерал-лейтенант танковых войск М. Е. Катуков — командующий 1-й танковой армией. (Ред.)

² Архив МО СССР, ф. 48-А, оп. 1691, д. 233, лл. 397—401.

11 августа части 1-й танковой армии перешли железную дорогу Харьков — Полтава.

Чтобы спасти 4-ю армию от неминуемой катастрофы, немецкая группа армий «Юг» спешно бросила свои последние резервы в район Ахтырки.

Опасаясь окружения своей харьковской группировки, противник собрал войска в составе трех танковых дивизий («Мертвая голова», «Викинг» и «Райх») и 11 августа нанес контрудар по 1-й танковой армии и частям 6-й гвардейской армии. Ослабленные части 1-й танковой армии и 6-й гвардейской армии, не выдержав удара, начали отход на более выгодные рубежи.

Тогда на помощь им была брошена 5-я гвардейская танковая армия генерала П. А. Ротмистрова. Завязалось ожесточенное сражение, длившееся несколько дней. Общими усилиями враг к исходу 16 августа был остановлен.

18 августа противник нанес контрудар из района Ахтырки. Для его ликвидации в сражение была дополнительно введена 4-я гвардейская армия, прибывшая из резерва Ставки. Командовал ею генерал Г. И. Кулик. К сожалению, он плохо справлялся со своими обязанностями, и вскоре его пришлось освободить от командования.

Армии Степного фронта подошли вплотную к Харькову, завязав сражение на его окраинах. Энергично действовала 53-я армия И. М. Манагарова и особенно ее 89-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием полковника М. П. Серюгина и 305-я стрелковая дивизия под командованием полковника А. Ф. Васильева.

Части 53-й армии, действуя днем и ночью, стремились быстрее завершить прорыв обороны на подступах к городу. Наиболее ожесточенный бой развернулся за высоту 201,7 в районе Полевого, которую захватила сводная рота 299-й стрелковой дивизии в составе 16 человек под командованием старшего лейтенанта В. П. Петрищева.

Когда в живых осталось всего лишь семь человек, В. П. Петрищев, обращаясь к бойцам, сказал:

— Товарищи, будем стоять на высоте так, как стояли панфиловцы у Дубосекова. Умрем, но не отступим!

И не отступили. Героические бойцы удержали высоту до подхода частей дивизии. За мужество и проявленный героизм Указом Президиума Верховного Совета СССР старшему лейтенанту В. П. Петрищеву, младшему лейтенанту В. В. Женченко, старшему сержанту Г. П. Поликанову и сержанту

В. Е. Бреусову было присвоено звание Героя Советского Союза. Остальные были награждены орденами.

В ожесточенном сражении за Ахтырку особо отличились соединения 20-го гвардейского стрелкового корпуса под командованием генерала Н. И. Бирюкова, части генерала М. Г. Микеладзе, гвардии подполковника О. С. Гудеменко, полковника О. С. Доброва, а также 4-й гвардейский танковый корпус.

К 22 августа наступление советских войск в районе Харькова все более усиливалось. Чтобы избежать окружения своих войск, противник 22 августа начал отход из Харькова. Утром следующего дня отступили его последние арьергардные части, и войска Степного фронта вошли в город Харьков, восторженно встреченные жителями.

В боях за Харьков особо отличились 28-я гвардейская, 84, 116, 252-я и 299-я стрелковые дивизии 53-й армии, 89-я и 93-я гвардейские, 183-я и 375-я стрелковые дивизии 69-й армии, 15-я гвардейская дивизия 7-й гвардейской армии. Всем этим дивизиям было присвоено почетное наименование Харьковских.

В Харькове состоялся большой митинг, на котором присутствовали представители партийных и советских организаций Украины и Красной Армии. Митинг прошел с огромным подъемом. Трудящиеся Харькова ликовали. Москва салютовала доблестным воинам, освободившим крупнейший город Украины.

После митинга состоялся обед, во время которого народный артист Советского Союза И. С. Козловский спел ряд русских и украинских песен. Его чарующий и душевный голос до слез растрогал присутствовавших. Он пел много, как никогда, а мы, так истосковавшиеся по хорошему вокальному исполнению, были очень благодарны Ивану Семеновичу.

Войска Степного фронта тем временем вели бои южнее Харькова, наступая в районе Мерефы.

Отбросив контрударные группировки противника в районе Богодухова и Ахтырки, Воронежский фронт 25 августа прочно закрепился на линии Сумы — Гадяч — Ахтырка — Константиновка и приступил к подготовке наступления с целью выхода на среднее течение Днепра. Аналогичную задачу получил и Степной фронт.

На орловском направлении планом контрнаступления следовалась цель разгромить 9-ю и 2-ю танковую армии немецких войск и развивать удар в общем направлении на Брянск.

Войскам левого крыла Западного фронта была поставлена задача во взаимодействии с войсками Брянского фронта разгро-

мать болховскую группу войск противника, а затем, наступая на Хотынец, отрезать пути отхода противника из района Орла.

Западный фронт вначале наступал 11-й гвардейской армией генерала И. Х. Баграмяна, усиленной танковым корпусом и четырьмя танковыми бригадами. Действия войск этой группы поддерживались 1-й воздушной армией, которой командовал генерал М. М. Громов. Через несколько дней эта группа была усилена 11-й армией генерала И. И. Федюнинского и 4-й танковой армией генерала В. М. Баданова.

Брянский фронт действовал в составе 61, 3-й и 63-й армий, тогда же включилась и 3-я гвардейская танковая армия П. С. Рыбалко, заканчивавшая свое доукомплектование в районе станции Горбачево. Действия войск фронта поддерживала 15-я воздушная армия генерала Н. Ф. Науменко.

Центральный фронт наступал в составе 48, 13-й и правым флангом 70-й армии, 2-й танковой армией и всеми соединениями, участвовавшими в обороне и контрударе.

К этому времени противник для противодействия прорыву войск Брянского и Западного фронтов снял с участка Центрального фронта несколько танковых и пехотных дивизий, чем в значительной степени ослабил свою оборону южнее Орла. Центральный фронт получил более благоприятную возможность для своего наступления.

Начавшееся наступление Западного и Брянского фронтов развивалось медленнее, чем предполагалось. Несколько лучше проходило оно на левом крыле Западного фронта. Не ускорило общего наступления и контрнаступление Центрального фронта, начатое 15 июля.

Позже, анализируя причины медленного развития событий, мы пришли к выводу, что основная ошибка крылась в том, что Ставка несколько поторопилась с переходом к контрнаступательным действиям и не создала более сильную группировку в составе левого крыла Западного фронта, которую к тому же в ходе сражения пришлось серьезно подкрепить. Войскам Брянского фронта пришлось преодолевать глубоко эшелонированную оборону фронтальным ударом.

Думаю, было бы лучше, если бы армия П. С. Рыбалко нами вводилась в сражение не на Брянском фронте, а вместе с армией И. Х. Баграмяна. С вводом в сражение 11-й армии генерала И. И. Федюнинского, а также 4-й танковой армии генерала В. М. Баданова Ставка несколько запоздала.

Центральный фронт свое контрнаступление начал там, где закончился его контрудар, и двигался широким фронтом в лоб

основной группировке противника. Главный удар Центрального фронта нужно было бы сместить несколько западнее в обход Кром.

К сожалению, этого не было сделано. Помешала торопливость. Тогда все мы считали, что надо скорее бить противника, пока он еще не осел крепко в обороне. Но это было ошибочное рассуждение. Все это, вместе взятое, явилось следствием недооценки оборонительных возможностей противника.

В последующие дни контрнаступление на орловском направлении развивалось по-прежнему медленными темпами.

5 августа войска Брянского фронта освободили Орел. В боях за этот город особенно отличились 5, 129-я и 380-я стрелковые дивизии.

Когда мы с А. И. Антоновым и А. М. Василевским докладывали Верховному о возможности окружения в районе Орла группировки противника, для чего надо было значительно усилить левое крыло Западного фронта, И. В. Сталин сказал:

— Наша задача скорее изгнать немцев с нашей территории, а окружать их мы будем, когда они станут послабее...

Мы не настояли на своем предложении, а зря! Надо было тверже отстаивать свою точку зрения: наши войска тогда уже могли проводить операции на окружение и уничтожение.

В составе Брянского фронта наиболее энергично наступала 3-я армия под командованием генерала А. В. Горбатова, который на протяжении всей войны превосходно справлялся с ролью командующего армией.

Медленное развитие контрнаступления всех трех фронтов дало возможность противнику осуществить перегруппировку своих войск, подтянуть свежие силы с других районов и организованно отвести войска из района Орла.

Впоследствии наступление этих фронтов развивалось также медленными темпами и в среднем не превышало 4 километров в сутки. 18 августа контрнаступательная операция закончилась на линии восточнее Людинова, в 25 километрах восточнее Брянска, Дмитровск-Орловского.

23 августа 1943 года взятием Харькова завершилось это крупнейшее сражение Великой Отечественной войны. Закончилось оно разгромом главной группировки немецких войск, на которую Гитлер возлагал так много военно-политических надежд.

Каковы же итоги Курской битвы?

Пятьдесят дней продолжалась эта величайшая битва наших войск с немецко-фашистскими войсками. Она закончилась побе-

дой Красной Армии, разбившей 30 отборных немецких дивизий, в том числе 7 танковых. Эти дивизии потеряли больше половины своего состава.

Общие потери вражеских войск составили более 500 тысяч человек, около 1500 танков, в том числе большое количество «тигров» и «пантер», 3 тысячи орудий и свыше 3500 самолетов. Такие потери фашистское руководство уже не могло восполнить никакими тотальными мерами.

Выдающаяся победа наших войск под Курском продемонстрировала возросшее могущество Советского государства и его вооруженных сил. Победа ковалась на фронте и в тылу под руководством Коммунистической партии усилиями всех советских людей. В сражениях под Курском наши войска проявили исключительное мужество, массовый героизм и воинское мастерство. Коммунистическая партия и правительство высоко оценили боевую доблесть войск, наградив более 100 тысяч солдат, офицеров и генералов орденами и медалями, многим воинам было присвоено звание Героя Советского Союза.

Разгром немецко-фашистских войск под Курском имел крупнейшее международное значение и еще выше поднял авторитет Советского Союза.

Признак неминуемой катастрофы встал перед фашистской Германией. Поражение немецких войск вынудило гитлеровцев перебросить летом 1943 года на советско-германский фронт с других фронтов 14 дивизий и значительные части усиления, ослабив тем самым свои войска в Европе.

Попытка Гитлера вырвать стратегическую инициативу из рук советского командования кончилась полным провалом. Это свидетельствовало об истощении Германии. Никакие силы теперь ее уже не могли спасти. Вопрос был лишь во времени.

Советское стратегическое и оперативно-тактическое командование значительно выросло и окрепло в искусстве ведения войны.

Контрнаступление на Курской дуге явилось, в отличие от контрнаступлений под Москвой и Сталинградом, заранее предпринятым и хорошо обеспеченным глубоким ударом.

Сюда были привлечены значительно большие силы, чем в предыдущих крупных контрнаступательных операциях. Например, под Москвой принимало участие 17 малочисленных общевойсковых армий без танковых соединений, в районе Сталинграда 14 общевойсковых армий, 1 танковая армия и несколько мехкорпусов. В контрнаступлении под Курском

участвовали 22 мощные общевойсковые, 5 танковых, 6 воздушных армий и крупные силы авиации дальнего действия.

В битве под Курском в процессе контрнаступления впервые широко использовались танковые и механизированные соединения и объединения, которые в ряде случаев явились решающим фактором оперативного маневра, средством стремительного развития успеха в глубину и выхода на тыловые пути вражеских группировок.

Танковые армии, артиллерийские дивизии и корпуса, мощные воздушные армии фронтов существенно изменили наши возможности, а следовательно, и характер фронтовых операций как по масштабам, так и по целям. В сравнении с первым периодом войны советские войска стали во много раз подвижнее. Это обеспечило значительное увеличение их маневренности и среднесуточного темпа наступления. Резко возросла плотность артиллерийско-минометного огня и танков. В летних наступательных сражениях 1943 года мы уже имели возможность создавать плотность до 150—200 орудий и 15—20 танков на один километр фронта.

Победе советских войск под Белгородом, Орлом и Харьковом во многом способствовали партизаны, действовавшие в тылу противника. Особенно большую «рельсовую войну» вели они в Белоруссии, Смоленской, Орловской областях и Приднестровье.

Одним из решающих факторов, обеспечивших победу на Курской дуге, было высокое морально-политическое состояние личного состава наших войск. Этому способствовала напряженная и кропотливая партийно-политическая работа, проводившаяся командирами, политработниками, партийными и комсомольскими организациями как в период подготовки битвы, так и в ходе ее. Они много душевных сил отдали для того, чтобы еще выше поднять боевые возможности войск...

25 августа 1943 года я был вызван в Ставку для обсуждения обстановки и дальнейших задач общего наступления советских войск, которое после разгрома немецких войск на Курской дуге развертывалось широким фронтом.

В СРАЖЕНИЯХ ЗА УКРАИНУ

Еще до моего возвращения в Москву, в августе 1943 года, во время контрнаступления Воронежского и Степного фронтов к нам дважды прилетал первый заместитель пачальника Генерального штаба Алексей Иннокентьевич Антонов. Он сообщил коррективы, внесенные Верховным Главнокомандующим в план завершения наступательных операций 1943 года, и пометки Генштаба на осенне-зимнюю кампанию.

Алексей Иннокентьевич был в высшей степени грамотный военный, человек большой культуры и обаяния. Приятно было слушать в его изложении оперативно-стратегические соображения нашего Генштаба. С предельной четкостью и убедительностью он анализировал состояние немецких войск после разгрома их на Курской дуге.

По мнению Генштаба, командование немецких войск еще располагало значительными силами для продолжения войны с Советским Союзом, тем более что Англия и Америка, по всем данным, все еще не собирались открывать широкие наступательные операции в Европе. Высадка их войск в Южной Италии (на острове Сицилия) не внесла существенных изменений в расстановку немецких сил по стратегическим направлениям, хотя, конечно, у гитлеровского руководства появились лишние заботы.

Генштаб считал, и с этим был согласен Верховный, что Германия на Восточном фронте уже не в состоянии провести ни одного большого наступления. Однако для ведения активных оборонительных действий противник имел еще достаточно сил и материальных средств. Собственно, это и показал опыт сражений в районе Богодухова, Ахтырки и Полтавы, где немецкие войска наносили нам довольно чувствительные контрудары и добивались временных успехов.

Я был полностью согласен с выводами А. И. Антонова и также считал, что немецкое командование будет требовать от своих войск упорной обороны, чтобы удерживать Донбасс и Левобережную Украину.

По проектам директив, которые Генштаб подготовил и частично уже дал фронтам, предполагалось развернуть наступление на всех фронтах западного и юго-западного направлений, с тем чтобы выйти в восточные районы Белоруссии и на Днепр, где и захватить плацдармы для обеспечения операций по освобождению Правобережной Украины.

Из доклада А. И. Антонова я понял, что Верховный настоятельно требует немедленно развивать наступление, чтобы не дать противнику организовать оборону на подступах к Днепру. Я разделял эту установку, но не был согласен с формой наших наступательных операций, при которых фронты от Великих Лук до Черного моря развертывали фронтально-лобовые удары.

Была ведь возможность (после некоторых перегруппировок) провести операции на отсечение и окружение значительных группировок противника, чем облегчалось бы дальнейшее ведение войны. В частности, я имел в виду южную группировку противника в Донбассе, которую можно было бы отсеять мощным ударом из района Харьков — Изюм в общем направлении на Днепропетровск и Запорожье.

А. И. Антонов сказал, что лично он разделяет это мнение, но Верховный требует скорее отбросить противника с нашей территории фронтальными ударами.

Перед отлетом А. И. Антонова в Москву я просил его еще раз доложить мои соображения Верховному и передать просьбу фронтов об укомплектовании танковых войск машинами и подготовленным личным составом, так как их ряды после напряженных сражений сильно поредели.

Через несколько дней мне позвонил И. В. Сталин и сказал, что он дал указание направить Н. Ф. Ватутину и И. С. Коневу танки и пополнение. Затем он заметил, что не разделяет точку зрения об ударе войск Юго-Западного фронта из района Изюма на Запорожье, поскольку на это потребуется значительное время.

Я не стал спорить, так как знал, что Верховный пока вообще по ряду обстоятельств не очень уверен в целесообразности более решительного применения операций на окружение противника.

В заключение Верховный потребовал, чтобы войска фронтов скорее вышли на Днепр.

Итак, 25 августа, как уже говорил, я прибыл в Ставку. Верховный только что закончил совещание с членами Государственного Комитета Оборона, на котором был заслушан доклад о плане производства самолетов и танков во втором полугодии 1943 года.

К тому времени цепой огромных усилий партии и народа наша военная экономика уже могла поставлять фронту все необходимое. Ускоренное развитие «Второго Баку», трудовой героизм металлургов Кузнецкого и Магнитогорского комбинатов, скоростное сооружение домен, электростанций, шахт в освобожденных районах, подъем цветной и черной металлургии Урала, Сибири, Казахстана, внедрение поточного метода на военных заводах, огромная творческая работа по совершенствованию боевой техники и технологии производства — все это создало новые возможности для разгрома врага.

В 1943 году было произведено 35 тысяч превосходных боевых самолетов, 24 тысячи танков и самоходно-артиллерийских установок. Тут и по количеству, и по качеству мы уже намного опередили Германию. Гитлеровское командование специально предписало войскам избегать встречных боев с нашими тяжелыми танками...

Поинтересовавшись делами на Воронежском и Степном фронтах, Верховный Главнокомандующий спросил, получена ли директива о продолжении наступления на Днепр и как расценивают фронты свои возможности. Я доложил, что войска фронтов имеют большие потери, их нужно серьезно подкреплять личным составом и боевой техникой, особенно танками.

— Хорошо, — сказал И. В. Сталин, — об этом мы поговорим позже, а сейчас давайте послушаем Антонова о ходе наступления на других направлениях.

Алексей Иннокентьевич положил на стол карты западного и юго-западного стратегических направлений, которые, как всегда, прекрасно отрабатывались оперативным управлением Генштаба. Надо сказать, что наглядно выполненная карта хорошо помогает в уяснении общей обстановки и принятия решения.

А. И. Антонов доложил сведения о противнике. Было ясно: немцы принимают все меры к тому, чтобы остановить начавшееся наступление Калининского, Западного, Брянского и Юго-Западного фронтов. По всем данным, их оборона готовилась на линии река Нарва — Псков — Витебск — Орша — река Сож — река Днепр — река Молочная. В своей пропаганде гитлеровцы всемерно популяризировали этот рубеж, называя

его «восточным валом», о который разобьется Красная Армия.

Докладывая о ходе Смоленской наступательной операции Западного фронта и левого крыла Калининского фронта, Антонов сказал, что войска здесь встретились с большими трудностями. С одной стороны, тяжелая лесисто-бологистая местность, с другой — возросшее сопротивление вражеских войск, которые усиливаются частями, перебрасываемыми из района Брянска.

— Какие задачи выполняют партизанские отряды? — спросил И. В. Сталин.

— Главным образом по дезорганизации железнодорожных перевозок на участках Полоцк — Двинск, Могилев — Жлобин, Могилев — Кричев, — доложил А. И. Антонов.

— Как обстоят дела на Юго-Западном фронте?

— Войска Юго-Западного фронта, начав наступление центром фронта, успеха не получили. Лучше дело пошло на участках левого крыла фронта, где действовала 3-я гвардейская армия генерала Пелюшенко.

Сейчас я уже не помню всех деталей этого совещания, но основным было указание Верховного Главнокомандующего принять все меры к быстрейшему захвату Днепра и реки Молочной, с тем чтобы противник не успел превратить Донбасс и Левобережную Украину в пустынный район.

Это было правильное требование, так как фашисты, отступая, в звериной злобе предавали все ценное огню и разрушениям. Они взрывали фабрики, заводы, превращали в руины города и села, уничтожали электростанции, доменные и мартеновские печи, жгли школы, больницы. Гибли тысячи детей, женщин, стариков.

Дав соответствующие указания А. И. Антонову, И. В. Сталин приказал мне вместе с Я. Н. Федоренко и Н. Д. Яковлевым рассмотреть, что можно выделить для Воронежского и Степного фронтов. Учитывая важность задач, поставленных перед фронтами, я доложил в тот же вечер Верховному о количестве людей, танков, артиллерии и боеприпасов, которые следовало бы сейчас же им передать.

Верховный Главнокомандующий долго рассматривал свою таблицу наличия вооружения и то, что мной намечалось для фронтов. Затем, взяв, как обычно, синий карандаш, он сократил все почти на 30—40 процентов.

— Остальное, — сказал он, — Ставка даст, когда фронты подойдут к Днепру.

В тот же день я вылетел в район боевых действий фронтов.

Там согласно директиве Ставки Верховного Главнокомандования должны были продолжаться наши активные действия.

Несколько позже, 6 сентября, из Ставки прибыла директива. Фронты, действия которых я координировал, получили задачу продолжать наступление с выходом на среднее течение Днепра и захватить там плацдармы. Воронежский фронт под командованием Н. Ф. Ватутина должен был нанести удары на Ромны — Прилуки — Киев. Степной фронт под командованием И. С. Конева — наступать на полтавско-кремenchугском направлении.

Для тщательной подготовки наступления к Днепру у нас не было возможностей. В войсках обоих фронтов чувствовалась большая усталость от непрерывных сражений. Ощущались некоторые перебои в материально-техническом обеспечении. Но все мы, от солдата до маршала, горели желанием скорее выбросить врага с нашей земли, освободить многострадальный украинский народ из-под тяжкого гнета оккупантов, которые свои неудачи на фронтах вымещали на беззащитном населении.

Нам не потребовалось много времени на выработку оперативно-тактических решений, так как в войсках уже накопился богатый опыт, помогавший быстро анализировать обстановку, принимать решения и вырабатывать короткие и четкие указания.

Что касается командования и штабов фронтов, то они стали большими мастерами в организации и проведении операций. С ними легко работалось. Мы, как говорится, понимали друг друга с полуслова.

Я по-прежнему поддерживал связь с А. М. Василевским, который в это время координировал действия войск Юго-Западного и Южного фронтов. Было известно, какая мощная группировка противника противостоит там нашим фронтам. Хотя наши войска имели некоторое превосходство в людях, все же это не исключало больших трудностей, с которыми они должны были встретиться в наступательных операциях, тем более что в танках и боевой авиации на нашей стороне почти не было количественного превосходства.

Начавшееся наступление подопечных мне фронтов развивалось крайне медленно.

Противник ожесточенно сопротивлялся, особенно в районе Полтавы. Но в первой половине сентября, понеся значительные потери, он начал отвод своих войск из Донбасса и района Полтавы. Введенная в сражение на участке Воронежского фронта 3-я гвардейская танковая армия П. С. Рыбалко, прибывшая из резерва Ставки, внесла в дело решительный перелом.

Кроме того, с 5 октября 1943 г. Воронежский фронт был усилен 13-й и 60-й дивизиями под командованием генералов Н. П. Пухова и И. Д. Черняховского. Произошли перегруппировки и на других фронтах. В частности, Степной фронт получил от Воронежского фронта 52-ю и 5-ю гвардейскую армии генералов К. А. Коротева и А. С. Жадова.

Не имея сил сдерживать усилившийся натиск наших войск, немецкие войска начали отход на Днепр. Фронты приняли все меры к тому, чтобы на плечах отходящих войск противника захватить плацдармы на реке Днепр и начать с ходу форсирование этой крупнейшей водной преграды.

Для деморализации вражеских войск в боевые действия была брошена вся наличная авиация фронтов. Соединения, начав преследование противника, создавали импровизированные подвижные отряды, в задачу которых входило быстрое их выдвижение на тыловые пути с целью захвата и удержания рубежей, которые фашистские войска могли занять для оборонительных действий.

Чтобы еще выше поднять морально-политический дух войск при форсировании крупных водных рубежей, Ставка 9 сентября 1943 года приказала за форсирование Десны представить начальствующий состав к награждению орденами Суворова, а за форсирование Днепра — к присвоению звания Героя Советского Союза.

Военные советы, политорганы, командно-начальствующий состав развернули большую политико-воспитательную работу, разъясняя значение быстрого захвата западного берега Днепра и Десны. Каждый, с кем приходилось нам беседовать о предстоящих задачах и способах их выполнения, хорошо понимал значение захвата могучей реки, стремительного ее форсирования и особенно освобождения Киева — столицы Украины.

Степной фронт, взяв Полтаву, 23 сентября подходил передовыми частями своей левофланговой группировки к Днепру. Механизированные части 3-й гвардейской танковой армии и часть сил 40-й и 47-й армий захватили плацдарм на Днепре в районе Великого Букина. Они должны были быстро расширить его для обеспечения ввода главной группировки Воронежского фронта в обход Киева с юга и юго-запада.

Командование немецких войск срочно бросило против наших войск, захвативших плацдарм, крупную группировку в составе 24-го и 48-го танковых корпусов и до пяти пехотных дивизий. Они нанесли контрудар по нашим переправившимся войскам и сковали действия на букинском плацдарме.

Севернее Киева, в районе Лютежа, с ходу форсировали Днепр части армии генерала Н. Е. Чибисова. На противоположный берег вышли подразделения 842-го стрелкового полка 240-й стрелковой дивизии. Особенно отличилась группа под командованием сержанта П. П. Нефедова. За проявленный героизм и мужество при захвате и удержании плацдарма П. П. Нефедов был удостоен звания Героя Советского Союза, а остальные были награждены орденами.

Войска, форсировавшие Днепр, проявляли величайшее упорство, храбрость и мужество.

Как правило, подойдя к реке, они с ходу устремлялись вперед. Не дожидаясь подхода понтонных и тяжелых средств наведения мостов, части пересекали Днепр на чем угодно — на бревенчатых плотках, самодельных паромках, в рыбацких лодках и катерах. Все, что попадалось под руку, шло в дело. Нелегко приходилось и на противоположном берегу, где вспыхивали ожесточенные бои за плацдарм. Не успев закрепиться, войска вступали в бой с противником, стремившимся во что бы то ни стало сбросить их в реку...

Ожесточенные бои, завершившиеся крупным успехом, развернулись и на участке Степного фронта при форсировании Днепра в районах Днепровскокаменки и Домоткани. Здесь особенно отличились части 25-го гвардейского стрелкового корпуса генерала Г. Б. Сафиулина. Отбив многократные атаки противника, они обеспечили успешное форсирование Днепра 7-й гвардейской армией. Части 62-й гвардейской дивизии полковника И. Н. Мошляка были первыми в 37-й армии генерала М. Н. Шарохина, форсировавшими Днепр юго-восточнее Кременчуга.

Решительным действиям сухопутных войск содействовала боевая авиация фронтов и авиация дальнего действия, которая, нанося сосредоточенные удары по аэродромам, по обороне противника, его резервам, падежно обеспечивала наше господство в воздухе.

К концу сентября, сбив оборону вражеских войск, наши войска форсировали Днепр на участке 750 километров, от Лоева до Запорожья, и захватили ряд важнейших плацдармов, с которых предполагалось развивать наступление дальше на запад.

За успешное форсирование Днепра и проявленные при этом героизм, мужество и высокое мастерство, за штурм обороны на Днепре около двух с половиной тысяч солдат, сержантов, офицеров и генералов были удостоены звания Героя Советского Союза.

В период с 12 октября по 23 декабря войска Воронежского фронта¹ провели Киевскую операцию.

Вначале предполагалось разгромить киевскую группировку и захватить Киев, нанося главный удар с букринского плацдарма. Затем от этого плана пришлось отказаться, так как противник стянул сюда крупные силы киевской группировки. Оставив это направление для вспомогательных действий, мы перенесли главный удар севернее Киева с лютежского плацдарма, поскольку там немецко-фашистские войска ослабили свой северный участок.

Новый план освобождения Киева и развития наступления на Коростень — Житомир — Фастов был представлен на утверждение Верховному. После рассмотрения в Генштабе и увязки с Центральным фронтом план был утвержден.

25 октября начала осуществляться перегруппировка 3-й гвардейской танковой армии с букринского плацдарма. Ей предстояло совершить путь около двухсот километров вдоль Днепра, а это значило — вдоль фронта противника. На наше счастье, погода была нелетная, и авиационная разведка противника во время перегруппировки почти не действовала.

Из района Великого Букрина перегруппировывался и 7-й артиллерийский корпус прорыва.

Были приняты все меры маскировки и радиообмана. Часть передвижений на лютежский плацдарм совершалась в ночное время. Чтобы приковать внимание противника к букринскому плацдарму, там поддерживалась активная деятельность войск и применялись различные дезинформационные мероприятия. Перегруппировка танковой армии и артиллерийского корпуса противником не была обнаружена, и он продолжал ожидать главный удар войск фронта именно в этом районе.

К 1 ноября на лютежском плацдарме были сосредоточены 38-я армия (командующий генерал К. С. Москаленко), 3-я гвардейская танковая армия генерала П. С. Рыбалко, 5-й гвардейский танковый корпус генерала А. Г. Кравченко, 7-й артиллерийский корпус прорыва и большое количество артиллерийских частей и других родов войск.

В общей сложности к операции готовилось около двух тысяч орудий и минометов, пятьсот «катюш». К началу решающих действий на киевском направлении наши войска превосходили противника в количественном и качественном отношении.

¹ 20 октября 1943 года Воронежский фронт был переименован в 1-й Украинский фронт, Степной фронт — во 2-й Украинский. (Прим. автора).

Утром 3 ноября неожиданно для фашистских войск началось наступление на Киев, которое поддерживалось 2-й воздушной армией.

Но надо было еще сковать противника и в районе букринского плацдарма. С этой целью 1 ноября перешли в наступление 27-я и 40-я армии фронта. Немецкое командование приняло этот удар за главный и срочно перебросило сюда дополнительные силы, в том числе танковую дивизию СС «Райх», находившуюся в резерве генерал-фельдмаршала Манштейна. Нам только это и нужно было.

Однако 3 и 4 ноября наступление 38-й армии на Киев развивалось медленно. Чтобы решительно повлиять на ход операции, решили ввести в дело 3-ю гвардейскую танковую армию П. С. Рыбалко. К утру 5 ноября она перерезала дорогу Киев — Житомир, создав этим благоприятные условия для войск, наступающих непосредственно на Киев.

38-я армия генерал-полковника К. С. Москаленко (член Военного совета генерал-майор А. А. Епишев) к исходу 5 ноября была уже на окраинах Киева, а в 4 часа утра 6 ноября вместе с танковым корпусом генерала А. Г. Кравченко заняла Киев.

Верховному Главнокомандующему тут же была послана телеграмма. В ней говорилось: «С величайшей радостью докладываем о том, что задача, поставленная по овладению нашим прекрасным городом Киевом — столицей Украины, войсками 1-го Украинского фронта выполнена. Город Киев полностью очищен от фашистских оккупантов. Войска 1-го Украинского фронта продолжают выполнение поставленной задачи».

Большая заслуга в успешном выполнении этой операции принадлежит командующему фронтом генералу армии Н. Ф. Ватутину, члену Военного совета генерал-майору К. В. Крайникову.

В разработке и организации операции по взятию Киева и разгрому киевской группировки противника большую и важную работу провел Военный совет 38-й армии.

Перегруппировкой войск для захвата и расширения киевского плацдарма лично руководил заместитель командующего фронтом генерал-полковник А. А. Гречко.

В боях за Киев активную роль сыграла чехословацкая бригада под командованием полковника Людвига Свободы. 138 солдат и офицеров этой героической бригады были награждены орденами Советского Союза, в том числе и командир бригады.

Поручик Антонин Сохор и подпоручик Рихард Тесаржик были удостоены звания Героя Советского Союза.

Советский народ с благодарностью будет помнить участие отважных чехословацких воинов в разгроме немецко-фашистских войск во время Великой Отечественной войны.

В 9 часов утра вместе с Военным советом фронта мы прибыли в Киев, куда уже стекались толпы измученных жителей города, попрятавшихся в окрестностях от зверской расправы фашистов. Наши машины обступили со всех сторон.

Большинство людей выглядели крайне истощенными. Но как светились глаза киевлян, увидевших не в мечте, а наяву своих освободителей, родных советских воинов! Многие плакали от радости, каждый хотел что-то рассказать о давно наболевшем, выстраданном...

Проезжая по хорошо знакомому мне Крещатику, когда-то красивейшему проспекту города, я ничего не мог узнать: кругом были сплошные развалины. Так выглядел наш древний Киев после ухода гитлеровцев.

После освобождения Киева войска фронта, отбрасывая противника на запад, овладели Фастовом, Житомиром и рядом других городов.

Немецкое командование, опасаясь катастрофического развития событий, спешно сосредоточило в районе Житомира контрударную группу в составе 15 дивизий (в том числе 8 танковых и моторизованных). 13 декабря противник нанес мощный удар по войскам 1-го Украинского фронта. Ему удалось вновь занять Житомир и продвинуться на 30—40 километров. Однако с подходом наших резервов положение вскоре было восстановлено. Теперь линия фронта обороны наших войск проходила в ста пятидесяти километрах к западу и пятидесяти километрах к югу от Киева.

Но вернемся несколько назад, чтобы вспомнить, что же произошло за это время на 2-м Украинском фронте (бывшем Степном), где мне пришлось бывать урывками, так как боевая обстановка требовала присутствия главным образом на киевском направлении.

30 сентября войска 2-го Украинского фронта, форсировав Днепр, захватили плацдарм на западном берегу до 30 километров по фронту и до 15 в глубину. Такая позиция вполне обеспечивала развитие удара главной группировки.

В ходе форсирования Днепра мне удалось побывать на участке 53-й армии генерала И. М. Манагарова. Он, как и перед наступлением под Белгородом, отлично справлялся с управле-

нием армией. Теперь он действовал еще более решительно, чем перед контрнаступлением на Курской дуге. Такое же впечатление производило и большинство командного состава частей и соединений армии. Во всех штабах повысилась организованность, улучшилось управление, организация разведки, и, что самое главное, штабы и командование приобрели навыки в быстром и глубоком анализе обстановки.

Разговаривая с командармом И. М. Манагаровым, я наблюдал за И. С. Коневым. Раньше он обычно поправлял или дополнял доклады своих командармов, а тут, слушая четкий доклад И. М. Манагарова, молчал и улыбался. Действительно, от распорядительности И. М. Манагарова и его штаба можно было получить большое удовлетворение.

Прощаясь с И. М. Манагаровым, я в шутку сказал:

— Все хорошо. Одного не хватает — баяна.

— Баян есть, товарищ маршал, — рассмеявшись, сказал И. М. Манагаров, — он у меня во втором эшелоне, только я не играл на нем с тех пор, как вы приезжали к нам при подготовке к контрнаступлению под Белгородом.

...Освобождение Киева, захват и расширение наших плацдармов на Днепре, в районе Киева, Черкасс, Кременчуга, Днепропетровска и Запорожья резко ухудшили обстановку для немецких войск на Украине. Днепр давал возможность противнику организовать труднопреодолимую оборону, и гитлеровцы возлагали большие надежды на то, что им удастся остановить наши войска перед этой естественной преградой.

Из разведывательных данных Ставке было известно, что перед началом операции в штаб группы армий «Юг» приезжал Гитлер. Он предъявил категорические требования к войскам — драться за Днепр до последнего человека и любой ценой удерживать его за собой.

Гитлеровцы понимали, что с потерей Украины окончательно рухнет их фронт на юге нашей страны, будет потерян Крым и советские войска могут в скором времени выйти к своим государственным границам. Тогда еще больше осложнится общее положение в фашистском лагере.

Но, несмотря на жесткие требования Гитлера и генерал-фельдмаршала Манштейна, битва за Днепр была проиграна. Не помогла и еще одна попытка восстановить оборону в районе Кременчуга, Днепропетровска и Запорожья.

К 23 октября ударная группировка войск 2-го Украинского фронта, в том числе 5-я гвардейская танковая армия, переданная фронту из резерва Ставки, вышла на подступы к Кривому

Рогу и Кировограду. Немецкое командование, собрав сильную группу войск, бросило ее против частей 2-го Украинского фронта для ликвидации нависшей опасности.

В самый разгар ожесточенных сражений я прибыл на командный пункт И. С. Конева, который находился в четырех километрах от поля битвы. В стереотрубу можно было частично наблюдать ход сражений.

Иван Степанович был озабочен. Сильно поредевшие и переутомленные предыдущими боями войска фронта могли не выдержать серьезного нажима противника. Поэтому ему пришлось для удара по вражеским войскам бросить всю авиацию и усилить части артиллерией за счет других участков фронта. В свою очередь, немецкое командование направляло на наши войска бомбардировочную авиацию, которая волна за волной подходила к полю сражения и наносила нам чувствительные удары.

К исходу 24 октября на ряде участков наши войска вынуждены были отойти на расстояние до 10 километров, а затем, не удержавшись, еще километров на 25, прочно закрепившись лишь на реке Ингулец. Как ни старался противник отбросить наши войска с этой реки, ему это не удалось. Понеся большие потери, он вынужден был прекратить свои атаки и перейти к обороне.

Не имея достаточных сил продолжать наступление на криво-рожском направлении, войска 2-го Украинского фронта также перешли здесь к обороне.

На правом же крыле фронта боевые действия продолжались с неослабевающим напряжением. Здесь 52-я армия генерала К. А. Коротева, тесно взаимодействуя с партизанскими отрядами, успешно форсировала Днепр и 14 декабря захватила плацдарм и заняла город Черкассы.

В ходе ожесточенных сражений запорожский плацдарм противника был ликвидирован войсками 3-го Украинского фронта. Наши войска освободили Днепропетровск.

К концу декабря на участке 2-го и 3-го Украинских фронтов был создан плацдарм стратегического значения протяженностью 400 километров по фронту и 100 километров в глубину, позволявший в ближайшее время развернуть дальнейшие наступательные операции.

Будучи занят координацией действий 1-го и 2-го Украинских фронтов, я не смог вникнуть в детали хода операций наших войск на 3-м и 4-м Украинских фронтах. Из телефонных переговоров с Верховным, Генштабом и А. М. Василевским мне было известно, что 4-й Украинский фронт, разгромив противника

на реке Молочной, успешно продвинулся вперед и захватил плацдарм на Перекопском перешейке, заперев в Крыму немецкие войска.

Для более детального ознакомления с положением на фронтах, рассмотрения и уточнения плана дальнейших наступательных операций в середине декабря я был вызван в Ставку. Прибыл и А. М. Василевский, с которым мы встретились в Генштабе и сразу же обменялись мнениями об итогах 1943 года и перспективах на ближайший период.

Александр Михайлович выглядел усталым. Ему, как и мне, пришлось начиная с апреля почти непрерывно находиться в движении — то в полетах, то в поездках по фронтовым дорогам. Обстановка в это время была довольно сложная, напряженная и пзобиловала чрезвычайно острыми сменами больших успехов и досадных неудач. Все это, вместе взятое, плюс систематическое недосыпание, физическое и умственное перенапряжение особенно сказывались тогда, когда мы оказывались в Москве, в тиши кабинетов, где не слышно было ни налетов авиации, ни артиллерийских обстрелов, ни тревожных докладов с опасных участков фронтов.

На декабрьском совещании в Ставке присутствовало большинство членов Государственного Комитета Обороны. Скорее это было расширенное заседание Государственного Комитета Обороны с участием некоторых членов Ставки Верховного Главнокомандования.

Совещание было довольно длительным. В обсуждении итогов и опыта борьбы на фронтах, а также оценки обстановки и перспектив войны приняли участие А. М. Василевский и А. И. Антопов. По вопросам экономики и военной промышленности докладывал Н. А. Вознесенский. О проблемах международного характера и о возможности открытия второго фронта говорил И. В. Сталин.

По данным Генштаба, советские войска к концу 1943 года освободили более половины территории, которую захватили немецкие войска в 1941—1942 годах. Начиная с контрнаступления в районе Сталинграда советскими войсками было полностью уничтожено или пленено 56 дивизий; 162 дивизии понесли тяжелейшие поражения. Противник был вынужден их серьезно пополнять или переформировывать. За этот период было уничтожено до 7 тысяч танков, более 14 тысяч самолетов и до 50 тысяч орудий и минометов. Немецкие войска безвозвратно потеряли опытные кадры генералов, офицеров, унтер-офицеров и солдат.

К концу 1943 года Коммунистической партии, нашему правительству удалось, несмотря на трудности начального периода, успешно решить проблему подготовки квалифицированных офицерских кадров. Притом не только удовлетворялись потребности фронта, но и создавались крупные резервы. Даже во время больших наступательных операций 1943 года у нас в запасе находилось более 93,5 тысячи офицеров, из которых половина имела превосходный боевой опыт и необходимую военно-техническую подготовку. Вдвое увеличился генеральский состав Советских Вооруженных Сил.

Германия на Восточном фронте за второй период войны была настолько истощена, что не могла вести серьезных наступательных действий. Однако она обладала еще достаточными возможностями для активной оборонительной войны. С целью укрепления своего сильно потрепанного фронта главное командование немецких войск к концу 1943 года перебросило с запада еще семьдесят пять дивизий и большое количество боевой техники, вооружения и материально-технических средств.

Наши вооруженные силы продолжали наращивать свою боевую мощь. За 1943 год было сформировано 78 новых дивизий. К концу года у нас образовалось 5 танковых армий, 37 танковых и механизированных корпусов, 80 отдельных танковых бригад, 149 отдельных танковых и самоходно-артиллерийских полков. Было сформировано 6 артиллерийских корпусов, 26 артиллерийских дивизий, 7 гвардейских реактивных минометных дивизий и многие десятки других артиллерийских частей.

В связи с окончательным переломом войны в пользу Советского Союза, высадкой союзных войск в Италии и выходом ее из войны, а также благодаря мощному движению сил Сопротивления во многих странах серьезно осложнилась обстановка и в странах-сателлитах фашистской Германии. Рос справедливый гнев народов против фашизма и неукротимое желание скорее покончить с войной. В Польше, Югославии, Чехословакии и в самой Германии в связи с тяжелым поражением на советско-германском фронте и возникшими экономическими трудностями, острой нехваткой людей для восполнения потерь нарастало неверие в силу германских войск. Оно овладело значительными слоями трудового народа, среди которого все шире и шире разрасталась деятельность антифашистских сил. В Греции, Франции и других странах Европы поднялась грозная волна национально-освободительного движения против вражеской оккупации.

У нас же в результате одержанных побед воцарилась пол-

ная уверенность довести войну до победного конца. Слов нет, все тяжело переживали потери своих сыновей, братьев, отцов, матерей и сестер, но народ наш с высоким сознанием своего долга перед Родиной стойко переносил горе.

К концу 1943 года советские командные кадры обогатились новейшим опытом стратегического и оперативно-тактического искусства. Организация крупнейших операций фронтов и групп фронтов, их победное завершение дали возможность Ставке, Генеральному штабу и самим фронтам глубже понять и осмыслить наиболее эффективные способы разгрома вражеских группировок, притом с наименьшими потерями людей и затратами материальных средств.

В Генеральном штабе сложился и вырос большой коллектив опытных операторов, организаторов войск и разведывательных кадров. Само Верховное Главнокомандование поднялось на более высокую ступень: теперь оно гораздо более совершенно владело способами и методами ведения современной войны. Всем нам стало легче работать и понимать друг друга. Этого раньше не хватало, отчего порой страдало общее дело.

Успешные боевые действия советских войск в значительной степени определялись возросшим качеством партийно-политической работы в войсках. Военные советы армий стали более умело подводить итоги операций, показывая в своих обращениях к личному составу яркие примеры, боевую доблесть и героизм, проявленные солдатами, сержантами, офицерами и генералами, популяризируя наилучшие методы решения важных и значительных боевых задач.

Должен сказать, что вообще с помощью Военных советов фронтов, армий и флотов партия осуществляла очень гибкое и дееспособное сочетание военного и политического руководства войсками.

В составе Военных советов работало немало членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии, которые постоянно были связаны с ЦК партии и Государственным Комитетом Обороны.

Генералы и офицеры стали чаще бывать в частях и подразделениях, беседуя с солдатами. Улучшилось руководство партийно-политической работой и со стороны начальников политорганов и инструкторского состава.

В этом отношении хочется особо отметить политуправление 1-го Украинского фронта, возглавлявшееся генералом С. С. Шатиловым, и политуправление 1-го Белорусского фронта во главе

с генералом С. Ф. Галаджевым. Большую помощь оказывали войскам руководящие партийные и советские работники Украины и Белоруссии.

По данным Центрального штаба партизанского движения, в 1943 году количество партизанских сил увеличилось в два раза. Многочисленные партизанские отряды объединились в части и соединения, которые были способны производить серьезные операции в тылу врага, отвлекая на себя значительные силы немецких войск. Можно сказать, что в тылу врага практически действовал мощный фронт народных мстителей, всем существом своим ненавидевших оккупантов.

Особенно мощные соединения партизан действовали в Белоруссии и на Украине. Здесь в 1943 году большое значение имели партизанские соединения В. Е. Самутина, Ф. Ф. Тараненко, В. И. Козлова, А. Ф. Федорова, А. Н. Сабурова, З. А. Богатыря, П. М. Машерова, С. А. Ковпака, М. И. Наумова, И. Е. Анисименко, Я. М. Мельника, Д. Т. Бурченко и Ф. Ф. Капусты.

Советское командование в своих планах и действиях серьезно учитывало реальную силу партизан и все возрастающую их роль еще и потому, что в тактическом отношении искусство партизанских действий поднялось на более высокую ступень.

Действия партизанских частей и соединений теперь в основном координировались, увязывались Военными советами фронтов и руководством ЦК компартий Украины и Белоруссии. Большую помощь партии в создании партизанских отрядов оказывали подпольные комсомольские организации, возглавлявшиеся секретарями ЦК комсомола Белоруссии К. Т. Мазуровым и Ф. А. Сургановым, постоянно находившимися на оккупированной врагом территории. За 1943 год партизаны подорвали 11 тысяч поездов, повредили и вывели из строя 6 тысяч паровозов, около 40 тысяч вагонов и платформ, уничтожили свыше 22 тысяч машин и более 900 железнодорожных мостов. Организаторами этих действий являлись местные подпольные партийные организации.

Коренной перелом произошел и в работе всего советского тыла. В 1943 году резко увеличилось производство вооружения и боеприпасов. В августе 1943 года партия приняла ряд важнейших решений о восстановлении народного хозяйства в освобожденных районах. В последнем квартале 1943 года там уже было добыто 6,5 миллиона тонн угля, 15 тысяч тонн нефти, выработано 172 миллиона киловатт-часов электроэнергии. Советские Вооруженные Силы стали лучше и оперативнее обеспе-

чиваться всем необходимым для успешной вооруженной борьбы.

Страна наша развернулась во всю свою богатырскую силу. Наши взаимоотношения с союзниками за 1943 год улучшились. Мы получили несколько большую материально-техническую помощь от Америки, чем в 1942 году, но все же она была далека от обещанной, а к концу года даже спизилась. Правительство США по-прежнему ссылалось на свои потребности в связи с предстоящим открытием второго фронта и на свои обязательства перед Англией.

К концу 1943 года мы окончательно преодолели тяжелую обстановку и, обладая мощными силами и средствами борьбы, прочно удерживали в своих руках стратегическую инициативу и уже не так нуждались, как в предыдущие два года войны, в открытии второго фронта в Европе. Однако в целях быстрейшего разгрома фашистской Германии и окончания войны всем нам хотелось, чтобы второй фронт был открыт в ближайшее время.

Несомненно, нас радовали победы в Италии, у Эль-Аламейна, в районе Туниса и других местах. Но все же это было не то, чего мы так долго ждали от союзников, чтобы почувствовать их достойный вклад в войну.

Возвратившись с Тегеранской конференции, И. В. Сталин сказал:

— Рузвельт дал твердое слово открыть широкие действия во Франции в 1944 году. Думаю, что он слово сдержит. Ну, а если не сдержит, у нас хватит и своих сил добить гитлеровскую Германию.

До сих пор я ничего не сказал о положении дел на наших западном и северо-западном направлениях, и это, конечно, не по забывчивости, а потому, что весь 1943 год у меня целиком был занят битвами в районе Курской дуги, на путях к Днепру, сражениями за Днепр и Правобережную Украину. Что касается западного и северо-западного направлений, ими в 1943 году занимались Верховный и Генеральный штаб, а мы лишь изредка высказывали свои соображения и свои предложения тогда, когда нас спрашивал Верховный Главнокомандующий.

К концу 1943 года на западном и северо-западном направлениях были достигнуты важные результаты. Советские войска очистили от врага часть Калининской области, освободили Смоленскую область и ряд районов восточной части Белоруссии. К концу года в результате успешного продвижения наших войск линия фронта на северо-западном и западном направле-

ниях уже проходила через озеро Ильмень, Великие Луки, Витебск, Мозырь.

На юго-западном и южном направлениях в это время линия фронта шла от Полесья через Житомир — Фастов — Кировоград (исключительно) — Запорожье — Херсон. Крым был еще в руках немецких войск. В районе Ленинграда и на севере обстановка значительно улучшилась. Ленинградцы теперь свободнее дышали.

Члены Государственного Комитета Обороны и мы, члены Ставки Верховного Главнокомандования, считали, что, хотя в борьбе с врагом мы добились больших успехов и противник серьезно ослаблен, все же он еще достаточно силен. Отсутствие второго фронта в Европе давало гитлеровцам возможность вести в 1944 году упорную оборонительную войну.

К началу 1944 года Германия с учетом войск своих сателлитов имела на советско-германском фронте около 5 миллионов человек, 54,5 тысячи орудий и минометов, 5400 танков и штурмовых орудий и несколько более 3 тысяч самолетов.

Советские Вооруженные Силы превосходили противника в людях в 1,3 раза, по артиллерии — в 1,7 раза, по самолетам — в 2,7 раза. Это количественное превосходство усиливалось высоким качественным уровнем оружия и, что особенно важно, боевым духом войск и возросшим оперативно-тактическим искусством командования.

В результате глубокого и всестороннего анализа обстановки Ставка решила в зимнюю кампанию 1944 года развернуть наступление от Ленинграда до Крыма включительно.

При этом главные наступательные операции имелось в виду провести на юго-западном театре военных действий, с тем чтобы прежде всего освободить Правобережную Украину и Крым. Было решено полностью освободить Ленинград от блокады и отбросить врага за пределы Ленинградской области. На северо-западном направлении войска должны были выйти к границам прибалтийских республик. Западному направлению ставилась задача возможно большего освобождения территории Белоруссии.

Планируя действия советских войск на зиму 1944 года, имелось в виду главные средства и силы сосредоточить на 1, 2, 3-м и 4-м Украинских фронтах, чтобы создать там более значительное превосходство над противником и в короткие сроки разгромить войска групп армий «Юг» и «А».

Что касается других фронтов северного, северо-западного и западного направлений, то Ставка решила давать туда более

ограниченные силы, чтобы не рассредоточивать их и не отвлекать с тех участков, где будут решаться главные задачи.

После совещания в Ставке мы с А. М. Василевским дней пять еще поработали с Генштабом по уточнению задач фронтам. Несколько раз Верховный приглашал нас к себе в кремлевскую квартиру на обед.

Однажды дома у Верховного я попытался еще раз поднять вопрос о проведении операций на окружение. И. В. Сталин сказал:

— Теперь мы стали сильнее, наши войска опытнее. Теперь мы не только можем, но и должны проводить операции на окружение немецких войск.

В другой раз на обеде, где мне довелось быть, присутствовали А. А. Жданов, А. С. Щербаков и другие члены Политбюро. А. А. Жданов рассказал о героических делах и величайшем мужестве рабочих Ленинграда, которые, пренебрегая опасностью, полуголодные, стояли у станков на фабриках и заводах по 14—15 часов в сутки, оказывая всемерную помощь войскам фронта. А. А. Жданов попросил увеличить продовольственные фонды для ленинградцев. Верховный тут же дал указание удовлетворить просьбу А. А. Жданова, а затем сказал:

— Предлагаю тост за ленинградцев. Это подлинные герои нашего народа.

После того как задачи фронтов были окончательно отработаны, мы с Александром Михайловичем Василевским отправились на подопечные фронты, где нам было поручено осуществлять дальнейшую координацию действий войск. Я поехал координировать действия фронтов Н. Ф. Ватутина и И. С. Конева, А. М. Василевский — Р. Я. Малиновского и Ф. И. Толбухина.

Сначала я решил поехать на 1-й Украинский фронт, чтобы передать решение Ставки и помочь спланировать предстоящие действия войск.

Н. Ф. Ватутин, как я уже говорил, был прекрасный штабист. Он обладал завидной способностью коротко и ясно излагать свои мысли и к тому же имел на редкость красивый и четкий почерк. Большинство важных приказов, директив и донесений Верховному Главнокомандованию он писал сам. Я как раз застал его за составлением директивы о переходе в наступление главной группировки войск фронта в общем направлении на Винницу.

Н. Ф. Ватутин работал в жарко натопленной хате, накинув на себя теплую бекешу. Посмотрев на него, я понял, что ему явно нездоровилось.

Коротко познакомив Н. Ф. Ватутина с решением Ставки о развертывании действий на ближайший период и заслушав его последние коррективы к плану действия войск фронта, я посоветовал ему принять что-нибудь и сейчас же лечь, чтобы быть вполне работоспособным к началу наступления. Он согласился.

Выпив стакан крепкого чая с сушеной малиной и приняв пару таблеток аспирина, Николай Федорович ушел к себе в комнату. Мы с начальником штаба А. Н. Боголюбовым направились в оперативный отдел штаба, чтобы еще раз как следует разобраться в обстановке и проверить готовность войск к действиям.

Не прошло и десяти минут, как раздался телефонный звонок. А. Н. Боголюбов взял трубку. Звонил Н. Ф. Ватутин, приглашая его зайти. Я решил пойти вместе с А. Н. Боголюбовым. И мы вновь увидели Н. Ф. Ватутина за рабочей картой предстоящего наступления.

— Мы же договорились, что вы пойдете отдохнуть, а вы опять за работой?

— Хочу написать донесение в Ставку о ходе подготовки к наступлению, — ответил Н. Ф. Ватутин.

Насильно выпроводив его из рабочей комнаты, я предложил все необходимое выполнить начальнику штаба, тем более что это была его прямая обязанность.

Беспокойным человеком был Н. Ф. Ватутин. Чувство ответственности за порученное дело было у него развито чрезвычайно.

Изрядно проголодавшись, я зашел к Н. С. Хрущеву, зная, что у него всегда можно было неплохо подкрепиться. У Н. С. Хрущева были член Военного совета фронта по материальному обеспечению генерал Н. Т. Кальченко и М. С. Гречуха, представитель аппарата ЦК партии Украины. Товарищи попросили рассказать о московских новостях.

Подробно ознакомил присутствовавших с решением Ставки об изгнании противника с Правобережной Украины и конкретных задачах 1-го Украинского фронта. М. С. Гречуха рассказал о чудовищных злодеяниях, которые фашисты творили в последнее время, особенно перед отступлением своих войск.

— Сейчас еще не выявлена и десятая доля тех кровавых дел фашистских головорезов, которые они совершили на украинской земле, — сказал он.

1-му Украинскому фронту в то время противостояла группировка противника в составе 30 дивизий, в том числе 8 тан-

ковых и одной моторизованной. Командовал войсками генерал танковых войск Э. Раус¹. Вражеское командование все еще мечтало ликвидировать советские войска, овладев большим плацдармом западнее Днепра и Киевом.

Во второй половине ноября противник, как я уже говорил, захватил Житомир и неоднократно пытался опрокинуть соединения 1-го Украинского фронта и прорваться к Киеву. Но эти настойчивые попытки не увенчались успехом. Больше того, в результате своих безрасчетных действий немецкие войска понесли колоссальные потери, которые в отдельных дивизиях доходили до 60—70 процентов личного состава и материальной части. В результате истощения сил и средств гитлеровское командование прекратило наступление, но все еще не отказалось от намерения вновь захватить Киев и выйти на Днепр.

Ставка Верховного Главнокомандования потребовала от 1-го Украинского фронта подготовить и провести Житомирско-Бердичевскую операцию по разгрому противостоящей 4-й танковой армии противника и отбросить ее к Южному Бугу. На усиление 1-го Украинского фронта Ставкой были переданы 18-я армия, 1-я танковая армия, 4-й гвардейский и 25-й танковые корпуса.

К началу решающих операций 1-й Украинский фронт имел 1-ю гвардейскую, 13, 18, 27, 38, 40-ю и 60-ю общевойсковые армии, 1-ю и 3-ю гвардейскую танковые армии. Всего 63 стрелковые дивизии, 6 танковых, 2 механизированных корпуса, 3 кавалерийские дивизии.

Замысел наступательной операции войск фронта был таков: разгромить противника в районе Брусилова и выйти на рубеж Любар — Винница — Липовая.

60-я армия генерала И. Д. Черняховского, усиленная 4-м гвардейским танковым корпусом, имела задачу наступать из района Малина и выйти на реку Случь на участке Рогачев — Любар. 13-я армия генерала Н. П. Пухова получила задачу наступать в направлении Коростень — Новоград-Волынский. 40-я и 27-я армии наносили удар на Белую Церковь и далее на Христиновку, где и должны были соединиться с войсками 2-го Украинского фронта.

Поддержку войск фронта с воздуха осуществляла 2-я воздушная армия генерала С. А. Красовского.

¹ Немецкие трофейные карты главного командования сухопутных войск. Сборник материалов по составу фашистских войск Германии, выпуск четвертый, стр. 14—20.

Утром 25 декабря после 50-минутной артиллерийской и авиационной подготовки войска главной группировки фронта перешли в наступление. Оборона противника не выдержала удара наших войск, и немецкие войска начали отход. В связи с создавшимися благоприятными условиями во второй половине дня были введены в дело 1-я и 3-я гвардейская танковые армии. К исходу 25 декабря фронт прорыва расширился до 300 километров, а глубина его достигла более 100 километров. Были захвачены Коростень, Брусиллов, Казатин, Сквир и много других городов и населенных пунктов.

Наступавшие войска завязали бой на подступах к Житомиру, Бердичеву, Белой Церкви. Немецкому командованию пришлось принимать экстренные меры, чтобы закрыть образовавшуюся брешь, для чего сюда было переброшено 12 дивизий из других групп армий («Север», «Центр» и группы армий «А»).

31 декабря был вновь освобожден Житомир. Развернулись тяжелые бои за Бердичев — крупный узел железнодорожных и шоссе-коммуникаций. Здесь действовали войска 1-й танковой армии генерала М. Е. Каткова и 18-я армия генерала К. Н. Леселидзе. Ввиду слабой организации боя 1-я танковая армия, понесла потери, успеха не добилась, и лишь 5 января, после вмешательства Н. Ф. Ватутина, Бердичев был занят.

В боях за Белую Церковь принимала участие 1-я чехословацкая бригада под командованием генерала Людвига Свободы. Этот красивый крепкий человек своим спокойствием и рассудительностью вызывал у всех нас глубокое уважение и полное доверие. И мы не ошиблись в нем. До конца войны Людвик Свобода успешно осуществлял командование чехословацкими войсками и своими героическими делами внес достойный вклад в разгром врага, которого он ненавидел так же, как и все мы, советские люди.

Под ударами 1-го Украинского фронта враг откатывался на запад. Это заставило командование немецких войск собрать группу войск в районах Винницы и Умани для контрудара по 38, 40-й и 1-й танковым армиям¹. Завязалось новое большое сражение.

Наши войска перешли к обороне, пытались расстрелять противника с места огнем и ударами с воздуха. Но, не выдержав нажима противника, сами отошли километров на тридцать назад, где и закрепились.

¹ Немецкие трофейные карты главного командования сухопутных войск за 10—14 января 1944 года. Архив МО СССР, ф. 236, оп. 13315, д. 112, лл. 107, 153.

В итоге Житомирско-Бердичевской операции войска 1-го Украинского фронта продвинулись на глубину до 200 километров, полностью освободив Киевскую и Житомирскую области, а также ряд районов Винницкой и Ровенской областей. Левое крыло фронта охватило всю группировку противника, занимавшего крупный плацдарм в районе Канева и Корсунь-Шевченковского. Таким образом была создана благоприятная обстановка для Корсунь-Шевченковской операции.

К середине января 1-й Украинский фронт закрепился на линии Сарны — Славути — Казатин — Ильинцы. Далее фронт поворачивал на Днепр до района Ржищева и Канева, где продолжала стоять в обороне крупная группировка немецких войск. Видимо, немецкое командование, мечтая вновь захватить Киев, не подозревало, что оно готовило само себе здесь ловушку, о чем будет сказано ниже.

А теперь рассмотрим обстановку на 2-м Украинском фронте.

2-й Украинский фронт, во главе которого стоял генерал И. С. Конев (член Военного совета — И. З. Сусайков, начальник штаба — М. В. Захаров), к концу декабря так же, как и фронт Н. Ф. Ватутина, получил значительное пополнение танками и самоходно-артиллерийскими установками. В состав фронта был передан усиленный 5-й кавкорпус и несколько артиллерийских частей. Это пополнение укрепило войска, но далеко не удовлетворило их потребности. Особенно малочисленными оставались общевойсковые соединения, без которых, как известно, не достигается и не закрепляется успех операций.

2-й Украинский фронт имел задачу подготовить и провести операцию, нанося главный удар на Первомайск через Кировоград. Частью сил фронт должен был наступать в общем направлении на Христиновку, где, соединившись с 1-м Украинским фронтом, разгромить противника в районе Звенигородка — Капел.

До 7 января мне не удалось побывать на 2-м Украинском фронте, так как вынужден был заниматься на участках войск Н. Ф. Ватутина, где обстановка изобиловала сложными и опасными моментами. 7 января я прилетел в штаб 2-го Украинского фронта. И. С. Конев в это время был в районе Кировограда на командно-наблюдательном пункте.

Заехав в штаб фронта, я застал там начальника штаба фронта М. В. Захарова, который детально ознакомил меня с данными обстановки на участках фронта.

Матвея Васильевича Захарова я знал по Белорусскому военному округу, где он был начальником оперативного отдела

штаба округа. В то время во главе округа стоял командарм 1 ранга И. П. Уборевич, у которого нам всем было чему поучиться.

Надо сказать, что оперативный отдел штаба округа, который возглавлял М. В. Захаров, резко выделялся среди большинства приграничных округов своей сколоченностью, подготовленностью и общей оперативной культурой. Несколько позже М. В. Захаров успешно командовал стрелковым полком в Бобруйске. Возглавляя штаб 2-го Украинского фронта, Матвей Васильевич был хорошей опорой для командующего фронтом И. С. Конева.

После ознакомления с обстановкой в штабе фронта я позвонил И. С. Коневу и выехал к нему.

По дороге к командному пункту И. С. Конева мы отчетливо слышали звуки артиллерийского огня, разрывы авиационных бомб, рев моторов многочисленных самолетов: можно было безошибочно определить, что идут жаркие схватки с врагом на земле и в воздухе.

Поздоровавшись, я спросил Ивана Степановича, как развивается операция.

— Бьем смертным боем врага, но пока он не бросает Кировоград, — ответил И. С. Конев.

Изучив карту И. С. Конева и выслушав его обстоятельное сообщение, понял, что врагу все же не удастся удержаться в Кировограде. К исходу 7 января он был не только обойден войсками фронта, но и едва держался на южных окраинах города, где наступали 29-й танковый корпус, 29-я и 50-я стрелковые дивизии.

Особенно успешно дрались войска армий генерала А. С. Жадова и генерала М. С. Шумилова. Оба эти командарма были мне хорошо известны. Они прошли большой и суровый путь с самого начала войны. Сумели выдержать и устоять в тяжелых схватках с врагом, обогатились опытом победных операций и пришли сюда, в район Кировограда, во главе армий опытными военачальниками.

К утру 8 января Кировоград был взят. Враг отходил под натиском войск фронта на запад.

На правом крыле фронта наступление 53-й армии и 4-й ударной армии не увенчалось успехом. Оно было остановлено сильными контратаками противника на рубеже Смела — Канник.

Остановив наступление и перейдя к обороне западнее Кировограда, командование фронта перегруппировало на правое

крыло фронта 5-ю гвардейскую танковую армию под командованием генерала П. А. Ротмистрова. Но из-за усилившейся здесь группировки врага она не смогла создать перелома в нашу пользу.

В связи с необходимостью проведения более капитальной подготовки дальнейших операций наступление войск 2-го Украинского фронта было приостановлено на всех направлениях, и я вернулся на 1-й Украинский фронт, чтобы вместе с его командованием взяться за подготовку Корсунь-Шевченковской операции.

Обсудив цель и задачи операции, Н. Ф. Ватутин решил создать группировку в составе 40-й армии Ф. Ф. Жмаченко, 27-й армии С. Г. Трофименко и 6-й танковой армии генерала танковых войск А. Г. Кравченко, отличившегося при взятии Киева.

По данным немецкой трофейной карты за 24 января 1944 года, в районе корсунь-шевченковского выступа, который доходил своей вершиной до самого Днепра, находилось девять пехотных, одна танковая и одна моторизованная дивизии, входившие в состав 1-й танковой армии немецких войск.

Эта довольно сильная группировка противника мешала 1-му и 2-му Украинским фронтам проводить дальнейшие операции в западном направлении, так как была расположена на флангах того и другого фронтов.

11 января я доложил наши соображения Верховному о плане отсечения, окружения и разгрома всей корсунь-шевченковской группировки. Верховный утвердил предложения и 12 января подтвердил свое решение директивой Ставки.

Директива предусматривала нанесение встречных ударов фронтов под основание выступа и соединение их в районе Звенигородки¹. Перед началом операции Ставка по моей просьбе усилила 1-й Украинский фронт 2-й танковой армией.

И. С. Конев решил нанести удар из района Вербовки и Красносилка силами 4-й гвардейской, 53-й и 5-й гвардейской танковой армий. Для создания ударных группировок фронтам надлежало провести значительные перегруппировки сил и средств. Поддержка ударных группировок фронтов с воздуха возлагалась на 2-ю и 5-ю воздушные армии.

¹ ИМЛ. Документы Отдела истории Великой Отечественной войны, инв. № 9492, лл. 10—11.

Всего к участию в разгроме корсунь-шевченковской группировки немецко-фашистских войск привлекалось 27 дивизий, 4 танковых и 1 механизированный корпуса, в составе которых было 370 танков и самоходных артиллерийских установок.

В количественном отношении наши войска здесь превосходили противника по пехоте в 1,7 раза, по орудиям и минометам — в 2,4 раза, по танкам и самоходно-артиллерийским установкам — в 2,6 раза.

Сил, безусловно, хватало для окружения и разгрома врага, но крайне не вовремя наступила распутица, выпал мокрый снег, дороги раскисли. Нелетная погода до предела ограничивала действия авиации. В результате войска не смогли полностью создать материальные запасы. Однако дольше ждать с началом операции было нельзя.

Корсунь-Шевченковская операция началась 24 января ударом 2-го Украинского фронта в общем направлении на Звенигородку. 1-й Украинский фронт начал атаку на сутки позже. Вражеские войска оказали упорное сопротивление, отбиваясь огнем и контратаками, но все же не могли отразить удары наших фронтов.

27 января противник, стремясь ликвидировать прорыв, организовал против частей 2-го Украинского фронта контрудар с целью закрыть образовавшуюся брешь и отсечь передовые 20-й и 29-й танковые корпуса 5-й гвардейской танковой армии. И это ему частично удалось.

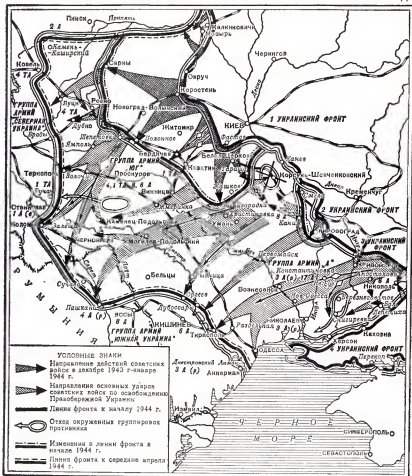
Однако 20-й танковый корпус под командованием генерал-лейтенанта танковых войск И. Г. Лазарева, не обращая внимания на временный перехват противником его тыловых путей, стремительно продвигался вперед и в ту же ночь овладел городом Шпола.

Генерала И. Г. Лазарева я знал по Белорусскому военному округу и не раз встречался с ним на маневрах и больших окружных учениях, где он получил отличную полевую подготовку под руководством И. П. Уборевича.

Зная И. Г. Лазарева с хорошей стороны, я был уверен в том, что в этот сложный момент он будет твердо вести вверенный ему корпус к поставленной цели. 28 января корпус И. Г. Лазарева вышел в район Звенигородки, а в это время противник, закрыв прорыв, стремился отразить атаки 2-го Украинского фронта.

Перешедшая в наступление ударная группировка 1-го Украинского фронта прорвала оборону противника, но встретила упорное сопротивление в глубине обороны.

СХЕМА НАСТУПЛЕНИЯ УКРАИНСКИХ ФРОНТОВ ЗИМОЙ И ВЕСНОЙ 1944 ГОДА

Командующий фронтом Н. Ф. Ватутин, учитывая, что противнику удалось закрыть образовавшийся прорыв на участке 2-го Украинского фронта, бросил в район Звенигородки на усиление 20-го и 29-го танковых корпусов 2-го Украинского фронта сильный передовой отряд под командованием смелого и талантливого генерала М. И. Савельева в составе 233-й танковой бригады, 1228-го самоходно-артиллерийского полка, мотострелкового батальона и батареи истребительно-противотанковой артиллерии.

Отряд М. И. Савельева, умело маневрируя, смело прорвался через немецкие части в районе Лисянки и 28 января соединился с 20-м танковым корпусом в городе Звенигородке, перерезав основные тыловые пути корсунь-шевченковской группировки противника.

Оборонявшиеся вражеские войска на участке 1-го Украинского фронта упорно сопротивлялись. 40-я армия генерала Ф. Ф. Жмаченко в первый день боев имела незначительный успех. Более успешно действовали соединения 27-й армии генерала С. Г. Трофименко, особенно 337-я стрелковая дивизия генерала Г. О. Ляскина и 180-я стрелковая дивизия генерала С. П. Меркулова. Это было использовано нами для броска 6-й танковой армии на тыловые пути противника, что положительно сказалось на развитии событий.

К 30 января, введя в сражение дополнительные силы, в том числе второй эшелон 5-й гвардейской танковой армии, 18-й танковый корпус и кавалерийский корпус генерала А. Г. Селиванова, войскам 2-го Украинского фронта удалось отбросить противника и вновь образовать брешь в его обороне.

Продвигаясь вперед, войска обоих фронтов отсекали корсунь-шевченковскую группу противника и начали сжимать ее к центру окружения. Одновременно обоими фронтами был создан и внешний фронт, с тем чтобы не допустить со стороны Умани деблокирования окруженной группировки.

В ознаменование прорыва фронта вражеских войск и соединения войск 1-го и 2-го Украинских фронтов в центре города Звенигородки потом был поставлен на пьедестал танк Т-34. Надпись на пьедестале гласит:

«Здесь января 28 дня 1944 года было сомкнуто кольцо вокруг гитлеровских оккупантов, окруженных в районе Корсунь-Шевченковский. Экипаж танка 2-го Украинского фронта 155-й танковой Краснознаменной Звенигородской бригады подполковника Прошина Ивана Ивановича — лейтенант Хохлов Евгений Александрович, механик-водитель Андреев Ана-

толий Алексеевич, командир башни Зайцев Яков Сергеевич пожали руки танкистам 1-го Украинского фронта. Слава героям Родины».

Хорошо, когда не забываются подвиги героев. Жаль только, что не названы имена танкистов 1-го Украинского фронта. Это надо бы исправить, утапавив имена тех героев-танкистов 1-го Украинского фронта, которые стремительно прорвались в район Звенигородки...

Окруженные немецкие войска, цепляясь за каждый рубеж и населенный пункт, укрываясь в лесах и перелесках, оказывали упорное сопротивление.

Сбить противника с позиций нужно было мощным артиллерийским огнем, а мы не могли его организовать из-за полного бездорожья. Чтобы создать минимально необходимые запасы снарядов, мин и горючего для танков, пришлось организовать их доставку на волах, на носилках, в мешках — словом, кто как и чем мог. В этом деле большую помощь оказали жители украинских деревень.

Командование немецких войск, стремясь спасти от неминуемой гибели свои войска, оказавшиеся в котле, начало стягивать силы против нашего внешнего фронта. 27 января в район Ново-Миргорода подошли их 3, 11-я и 4-я танковые дивизии, а через два дня и 13-я танковая дивизия. Затем в район Ризино начали сосредотачиваться 16-я и 17-я танковые дивизии.

Все мы, проводившие эту операцию на окружение войск, принадлежавших 4-й и 8-й армиям противника, отчетливо понимали, что командование немецких войск должно организовать удар извне, спасая попавших в окружение.

Для создания внешнего фронта, который должен был обеспечить уничтожение окруженных войск противника, были использованы 6-я танковая армия 1-го Украинского фронта, усиленная 47-м стрелковым корпусом, и 5-я гвардейская танковая армия 2-го Украинского фронта, усиленная 49-м стрелковым корпусом и 5-й инженерной бригадой. Фланги этого внешнего фронта прикрывались 40-й и 53-й армиями.

В отличие от действий войск противника, окруженных под Сталинградом, где они, обороняясь, ждали спасения, надеясь на прорыв котельниковской группы Манштейна, окруженные в районе Корсунь-Шевченковского сами решили вырваться, бросившись навстречу ударной группе, действовавшей извне.

В первых числах февраля 1944 года вражеские войска пытались частью сил танковых войск прорвать внешний фронт на участке 2-го Украинского фронта в районе Ново-Мирго-

рода. Однако их попытки были отбиты. Тогда, перегруппировав свои ударные силы на участок 1-го Украинского фронта, противник 3 и 4 февраля нанес два мощных удара в районе Ризино и в районе Толмач — Искренное. Здесь были дополнительно введены в сражение три танковые дивизии.

В районе Ризино противнику удалось вклиниться в оборону наших войск. Командование противника было уверено, что на сей раз успех прорыва обеспечен. Генерал Хубе — командующий 1-й немецкой танковой армией — не скупился на обещания. Нами была перехвачена его радиотелеграмма, гласившая: «Я вас выручу. Хубе».

Гитлер, надеясь на мощную танковую группировку генерала Хубе, в своих телеграммах, посланных на имя командующего окруженными войсками генерала Штеммермана, писал: «Можете положиться на меня, как на каменную стену. Вы будете освобождены из котла. А пока держитесь».

Мы, со своей стороны, чтобы не допустить прорыва, срочно перебросили на опасный участок из резерва фронта 2-ю танковую армию генерала С. И. Богданова в составе двух танковых корпусов. Развернувшись, эта армия нанесла контрудар противнику. Враг был остановлен и частично отброшен в исходные районы.

Однако он все же не отказался от намерений прорвать внешний фронт наших войск. Подтянув еще одну танковую дивизию, батальон тяжелых танков, два дивизиона штурмовых орудий и перегруппировав значительные силы танковых дивизий в район Ерков, противник начал ожесточенное наступление.

9 февраля я послал телеграмму Верховному, в которой, в частности, говорилось:

«По показанию пленных, за период боев в окружении войска противника понесли большие потери. В настоящее время среди солдат и офицеров чувствуется растерянность, доходящая в некоторых случаях до паники.

По данным разведки, окруженный противник сосредоточил главные силы в районе Стеблев — Корсунь-Шевченковский. Видимо, противник готовится к последней попытке прорваться навстречу танковой группе, наступающей на М. Боярку. Для обеспечения этого направления к утру 9 февраля в район Лисянки выводим одну танковую бригаду от Ротмистрова и в район Красногородка — Мотаевка — 340-ю стрелковую дивизию от Жмаченко.

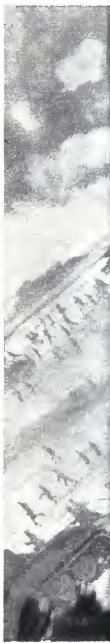
Армии Коротева, Рыжова и Трофименко 9 февраля продолжают наступление.

«Катюши» бьют...

НА «ОГНЕННОЙ» ДУГЕ.

Командующий 2-м Украинским фронтом Маршал Советского Союза И. С. Конеv (справа) и начальник штаба генерал М. В. Захаров во время Корсунь-Шевченковской операции.

Командующий 3-м Белорусским фронтом генерал И. Д. Черняховский.

Командующий 38-й армией генерал К. С. Москаленко (слева) и член Военного совета генерал А. А. Епишев.

Справа налево: командующий 1-м Белорусским фронтом генерал армии К. К. Рокос-
совский, член Военного совета генерал К. Ф. Телегин и генерал И. И. Бойков.
5 февраля 1944 г.

Начальник Генерального штаба
генерал А. И. Антонов. 1945 г.

Командующий 1-м Прибалтийским фрон-
том генерал И. Х. Баграмян.

Форсирование Днепра. 1943 г

ОСВОБОЖДЕНИЕ!

Враг отброшен за государственную границу.

Давай закурим...

БРАТЬЯ ПО ОРУЖИЮ.

Бойцы 1-й армии Войска Польского ведут бой в предместье Варшавы.

Воины 1-го Чехословацкого корпуса вступают в Прагу.

Встреча советских воинов с югославскими партизанами.

ИЗ ФАШИСТСКОГО ПЛЕНА

НА БЕРЛИН!

8 февраля в 15.50 наши парламентарии через командующего стеблевским боевым участком полковника Фукке вручили ультиматум окруженному противнику.

Парламентарии возвратились и сообщили, что ответ будет дан немецким командованием 9 февраля в 11.00.

Жуков».

Ультиматум был таков:

«Всем раненым и больным будет оказана медицинская помощь.

Всем сдавшимся офицерам, унтер-офицерам и солдатам будет немедленно обеспечено питание.

Ваш ответ ожидается к 11 часам утра 9 февраля 1944 г. по московскому времени в письменной форме через ваших личных представителей, которым надлежит ехать легковой машиной с белым флагом по дороге, идущей от Корсунь-Шевченковский через Стеблев на Хировку.

Ваш представитель будет встречен уполномоченным русским офицером в районе восточной окраины Хировки 9 февраля 1944 г. в 11 часов по московскому времени.

Если вы отклоните наше предложение сложить оружие, то войска Красной Армии и воздушный флот начнут действия по уничтожению окруженных ваших войск, и ответственность за их уничтожение понесете вы.

Заместитель Верховного Главнокомандующего

Маршал Советского Союза Г. Жуков.

Командующий войсками
1-го Украинского фронта
генерал армии Н. Ватутин.

Командующий войсками
2-го Украинского фронта
генерал армии И. Конев»¹.

В расположении войск противника были разбросаны листовки следующего содержания:

«Всему офицерскому составу немецких войск, окруженных в районе Корсунь-Шевченковский.

42-й и 11-й армейские корпуса находятся в полном окружении. Войска Красной Армии железным кольцом окружили эту группировку. Кольцо окружения все больше сжимается. Все ваши надежды на спасение напрасны...

Попытки помочь вам боеприпасами и горючим посредством транспортных самолетов провалились. Только за два дня,

¹ «Правда» от 18. II. 1944 г.

3 и 4 февраля, наземными и воздушными силами Красной Армии сбито более 100 самолетов Ю-52.

Вы, офицеры окруженных частей, отлично понимаете, что не имеется никаких реальных возможностей прорвать кольцо окружения.

Ваше положение безнадежно и дальнейшее сопротивление бессмысленно. Оно приведет только к огромным жертвам среди немецких солдат и офицеров.

Во избежание ненужного кровопролития мы предлагаем принять следующие условия капитуляции:

1. Все окруженные немецкие войска во главе с вами и с вашими штабами немедленно прекращают боевые действия.

2. Вы передаете нам весь личный состав, оружие, все боевое снаряжение, транспортные средства и всю технику неповрежденной.

Мы гарантируем всем офицерам и солдатам, прекратившим сопротивление, жизнь и безопасность, а после окончания войны — возвращение в Германию или в любую другую страну по личному желанию военнопленных.

Всему личному составу сдавшихся частей будут сохранены: военная форма, знаки различия и ордена, личная собственность и ценности, старшему офицерскому составу, кроме того, будет сохранено и холодное оружие».

В 12 часов 9 февраля штаб генерала Штеммермана сообщил об отклонении нашего ультиматума.

Тотчас же на внутреннем фронте окружения и со стороны внешнего фронта немцы начали ожесточенные атаки. Особенно жаркие бои разгорелись 11 февраля. Наши войска дрались с особым упорством. Танковым дивизиям противника ценой больших потерь удалось продвинуться в Лисянку, но дальше сил не хватило, и враг перешел к обороне.

В ночь на 12 февраля окруженная группа войск, собравшись на узком участке, попыталась также прорваться через Стеблев на соединение с танковыми дивизиями, но это ей не удалось. Дальнейшее продвижение противника было приостановлено. Расстояние между окруженной группой и деблокирующей группой немецких войск сократилось до 12 километров, но чувствовалось, что для соединения у противника сил не хватит.

В ночь на 12 февраля 1944 года я послал донесение в Ставку: «У Кравченко:

— противник силой до 160 танков с мотопехотой с фронта Ризино — Чемериское — Тарасовка ведет наступление в общем

направлении на Лисянку и, прорвав первую линию 47-го стрелкового корпуса, вклинился в оборону до 10 км.

Дальнейшее продвижение противника было остановлено на реке Гнилой Ткич частями 340-й стрелковой дивизии и 5-го механизированного корпуса, составляющими вторую линию обороны, и резервными полками СУ-85.

За отсутствием связи с командиром 47-го стрелкового корпуса положение на левом фланге армии в направлении Жабинка — Ризино — Дубровка уточняется.

Сил и средств у Кравченко было достаточно для отражения атак противника, но Кравченко при прорыве первой линии нашей обороны потерял управление частями армии.

Приказал Николаеву¹ срочно развернуть в Джурженцы управление 27-й армией и подчинить в оперативном отношении Кравченко, Трофименко.

Армию Богданова к утру 12 февраля главными силами сосредоточить в районе Лисянка — Дашуковка — Чесновка. 202-ю стрелковую дивизию развернуть на рубеже Хижинцы — Джурженцы, туда же подтянуть полностью укомплектованную бригаду Катюкова.

Степину² приказал в Лисянке к утру иметь от Ротмистрова две бригады и по реке Гнилой Ткич на участке Лисянка — Мурзинцы занять оборону, и в первую очередь противотанковую.

У Степина:

— армия Ротмистрова сегодня отразила атаки до 60 танков противника от Еркв в направлении Звенигородки. Разведкой установлено движение до 40 танков из Капустина на Ерки. Возможно, противник подтягивает на звенигородское направление танки с лебединского направления.

Степин к утру 12 февраля 18-й танковый корпус передвигает в Михайловку (восточнее Звенигородки) и 29-й танковый корпус в район Княжье — Лозоватка.

Армия Смирнова вела бой за Мирополье, Кошак, Глушки.

Для удобства управления с 12.00 12 февраля 180-я стрелковая дивизия Трофименко передается в состав 2-го Украинского фронта.

Приказал Степину 12.2.44 главными силами армий Коротеева и Смирнова удар нанести с востока на Стеблев и в тыл

¹ Псевдоним Н. Ф. Ватутина. (Прим. автора).

² Псевдоним И. С. Конева. (Прим. автора).

главной группировки окруженного противника, готовящейся для выхода навстречу наступающей танковой группе.

Вся ночная авиация фронтов действует в районе Стеблева.

Жукова.

Утром 12 февраля я заболел гриппом, с высокой температурой меня уложили в постель. Согревшись, крепко заснул. Не знаю, сколько проспал, чувствую, изо всех сил мой генерал-адъютант Леонид Федорович Минюк старается меня растолкать. Спрашиваю:

— В чем дело?

— Звонит товарищ Сталин.

Вскочив с постели, взял трубку. Верховный сказал:

— Мне сейчас доложили, что у Ватутина ночью прорвался противник из района Шандеровки в Хилки и Новую Буду. Вы знаете об этом?

— Нет, не знаю.

— Проверьте и доложите.

Тут же позвонил Н. Ф. Ватутину и выяснил: противник действительно пытался, пользуясь пургой, вырваться из окружения и уже успел продвинуться километра на два-три, занял Хилки, но был остановлен.

Переговорив с Н. Ф. Ватутиным о принятии дополнительных мер, я позвонил Верховному и доложил ему то, что мне стало известно из сообщения Н. Ф. Ватутина.

И. В. Сталин сказал:

— Конев предлагает передать ему руководство войсками внутреннего фронта по ликвидации корсунь-шевченковской группы противника, а руководство войсками на внешнем фронте сосредоточить в руках Ватутина.

— Окончательное уничтожение группы противника, находящейся в котле, дело трех-четырех дней, — ответил я. — Передача управления войсками 27-й армии 1-го Украинского фронта может затянуть ход операции.

— Хорошо. Пусть Ватутин лично займется операцией 13-й и 60-й армий в районе Ровно — Луцк — Дубно, а вы возьмите на себя ответственность не допустить прорыва ударной группы противника на внешнем фронте района Лисянки. Все.

Через пару часов была получена директива следующего содержания:

«Командующему 1-м Украинским фронтом.
 Командующему 2-м Украинским фронтом.
 Тов. Юрьеву¹.

Ввиду того, что для ликвидации корсуньской группировки противника необходимо объединить усилия всех войск, действующих с этой задачей, и поскольку большая часть этих войск принадлежит 2-му Украинскому фронту, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Возложить руководство всеми войсками, действующими против корсуньской группировки противника, на командующего 2-м Украинским фронтом с задачей в кратчайший срок уничтожить корсуньскую группировку немцев.

В соответствии с этим 27-ю армию в составе 180, 337, 202-й стрелковых дивизий, 54, 159-го укрепленных районов и всех имеющихся частей усиления передать с 24 часов 12.2.44 в оперативное подчинение командующего 2-м Украинским фронтом. Снабжение 27-й армии всеми видами оставить за 1-м Украинским фронтом.

Командующему 2-м Украинским фронтом связь со штабом 27-й армии до установления прямой связи иметь через штаб 1-го Украинского фронта.

2. Тов. Юрьев освободить от наблюдения за ликвидацией корсуньской группировки немцев и возложить на него координацию действий войск 1-го и 2-го Украинских фронтов с задачей не допустить прорыва противника со стороны Лисянки и Звенигородки на соединение с корсуньской группировкой противника.

Исполнение донесите.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин.
 А. Антонов.

12 февраля 1944 года.
 № 220022».

Н. Ф. Ватутин был очень впечатлительный человек. Получив директиву, он тотчас же позвонил мне и, полагая, что я был инициатором этого перемещения, с обидой сказал:

— Товарищ маршал, кому-кому, а вам-то известно, что я, не смыкая глаз несколько суток подряд, напрягал все силы для осуществления Корсунь-Шевченковской операции. Почему

¹ Псевдоним Г. К. Жукова. (Ред.)

же сейчас меня отстраняют и не дают довести эту операцию до конца? Я тоже патриот войск своего фронта и хочу, чтобы столица нашей Родины Москва отсалютовала бойцам 1-го Украинского фронта.

— Николай Федорович, это приказ Верховного, мы с вами солдаты, давайте безоговорочно выполнять приказ.

Н. Ф. Ватутин ответил:

— Слушаюсь, приказ будет выполнен.

После 12 февраля противник, как ни пытался пробиться из района Шандеровки в Лисянку, успеха не имел.

14 февраля войска 52-й армии 2-го Украинского фронта заняли город Корсунь-Шевченковский. Кольцо вокруг окруженных продолжало сжиматься. Солдатам, офицерам и генералам немецких войск стало ясно, что обещанная им помощь не придет, рассчитывать приходилось только на себя. По рассказам пленных, войска охватило полное отчаяние, особенно когда им стало известно о бегстве на самолетах некоторых генералов — командиров дивизий и штабных офицеров.

Ночью 16 февраля разыгралась снежная пурга. Видимость сократилась до 10—20 метров. У немцев вновь мелькнула надежда проскочить в Лисянку на соединение с группой Хубе. Их попытка прорыва была отбита 27-й армией С. Г. Трофименко и 4-й гвардейской армией 2-го Украинского фронта.

Особенно героически дрались курсанты учебного батальона 41-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора К. Н. Цветкова. Все утро 17 февраля шло ожесточенное сражение по уничтожению прорвавшихся колонн немецких войск, которые в основном были уничтожены и пленены. Лишь части танков и бронетранспортеров с генералами, офицерами и эс-совцами удалось вырваться из окружения.

Как мы и предполагали, 17 февраля с окруженной группировкой все было покончено. По данным 2-го Украинского фронта, в плен было взято 18 тысяч человек и боевая техника этой группировки.

Столица нашей Родины 18 февраля салютовала войскам 2-го Украинского фронта. А о войсках 1-го Украинского фронта не было сказано ни одного слова. Я думаю, что это была непростительная ошибка Верховного.

Как известно, успех окружения и уничтожения вражеской группировки зависит от действий как внутреннего, так и внешнего фронтов. Оба фронта, возглавляемые Н. Ф. Ватутиным и И. С. Коневым, сражались превосходно.

В результате успешных действий войск Украинских фрон-

тов к концу февраля 1944 года создалась благоприятная обстановка для полного изгнания вражеских войск с территории Правобережной Украины. 1-й Украинский фронт, своим правым крылом захватив район Луцк — Шумское — Шепетовка, вышел во фланг проскуровско-винницкой группировки противника. 2-й Украинский фронт занял исходный район для удара через Умань на могилев-подольском направлении. 3-й Украинский фронт вышел на линию Кривой Рог — Широкое — Кочкарровка в готовности нанести удар на тирасполь-одесском направлении.

С 18 по 20 февраля я был в Ставке, где докладывал Верховному Главнокомандующему свои соображения о плане дальнейших операций. Верховный приказал вновь выехать для координации действий 1-го и 2-го Украинских фронтов и, не теряя времени, начать их наступление.

21 февраля я прибыл в штаб 1-го Украинского фронта и в первую очередь ориентировал Н. Ф. Ватутину и членов Военного совета фронта в отношении новых указаний, полученных в Ставке.

После уточнения обстановки и задач, утвержденных Ставкой, фронты начали ускоренную подготовку новых наступательных операций и их материально-технического обеспечения. В связи с полной весенней распутицей на Украине это было связано с величайшими трудностями. Особенно тяжело было сосредоточивать снаряды, мины, бомбы, горючее и продовольствие непосредственно в войсковых частях.

Немецкое командование считало, что советские войска не смогут в таких условиях наступать и оно будет иметь достаточно времени, чтобы перегруппировать силы и укрепить оборону. На этом необоснованном расчете мы и решили поймать врага, нанеся ему ряд сокрушительных ударов.

Короче говоря, мы вновь решили использовать оперативную внезапность, которая теперь была прочно освоена советским оперативно-стратегическим искусством.

В соответствии с планами Ставки 1-й Украинский фронт готовил главный удар из района Дубно — Шепетовка — Любар в общем направлении на Черновицы, с тем чтобы разгромить проскуровско-винницко-каменец-подольскую группировку.

С выходом в предгорья Карпат предполагалось рассеять стратегический фронт противника, лишив его возможности маневра по кратчайшим путям. При благоприятном исходе этой операции вся южная группа немецких войск вынуждена была бы пользоваться коммуникациями только через «Фокшанские

ворот», Румынию и Венгрию, а это были очень далекие пути для маневра.

2-й Украинский фронт должен был наступать в общем направлении на Бельцы — Яссы. Частью сил предполагалось наступать на Хотин, взаимодействуя с левым крылом 1-го Украинского фронта. 3-й Украинский фронт готовил удар на Одессу — Тирасполь, с тем чтобы освободить приморские районы, выйти на Днестр и захватить там плацдарм.

Днем 28 февраля, находясь в штабе фронта, я зашел к Н. Ф. Ватутину, чтобы еще раз обсудить с ним вопросы предстоящей операции. После двухчасовой совместной работы он мне сказал:

— Я хотел бы съездить в 60-ю и 13-ю армии, чтобы проверить, как там решаются вопросы взаимодействия с авиацией и будет ли подготовлено материально-техническое обеспечение к началу операции.

Я советовал ему послать своих заместителей, а самому заняться рассмотрением решений всех командармов, еще раз проверить взаимодействие с авиацией и устройство фронтового тыла. Николай Федорович настаивал на своей поездке, ссылаясь на то, что давно не был в 60-й и 13-й армиях. Наконец я согласился, имея в виду лично заняться со штабом фронта, управлением тыла и командующими родами войск.

К сожалению, случилась беда. 29 февраля мне позвонили с полевого аэродрома и доложили, что туда привезли тяжело раненного командующего фронтом Н. Ф. Ватутина. Как явствует из документов, ранение генерала Н. Ф. Ватутина произошло при следующих обстоятельствах.

Генерал армии Н. Ф. Ватутин и член Военного совета фронта генерал-майор К. В. Крайнюков 29 февраля в 16 часов 30 минут в сопровождении охраны в количестве 8 человек выехали из штаба 13-й армии (район города Ровно) в 60-ю армию (район города Славута) по маршруту Ровно — Гоща — Славута.

В 19 часов 40 минут Николай Федорович и сопровождавшие его лица, подъехав к северной окраине села Милятын, увидели толпу людей примерно в 250—300 человек и одновременно услышали одиночные выстрелы, раздавшиеся из этой толпы.

По указанию Н. Ф. Ватутина машины остановились, чтобы выяснить, что случилось. Внезапно по машинам был открыт ружейный огонь из окон домов. Это были бандеровцы.

Н. Ф. Ватутин и охранявшие его лица выскочили из машин, и Николай Федорович был ранен в ногу.

Быстро повернув одну из автомашин, три бойца подхватили Н. Ф. Ватутина, положили его в машину и, захватив с собой документы, направились в сторону Ровно. С ними же уехал К. В. Крайнюков.

Николай Федорович был ранен выше колена. Так как перевязку ему смогли сделать только в селе Гоща, он потерял много крови.

Н. Ф. Ватутин был доставлен в Ровно и помещен в военный госпиталь, откуда был переправлен в Киев.

Сделав необходимые указания начальнику санслужбы фронта, я взял на себя командование фронтом и тут же позвонил И. В. Сталину о ранении и эвакуации Н. Ф. Ватутина. Верховный Главнокомандующий утвердил мое решение встать во главе войск фронта на время проведения предстоящей важной и сложной операции.

В Киев были вызваны лучшие врачи, в том числе известный хирург Н. Н. Бурденко, но спасти Н. Ф. Ватутина не удалось. Он умер 15 апреля. 17 апреля Николая Федоровича Ватутина похоронили в Киеве. Москва двадцатью артиллерийскими залпами отдала последнюю воинскую почесть верному сыну Родины и талантливому полководцу.

К началу операции нам пришлось в короткие сроки провести большие перегруппировки войск с левого крыла фронта ближе к правому крылу. 3-я гвардейская танковая армия перебрасывалась из района Бердичева в район Шумское (около 200 километров), 4-й танковой армии предстояло пройти 350 километров. Примерно такие же расстояния надо было преодолеть по весеннему бездорожью значительному количеству артиллерийских, инженерных частей и органам тыла.

План перегруппировок, несмотря на все трудности, был выполнен в срок. Самое важное то, что противник своей разведкой не обнаружил эти перегруппировки, которые в основном совершались под покровом ночной темноты, а днем — в нелетную погоду.

1 марта директивой Ставки я был назначен командующим 1-м Украинским фронтом. С этого дня на меня была возложена полная ответственность за успех предстоящей операции войск фронта. Управление 2-м Украинским фронтом Ставка взяла на себя.

4 марта 1944 года началось наступление войск 1-го Украинского фронта. Фронт обороны противника на участке Шумское — Любар был прорван, в образовавшуюся брешь были

введены 3-я гвардейская и 4-я танковые армии. К 7 марта обе эти армии, опрокидывая сопротивление противника, вышли на линию Тернополь — Проскурров, перерезав важную железнодорожную магистраль Львов — Одесса.

Командование немецких войск, почувствовав угрозу окружения своей проскуровско-винницко-каменец-подольской группировки, сосредоточило против ударной группировки 1-го Украинского фронта дополнительно пятнадцать дивизий.

7 марта здесь завязалось ожесточеннейшее сражение, такое, которого мы не видели со времени Курской дуги.

Восемь суток враг пытался отбросить наши войска в исходное положение. Измотав и обескровив контрударные части противника, наши войска на участке главного удара, усиленные резервами фронта, в том числе 1-й танковой армией, 21 марта, сломив сопротивление врага, начали быстро продвигаться на юг.

Особенно стремительно шли соединения 1-й танковой армии генерала М. Е. Катгукова. Одновременно успешно продвигались и остальные армии фронта, наступавшие с востока, северо-востока и севера. 1-я танковая армия, сбивая части противника, 24 марта захватила город Чертков, а 8-й гвардейский корпус армии под командованием генерала И. Ф. Дремова утром того же дня вышел к Днестру. В район Залещики и к Днестру подошли 1-я гвардейская танковая бригада полковника В. М. Горелова и 20-я мотострелковая бригада полковника А. Х. Бабаджаняна. К Днестру же вышли части 11-го гвардейского танкового корпуса генерала А. Л. Гетмана.

В ночь на 25 марта 64-я танковая бригада полковника И. Н. Бойко захватила станцию Моша (на подступах к Черновицам), где в это время разгружался немецкий эшелон с танками и боеприпасами, который был захвачен нашими танкистами. 28 марта наши танкисты ворвались на Черновицкий аэродром. Здесь в это время шла подготовка к подъему в воздух десятков самолетов противника — взлететь им не удалось.

29 марта частями 11-го гвардейского танкового корпуса генерала А. Л. Гетмана и 24-й стрелковой дивизии был полностью освобожден от немецких оккупантов город Черновицы. С огромной радостью встретили жители советские войска.

По их просьбе Военный совет 1-й танковой армии решил установить на пьедестале танк лейтенанта П. Ф. Никитина. Надпись на мемориальной доске гласит: «Танк экипажа гв. лейтенанта Никитина П. Ф. первым ворвался в город при

освобождении его от немецко-фашистских захватчиков 25 марта 1944 года». Именем П. Ф. Никитина названа одна из улиц города.

К концу марта вражеская группировка в количестве 21 дивизии, в том числе десяти танковых, одной моторизованной и одной артиллерийской, в основном была окружена.

На уничтожение окруженной группировки двигались с востока 18-я и 38-я армии; часть соединений 1-й гвардейской армии, 4-я и 1-я танковые армии (за исключением 8-го мехкорпуса) вышли за Днестр, отрезав пути противнику на юг. Наши войска, действовавшие на внутреннем фронте, подошли к решительной схватке в крайне ослабленном состоянии, не имели необходимого количества артиллерии и боеприпасов, которые отстали от войск из-за полного бездорожья. 3-я гвардейская танковая армия, имевшая в своем строю небольшое количество танков, была выведена по указанию Верховного в резерв на пополнение. 4-я танковая армия к исходу марта находилась в районе Каменец-Подольска (Каменец-Подольский) также в значительно ослабленном состоянии.

Все это, вместе взятое, не обеспечивало энергичных действий войск по расчленению и уничтожению окруженной группы противника. Сейчас, анализируя всю эту операцию, считаю, что 1-ю танковую армию следовало бы повернуть из района Чертков — Толстое на восток для удара по окруженной группировке. Но мы имели тогда основательные данные, полученные из различных источников, о решении окруженного противника прорываться на юг через Днестр в районе Залещиков. Такое решение казалось вполне возможным и логичным.

В таком случае противник, переправившись через Днестр, мог занять южный берег реки и организовать там оборону. Этому способствовало то обстоятельство, что правофланговая 40-я армия 2-го Украинского фронта 30 марта все еще не подошла к Хотину.

Мы считали, что в этих условиях необходимо было охватить противника 1-й танковой армией глубже, перебросив ее главные силы через Днестр, и захватить район Залещики—Черновицы — Коломыя. Но когда немецкому командованию группы армий «Юг» стало известно о перехвате советскими войсками путей отхода в южном направлении, оно приказало окруженным войскам пробиваться не на юг, а на запад через Бучач и Подгайцы.

Как потом выяснилось из трофейных документов, гитлеровское командование собрало здесь значительное количество

войск, в том числе 9-ю и 10-ю танковые дивизии СС, и 4 апреля нанесло сильный удар по нашему внешнему фронту из района Подгайцы. Сняв оборону 18-го корпуса 1-й гвардейской армии, танковая группа противника устремилась в район Бучача навстречу выходящим из окружения своим частям.

Сколько гитлеровцев прорвалось из окружения, ни я, ни штаб фронта точно установить так и не смогли. Назывались разные цифры. Видимо, все же вышли из окружения не десятки танков с десантом, как тогда доносили войска, а значительно больше.

В ходе тяжелых боев окруженные войска 1-й танковой армии противника потеряли значительно больше половины своих войск, всю артиллерию, большую часть танков и штурмовых орудий. От некоторых соединений остались одни штабы.

12 апреля началась ликвидация противника, окруженного в Тернополе. Через два дня вражеские войска там были уничтожены. 14 апреля город Тернополь был занят 15, 94-м стрелковыми и 4-м гвардейским танковым корпусами.

Закончив операцию, войска фронта перешли к обороне на рубеже Торчин — Берестечко — Коломыя — Кута.

Хуже обстояло дело с окружением проскуровско-каменец-подольской группировки. В ходе этой операции нам не удалось осуществить необходимую перегруппировку войск.

За время операции войска фронта продвинулись вперед до трехсот пятидесяти километров. Фронт обороны противника был разбит до основания. От Тернополя до Черновиц образовалась громадная брешь. Чтобы закрыть ее, немецкому командованию пришлось спешно перебросить значительные силы с других фронтов — из Югославии, Франции, Дании и из Германии. Сюда же была передвинута 1-я венгерская армия.

Войска фронта освободили 57 городов, 11 железнодорожных узлов, многие сотни населенных пунктов, областные центры — Винницу, Проскуров, Каменец-Подольск, Тернополь, Черновицы и вышли к предгорьям Карпат, разрезав на две части весь стратегический фронт южной группировки войск противника. С тех пор у этой группировки не стало иных коммуникаций, кроме как через Румынию.

Советские войска вновь показали высокое боевое мастерство и добились больших успехов. Победы наших войск были достигнуты не только благодаря превосходству в организации и технической оснащенности, но и высокому патриотическому

духу, массовому героизму. За особо выдающиеся заслуги перед Родиной многие тысячи солдат, сержантов, офицеров и генералов были удостоены высоких правительственных наград. Я был награжден орденом «Победа» № 1.

Из данных Генштаба мне было известно, что к концу апреля и в начале мая войска 2-го и 3-го Украинских фронтов, разгромив противостоящего противника, вышли на линию Сучава — Яссы — Дубоссары — Тирасполь — Аккерман — Черное море. Наступательные действия 4-го Украинского фронта, отдельной Приморской армии и Черноморского флота закончились полным разгромом крымской группировки немецких войск. 9 мая был взят город-герой Севастополь, а 12 мая была полностью закончена операция по освобождению Крыма.

22 апреля я был вызван в Москву, в Ставку Верховного Главнокомандования, для обсуждения летне-осенней кампании 1944 года.

Несмотря на то, что действия наших войск в зимне-весеннюю кампанию заканчивались большими победами, я все же считал, что немецкие войска сами по себе еще имеют все необходимое для ведения упорной обороны на советско-германском фронте. Что же касается стратегического искусства их верховного командования и командования группами армий, оно после катастрофы в районе Сталинграда, и особенно после битвы под Курском, резко понизилось.

В отличие от первого периода войны немецкое командование стало каким-то тяжелоодумным, лишенным изобретательности, особенно в сложной обстановке. В решениях чувствовалось отсутствие правильных оценок возможностей своих войск и противника. С отводом своих группировок из-под угрозы фланговых ударов и окружения немецкое командование очень часто опаздывало, ставя этим свои войска в безвыходное положение.

Читая послевоенную мемуарную литературу, написанную немецкими генералами и фельдмаршалами, просто невозможно понять их толкование причин провалов, ошибок, просчетов и непредусмотрительности в руководстве войсками.

Большинство авторов во всем обвиняют Гитлера, ссылаясь на то, что он, поставив себя в 1941 году во главе вооруженных сил Германии и будучи дилетантом в оперативно-стратегических вопросах, руководил военными действиями как диктатор, не слушая советов своих помощников. Думается, что в этом

доля правды есть, и, может быть, даже немалая, но, конечно, не в субъективных факторах кроются основные причины провала немецкого руководства вооруженной борьбой.

Высшим руководящим кадрам немецких войск после разгрома под Сталинградом, и особенно на Курской дуге, в связи с потерей стратегической инициативы пришлось иметь дело с новыми факторами и методами оперативно-стратегического руководства войсками, к чему они не были подготовлены. Столкнувшись с трудностями при вынужденных отходах и при ведении стратегической обороны, оперативное командование не сумело перестроиться. В войсках резко упало моральное состояние. Этот фактор при оборонительных действиях имеет первостепенное значение.

Оно плохо учло и то, что Красная Армия, Военно-Воздушный и Военно-Морской Флот как в количественном, так и особенно в качественном отношении в целом неизмеримо выросли, а войска и командные кадры оперативно-стратегического звена в своем искусстве далеко шагнули вперед, закалились в тяжелейших условиях вооруженной борьбы.

В самолете на пути в Москву, изучая последние данные с фронтов, я еще раз пришел к убеждению в правильности решения Ставки от 12 апреля 1944 года, в котором одной из первоочередных задач на лето этого года ставился разгром группировки немецких войск в Белоруссии. Предварительно нужно было провести ряд крупных ударов на других направлениях, с тем чтобы оттянуть из района Белоруссии максимум стратегических резервов немецких войск.

В успехе можно было не сомневаться. Во-первых, оперативное расположение войск группы армий «Центр» своим выступом в сторону наших войск создавало выгодные условия для глубоких охватывающих ударов под основание выступа. Во-вторых, на направлениях главных ударов мы теперь имели возможность создать преобладающее превосходство над войсками противника.

Белоруссию, особенно те районы, где была расположена группа армий «Центр», я знал хорошо. Прибыв в Москву, прежде всего зашел в Генштаб к Алексею Иннокентьевичу Антонову. Он готовил карту военных действий для Верховного Главнокомандующего. Алексей Иннокентьевич сообщил мне сведения о ходе ликвидации противника в Крыму и создании новых резервных войск и материальных запасов к летней кампании. Но он просил не говорить Верховному о том, что познакомил меня с наличием созданных запасов. И. В. Сталин

запретил кому бы то ни было давать эти сведения, чтобы мы преждевременно не просили резервы у Ставки.

Надо сказать, что Верховный Главнокомандующий в последнее время стал более экономно распределять силы и средства, находящиеся в распоряжении Ставки. Он давал их теперь в первую очередь только тем фронтам, которые действительно выполняли решающие операции. Другие фронты средства и силы получали в разумно ограниченных размерах.

Кстати, один из бывших командующих фронтом, выступая на страницах «Военно-исторического журнала» и высказывая свое мнение о работе представителей Ставки, заметил, что «...там, где координировали действия фронтов представители Ставки, туда, в ущерб другим фронтам, направлялись силы и средства».

Но ведь иначе и быть не могло. Там, где координировали действия представители Ставки, именно там, а не где-либо в других районах, и проводились главнейшие операции, которые и нужно было в первую очередь материально обеспечить. Эта практика целиком себя оправдала.

Из кабинета А. И. Антонова я позвонил Верховному. Ответил А. Н. Поскребышев. Он предложил мне отдохнуть.

— Когда товарищ Сталин освободится, я вам позвоню, — сказал он.

Это было полезное и вместе с тем приятное предложение, так как приходилось спать урывками, в общей сложности не более 4—5 часов в сутки...

И. В. Сталин пригласил меня к себе на 17 часов.

Позвонив А. И. Антонову, я узнал, что его тоже вызвали к Верховному. И. В. Сталин хотел ознакомиться с последней обстановкой и соображениями Генерального штаба.

Когда я вошел в кабинет Верховного, там уже были А. И. Антонов, командующий бронетанковыми войсками маршал Я. Н. Федоренко и командующий ВВС генерал-полковник А. А. Новиков, а также заместитель Председателя СНК В. А. Малышев.

Поздоровавшись, Верховный спросил, был ли я у Николая Михайловича Шверника.

Я ответил, что нет.

— Надо пойти и получить орден «Победа».

Я поблагодарил Верховного Главнокомандующего за высокую награду.

— Ну, с чего начнем? — обратился И. В. Сталин к А. И. Антонову.

— Разрешите мне коротко доложить о положении дел на фронтах на 12.00 сегодняшнего дня.

После краткого обзора по всем стратегическим направлениям он высказал соображения Генерального штаба о возможных действиях немецких войск в летней кампании 1944 года. О характере действий наших войск на этот период А. И. Антонов ничего не сказал. Я понял, что Алексей Иннокентьевич решил их изложить тогда, когда ему это предложит сделать Верховный.

Обращаясь к командующему ВВС А. А. Новикову, И. В. Сталин спросил о состоянии воздушных сил, поинтересовался, хватит ли самолетов, полученных от промышленности, чтобы доукомплектовать воздушные армии фронтов и авиацию дальнего действия. После ответов А. А. Новикова, которые были весьма оптимистичны, Верховный предложил маршалу Я. Н. Федоренко доложить о состоянии бронетанковых войск и возможностях их укомплектования к началу летней кампании.

Чувствовалось, что И. В. Сталин заранее знал цифры, которые докладывались ему, но он, видимо, хотел, чтобы те, кто непосредственно занимается этими вопросами, сами проинформировали присутствовавших, прежде чем мы выскажем свои соображения. К такому своеобразному приему в ходе обсуждения вопросов у Верховного мы уже привыкли.

Затем И. В. Сталин не спеша набил свою трубку, раскурил ее и, так же не спеша затянувшись, разом выпустил дым.

— Ну, а теперь послушаем Жукова, — сказал он, подойдя к карте, по которой докладывал А. И. Антонов.

Я, тоже не спеша, развернул свою карту, которая по размерам была, правда, несколько меньше карты Генштаба, но отработана не хуже. Верховный подошел к моей карте и стал внимательно ее рассматривать.

Свой доклад я начал с того, что согласился с основными соображениями А. И. Антонова о предполагаемых действиях немецких войск и о тех трудностях, которые они будут испытывать в 1944 году на советско-германском фронте.

Тут И. В. Сталин остановил меня и сказал:

— И не только это. В июне союзники собираются все же осуществить высадку крупных сил во Франции. Спешат наши союзники! — усмехнулся И. В. Сталин. — Опасаются, как бы мы сами без их участия не завершили разгром фашистской Германии. Конечно, мы заинтересованы, чтобы немцы начали, наконец, воевать на два фронта. Это еще больше ухудшит их

положение, с которым они не в состоянии будут справиться.

Излагая свои соображения о плане летней кампании 1944 года, я обратил особое внимание Верховного на группировку противника в Белоруссии, с разгромом которой рухнет устойчивость обороны противника на всем его западном стратегическом направлении.

— А как думает Генштаб? — обратился И. В. Сталин к А. И. Антонову.

— Согласен, — ответил тот.

Я не заметил, когда Верховный нажал кнопку звонка к А. Н. Поскребышеву. Тот вошел и остановился в ожидании.

— Соедини с Василевским, — сказал И. В. Сталин.

Через несколько минут А. Н. Поскребышев доложил, что А. М. Василевский у аппарата.

— Здравствуйте, — начал И. В. Сталин. — У меня находятся Жуков и Антонов. Вы не могли бы прилететь посоветоваться о плане на лето?.. А что у вас под Севастополем?.. Ну, хорошо, оставайтесь, тогда пришлите лично мне свои предложения на летний период.

Положив трубку, Верховный сказал:

— Через 8—10 дней Василевский обещает покончить с крымской группировкой противника. А не лучше ли начать наши операции с 1-го Украинского фронта, чтобы еще глубже охватить белорусскую группировку и оттянуть туда резервы противника с центрального направления?

А. И. Антонов заметил, что в таком случае противник легко может осуществлять маневрирование между соседними фронтами. Лучше начать с севера, а затем провести операцию против группы армий «Центр», чтобы освободить Белоруссию.

— Посмотрим, что предложит Василевский, — сказал Верховный. — Позвоните командующим фронтами, пусть они доложат соображения о действиях фронтов в ближайшее время... — и, обращаясь ко мне, продолжал:

— Займитесь с Антоновым наметкой плана на летний период. Когда будете готовы, обсудим еще раз.

Через два-три дня Верховный снова вызвал нас с А. И. Антоновым. После обсуждения плана было решено: первую наступательную операцию провести в июне на Карельском перешейке и петрозаводском направлении, а затем на белорусском стратегическом направлении.

После дополнительной работы с Генштабом 28 апреля я возвратился на 1-й Украинский фронт. В начале мая, когда

освобождение Крыма подходило к концу, я послал Верховному предложение передать командование 1-м Украинским фронтом И. С. Коневу, чтобы я мог без задержки выехать в Ставку и начать подготовку к операции по освобождению Белоруссии.

Верховный согласился, но предупредил, что 1-й Украинский фронт остается у меня подопечным.

— Вслед за Белорусской операцией будем проводить операцию на участке 1-го Украинского фронта, — сказал он.

Чтобы не задерживаться, не стал ждать прибытия на фронт И. С. Конева. Поручив начальнику штаба фронта В. Д. Соколовскому передать Ивану Степановичу мои пожелания и сообщения о дальнейших действиях войск фронта, я уехал в Москву.

За время командования 1-м Украинским фронтом я еще ближе изучил руководящие кадры фронта. Хотелось бы особенно отметить офицеров и генералов штаба фронта, которые своей высокой оперативной и общей культурой хорошо помогали командованию в организации наступательных операций. Хорошо работали офицеры тыла. В любых, даже самых трудных условиях тыл 1-го Украинского фронта справлялся со своими задачами, и войска были благодарны неутомимым работникам тыла за их заботу.

Возвратившись в Ставку, встретился с А. М. Василевским, который готовился координировать действия 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов. Естественно, нам пришлось, как говорится, вновь сесть за общий стол.

ОСВОБОЖДЕНИЕ БЕЛОРУССИИ И УКРАИНЫ

В течение трех лет Белоруссия изнывала под гнетом вражеской оккупации. Гитлеровцы разграбили все общественное достояние белорусского народа, опустошили города, сожгли 1200 тысяч строений в селах, превратили в развалины 7 тысяч школ. Более 2200 тысяч мирных жителей и советских военнопленных было уничтожено. Не было почти ни одной семьи, которая жестоко не пострадала бы от гитлеровцев. Но, как ни тяжка была ее доля, Белоруссия не склонила головы перед врагом, народ не пал духом, не опустил руки в борьбе с оккупантами.

Зная, что Красная Армия уже разгромила немецкие войска на Украине, отбросив их на запад, белорусские партизанские силы готовились к решающим операциям.

К лету 1944 года в Белоруссии действовало 374 тысячи хорошо вооруженных партизан, объединенных в крупные отряды, части и соединения.

За несколько дней до начала действий Красной Армии по освобождению Белоруссии партизанские отряды под руководством партийных органов республики и областей провели ряд крупных операций по разрушению железнодорожных и шоссейных магистралей и уничтожению мостов. Это парализовало вражеский тыл в самый ответственный момент.

В предыдущей главе я уже частично касался узкого апрельского совещания в Ставке, где Верховным Главнокомандованием было принято принципиальное решение о плане операции на летний период. Здесь мне хотелось бы подробнее рассказать о разработке плана Белорусской операции.

Вскоре после совещания в Ставке А. М. Василевский прислал Верховному Главнокомандующему свои соображения, в которых давалась краткая оценка общей обстановки и излагались основные предложения на летний период 1944 года.

С какими итогами мы подходили к летней кампании 1944 года?

Продолжая один на один сражаться с главными силами фашистской Германии и ее сателлитов, зимой 1944 года Красная Армия нанесла немецко-фашистским войскам тяжелое поражение. Были полностью уничтожены 30 дивизий и 6 бригад, 142 дивизии и 1 бригада потеряли от половины до двух третей боевого состава. Для пополнения своих войск немецкому командованию пришлось перебросить на советско-германский фронт 40 дивизий и 4 бригады из Германии и других стран Западной Европы. Красная Армия освободила колоссальную территорию почти в 330 тысяч квадратных километров, на которой до войны проживало почти 19 миллионов человек.

Однако немецко-фашистские войска все еще представляли большую силу.

В июле 1944 года германская промышленность достигла высшей точки развития за годы войны. За первое полугодие заводы выпустили более 17 тысяч самолетов, около 9 тысяч тяжелых и средних танков.

Выжимая последние силы из страны и народа, лихорадочно стремясь отсрочить неминуемое поражение, гитлеровское руководство проводило мобилизацию за мобилизацией, нанося огромный ущерб немецкой нации. В составе армий фашистской Германии насчитывалось 324 дивизии и 5 бригад.

По-прежнему основная часть наиболее боеспособных соединений находилась на советско-германском фронте. Здесь нам противостояло 179 хорошо укомплектованных немецких дивизий и 5 бригад, а также 49 дивизий и 18 бригад сателлитов. В этих войсках было 4 миллиона человек, 49 тысяч орудий и минометов, 5250 танков и штурмовых орудий, около 2800 боевых самолетов.

В рядах действующей Красной Армии было около 6,4 миллиона солдат и офицеров, фронты имели 92,5 тысячи орудий и минометов, 7,7 тысячи танков и самоходно-артиллерийских установок, 13,4 тысячи самолетов.

История не знает примеров, чтобы страна, ведя колоссальные сражения на всем стратегическом фронте, одновременно восстанавливала столь высокими темпами и в таком масштабе разрушенное хозяйство. Зимой и весной 1944 года Советский Союз достиг значительных результатов в увеличении своей экономической мощи. В первом полугодии было произ-

ведено 16 тысяч самолетов, около 14 тысяч средних и тяжелых танков и самоходно-артиллерийских установок, свыше 90 миллионов снарядов, авиабомб, мин. Усилия народа, объединенного партией, обеспечивали все необходимое для разгрома врага.

В конце апреля Верховное Главнокомандование приняло окончательное решение о проведении летней кампании, в том числе и Белорусской операции. А. И. Антонову было дано указание организовать в Генштабе разработку планов фронтовых операций и начать сосредоточение войск и материальных запасов фронтам.

1-му Прибалтийскому фронту передавался 1-й танковый корпус, 3-му Белорусскому — 11-я гвардейская армия и 2-й гвардейский танковый корпус. На правом крыле 1-го Белорусского фронта сосредоточивались 28-я армия, 9, 1-й гвардейские танковые корпуса, 1-й механизированный и 4-й гвардейский кавалерийский корпуса; 5-я гвардейская танковая армия (резерв Ставки) сосредоточивалась в полосе 3-го Белорусского фронта.

В середине мая вернулся в Москву А. М. Василевский. В это время в Генштабе заканчивалась разработка проектов всей документации к плану операции «Багратион» (такое кодовое наименование получила Белорусская операция) и ее материально-техническому обеспечению.

20 мая Верховный вызвал в Ставку А. М. Василевского, меня и А. И. Антонова, чтобы окончательно уточнить решение Верховного Главнокомандования по плану летней кампании. Предусматривалось, как я уже упоминал, развернуть наступление сначала в районах Карельского перешейка войсками Ленинградского фронта и Краснознаменного Балтийского флота, а затем — во второй половине июня — в Белоруссии.

После рассмотрения в Ставке плана «Багратион» Верховный приказал вызвать командующих фронтами И. Х. Баграмяна, И. Д. Черняховского и К. К. Рокоссовского, чтобы выслушать их соображения и дать окончательные указания о разработке планов фронтов.

22 мая Верховный Главнокомандующий в моем присутствии принял А. М. Василевского, А. И. Антонова, К. К. Рокоссовского и И. Х. Баграмяна, а 25 мая И. Д. Черняховского. Командующие фронтами, информированные Генштабом о предстоящих операциях, прибыли в Ставку с проектами планов действий вверенных им войск.

Поскольку, как это бывало при подготовке крупных операций, разработки планов в Генштабе и штабах фронтов шли

параллельно, а командование фронтов, Генштаб и заместитель Верховного Главнокомандующего поддерживали между собой тесный контакт, проекты планов фронтов полностью соответствовали замыслам Ставки и были тогда же утверждены Верховным Главнокомандующим.

Затем А. М. Василевскому и мне было приказано взять на себя координацию действий войск следующих фронтов: А. М. Василевскому поручались 1-й Прибалтийский и 3-й Белорусский, мне — 1-й и 2-й Белорусские фронты. В помощь мне Ставка посылала на 2-й Белорусский фронт начальника оперативного управления Генштаба генерала С. М. Штеменко с группой офицеров.

4 июня А. М. Василевский выехал в войска, чтобы на месте готовить операцию «Багратион», а я на сутки позже, 5 июня в 8.00, прибыл на командный пункт 1-го Белорусского фронта.

Существующая в некоторых военных кругах версия о «двух главных ударах» на белорусском направлении силами 1-го Белорусского фронта, на которых якобы настаивал К. К. Рокоссовский перед Верховным, лишена основания. Оба эти удара, проектируемые фронтом, были предварительно утверждены И. В. Сталиным еще 20 мая по проекту Генштаба, то есть до приезда командующего 1-м Белорусским фронтом в Ставку.

Нелишне здесь заметить также, что в советской военной теории никогда не предусматривалось нанесение одним фронтом двух главных ударов, а если оба удара по своей силе и значению были равноценными, то их обычно называли «мощными ударами» или «ударными группировками». Я подчеркиваю это для того, чтобы не вносилась путаница в нашу оперативно-стратегическую терминологию.

На основе утвержденного оперативно-стратегического плана операции «Багратион» и заявок фронтов Генштабом при участии А. А. Новикова, Н. Н. Воронова, Н. Д. Яковлева, А. В. Хрулева, И. Т. Пересыпкина, Я. Н. Федоренко и других видных специалистов и военачальников был увязан план материально-технического обеспечения войск, принимавших участие в операции. 31 мая командующие фронтами получили директиву Ставки, во исполнение которой и началась конкретная подготовка войск к действиям в предстоящей операции.

Планом Ставки предусматривалось нанесение трех мощных ударов:

— 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов в общем направлении на Вильнюс;

— 1-го Белорусского фронта — на Барановичи;

— 2-го Белорусского фронта во взаимодействии с левофланговой группировкой 3-го Белорусского фронта и правофланговой группировкой 1-го Белорусского фронта в общем направлении на Минск.

Ближайшей задачей 1-му Прибалтийскому и 3-му Белорусскому фронтам ставился разгром витебской группировки, ввод в прорыв танковых и механизированных войск и развитие главного удара на запад с охватом своей левофланговой группировкой борисовско-минской группы немецких войск.

1-му Белорусскому фронту ставилась задача разгромить жлобин-бобруйскую группировку и, введя в дело подвижные войска, развивать главный удар на Слуцк — Барановичи, охватывая частью сил с юга и юго-запада минскую группировку вражеских войск.

2-й Белорусский фронт должен был нанести удар на могилевско-минском направлении.

Линия переднего края обороны немецких войск группы армий «Центр» к началу наступления проходила от Полоцка на Витебск и далее по линии Орша — Жлобин — Капаткевичи — Житковичи и по реке Припять. Города Полоцк, Витебск, Орша, Могилев находились в руках врага.

Эти крупные города плюс реки Днепр, Дреть, Березина, Свислочь и ряд мелких, сильно заболоченных рек и речушек составляли сильную основу глубоко эшелонированной обороны противника, которая прикрывала важнейшее западное варшавско-берлинское стратегическое направление. Несмотря на то, что для разгрома группы армий «Центр» Ставка сосредоточивала значительные силы, все же мы считали, что для успеха операции нужна особо тщательная подготовка войск, участвующих в операции «Багратион».

Перед отъездом на фронт мы встретились с А. М. Василевским и самым внимательным образом обсудили все сильные и слабые стороны обороны противника, а также те мероприятия, которые нужно было провести в штабах и войсках. С А. И. Антоновым мы договорились о контроле за сосредоточением войск, материальных запасов и резервов Ставки, а также по вопросам связи и ориентирования нас в мероприятиях Ставки на других направлениях.

Фронтам нужно было в сжатые сроки подать громадное количество войск и материально-технических средств.

По предварительным расчетам Генштаба, для обеспечения операции «Багратион» в войска надлежало направить до 400 тысяч тонн боеприпасов, 300 тысяч тонн горюче-смазочных

материалов, до 500 тысяч тонн продовольствия и фуража. Нужно было сосредоточить в заданных районах 5 общевойсковых армий, 2 танковые и одну воздушную армию, а также соединения 1-й армии Войска Польского. Кроме того, Ставка передала фронтам из своего резерва 5 танковых, 2 механизированных и 4 кавалерийских корпуса, десятки отдельных полков и бригад всех родов войск и перебазировала 11 авиационных корпусов.

Все это следовало перевезти с большими предосторожностями, чтобы не раскрыть подготовку фронтов к наступлению. Для успеха предстоящей операции это было очень важно, так как, по данным нашей разведки, главное командование немецких войск ожидало первый летний удар с нашей стороны на Украине, а не в Белоруссии. Оно, очевидно, исходило из того, что из-за лесисто-болотистой местности мы не сможем использовать в Белоруссии надлежащим образом дислоцированные на Украине 4 танковые армии.

Согласно плану Ставки войска 1-го Украинского фронта вступали в действие на втором этапе Белорусской операции, когда войска правого крыла 1-го Белорусского фронта, разгромив бобруйско-минско-случскую группировку, должны были выйти на линию Волковыск — Пружаны.

Большое значение Ставка придавала предстоящему удару войск 1-го Белорусского фронта. Сюда и направлялись ею основные силы и средства.

Поскольку на мне лежала обязанность осуществлять координацию действий войск 1-го и 2-го белорусских фронтов, а на втором этапе и 1-го Украинского фронта, я буду касаться здесь главным образом действий именно этих фронтов.

Итак, рано утром 5 июня по поручению Верховного я прибыл на временный пункт управления 1-го Белорусского фронта в Дуревичи, где встретился с К. К. Рокоссовским, членом Военного совета Н. А. Булганиным и начальником штаба М. С. Малининым.

После предварительного обсуждения вопросов, связанных с планом операции, мы с К. К. Рокоссовским и командующими армиями, командующими воздушной армией генералом С. И. Руденко, артиллерией фронта генералом В. И. Казаковым, бронетанковыми механизированными войсками генералом Г. Н. Орлом тщательно обсудили обстановку на правом крыле фронта и договорились по планированию и практическим мероприятиям, связанным с подготовкой предстоящей операции.

При этом особое внимание обращалось на тщательное изучение местности в районе действий, разведку системы обороны противника на всю ее тактическую глубину, а также на подготовку войск, штабов и тылового обеспечения к началу операции.

Последующие двое суток, 6 и 7 июня, вместе с командующим фронтом К. К. Рокоссовским, представителем Ставки Н. Д. Яковлевым и генералом В. И. Казаковым тщательно изучали обстановку в районе Рогачев — Жлобин на участках 3-й и 48-й армий. Здесь на наблюдательном пункте командарма А. В. Горбатова заслушали решение командира 35-го стрелкового корпуса генерала В. Г. Жолудева и командира 44-го стрелкового корпуса генерала В. К. Урбановича.

7 июня такая же работа была проведена на участке 65-й армии генерала П. М. Батова. Детально изучили местность и оборону противника на участке 69-й и 44-й гвардейских стрелковых дивизий 18-го стрелкового корпуса, где планировался главный удар.

Командующий фронтом генерал армии К. К. Рокоссовский в соответствии с планом Ставки после тщательной доразведки всей обстановки принял решение прорвать оборону противника двумя группировками: одной — севернее Рогачева и другой — южнее Паричи. Этим двум группировкам ставилась ближайшая задача разгромить противостоящего противника и сходящимися ударами обеих групп окружить жлобин-бобруйскую группу и ликвидировать ее.

Освободив город Бобруйск, основная группировка войск фронта должна была наступать в общем направлении на Барановичи через Слуцк. Частью сил намечалось развитие удара через Осиповичи, Пуховичи на Минск, взаимодействуя при этом со 2-м Белорусским фронтом. По нашим предварительным подсчетам, для выполнения этих задач войск и средств в составе 1-го Белорусского фронта было достаточно.

В рогачевскую наступательную группировку входили 3-я армия под командованием генерал-лейтенанта А. В. Горбатова, 48-я армия под командованием генерал-лейтенанта П. Л. Романенко и 9-й танковый корпус под командованием генерал-майора танковых войск Б. С. Бахарова.

В паричскую группу входили 65-я армия под командованием генерал-лейтенанта П. И. Батова, 28-я армия под командованием генерал-лейтенанта А. А. Лучинского. Конно-механизированная группа генерал-лейтенанта И. А. Плиева и 1-й гвардейский

танковый корпус генерал-майора М. Ф. Панова должны были войти в прорыв на участке южнопаричской группировки.

Действия этих группировок поддерживала 16-я воздушная армия, которой командовал генерал-полковник авиации С. И. Руденко. В оперативное подчинение фронта была придана Днепровская военная флотилия под командованием капитана I ранга В. В. Григорьева.

Главная сложность предстоящего наступления войск 1-го Белорусского фронта, особенно южнопаричской группы, заключалась в том, что им предстояло действовать в труднопреодолимой лесистой и сильно заболоченной местности.

Эти места я знал хорошо, так как прослужил здесь более шести лет и в свое время исходил все вдоль и поперек. В болотах в районе Паричи мне довелось хорошо поохотиться на уток, которые там гнездились в большом количестве, да и боровой дичи было великое множество...

Как мы и предполагали, немецкое командование меньше всего ожидало в этом районе сильного удара наших войск. Поэтому оборона противника здесь, по существу, была очаговой, сплошной обороны не существовало.

Иначе обстояло дело в районе Рогачева. Там оборона противника была более сильная, а подступы к ней находились под обстрелом его мощной огневой системы.

2-й Белорусский фронт, которым в то время командовал генерал-полковник Г. Ф. Захаров (член Военного совета Л. З. Мехлис, начальник штаба генерал-лейтенант А. Н. Боголюбов), как я уже говорил, наносил вспомогательный удар на моголевско-минском направлении. Здесь не имелось мощных средств прорыва, чтобы вести наступление одновременно всеми армиями, находящимися в первом эшелоне. Да и не было смысла выталкивать противника из района восточнее Могилева до тех пор, пока ударные кулаки 1-го Белорусского и 3-го Белорусского фронтов не выйдут в глубокий тыл всей группировки противника группы армий «Центр».

По решению генерала Г. Ф. Захарова удар на моголевском направлении наносила усиленная 49-я армия под командованием генерала И. Т. Гришина. Остальным армиям (33-й и 50-й) предстояло вести скользящие действия и переходить в наступление несколько позже, когда на других направлениях будет сломлено сопротивление обороны противника.

8 и 9 июня мы вместе с генералами Н. Д. Яковлевым, С. М. Штеменко и командованием фронта провели тщательную подготовку операции 2-го Белорусского фронта, который

готовил удар на могилевско-минском направлении. Генерал С. М. Штеменко хорошо помог генералу Г. Ф. Захарову, только что вступившему в командование фронтом.

Когда мы прибыли к генералу Г. Ф. Захарову, он вполне обоснованно и четко изложил свое решение о проведении операции. Одновременно мы заслушали соображения и решения командующего воздушной армией К. А. Вершинина, командующих и начальников родов войск фронта.

Планирование операции по целям, задачам и по группировкам, как я помню, особых замечаний не вызвало.

Мы решили утром 9 июня вместе с командующим фронтом Г. Ф. Захаровым, Н. Д. Яковлевым, С. М. Штеменко выехать в 49-ю армию И. Т. Гришина, чтобы лично изучить передний край и глубину обороны противника. В первую очередь мы побывали на наблюдательном пункте командира 70-го стрелкового корпуса генерала В. Г. Терентьева, который подробно и со знанием обстановки доложил свои соображения.

В конце дня мы имели возможность окончательно сформулировать ближайшие задачи по доразведке огневой системы, планированию артиллерийского наступления, авиационного удара и оперативного-тактического построению войск для атаки и наступления.

Я счел возможным назначить ответственным за подготовку операции 2-м Белорусским фронтом представителя Генштаба генерала С. М. Штеменко. Сам же занялся в первую очередь подготовкой 1-го Белорусского фронта, которому надлежало выполнить главную роль.

Возвратясь в 3-ю армию генерала А. В. Горбатова, мы застали там командующего фронтом со своими ближайшими помощниками. Я позвонил Верховному и доложил о ходе подготовки фронтов к предстоящим действиям. Отметив, что план перевозки войск и грузов для фронтов в назначенные сроки не выполняется, я просил его обязать наркома путей сообщения и А. В. Хрулева позаботиться об этом. В противном случае нам пришлось бы перенести сроки начала операции.

Предложил также в предстоящей операции использовать всю авиацию дальнего действия, отнеся на более поздние сроки ее действие по объектам, расположенным на территории Германии. Верховный согласился с этим и тут же приказал послать ко мне маршала авиации А. А. Новикова и маршала авиации, командующего авиацией дальнего действия А. Е. Голованова, с которыми мне лично приходилось много работать во всех важнейших предыдущих опе-

рациях. Это были знающие командующие, и они хорошо помогали в решении фронтовых задач.

Вместе с А. А. Новиковым, А. Е. Головановым, С. И. Руденко и К. А. Вершининым мы подробно обсудили обстановку, цели, задачи и планы применения воздушных армий и взаимодействие их с авиацией дальнего действия, удары которой нацеливались по штабам, узлам связи оперативных объединений, по резервам и другим важнейшим целям. Кроме того, были рассмотрены вопросы маневра авиации фронтов в общих интересах. Для поддержки действий 3-го Белорусского фронта в распоряжение А. М. Василевского было выделено около 350 тяжелых самолетов дальнего действия.

14 и 15 июня командующий 1-м Белорусским фронтом провел занятия по розыгрышу предстоящей операции в 65-й и 28-й армиях, на которых присутствовали и мы с группой генералов от Ставки.

К розыгрышу были привлечены командиры корпусов, командиры дивизий, командующие артиллерией и начальники родов войск армий. В ходе этих занятий детально отрабатывались задачи стрелковых и танковых соединений, план артиллерийского наступления и взаимодействие с авиацией. Основное внимание сосредоточивалось на тщательном изучении особенностей характера местности в полосе предстоящих действий войск, организации обороны противника и способов быстрого выхода на дорогу Слуцк — Бобруйск. Отсюда с выходом к Бобруйску и захватом его имелась возможность закрыть пути отхода жлобин-бобруйской группировке.

В последующие трое суток такие же занятия были проведены в 3, 48, 49-й армиях. Нам удалось ближе познакомиться с командирами, которые поведут войска на разгром такой крупной группировки противника, какой была находившаяся на важнейшем стратегическом направлении группа армий «Центр». На этих командиров возлагалась большая ответственность — с разгромом группы армий «Центр» решалась задача полного изгнания противника с белорусской земли и из восточной части Польши.

В этот же период проводилась большая учебная и политическая подготовка частей и подразделений обоих фронтов, где отрабатывались огневые задачи, тактика и техника атак и наступления во взаимодействии с танками, артиллерией и авиацией в целом, разъяснялись задачи, стоящие перед войсками. Такая подготовка стала теперь обязательной перед каждой крупной операцией, и она целиком себя оправдала. Войска

более согласованно и успешно действовали в боях и несли меньше потерь.

Штабы частей, соединений и армий тщательно отрабатывали вопросы управления и связи. Командные и наблюдательные пункты выдвигались вперед, зарывались в землю и оборудовали системы наблюдения и связи; уточнялся порядок их перемещения и управления войсками в процессе преследования противника.

Разведывательные органы фронтов, армий и войск тщательно изучали систему огня обороны, расположение тактических и оперативных резервов противника, отрабатывали карты и снабжали ими части.

Титаническую работу вел тыл фронта, обеспечивая быструю и скрытную перевозку и подачу войскам боевой техники, боеприпасов, горючего и продовольствия. Несмотря на большие трудности и сложнейшие условия местности, все было сделано в срок. Войска обоих фронтов были своевременно обеспечены всем необходимым для ведения боевых действий.

22 июня оба фронта провели разведку боем. В результате удалось уточнить расположение огневой системы противника непосредственно на его переднем крае и расположение некоторых батарей, которые раньше не были известны.

Всего Белорусская операция должна была охватить огромную территорию — более тысячи километров по фронту, от Западной Двины до Припяти, и до 600 километров в глубину, от Днепра до Вислы и Нарева. Предстояло в ожесточенном сражении столкнуться с восемьюстами тысячами солдат и офицеров врага, на вооружении которого было 9,5 тысячи орудий и минометов, 900 танков и штурмовых орудий, 1300 боевых самолетов, преодолеть подготовленную оборону глубиной до 250—270 километров.

Наступление советских войск в Белоруссии совпало с третьей годовщиной войны. За три минувших года произошли исторические события. Советский Союз, разгромив в ряде генеральных сражений фашистские войска, завершал освобождение своей Родины от злейшего врага. Вступая в новую битву, наши воины были уверены в разгроме немецкой группы армий «Центр».

Несомненно, ободряло их и то, что союзники 6 июня 1944 года высадились в Нормандии и открыли, наконец, второй фронт в Европе. Хотя судьба фашистской Германии была фактически предрешена, советские воины радостно приветствовали открытие второго фронта, понимая, что это ускоряет окончательный разгром фашизма и приближает конец войны.

Генеральное наступление было начато 23 июня войсками 1-го Прибалтийского фронта (командующий генерал-полковник И. Х. Баграмян, член Военного совета генерал Д. С. Леонов, начальник штаба генерал В. В. Курасов), войсками 3-го Белорусского фронта (командующий генерал-полковник И. Д. Черняховский, член Военного совета генерал В. Е. Макаров, начальник штаба генерал А. П. Покровский) и войсками 2-го Белорусского фронта под командованием генерал-полковника Г. Ф. Захарова. На другой день перешли в наступление войска 1-го Белорусского фронта под командованием генерала армии К. К. Рокоссовского.

В тылу врага партизанские отряды, части и соединения начали активные операции, заранее увязанные с действиями фронтов. При штабах фронтов действовали отделы по руководству партизанским движением. Они осуществляли большую работу по связи, материально-техническому обеспечению партизанских частей и координации их действий. Надо сказать, что в Белорусской операции партизанские части и отряды развернули исключительно большую активность. Этому в значительной степени способствовал лесистый характер местности. В этих местах больше, чем где-либо, осталось солдат и офицеров при отступлении наших войск в 1941 году.

С первых же дней наступления в Белоруссии на всех направлениях разгорелись ожесточенные сражения на земле и в воздухе, хотя метеорологические условия несколько ограничивали действия авиации обеих сторон. Через Генеральный штаб я вскоре узнал, что у А. М. Василевского хорошо пошла дела с прорывом обороны противника. Это всех нас очень обрадовало.

Хорошие результаты были достигнуты и 2-м Белорусским фронтом, где 49-я армия генерала И. Т. Гришина, успешно прорвав оборону на могилевском направлении, с ходу захватила плацдарм на Днепре.

Удар 1-го Белорусского фронта на Паричи развивался в соответствии с планом. 1-й танковый корпус генерала М. Ф. Панова, войдя в прорыв, в первый же день углубил его в сторону Бобруйска до 20 километров. Это дало возможность с утра следующего дня ввести в дело конно-механизированную группу генерала И. А. Плиева.

25 июня группа И. А. Плиева и корпус М. Ф. Панова, сбилая части отступающего противника, начали быстро продвигаться вперед. Уверенно развивали удар 28-я и 65-я армии. Танковые и артиллерийские части, преодолев на паричском

направлении лесистый участок, так разворотили и размесили заболоченные места, что они даже для тягачей стали труднопроходимыми.

Инженерные части и бойцы всех родов войск, воодушевленные успехами прорыва, напрягали все силы, чтобы как можно быстрее сделать бревенчатую дорогу. И она вскоре была построена, что значительно облегчило работу тыловых органов.

В труде «Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 гг. Краткая история» (стр. 347—348) при описании Белорусской операции не совсем точно излагается ход событий в районе Рогачева. Перелом в событиях в районе Рогачева здесь объясняется успешными действиями паричской группировки фронта.

На самом деле все происходило несколько иначе, а именно: при подготовке операции была слабо разведана оборона противника на рогачевско-бобруйском направлении, вследствие чего была допущена недооценка силы его сопротивления. В результате этой ошибки 3-й и 48-й армиям был дан завышенный участок прорыва. К тому же армии не имели достаточных средств прорыва. Будучи представителем Ставки, я вовремя не поправил командование фронта.

Необходимо отметить и еще одно обстоятельство, которое повлияло на замедление наших действий в этом районе. Когда готовилось решение о прорыве обороны, командующий 3-й армией генерал-лейтенант А. В. Горбатов предложил нанести удар танковым корпусом Б. С. Бахарова несколько севернее — из лесисто-болотистого района, где, по его данным, была очень слабая оборона противника. С А. В. Горбатовым не согласились и приказали ему готовить прорыв на участке, указанном командованием фронта, так как иначе пришлось бы передвигать на север и главный удар 48-й армии.

Началось сражение. Прорыв обороны противника развивался медленно. Видя это, А. В. Горбатов обратился с просьбой разрешить ему выполнить свой первоначальный план и нанести удар танковым корпусом севернее. Я поддержал предложение А. В. Горбатова. Операция вполне удалась. Противник был опрокинут, и танкисты Б. С. Бахарова, выигрывая фланг бобруйской группировки противника, стремительно двинулись к Бобруйску, отрезая немцам единственный путь отхода через реку Березину.

После этого удачного маневра наших войск противник начал отход с рубежа Жлобин — Рогачев, но было уже поздно. Един-

ственный мост у Бобруйска 26 июня был в руках танкистов Б. С. Бахарова.

Танковый корпус М. Ф. Панова, выйдя в район северо-западнее Бобруйска, отрезал все пути отхода противнику, находящемуся в самом городе.

Таким образом, 27 июня в районе Бобруйска образовалось два котла, в которых оказались немецкие войска 35-го армейского и 41-го танкового корпусов общей численностью до 40 тысяч человек.

Мне не довелось наблюдать, как проходила ликвидация противника в Бобруйске, но я видел, как шел разгром немцев юго-восточнее его. Сотни бомбардировщиков 16-й армии С. И. Руденко, взаимодействуя с 48-й армией, наносили удар за ударом по группе противника. На поле боя возникли сильные пожары: горели многие десятки машин, танков, горюче-смазочные материалы. Все поле боя было озарено зловещим огнем. Ориентируясь по нему, подходили все новые и новые эшелоны наших бомбардировщиков, сбрасывавших на противника бомбы разных калибров.

Немецкие солдаты, как обезумевшие, бросались во все стороны, и те, кто не желал сдаться в плен, тут же гибли. Гибли сотни и тысячи немецких солдат, обманутых Гитлером, обещавшим им молниеносную победу над Советским Союзом. В числе сдавшихся в плен оказался командир 35-го армейского немецкого корпуса генерал Лютцов.

Окончательная ликвидация противника в районе Бобруйска была возложена на 48-ю армию П. Л. Романенко и 105-й стрелковый корпус 65-й армии. 3, 65-й армиям, 9-му и 1-му гвардейским танковым корпусам было приказано, не задерживаясь в районе Бобруйска, стремительно наступать в общем направлении на Осиповичи. Город был взят 28 июня. А 29 июня окончательно был очищен от противника и город Бобруйск.

На Слуцк стремительно наступала 28-я армия генерала А. А. Лутчинского и конно-механизированная группа генерала И. А. Плиева.

После разгрома противника в районе Витебска и Бобруйска фланговые группировки наших войск значительно продвинулись вперед, создавая прямую угрозу окружения основных сил группы армий «Центр».

Наблюдая и анализируя тогда действия немецких войск и их главного командования в этой операции, мы, откровенно говоря, удивлялись их грубо ошибочным маневрам, которые обрекали войска на катастрофический исход. Вместо быстрого

отхода на тыловые рубежи и выброски сильных группировок к своим флангам, которым угрожали советские ударные группировки, немецкие войска втягивались в затяжные фронтальные сражения восточнее и северо-восточнее Минска.

28 июня Ставка Верховного Главнокомандования после переговоров с А. М. Василевским, мной и командующими фронтами уточнила дальнейшие задачи войск.

1-му Прибалтийскому фронту было приказано освободить Полоцк и наступать на Глубокое. 3-му и 2-му Белорусским фронтам освободить столицу Белоруссии Минск, 1-му Белорусскому фронту наступать основными силами на случко-барановичском направлении, частью сил развивать удар на Минск, охватывая его с юга и юго-запада. Этот конкретный замысел Ставки вытекал из общего плана операции, который преследовал цель окружения всех войск группы армий «Центр» и их полный разгром. Силы и группировка наших войск в полной мере соответствовали поставленным задачам.

Успешное осуществление операции подтверждало дальновидность и растущую зрелость советского командования, овладевшего оперативно-стратегическим искусством.

К сожалению, мне не удалось в тот момент выйти на прямую связь с А. М. Василевским, чтобы согласовать с ним дальнейшее взаимодействие 3-й армии генерала А. В. Горбатова, 2-го и 3-го Белорусских фронтов. Эти войска были нацелены на захват Минска и блокирование путей отхода крупной группировки противника. Войска 2-го Белорусского фронта крепко жали на эту группировку, не давая ей возможности оторваться от своих боевых порядков. При параллельном преследовании это являлось положительным фактором.

Назревало полное окружение всей 4-й немецкой армии. Что предпримет в этот решающий момент немецкое главное командование? Это беспокоило тогда Ставку, Генеральный штаб и всех нас, непосредственно проводивших такую ответственную операцию.

Как и надлежало в подобных случаях, главные усилия все командные инстанции сосредоточили на разведке, с помощью которой можно было определить замысел и практические мероприятия врага. Но как мы ни старались раскрыть и выявить что-нибудь важное в стратегическом руководстве немецкого командования, мы ничего не обнаружили, кроме небольшого усиления особо опасных для них направлений.

По данным белорусских партизан, действовавших в районе Минска, нам стало известно, что сохранившиеся в Минске Дом

правительства, здание ЦК партии Белоруссии и окружной Дом офицеров спешно минируются и готовятся к взрыву. Чтобы спасти эти важные объекты, было решено ускорить движение в Минск танковых частей и послать вместе с ними отряды разминирования. Цель заключалась в том, чтобы прорваться в город, не ввязываясь в бои на подступах, и захватить правительственные здания.

Задача была блестяще выполнена. Здания были разминированы и сохранены.

На рассвете 3 июля 2-й гвардейский танковый корпус А. С. Бурдейного ворвался в Минск с северо-востока; с севера к городу подошли передовые части 5-й гвардейской танковой армии маршала бронетанковых войск П. А. Ротмистрова. В середине дня в город вступил 1-й гвардейский танковый корпус 1-го Белорусского фронта под командованием генерала М. Ф. Панова. Вслед за танковым корпусом М. Ф. Панова к окрестностям Минска подошла 3-я армия генерала А. В. Горбатова. В то же время наши войска вышли юго-западнее и северо-западнее Минска, отбрасывая на запад подходившие резервы противника.

К исходу 3 июля основная группа соединений 4-й армии немецких войск оказалась отрезанной от путей отхода и зажатой в кольцо восточнее Минска. В окружение попали 12, 27, 35-й армейские, 39-й и 41-й танковые корпуса общим количеством более 100 тысяч человек боевого состава.

К исходу дня 3 июля Минск был полностью очищен от врага.

Столицу Белоруссии нельзя было узнать. Семь лет я командовал полком и бригадой в Минске, хорошо знал каждую улицу, все важнейшие постройки, мосты, парки, стадион и театры. Теперь все лежало в руинах, и на месте жилых кварталов остались пустыри, покрытые горами битых кирпичей и обломков.

Самое тяжелое впечатление производили люди, жители Минска. Большинство их было крайне истощено, измучено, по щекам многих катились слезы...

К 11 июля, несмотря на оказанное сопротивление, окруженные немецкие войска были разбиты, взяты в плен или уничтожены. В числе 57 тысяч пленных оказалось 12 генералов, из них 3 командира корпуса и 9 командиров дивизий. Еще несколько дней продолжалось вылавливание отдельных групп солдат и офицеров противника, пытавшихся выйти к своим войскам. Но так как немцы быстро отступали, они никак не

могли добраться до своих. Большую помощь в очищении территории от противника оказали нам местные жители и партизаны — истинные хозяева белорусских лесов.

Учитывая, что на западном направлении образовалась брешь, занятая войсками противника лишь на основных направлениях, 4 июля Ставка Верховного Главнокомандования приказала продолжать наступление:

— 1-му Прибалтийскому — в общем направлении на Шяуляй, правым крылом фронта продвигаясь на Даугавпилс, левым — на Каунас;

— 3-му Белорусскому — на Вильнюс, частью сил — на Ляду;

— 2-му Белорусскому — на Новогрудок, Гродно, Белосток;

— 1-му Белорусскому — на Барановичи, Брест и захватить плацдарм на Западном Буге.

7 июля, когда заканчивалась ликвидация главных сил окруженной группировки противника восточнее и юго-восточнее Минска, а передовые эшелоны 1-го Белорусского, 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов уже продвинулись от меридиана Минска далеко на запад и вели бои в районе Вильнюс — Барановичи — Пинск, мне позвонил И. В. Сталин и приказал прилететь в Ставку.

На рассвете 8 июля я был еще в районе Барановичей. Войска 65-й и 48-й армий уже завязали здесь бои за город и через несколько часов его освободили. В тот же день я вылетел в Москву и, наскоро приведя себя в порядок, поспешил в Генштаб.

Перед тем как встретиться с Верховным, мне хотелось глубже уяснить обстановку последних дней.

А. И. Антонов, как всегда, собранно и со знанием дела доложил анализ обстановки и мнение Генерального штаба о развитии событий на ближайший период. Слушая его, я испытывал большое чувство удовлетворения: как вырос Генеральный штаб и его руководящий состав в своей оперативно-стратегической квалификации!

Около 13 часов А. И. Антонову позвонил Верховный и спросил, где я. Уточнив ряд вопросов, он приказал А. И. Антонову и мне через час быть у него на даче. Ровно в 14 часов мы прибыли. И. В. Сталин был в хорошем расположении духа, шутил.

Во время нашего разговора по ВЧ позвонил А. М. Василевский и доложил Верховному о последних событиях на участках

1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов. Доклад А. М. Василевского, видимо, был благоприятным, и Верховный еще больше повеселел.

— Я еще не завтракал, — сказал он, — пойдемте в столовую, там и поговорим.

Мы с А. И. Антоновым хотя и позавтракали, но не отказались от приглашения.

За завтраком речь шла о возможностях Германии вести войну на два фронта — против Советского Союза и экспедиционных сил союзников, высадившихся в Нормандии, а также о роли и задачах советских войск на завершающем этапе войны.

По тому, как сжато и четко высказывал И. В. Сталин свои мысли, было видно, что он глубоко продумал все эти вопросы. Хотя Верховный справедливо считал, что у нас хватит сил самим добить фашистскую Германию, он искренне приветствовал открытие второго фронта в Европе. Ведь это ускорило окончание войны, что было так необходимо для советского народа, крайне измученного войной и лишениями.

В том, что Германия окончательно проиграла войну, ни у кого не было сомнения. Вопрос этот был решен на полях сражений советско-германского фронта еще в 1943 — начале 1944 года. Сейчас речь шла о том, как скоро и с какими военнополитическими результатами она будет завершена.

Приехали В. М. Молотов и другие члены Государственного Комитета Обороны.

Обсуждая возможности Германии продолжать вооруженную борьбу, все мы сошлись на том, что она уже истощена и в людских, и в материальных ресурсах, тогда как Советский Союз в связи с освобождением Украины, Белоруссии, Литвы и других районов получит значительное пополнение за счет партизанских частей, за счет людей, оставшихся на оккупированной территории. А открытие второго фронта заставит, наконец, Германию несколько усилить свои силы на Западе.

Возникал вопрос: на что могло надеяться гитлеровское руководство в данной ситуации?

На этот вопрос Верховный ответил так:

— На то же, на что надеется азартный игрок, ставя на карту последнюю монету. Вся надежда гитлеровцев была на англичан и американцев. Гитлер, решаясь на войну с Советским Союзом, считал империалистические круги Великобритании и США своими идейными единомышленниками. И не без основания:

они сделали все, чтобы направить военные действия вермахта против Советского Союза.

— Гитлер, вероятно, сделает попытку пойти любой ценой на сепаратное соглашение с американскими и английскими правительственными кругами,— добавил В. М. Молотов.

— Это верно,— сказал И. В. Сталин,— но Рузвельт и Черчилль не пойдут на сделку с Гитлером. Свои политические интересы в Германии они будут стремиться обеспечить, не вступая на путь сговора с гитлеровцами, которые потеряли всякое доверие своего народа, а изыскивая возможности образования в Германии послушного им правительства.

Затем Верховный спросил меня:

— Могут ли наши войска начать освобождение Польши и безостановочно дойти до Вислы и на каком участке можно будет ввести в дело 1-ю польскую армию, которая уже приобрела все необходимые боевые качества?

— Наши войска не только могут дойти до Вислы,— доложил я,— но и должны захватить хорошие плацдармы за ней, чтобы обеспечить дальнейшие наступательные операции на берлинском стратегическом направлении. Что касается 1-й польской армии, то ее надо нацелить на Варшаву.

А. И. Антонов целиком поддержал меня. Он доложил Верховному о том, что немецкое командование перебросило большую группу войск, в том числе бронетанковые соединения, для закрытия бреши, образовавшейся в результате действий наших западных фронтов. Поэтому оно серьезно ослабило свою группировку на участке 1-го Украинского фронта.

Затем Алексей Иннокентьевич доложил о ходе сосредоточения материальных запасов и пополнения на 1-м Украинском фронте и на левом крыле 1-го Белорусского фронта, которые согласно ранее утвержденному плану готовились к переходу в наступление.

— Вам придется теперь взять на себя координацию действий и 1-го Украинского фронта,— сказал мне Верховный.— Главное свое внимание обратите на левое крыло 1-го Белорусского фронта и 1-й Украинский фронт. Общий план и задачи 1-го Украинского фронта вам известны. План Ставки изменениям не подвергся, а с деталями его ознакомитесь в Генштабе.

Потом началось обсуждение возможностей войск, координируемых А. М. Василевским.

Я сказал Верховному, что было бы правильнее, если бы мы значительно усилили группу фронтов А. М. Василевского

и 2-й Белорусский фронт и поставили задачу А. М. Василевскому отсечь немецкую группу армий «Север» и захватить Восточную Пруссию.

— Вы что, сговорились с Василевским? — спросил Верховный. — Он тоже просит усилить его.

— Нет, не сговорились. Но если он так думает, то думает правильно.

— Немцы будут до последнего драться за Восточную Пруссию. Мы можем там застрять. Надо в первую очередь освободить Львовскую область и восточную часть Польши. Завтра вы встретитесь у меня с Берутом, Осубко-Моравским и Роля-Жимерским. Они представляют Польский комитет национального освобождения. В двадцатых числах они собираются обратиться к польскому народу с манифестом. В качестве нашего представителя к полякам мы пошлем Булганина, а членом Военного совета у Рокоссовского оставим Телегина.

Вечером я был приглашен к И. В. Сталину на дачу, где уже были Берут, Осубко-Моравский и Роля-Жимерский. Польские товарищи рассказывали о тяжелом положении своего народа, пятый год находящегося под оккупацией. Члены Польского комитета национального освобождения и Крайовой Рады Народовой мечтали скорее освободить свою родную землю. В совместном обсуждении было решено, что первым городом, где развернет свою организующую деятельность Крайова Рада Народова, станет Люблин.

9 июля Верховный еще раз рассмотрел план Ковельской наступательной операции 1-го Белорусского фронта. Он предусматривал:

- разгром ковельско-люблинской группировки;
- овладение Брестом во взаимодействии с войсками правого крыла фронта;
- выход широким фронтом на Вислу с захватом плацдарма на ее западном берегу.

10 июля я уже был опять в войсках, где мне пришлось с К. К. Рокоссовским и А. А. Новиковым работать над планом операции левого крыла 1-го Белорусского фронта.

11 июля из штаба К. К. Рокоссовского я перелетел на 1-й Украинский фронт.

1-му Украинскому фронту предстояло нанести два мощных удара: один на львовском направлении, другой на раварусском и частью сил на станиславском. Глубина операции равнялась приблизительно 220—240 километрам. Участок, где

развертывались удары фронта, охватывал 100—120 километров.

Здесь было сосредоточено 80 дивизий, 10 танковых и механизированных корпусов, 4 отдельные танковые и самоходно-артиллерийские бригады, 13 900 орудий и минометов калибра 76 мм и выше, 2200 танков и самоходных орудий и 3000 самолетов. Общее количество людей достигало 1 миллиона 200 тысяч человек.

Такого количества войск было более чем достаточно для проведения этой операции, и я считал, что разумнее за счет 1-го Украинского фронта выделить часть сил для удара по Восточной Пруссии. Однако Верховный почему-то не хотел этого делать.

Командный пункт свой развернул в районе Луцка, чтобы в это время быть ближе к ковельской группировке 1-го Белорусского и к войскам 1-го Украинского фронтов.

После окончательной ликвидации окруженных сил противника в районе Минска наступление наших войск развивалось успешно. Немцы на отдельных направлениях пытались оказать сопротивление, но были опрокинуты и отходили по всему фронту на Шяуляй, Каунас, Гродно, Белосток, Брест.

Наступление 1-го Украинского фронта, начатое 13 июля на рава-русском направлении, развивалось согласно плану. Наилучших успехов достигли войска 3-й гвардейской армии под командованием генерала В. Н. Гордова, 13-й армии генерала Н. П. Пухова.

На львовском направлении наступление началось 14 июля, но по ряду причин прорыв вражеской обороны сразу не удался. Больше того, противник нанес сильный контрудар из района Золочева по 38-й армии и потеснил ее. Дело исправила 3-я гвардейская танковая армия П. С. Рыбалко, введенная 16 июля в сражение в довольно сложных условиях.

17 июля вслед за 3-й гвардейской танковой армией наступление начала 4-я танковая армия Д. Д. Лелюшенко, которая и закрепила успех. Общими усилиями 60, 38-й армий, 3-й гвардейской и 4-й танковых армий вражеские войска были оттеснены и на львовском направлении. Однако темп продвижения этих армий был медленным.

К исходу 18 июля войска 1-го Украинского фронта, прорвав оборону немецких войск, продвинулись вперед на 50, а местами на 80 километров, окружив при этом в районе Броды группу немецких войск до 8 дивизий.

В тот памятный день начали наступление войска левого

крыла 1-го Белорусского фронта из района Ковеля на Люблин. С этого момента 1-й Белорусский фронт пришел в движение всеми своими армиями. Надо отдать должное командованию, штабу 1-го Белорусского фронта — на всем протяжении операции они умело и организованно управляли войсками, своевременно обеспечивали их всем необходимым.

В результате мощных ударов четырех фронтов по группе армий «Центр» были разгромлены 3-я танковая армия, 4-я и 9-я полевые немецкие армии. В стратегическом фронте противника была пробита брешь до 400 километров по фронту и до 500 километров в глубину, которую немецкому командованию быстро закрыть было нечем.

На данном этапе развития Белорусской операции значительной помехой явился восточно-пруссский бастион немецкой обороны. Засевшая там крупная группировка войск противника прикрывалась мощными заграждениями и естественными преградами. Эффективность нашего наступления на берлинском направлении требовала сломить оборону противника в Восточной Пруссии с ходу, не приостанавливая наступления фронтов.

Это можно было сделать, если бы своевременно были усилены наступающие войска. По нашим подсчетам, 1-му Белорусскому фронту следовало добавить 300—400 танков и самоходных орудий, 2-му Белорусскому фронту — общевойсковую и танковую армии, один стрелковый корпус, несколько танковых и самоходно-артиллерийских полков. Необходимо было активнее поддержать войска с воздуха.

Получив это подкрепление, все три Белорусских фронта были бы, на мой взгляд, в состоянии захватить Восточную Пруссию и выйти на Вислу до Данцигской бухты включительно, или, в крайнем случае, одновременно с выходом на Вислу смогли бы отсечь Восточную Пруссию от Центральной Германии.

Подробно наметив возможные направления нашего наступления и необходимые для него группировки сил, в ночь на 19 июля я доложил свои соображения в Ставку:

«Тов. Сталину.

Копия тов. Антонову.

В связи с близким подходом наших войск к госгранице, докладываю свои соображения по построению операции Белорусских фронтов на ближайший период:

1. Главной стратегической целью 1-го, 2-го, 3-го Белорусских фронтов на ближайший этап должно являться: выход на Вислу до Данцигской бухты включительно и захват Восточ-

ной Пруссии или в крайнем случае одновременно с выходом на Вислу отсечение Восточной Пруссии от Центральной Германии.

2. Восточная Пруссия по наличию укрепленных полос, инженерного оборудования и природным условиям является очень серьезным препятствием. Подступы к Кенигсбергу с юго-востока и юга прикрыты пятью укрепленными полосами, а с востока, кроме того, западнее Инстербурга подготовлен район затопления.

Наиболее выгодные направления для наступления в Восточную Пруссию:

1-е направление — из района Тильзит вдоль побережья в общем направлении на Кенигсберг через Либоц.

2-е направление — из района Каунас — Алитус через Гумбинен на Кенигсберг, обходя обязательно с юга район затопления и Летценский укрепленный район.

3-е направление — из района Млава через Хохенштайн — Алленштайн на Браунсберг.

Кроме того, сильную группировку необходимо бросить восточнее Вислы в общем направлении Мариенбург для отсечения Восточной Пруссии от Данцигского района.

1-е направление — удар из района Тильзит может проводиться только тогда, когда будет очищена от немцев Литва.

2-е и 3-е направления могут быть использованы при развитии наступления 3-м и 2-м Белорусскими фронтами.

3. Удар через Гумбинен может нанести Черняховский, он же частью сил должен наступать севернее Августовских лесов через Сувалки на Гольдап.

Удар из района Млава должен нанести 2-й Белорусский фронт в следующих направлениях:

а) одна группа на Алленштайн;

б) одна группа на Мариенбург для выхода до Данцигской бухты;

в) одна группа должна выйти на Вислу на участке Грудзис — Нешава, где и закрепиться.

Левее, до границы с 1-м Украинским фронтом должен выйти 1-й Белорусский фронт, при этом фронту необходимо обязательно захватить хорошие плацдармы на западном берегу р. Висла.

4. Для выполнения вышеизложенных задач 1-му Белорусскому фронту войск хватит. Ему нужно добавить 300 танков и 100 самоходных орудий.

2-му Белорусскому фронту потребуется одна армия в 9 ди-

визий, один стрелковый корпус — три дивизии, два-три танковых корпуса или танковая армия, четыре тяжелых танковых полка, четыре полка артиллерийских самоходных установок — 152-мм и усилить фронт авиацией.

5. Чтобы избежать в будущем излишних перегруппировок, я считаю необходимым сейчас иметь такие разграничительные линии:

а) между Черняховским и Захаровым: Гродно — Ликк — Хайльсберг (все для Черняховского);

б) между Захаровым и Рокоссовским: Белосток — Остроленка — Нешава (все для Захарова);

6. Считаю бы крайне полезным по предстоящим операциям посоветоваться с Вами лично и хорошо бы вызвать Василевского.

№ 316

Г. Жуков.

19 июля 1944 г.»¹

Вскоре последовал вызов в Москву на совещание у И. В. Сталина. Однако Верховный не принял мой план и не согласился усилить фронты на восточно-прусском направлении, а резервы Белорусским фронтам Ставка дать не смогла. Думаю, что это была серьезная ошибка Верховного, в последующем повлекшая за собой необходимость проведения чрезвычайно сложной и кровопролитной Восточно-Прусской операции.

Для немецкого верховного командования во второй половине июля создалась тяжелая обстановка, которая еще больше осложнилась переходом в наступление 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов и нажимом экспедиционных сил союзников на Западе.

Немецкий генерал Бутлар по этому поводу писал: «Разгром группы армий «Центр» положил конец организованному сопротивлению немцев на Востоке»².

Все же я должен сказать, что командование группы армий «Центр» в этой крайне сложной обстановке нашло правильный способ действий. В связи с тем, что сплошного фронта обороны у немцев не было и создать его при отсутствии необходимых сил было невозможно, немецкое командование решило задержать наступление наших войск главным образом короткими контр-

¹ Архив МО СССР, ф. 48-А, оп. 1795, д. 116/202/, лл. 310—313.

² Мировая война 1939—1945 гг. Сборник статей. Издательство иностранной литературы, М., 1957, стр. 240.

ударами. Под прикрытием этих ударов на тыловых рубежах развертывались в обороне перебрасываемые войска из Германии и с других участков советско-германского фронта.

Ударная группировка левого крыла 1-го Белорусского фронта, наступавшая в составе 47-й армии, 8-й гвардейской армии, 69-й армии, 2-й гвардейской танковой армии, поддерживалась 6-й воздушной армией. Здесь же действовала и 1-я армия Войска Польского, которой командовал генерал-лейтенант З. Берлинг. Форсировав Буг, войска 1-го Белорусского фронта вступили в пределы восточной части Польши, положив начало освобождению польского народа от немецких оккупантов.

23 июля 2-я танковая армия, действуя впереди общевойсковых армий, с ходу освободила город Люблин, а 24-го, стремительно атакуя (командование армией после ранения генерала С. И. Богданова принял генерал А. И. Радзиевский), своими передовыми частями вышла на Вислу в районе Демблина.

Здесь наши войска освободили узников лагеря смерти Майданека. Как известно, фашисты истребили в этом лагере около полутора миллионов человек, в том числе стариков, женщин и детей. То, что рассказали мне очевидцы, забыть невозможно. Фашистские зверства в Майданеке, ставшие позднее известными всему миру, были квалифицированы как тячайшее преступление против человечества.

28 июля войска 1-го Белорусского фронта, разгромив брестскую группу противника, освободили город Брест и героическую Брестскую крепость, защитники которой первыми приняли на себя в 1941 году удары врага и на века прославились массовым героизмом.

Разгром немецкой группы армий «Центр» проходил в тесном взаимодействии с партизанами. В ходе наступления наших войск партизаны провели ряд операций на железных и шоссейных дорогах, разрушая мосты и важные железнодорожные сооружения. Они пустили под откос около 150 эшелонов с войсками и боевой техникой. Активные действия партизан на тыловых путях немецких войск парализовали деятельность снабжающих органов и перевозки, что еще больше подорвало моральное состояние немецких солдат и офицеров.

8-я гвардейская и 69-я армии, продвигаясь вслед за 2-й танковой армией и другими подвижными частями, 27 июля вышли на реку Вислу и начали ее энергичное форсирование в районах Магнушева и Пулавы, впоследствии сыгравших исто-

рическую роль при освобождении Польши в Висло-Одерской операции.

Немецкое командование, отдавая себе отчет в значении захваченных советскими войсками на Висле плацдармов, бросило против частей 8-й и 69-й армий значительные силы, в том числе танковую дивизию «Герман Геринг». За плацдармы разгорелись кровопролитные бои, но, как ни устремлялся противник в яростные атаки, все они были отбиты советскими войсками с большими потерями для немцев.

Надо отдать должное командующему 69-й армией генералу В. Я. Колпакчи и командующему 8-й гвардейской армией генералу В. И. Чуйкову. Они с большим искусством и решительностью руководили сражениями за захват и удержание плацдармов на Висле.

Исключительный героизм проявили солдаты и офицеры, которые первыми переправились через Вислу и высадились на ее западном берегу.

На магнушевском плацдарме я разговаривал с ранеными из 220-го гвардейского стрелкового полка 79-й гвардейской стрелковой дивизии. Вот что они мне рассказали:

— Нашей роте было приказано перед рассветом переправиться на западный берег Вислы. Нас было немногим больше пятидесяти человек. Командовал ротой лейтенант В. Т. Бурба. Как только высадились на берегу, нас сразу же обстрелял противник, а затем атаковал. Первую атаку мы отбили, но вслед за нею последовала вторая, а затем и третья. На следующий день нас непрерывно атаковывали вражеские танки и пехота. Последняя атака была особенно ожесточенной. Осталось нас не больше двенадцати человек.

Перед последней атакой противника лейтенант В. Т. Бурба сказал нам: «Ребята, нас осталось мало. К вечеру подойдет подкрепление, а до вечера будем драться до последней капли крови, но врагу своей позиции не сдадим».

Вскоре началась атака танков и до роты пехоты противника. Несколько танков подошли к нам почти вплотную. Командир метнул связку гранат, подбил танк, а под второй бросился сам со связкой гранат в руке. Атаку мы отбили, но наш командир погиб. Из всей роты осталось 6 человек. Вскоре подошло подкрепление. Занятый рубеж мы удержали...

Рассказывая о подвиге своего командира, солдаты не могли сдерживать слез. Да и я не мог слушать их без волнения и чувства горечи от того, что гибнут такие смелые, преданные Родине

люди. Лейтенанту В. Т. Бурбе было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Героический подвиг совершил тогда и солдат 4-й роты того же 220-го полка комсомолец П. А. Хлюстин, который, как и лейтенант В. Т. Бурба, в напряженный момент боя со связкой гранат бросился под вражеский танк и, жертвуя своей жизнью, остановил атаку противника. Комсомольцу П. А. Хлюстину тоже было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Как в первые дни войны, так и теперь, на ее завершающем этапе, неизменна была величайшая готовность советского человека к самопожертвованию во имя своей Родины...

Успешные действия ковельской ударной группировки 1-го Белорусского фронта и быстрый выход ее на Вислу оказали большое влияние на ход Львовско-Сандомирской операции, которая вначале на львовском направлении развивалась не так хорошо, как ожидали командование фронта и Ставка.

Здесь еще раз хочу сказать о разведке, этом важнейшем факторе вооруженной борьбы. Опыт войны доказал, что разведывательные данные и их правильный анализ должны служить основой в оценке обстановки, приятии решения и планировании операции. Если разведка не сумела дать правильные сведения или если при их анализе допущены погрешности, то и решение всех командно-штабных инстанций неминуемо пойдет по ложному направлению. В результате ход самой операции будет развиваться не так, как было задумано.

Организуя подготовку операции на львовском направлении, разведка 1-го Украинского фронта полностью не смогла вскрыть всю систему обороны противника, не обнаружила дислокации оперативных резервов немецкого командования, и в первую очередь его бронетанковых войск. Поэтому командование не сумело разгадать возможный контрманевр со стороны противника в процессе прорыва его обороны. В результате недостаточного изучения расположения огневой системы противника с большими дефектами была спланирована артиллерийская и авиационная подготовка.

Как известно, успех артиллерийской стрельбы и авиационной бомбежки обеспечивается только тогда, когда огонь и бомбометание ведутся точно по целям, а не по площадям или по предполагаемым целям. Ведение огня и бомбометание по площадям не может уничтожить систему обороны противника. Так и на львовском направлении: стреляли много, а нужных результатов не получилось.

И еще один важный вопрос, который необходимо осветить, чтобы осознать ошибки, допущенные при подготовке этой операции. Речь идет о танках, сопровождающих атаку и наступление пехоты.

Известно, что пехота в наступательных боях весьма чувствительна к огню обороны противника. Все уцелевшее во время артиллерийской подготовки — пулемет, орудие, вкопанный в землю танк, дот или огневой узел — способно «прижать» наступающую пехоту к земле и задержать ее продвижение вперед. В этих случаях большую роль играют танки, сопровождающие пехоту и подавляющие своим огнем уцелевшие от артподготовки огневые средства врага.

Все это также не было полностью учтено. Непонятно, почему историки при описании Львовско-Сандомирской операции обходят молчанием допущенные ошибки. Их надо анализировать и показывать нашим молодым кадрам, чтобы сделать из прошлого должные выводы.

Разгром крупной группировки немцев в районе Броды, успешное продвижение левого крыла 1-го Белорусского фронта на люблинском направлении и правого крыла 1-го Украинского фронта на рава-русском направлении дали возможность командованию 1-го Украинского фронта двинуть в обход Львова с севера и северо-запада танковую армию П. С. Рыбалко. Этот обходной марш-маневр имел целью отрезать путь отхода львовской группировки на реке Сан и захватить Перемышль, а ударом с запада содействовать 38, 60-й и 4-й танковой армиям в овладении Львовом. В это время войска правого крыла фронта успешно продолжали наступление в общем направлении на Сандомир.

22 июля в разговоре с И. С. Коневым мы согласились, что захват 3-й танковой армией тыловых путей на реке Сан заставит противника оставить Львов. По существу, мы пришли к выводу, что сдача немцами Львова дело почти решенное, вопрос лишь во времени — днем позже, днем раньше.

Однако на рассвете 23 июля мне позвонил И. С. Конев и сказал:

— Мне только что звонил Верховный. Что, говорит, вы там с Жуковым затеяли с Сандомиром? Надо прежде взять Львов, а потом думать о Сандомире.

— Ну, а вы, Иван Степанович, что ответили?

— Я доложил, что 3-я танковая армия брошена нами для удара с тыла по львовской группировке и Львов скоро будет взят.

Мы договорились с И. С. Коневым, что днем я позвоню

Верховному, а войскам фронта надо продолжать действовать в заданных направлениях.

Получив данные об освобождении Люблина 2-й танковой армией 1-го Белорусского фронта, я позвонил Верховному. Он был еще у себя на квартире и уже знал об этом.

Выслушав мой доклад о действиях 1-го Украинского фронта, Верховный спросил:

— Когда, по вашим расчетам, будет взят Львов?

— Думаю, не позже чем через два-три дня, — ответил я.

И. В. Сталин сказал:

— Звонил Хрущев, он не согласен с задачей армии Рыбалко. Армия отвлеклась от участия в наступлении на Львов, и это, по его мнению, может затянуть дело. Вы с Коневым стремитесь захватить раньше Вислу. Она от нас никуда не уйдет. Кончайте скорее дело со Львовом.

Мне ничего не оставалось делать, как доложить Верховному о том, что Львов будет занят раньше, чем войска выйдут на Вислу. И. С. Конев я не стал расстраивать подробностями этого разговора.

В результате блестящего обходного 120-километрового марш-маневра танковой армии генерала П. С. Рыбалко, нажима с востока 38, 60-й армий и боев 4-й танковой армии в южной части Львова противник отошел от города на Самбор. 27 июля Львов был занят советскими войсками.

27 июля был занят и город Белосток. В этот же день Ставка своей директивой подтвердила наше решение развивать удар 1-го Украинского фронта на Вислу для захвата плацдарма по примеру 1-го Белорусского фронта. Цель его действий — обеспечение последующей наступательной операции по завершению освобождения Польши.

Получив директиву Ставки, командующий фронтом И. С. Конев 28 июля поставил задачу 3-й гвардейской танковой армии стремительным броском к исходу дня выйти к Висле и с ходу захватить плацдарм, а затем овладеть Сандомиром. 13-й армии Н. П. Пухова было приказано выйти на участок Сандомир — устье реки Вислоки и захватить плацдарм на фронте Конара — Поланец. 1-й гвардейской танковой армии генерала М. Е. Катукова ставилась задача нанести удар в направлении Баранув и выйти в район Богория.

На сандомирское направление подтягивалась и 5-я гвардейская армия, которой командовал генерал-лейтенант А. С. Жадов.

Нельзя не отметить исключительную смелость, инициативность и хорошую слаженность взаимодействия всех родов войск 1-го Украинского фронта при форсировании такой сложной и многоводной реки, как Висла. Самому мне, к сожалению, не довелось наблюдать эту операцию, но то, что рассказывали офицеры и генералы, произвело на меня сильное впечатление. Особенно отличились своей организованностью и мужеством инженерные части армий и фронта.

Немецкое командование, израсходовав свои резервы в Белорусской операции, а затем в Львовско-Сандомирской, не могло во время форсирования Вислы оказать 1-му Украинскому фронту надлежащее сопротивление. Войска маршала И. С. Конева твердо встали на сандомирском плацдарме.

Днем 29 июля мне позвонил Верховный и поздравил с награждением второй медалью «Золотая Звезда» Героя Советского Союза. Затем позвонил Михаил Иванович Калинин и тоже поздравил с награждением.

— Вчера Государственный Комитет Обороны по инициативе Верховного Главнокомандующего принял решение наградить вас за Белорусскую операцию и за операцию по изгнанию врага с Украины, — сказал он.

В тот памятный для меня день было получено много телеграфных и устных поздравлений от боевых друзей и товарищей. Но самой большой радостью, конечно, было то, что Красная Армия укрепилась на западном берегу Вислы и была готова к выполнению своей освободительной миссии в Польше, а затем и к вторжению в пределы фашистской Германии, с тем чтобы завершить ее разгром.

Командование немецких войск понимало значение захваченных плацдармов на берлинском направлении и делало все возможное, чтобы ликвидировать магнусhevский, пулавский и сандомирский плацдармы. К ним были стянуты крупные силы противника, в том числе максимум танковых и моторизованных дивизий, но было уже поздно.

Со своей стороны 1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты сосредоточили там столько сил и средств, что немецким войскам оказалось не под силу отбросить их обратно за Вислу.

В итоге двухмесячных боев советские войска разгромили две крупнейшие стратегические группировки немецких войск, освободили Белоруссию, завершили освобождение Украины, очистили значительную часть Литвы и восточную часть Польши.

1, 2, 3-й Белорусские и 1-й Прибалтийский фронты в этих сражениях в общей сложности разбили около 70 дивизий про-

тивника, из коих 30 дивизий были окружены, пленены или уничтожены. В ходе наступления войск 1-го Украинского фронта на львовско-сандомирском направлении было разгромлено более 30 дивизий и уничтожено 8 дивизий.

В Белорусской операции наиболее полно проявилось выработанное у советского командования всех степеней умение быстро окружать и уничтожать крупные группировки войск противника. Это искусство командования, мастерство и смелость войск привели к краху самой сильной немецкой группировки на берлинском стратегическом направлении.

Разгром групп армий «Центр» и «Северная Украина» противника, захват трех крупных плацдармов на реке Висле и выход к Варшаве приблизили наши ударные фронты к Берлину, до которого теперь оставалось около 600 километров.

Разгром яско-кишиневской группировки 2-м и 3-м Украинскими фронтами и освобождение Молдавии создали предпосылки выхода из войны Румынии и Венгрии.

Все это, вместе взятое, создавало почву для окончательного развала фашистского блока и разгрома фашистской Германии.

На западном стратегическом направлении линия фронта переместилась вперед до 600 километров. В конце августа она уже проходила западнее Елгавы, Шяуляя, Сувалок, Остроленки, Пултуска, Праги (Варшавской), Магнушева, Сандомира, Санока, Дрогобыча, Черновиц, где соединялась с линией 2-го Украинского фронта.

На северо-западном направлении Прибалтийские фронты вместе с Ленинградским фронтом и Балтийским флотом готовились нанести удар по группе немецких войск «Север», с тем чтобы в ближайшее время освободить все прибалтийские республики и разгромить еще одну крупнейшую группировку немецких войск, прижатую к морю.

На западном театре военных действий для Германии сложилась также неблагоприятная обстановка. Понесла значительные потери в боях за Нормандию и не имея возможности снять что-либо с других фронтов для усиления войск в северной Франции, немецкие войска начали быстрый отход по всему фронту к границам Германии, на так называемую линию Зигфрида.

Союзные войска по всем направлениям преследовали немцев. После захвата Рима они готовились продолжать наступление в северной Италии. Во всех странах Европы и на Балканах резко усилилось народно-освободительное движение. Особенно оно было чувствительно для немцев в Югославии, Польше, Албании, Греции и Франции. Верховное командование

немецких войск вынуждено было отвлекать значительные силы для борьбы с силами Сопротивления и национально-освободительными войсками.

Ко всему этому следует добавить большие разрушения важных промышленных объектов в Германии от ударов союзной и советской авиации, что осложнило общую экономическую и военно-политическую обстановку в Германии.

Казалось, что верховное командование немецких вооруженных сил для сохранения своих войск, для построения на более узком фронте глубоко эшелонированной обороны на востоке и на западе быстро отведет свою группу армий «Север», в которой еще насчитывалось около 60 дивизий, более 1200 танков и 7 тысяч орудий.

Однако гитлеровское руководство не поднялось выше соображений политического престижа, и это приблизило его катастрофу. Видимо, Гитлер все еще надеялся на сговор с реакционными силами Запада, с тем чтобы в дальнейшем вести совместную борьбу против «коммунистической угрозы». В целом в битвах за Украину, Белоруссию и Прибалтику гитлеровское военно-политическое руководство оказалось неспособным понять сложившуюся обстановку и найти правильное решение в столь тяжелый для него момент.

Характерной особенностью летней кампании 1944 года являлось дальнейшее наращивание боевой мощи Советских Вооруженных Сил и рост оперативно-стратегического искусства высшего командования и штабов.

В летнюю кампанию 1944 года советские войска провели 7 крупных операций по окружению и разгрому немецких группировок. Это было значительно больше, чем в предыдущих кампаниях. Наиболее крупными операциями с решительными целями являлись Белорусская, Яско-Кишиневская и Львовско-Сандомирская, где было разгромлено до 127 дивизий противника. В результате оборонительный фронт немецких войск был разбит на 2200-километровом протяжении, от Западной Двины до Черного моря. Наши войска продвинулись вперед на отдельных направлениях до 700 километров.

В летней кампании 1944 года в наступательных операциях приняли участие все 12 фронтов, Северный, Балтийский и Черноморский флоты, все озерные и речные флотилии.

22 августа мне позвонили из Москвы и передали приказание Верховного Главнокомандующего немедленно прибыть в Ставку. Предварительно сообщили, что мне предстоит выполнить особое задание Государственного Комитета Обороны.

Распростившись с друзьями и боевыми соратниками, 23 августа я вылетел в Москву. Прибыв в столицу к вечеру того же дня, я сразу направился в Генеральный штаб.

* * *

Особое задание Государственного Комитета Обороны состояло в следующем. Мне надлежало вылететь в штаб 3-го Украинского фронта, с тем чтобы подготовить фронт к войне с Болгарией, царское правительство которой все еще продолжало сотрудничество с фашистской Германией.

Верховный посоветовал мне перед вылетом обязательно встретиться с Георгием Димитровым, чтобы лучше ознакомиться с общеполитической обстановкой в Болгарии, деятельностью Болгарской рабочей партии и вооруженными действиями антифашистских сил болгарского народа.

Георгий Димитров произвел на меня сильное впечатление. Это был исключительно скромный и душевный человек. Во всех его размышлениях и суждениях чувствовались большая сила ума и политическая дальновзоркость. Встретились мы тепло, и он очень обстоятельно рассказал все, что мне полезно было узнать. Видно было, что у него имеются очень хорошие и быстро действующие связи с подпольными организациями Болгарской рабочей партии.

— Хотя вы и едете на 3-й Украинский фронт с задачей подготовить войска к войне с Болгарией,— сказал Г. Димитров,— войны наверняка не будет. Болгарский народ с нетерпением ждет подхода Красной Армии, чтобы с ее помощью свергнуть царское правительство Багрянова и установить власть Народно-освободительного фронта.

— Советские войска,— продолжал Г. Димитров,— болгары встретят не огнем артиллерии и пулеметов, а по нашему старому славянскому обычаю, хлебом и солью. Что же касается правительственных войск, то вряд ли они рискнут вступить в бой с Красной Армией. По моим данным, почти во всех частях армии проводится большая работа нашими людьми. В горах и лесах — значительные партизанские силы. Они не сидят без дела и готовы спуститься с гор и поддержать народное восстание.

Потом, помолчав немного, добавил:

— Успехи советских войск оказали большое влияние на усиление народно-освободительного движения в Болгарии. Наша партия возглавляет это движение и взяла твердый курс

на вооруженное восстание, которое будет осуществлено с подходом Красной Армии.

Поблагодарив Г. Димитрова за беседу, я вновь вернулся в Генеральный штаб для окончательного уточнения вопросов подготовки предстоящей операции в Болгарии. У меня почти не было сомнения в том, что дело обойдется без военных действий. Но мы, люди военные, получив задачу от политического руководства, должны ее выполнять с величайшей точностью.

В то время болгарская армия насчитывала в своих рядах 450 тысяч человек, сведенных в пять армий и два отдельных корпуса. В воздушных силах было 410 самолетов, а в военноморских — более 80 боевых и вспомогательных немецких и болгарских судов¹.

В последних числах августа я прилетел в штаб 3-го Украинского фронта, который расположился в Фетешти, недалеко от Черноводского моста через Дунай. Этот мост в ходе войны неоднократно бомбила наша авиация, чтобы нарушить грузооборот между портом Констанца и основными районами Румынии.

3-м Украинским фронтом командовал Маршал Советского Союза Ф. И. Толбухин. К этому времени войска фронта вышли и остановились на линии Русе (Рущук) и далее по Дунаю до Черного моря. В составе фронта находились 37, 46, 57-я общевойсковые армии и 17-я воздушная армия. В оперативном отношении маршалу Ф. И. Толбухину были подчинены Черноморский флот и Дунайская флотилия. Общую координацию действий 2-го и 3-го Украинских фронтов в это время успешно осуществлял Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко. С ним мы встретились в Фетешти, чтобы обсудить вопросы действия войск фронтов.

Оперативно-стратегическая обстановка на всем южном направлении складывалась благоприятно. Успешно завершив разгром ясско-кишиневской группировки противника и освободив значительную часть Румынии, 2-й Украинский фронт быстро продвигался на запад через Валахскую равнину. Немецкие войска, действовавшие в Трансильвании и Карпатах, а также в Греции, Югославии и Албании, были рассечены и отрезаны друг от друга. На Черном море полное господство было за Черноморским флотом, а в воздухе — за советскими военно-воздушными силами.

---

¹ Архив МО СССР, ф. 240, оп. 52495, д. 90, лл. 269—271; ф. 243, оп. 20371, д. 61, лл. 44—45, 59—60.

Согласно разработанному плану 3-го Украинского фронта его 46-я армия подготовила наступление в общем направлении на Есекёй — Кубрат, 57-я — на Кочмар — Шумен, 37-я — на Добрич — Провадия; 7-й и 4-й гвардейские механизированные корпуса, действуя в направлении Карнобат — Бургас, должны были достигнуть этих пунктов на второй же день операции.

В связи с тем, что профашистское правительство Болгарии, несмотря на неоднократные предупреждения Советского правительства, продолжало нарушать обязательства нейтралитета и активно помогало гитлеровской Германии, Советское правительство 5 сентября объявило Болгарии войну. 6 сентября Ставка Верховного Главнокомандования дала приказ командованию 3-го Украинского фронта начать военные действия.

Утром 8 сентября все было готово, чтобы открыть огонь, но мы со своих наблюдательных пунктов не видели целей, по которым надо было вести этот огонь...

В стереотрубы, бинокли и невооруженным глазом мы наблюдали на болгарской территории обычную мирную жизнь: в населенных пунктах из труб вился дымок, а люди занимались житейскими делами. Присутствия воинских частей обнаружено не было.

Маршал Ф. И. Толбухин приказал войскам двинуть вперед передовые отряды. Не прошло и получаса, как командующий 57-й армией доложил, что одна из пехотных дивизий болгарской армии, построившись у дороги, встретила наши части с развернутыми красными знаменами и торжественной музыкой. Через некоторое время такие же события произошли и на других направлениях. Командармы доложили, что идет стихийное братание советских воинов с болгарским народом.

Я тотчас же позвонил в Ставку.

И. В. Сталин сказал.

— Все оружие болгарских войск оставьте при них, пусть они занимаются своими обычными делами и ждут приказа своего правительства.

Этим простым актом со стороны Верховного Главнокомандования было выражено полное доверие болгарскому народу и болгарской армии, которые по-братски встретили Красную Армию, видя в ней свою освободительницу от немецких оккупантов и царского профашистского режима.

Продвигаясь в глубь страны, советские войска везде и всюду встречали самое теплое отношение. Вскоре мы встретились с партизанскими отрядами, которые были хорошо вооружены и уже заняли ряд городов и военных объектов.

В связи с нависшей угрозой удара немецких войск из района южнее Ниш в сторону Софии Ставка приказала расположить в столице Болгарии усиленный стрелковый корпус.

8 сентября мы вошли в Варну, а 9 сентября в Бургас и другие районы. При подходе наших черноморских военноморских сил к болгарским портам и выброске воздушного десанта немцы потопили свои суда и были захвачены нашими моряками в плен.

Болгарский народ, руководимый своей Рабочей партией, 9 сентября сверг профашистское правительство и образовал демократическое правительство Отечественного фронта, которое обратилось к Советскому правительству с предложением о перемирии.

Государственный Комитет Оборона немедленно дал указание Ставке приостановить продвижение наших войск в Болгарию.

Согласно указанию Верховного Главнокомандования в 21 час 9 сентября мы закончили движение войск и расположились в назначенных районах. Было радостно сознавать, что в этой «войне» не было жертв ни с той, ни с другой стороны. Все эти события явились ярким проявлением освободительной миссии нашей армии. Они продемонстрировали действительную силу масс трудящихся в уничтожении антинародных режимов.

Мне не удалось тогда познакомиться поближе с этой страной, с которой нас связывают узы вековой дружбы, спаянной нашими народами в их совместной борьбе с угнетателями.

После войны, отдыхая в Варне с женой Галиной Александровной, мы объехали почти всю Болгарию. Галину Александровну, как подполковника медицинской службы, терапевта Главного военного госпиталя им. Н. Н. Бурденко, особенно интересовала организация медицинского обслуживания трудящихся Болгарии, меня — постановка военного дела в стране.

Везде мы видели исключительно бережное и любовное отношение болгарского народа к памяти русских воинов, отдавших свою жизнь за лучшее будущее болгарского народа. Было радостно наблюдать, с каким творческим подъемом рабочий класс, крестьянство и интеллигенция Болгарии трудятся под руководством своей Коммунистической партии, перестраивая страну на социалистических основах.

ОТ ВИСЛЫ ДО ОДЕРА

В конце сентября 1944 года я вернулся из Болгарии в Ставку. Через несколько дней Верховный поручил мне срочно выехать в район Варшавы на участки 1-го и 2-го Белорусских фронтов.

Необходимо было выяснить обстановку в самой Варшаве, где жителями города незадолго до этого было подпято восстание против фашистских захватчиков. Немецкое командование с особой жестокостью расправлялось с восставшими, подвергало зверским репрессиям и мирное население. Город был разрушен до основания. Под его обломками погибли тысячи мирных жителей.

Было установлено, что командование фронта, командование 1-й армии Войска Польского заранее не были предупреждены руководителем восстания Бур-Комаровским о готовящемся выступлении варшавян. С его стороны не было сделано никаких попыток увязать их действия с действиями 1-го Белорусского фронта. Командование советских войск узнало о восстании постфактум от местных жителей, перебравшихся через Вислу. Не была предупреждена об этом заранее и Ставка Верховного Главнокомандования.

По заданию Верховного к Бур-Комаровскому были посланы два парашютиста-офицера для связи и согласования действий, но он не пожелал их принять.

Чтобы оказать помощь восставшим варшавянам, советские и польские войска были переправлены через Вислу и захватили в Варшаве часть набережной. Однако со стороны Бур-Комаровского вновь не было предпринято никаких попыток установить с нами взаимодействие. Примерно через день немцы, подтянув к набережной значительные силы, начали теснить наши части. Создалась тяжелая обстановка. Мы несли большие потери. Обсудив создавшееся положение и не имея возможности овладеть Варшавой, командование фронта решило отвести войска с набережной на свой берег.

Я установил, что нашими войсками было сделано все, что было в их силах, чтобы помочь восставшим, хотя, повторяю, восстание ни в какой степени не было согласовано с советским командованием.

Все время — до и после вынужденного отвода наших войск — 1-й Белорусский фронт продолжал оказывать помощь восставшим, сбрасывая с самолетов продовольствие, медикаменты и боеприпасы. В западной прессе, я помню, по этому вопросу было немало ложных сообщений, которые вводили в заблуждение общественное мнение.

В первых числах октября я прибыл в 47-ю армию генерала Ф. И. Перхоровича, которая вела наступательные бои между Модлином и Варшавой. Армия эта, наступавшая по равнинной местности, несла большие потери и находилась в крайне переутомленном и ослабленном состоянии. Не лучше обстояло дело и в соседней 70-й армии, сражавшейся на участке Сероцк — Пултуск.

Мне была непонятна оперативная цель этого наступления, сильно изматывающего наши войска. К. К. Рокоссовский был со мной согласен, но Верховный требовал выхода 47-й армии на Вислу на участке Модлин — Варшава и расширения плацдармов на реке Нарев.

Позвонив Верховному и доложив обстановку, я просил его разрешения прекратить наступательные бои на участке 1-го Белорусского фронта, поскольку они были бесперспективны, и дать приказ о переходе войск правого крыла 1-го Белорусского фронта и левого крыла 2-го Белорусского фронта к обороне, чтобы предоставить им отдых и произвести пополнение.

— Вылетайте завтра с Рокоссовским в Ставку, поговорим на месте, — ответил Верховный. — До свидания.

Во второй половине следующего дня мы с К. К. Рокоссовским были в Ставке.

Кроме Верховного, там находились А. И. Антонов, В. М. Молотов и Г. М. Маленков.

Поздоровавшись, И. В. Сталин сказал:

— Ну, докладывайте!

Я развернул карту и начал докладывать. Вижу, И. В. Сталин нервничает: то к карте подойдет, то отойдет, то опять подойдет, пристально поглядывая то на меня, то на карту, то на К. К. Рокоссовского. Даже трубку отложил в сторону, что бывало всегда, когда он начинал терять хладнокровие и был чем-нибудь недоволен.

— Товарищ Жуков, — перебил меня В. М. Молотов, — вы

предлагаете остановить наступление тогда, когда разбитый противник не в состоянии сдержать напор наших войск. Разумно ли ваше предложение?

— Противник уже успел создать оборону и подтянуть необходимые резервы,— возразил я.— Он сейчас успешно отбивает атаки наших войск. А мы несем ничем не оправданные потери.

— Вы поддерживаете мнение Жукова? — спросил И. В. Сталин, обращаясь к К. К. Рокоссовскому.

— Да, я считаю, надо дать войскам передышку и привести их после длительного напряжения в порядок.

— Думаю, что передышку противник не хуже вас использует,— сказал Верховный.— Ну, а если поддержать 47-ю армию авиацией и усилить ее танками и артиллерией, сумеет ли она выйти на Вислу между Модлином и Варшавой?

— Трудно сказать, товарищ Сталин,— ответил К. К. Рокоссовский.— Противник также может усилить это направление.

— А вы как думаете? — обращаясь ко мне, спросил Верховный.

— Считаю, что это наступление нам не даст ничего, кроме жертв,— снова повторил я.— А с оперативной точки зрения нам не особенно нужен район северо-западнее Варшавы. Город надо брать обходом с юго-запада, одновременно нанося мощный рассекающий удар в общем направлении на Лодзь — Познань. Сил для этого сейчас на фронте нет, но их следует сосредоточить. Одновременно нужно основательно подготовить к совместным действиям и соседние фронты на берлинском направлении.

— Идите и еще раз проверьте ваши предложения,— оставил меня И. В. Сталин.

Мы с К. К. Рокоссовским вышли в библиотечную комнату и опять разложили карту. Но не успели мы как следует расположиться, как нас снова вызвали в кабинет Верховного:

— Мы тут посоветовались и решили согласиться на переход к обороне наших войск,— сказал Верховный.— Что касается дальнейших планов, мы их обсудим позже. Можете идти.

С К. К. Рокоссовским мы расстались молча, каждый занятой своими мыслями. Я отправился в Наркомат обороны, а К. К. Рокоссовский — готовиться к отлету в войска фронта.

На другой день Верховный позвонил мне:

— Как вы смотрите на то, чтобы руководство всеми фронтами в дальнейшем передать в руки Ставки?

Я понял, что он имеет в виду упразднить представителей Ставки для координирования фронтами.

— Да, количество фронтов уменьшилось, — ответил я. — Протяжение общего фронта также сократилось, руководство фронтами упростилось, и имеется полная возможность управлять фронтами непосредственно из Ставки.

— Вы это без обиды говорите?

— А на что же обижаться? Думаю, что мы с Василевским не останемся безработными, — пошутил я.

В тот же день вечером Верховный вызвал меня к себе и сказал:

— 1-й Белорусский фронт находится на берлинском направлении. Мы думаем поставить вас на это направление.

Я ответил, что готов командовать любым фронтом.

— Вы и впредь останетесь моим заместителем, — сказал И. В. Сталин. — Я сейчас поговорю с Рокоссовским.

Объяснив Константину Константиновичу о своем решении, И. В. Сталин предложил ему перейти на 2-й Белорусский фронт.

В конце октября 1944 года в Ставке при участии некоторых членов Государственного Комитета Обороны и начальника Генерального штаба рассматривался вопрос о завершающих операциях Великой Отечественной войны.

Коммунистическая партия, по-прежнему спланивая и объединяя усилия народа вокруг главной цели — скорейшей победы над врагом, в то же время все большее значение придавала созданию условий для всестороннего послевоенного восстановления хозяйства и быстрого перехода к мирному строительству.

Успешно решались топливно-энергетические проблемы, в значительных размерах возрастал выпуск чугуна, проката стали, станков, тракторов, вступали в строй многие десятки доменных и мартеновских печей и мощных прокатных станов.

Люди в тылу, радуясь победам на фронте, удваивали и утраивали свои усилия. С исключительным энтузиазмом народ поднимал из руин заводы и фабрики, восстанавливал транспорт и затопленные шахты, засеивал землю, еще не остывшую от пламени сражений, пропитанную кровью советских людей.

На растущее народное хозяйство все более прочно опиралась Красная Армия. Увеличился размах военных действий, возросли темпы наступления, требования к военной промышленности повысились — и они были полностью удовлетворены.

В 1944 году танков и самоходно-артиллерийских орудий было произведено 29 тысяч, самолетов — более 40 тысяч. В два-три раза возрастало поступление на фронт тяжелых танков ИС-2 со 122-миллиметровой пушкой, модернизированных средних танков Т-34, истребителей ЯК-3, штурмовиков

ИЛ-10, скоростных бомбардировщиков ТУ-2.

Все это была превосходная военная техника, созданная талантливыми конструкторами, поставленная на массовое производство и по своим тактико-техническим данным превосходящая не только немецкие, но и другие зарубежные боевые машины.

Успехи советской экономики позволили обеспечить всем необходимым уже не только Советские Вооруженные Силы, но и оказать помощь вооружением народам Центральной и Юго-Восточной Европы в их освободительной борьбе. В частности, Войску Польскому Советский Союз за время Великой Отечественной войны передал 8340 орудий и минометов, 630 самолетов, 670 танков и самоходно-артиллерийских установок, свыше 406 тысяч винтовок и автоматов, большое количество транспортных машин, средств связи и различного снаряжения. Войска Югославии получили за это время 5800 орудий и минометов, около 500 самолетов, 69 танков, более 155 тысяч винтовок и автоматов, свыше 15,5 тысячи пулеметов¹.

К тому времени советские войска завершили изгнание немецко-фашистских войск с территории Советского Союза, восстановили государственную границу СССР (за исключением Курляндии) и частично перенесли боевые действия на территорию фашистской Германии и восточноевропейских государств.

2-й и 1-й Прибалтийские фронты занимали рубежи по линии Тукумс — Мемель (исключительно) — река Неман до Юрбурга. 3-й и 2-й Белорусские фронты занимали оборону по линии Юрбург — Августовский канал — Ломжа — Сероцк, имея на реке Нарев два плацдарма.

1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты занимали рубежи по линии предместье Варшавы Прага — река Висла — Ясло.

Эти два фронта занимали три крупных плацдарма в районах Магнушев, Пулава, Сандомир.

Далее фронт советских войск проходил на линии Левице — Эстергом — озеро Балатон — Печ.

Затем фронт уже занимали части болгарской армии. На рубеж Вуковар — Чачак — Сплит до Адриатического моря вышла Югославская народно-освободительная армия, во главе которой был маршал И. Броз Тито.

Войска США, Англии и Франции, заняв Францию, Бельгию и часть Голландии, вышли на линию от устья реки Маас в Голландии и далее к границам Германии до Швейцарии,

¹ Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне. М., Политиздат. 1971, стр. 111, 236.

плотную подойдя к укрепленному рубежу так называемой линии Зигфрида.

Для фашистской Германии наступила тяжелая пора. К концу 1944 года производство вооружения стало резко падать. Германия оказалась зажатой с востока, юго-востока, юга и запада. Можно сказать, к концу 1944 года она попала в стратегическое окружение, выход из которого найти было очень трудно. Надежды на помощь и поддержку западных империалистических кругов не оправдались, а мощь Красной Армии день ото дня все более возрастала.

Сколько ни приходилось нам в этот период опрашивать пленных немцев, мы не встречали таких, кто бы еще верил в возможную победу Германии. Все они заявляли: «Германия капут», «Гитлер капут». Однако Гитлер проводил одну тотальную мобилизацию за другой. Фашисты беспощадно подавляли малейшее недоверие к своему режиму и всякое инакомыслие. Особенно жестокие расправы проводило гестапо после покушения на Гитлера 20 июля 1944 года.

18 октября был введен в действие указ германского правительства об образовании фольксштурма (народного ополчения), в который призывались лица в возрасте от 18 до 60 лет. Это ополчение под началом Гимmlера должно было служить резервной армией.

Мы хорошо знали, что немецкий фольксштурм не сможет выдержать ударов нашей опытной и хорошо вооруженной кадровой армии. Гитлеровцы создали даже женский вспомогательный корпус. Все эти меры были жестом отчаяния, и нам было ясно: Германия напрягает последние силы, пытается оттянуть неизбежную катастрофу.

Однако к концу 1944 года гитлеровское командование было еще способно вести серьезные оборонительные сражения, оказывать активное сопротивление. В вооруженных силах противника все еще насчитывалось около 7,5 миллиона человек, при этом в действующей армии — 5,3 миллиона. Как и раньше, гитлеровское командование и теперь, на завершающем этапе, держало на Восточном фронте большую часть своих сил: 3,1 миллиона человек, 28,5 тысячи орудий и минометов, около 4 тысяч танков и штурмовых орудий, около 2 тысяч боевых самолетов.

При этом нужно учесть, что линия советско-германского фронта сократилась почти вдвое, и потому плотность обороны вражеских войск была высокой.

Советские войска к тому времени превосходили врага по всем показателям. Наша Действующая армия к исходу 1944 года

насчитывала около шести миллионов человек. У нее было более 91,4 тысячи орудий и минометов, 2993 реактивные установки, около 11 тысяч танков и самоходно-артиллерийских установок, более 14,5 тысячи самолетов, без учета Ленинградского фронта и 37-й отдельной армии, располагавшейся на юго-востоке Болгарии.

Только благодаря дальновидной политике и уверенному руководству партии, преимуществу социалистической системы, самоотверженному труду и колоссальному напряжению советских людей к исходу войны могла выйти к границе Советского Союза такая могучая армия. Нелегко далась нашему народу эта победа — добиться столь разительного преимущества его вооруженных сил над врагом.

В это время наша боевая мощь усилилась польскими, чехословацкими, румынскими и болгарскими войсками, которые успешно громили фашистов. Их общая численность к началу 1945 года составляла 320 тысяч человек, они имели 5200 орудий и 200 танков.

В составе 3-го Белорусского фронта героически сражались французские летчики авиационного полка «Нормандия — Неман».

На Западе американские, английские и французские войска имели 87 хорошо укомплектованных и отлично вооруженных дивизий, 6500 танков, более 10 тысяч самолетов. Этим силам немецкое командование противопоставило всего лишь 74 крайне малочисленные и плохо подготовленные дивизии, 1600 танков и штурмовых орудий, до 1750 боевых самолетов.

Следовательно, союзники уже вскоре после открытия второго фронта превосходили противника по числу людей в 2 раза, по танкам — в 4 раза, по самолетам — в 6 раз.

Против 21 дивизии и 9 бригад союзных войск в Италии немцы имели 31 малоукомплектованную дивизию.

После всестороннего анализа обстановки и возможностей всех борющихся сторон Ставка Верховного Главнокомандования решила подготовить и провести в начале 1945 года на всех стратегических направлениях мощные наступательные операции со следующими основными задачами:

- разгромить восточно-прусскую группировку и овладеть Восточной Пруссией;
- разгромить противника в Польше, Чехословакии, Венгрии, Австрии;
- выйти на рубеж в устье реки Вислы — Бромберг (Быдгощ) — Познань — Бреслау (Вроцлав) — Моравска-Острава — Вена.

Было решено главные усилия завершающей кампании сосредоточить на варшавско-берлинском направлении, там, где должен был наступать 1-й Белорусский фронт. Уничтожение курляндской группы (16-й и 18-й армий) противника возлагалось на 2-й и 1-й Прибалтийские фронты и Балтийский флот, которые должны были не допустить переброску сил, прижатых к Балтийскому морю, на другие фронты.

В этот период у Ставки имелся неплохо налаженный контакт с главным командованием экспедиционных союзных войск на Западе. Нам было известно, что американское, английское и французское командования готовили наступательную операцию с целью разгрома немцев в районах Рура и Саара и выхода своих войск в центральные районы Германии. В южном и юго-восточном стратегических направлениях ими планировалось нанесение вспомогательных ударов.

Здесь следует отметить одну существенную деталь. Берлин в это время находился от советского фронта и фронта союзников почти на одинаковом расстоянии. И не случайно У. Черчилль в своих мемуарах не раз упоминал о Берлине как желательном объекте для захвата союзническими войсками, хотя взятие Берлина, согласно договоренности между правительствами, входило в функцию советских войск.

Координация действий союзных и советских войск в этот период осуществлялась главным образом путем взаимной передачи данных верховным командованием сторон.

Я должен сказать, что И. В. Сталин в то время доверял информации Д. Эйзенхауэра. Все данные о планах и действиях наших войск Генеральный штаб передавал через военные миссии США и Англии. Кроме того, главы правительств периодически обменивались посланиями по принципиальным вопросам действий сторон.

Из переписки с президентом Ф. Рузвельтом видно, что в это время была достигнута полная ясность в осуществлении соглашений между СССР и США как в отношении поставок по ленд-лизу, так и в области стратегических вопросов.

Этого нельзя было сказать об У. Черчилле. В его письмах не было откровенности, чувствовалась какая-то затаенность, настойчивое стремление к захвату центральных районов Германии. Это, естественно, заставляло Советское правительство быть более настороженным.

Я не считаю нужным здесь приводить переписку между У. Черчиллем, Ф. Рузвельтом и И. Сталиным, так как она опубликована. Если ее внимательно перечитать сегодня, станет

еще более очевидным, как вынашивал У. Черчилль свои замыслы послевоенного устройства государств Центральной Европы, во главе которых должны были встать правительства, зависимые от империалистического Запада.

В конце октября и начале ноября 1944 года мне пришлось по заданию Верховного Главнокомандующего основательно поработать над основными вопросами завершающей кампании войны, и прежде всего над планами операций на берлинском направлении.

Должен с удовлетворением отметить, что наш Генеральный штаб в этот период стоял на большой высоте в искусстве планирования крупных стратегических наступательных операций.

Анализируя обстановку, Генштаб правильно считал, что наибольшее сопротивление враг окажет нашим войскам на берлинском направлении. Подтверждением этого служили крайне малые результаты наступательных действий наших войск в октябре (3, 2-го и 1-го Белорусских фронтов) и их вынужденный переход к обороне в первых числах ноября 1944 г. на западном стратегическом направлении.

Я целиком был согласен с Генштабом, с его главными операторами А. И. Антоновым, С. М. Штеменко, А. А. Грызловым и Н. А. Ломовым, которые на всех этапах работы оперативного управления показали себя выдающимися знатоками оперативно-стратегического планирования.

По мнению Генштаба, в первую очередь должны были начать наступление наши южные фронты на венском направлении. Это неизбежно заставило бы германское командование перебросить значительные силы, стоявшие против наших западных фронтов, для укрепления юго-восточного стратегического направления, от которого зависела судьба юга и юго-востока Германии.

При рассмотрении плана наступления фронтов на западном направлении возникал серьезный вопрос о Восточной Пруссии, где противник имел крупную группировку и сильно развитую оборону, опирающуюся на долговременные инженерные сооружения, труднопроходимую местность и крепкие каменные постройки населенных пунктов и городов.

Пришлось с сожалением констатировать тот промах, который допустил Верховный, не приняв предложение, сделанное еще летом, об усилении фронтов, действовавших на восточно-прусском направлении. Как помнит читатель, оно строилось на том, чтобы с ходу сломать оборону противника при успешном развитии Белорусской операции. Теперь вражеская группи-

ровка в Восточной Пруссии могла серьезно угрожать нашим войскам при наступлении на берлинском направлении.

Точно не помню, 1 или 2 ноября меня и А. И. Антонова вызвал Верховный для рассмотрения плана зимних операций. Докладывал проект А. И. Антонов, согласовав его предварительно со мной. И снова Верховный не считал нужным согласиться с нашим общим предложением усилить еще одной армией 2-й Белорусский фронт для разгрома восточно-прусской группировки. Мы предлагали взять эту армию за счет Прибалтийских фронтов, которым, по нашему мнению, следовало бы перейти к обороне, блокировав 16-ю и 18-ю армии курляндской группы противника.

После ноябрьских праздников мы вместе с Генштабом занялись подробной разработкой плана наступления войск 1-го Белорусского фронта.

К этому времени командование и штаб 1-го Белорусского фронта уже представили в Генштаб свои основные соображения о проведении операции, которые в основном отвечали обстановке. О них у нас были неоднократные разговоры с К. К. Рокоссовским и М. С. Малининым.

Как уже говорилось, я не был согласен с фронтальным ударом на Варшаву через реку Вислу, о чем доложил Верховному Главнокомандующему. Верховный утвердил мое предложение.

15 ноября я выехал в Люблин, где мне был передан приказ о назначении командующим 1-м Белорусским фронтом (членом Военного совета фронта был генерал К. Ф. Телегин), а К. К. Рокоссовский этим же приказом назначался командующим 2-м Белорусским фронтом. Здесь, в Люблине, я встретился с Б. Берутом и другими руководителями Польской рабочей партии и Национального комитета освобождения Польши.

16 ноября я вступил в командование 1-м Белорусским фронтом, К. К. Рокоссовский в этот же день выехал на 2-й Белорусский фронт.

До конца ноября штаб фронта во главе с М. С. Малининым отрабатывал план наступления и готовил необходимые заявки Ставке Верховного Главнокомандования на дополнительные войска и материальные средства. Штабом фронта, штабом тыла фронта и командующими родами войск был проделан титанический труд по расчетам сил и средств на предстоящую операцию.

В конце ноября план был утвержден. Твердых сроков начала наступательных операций Верховным названо не было, однако была указана ориентировочная готовность к 15—20 января.

Поставленные задачи и сроки требовали большой и сложной работы в войсках, штабах, тыловых органах и командных инстанциях.

Подготовка Висло-Одерской операции в значительной степени отличалась от подготовки предыдущих операций подобного масштаба, проводимых на нашей территории. Раньше мы получали хорошие разведывательные сведения от наших партизанских отрядов, действовавших в тылу врага. Здесь их у нас не было.

Теперь нужно было добывать данные о противнике главным образом с помощью агентурной и авиационной разведки и разведки наземных войск. На эту важную сторону дела было обращено особое внимание командования штабов всех степеней.

Наши тыловые железнодорожные и грунтовые пути теперь проходили по территории Польши, где, кроме настоящих друзей и лояльных к нам жителей, имелась и вражеская агентура. Новые условия требовали от нас особой бдительности, скрытности сосредоточений и перегруппировок войск.

К тому времени армейские партийные организации по указанию ЦК провели большую разъяснительную работу относительно поведения наших войск за рубежом, куда мы шли не как завоеватели, а как освободители от вражеской оккупации. Во всех частях войск фронта надлежало еще шире развернуть воспитательную работу, чтобы с самого начала нашего пребывания в Польше не было каких-либо непродуманных актов со стороны наших солдат и офицеров.

С органами местной власти и польской общественностью у нас установились нормальные взаимоотношения, и они помогали нам, чем могли. В свою очередь, наши войска делились с поляками всем, что имели. Так, с первых шагов, с первых встреч закладывался фундамент братской дружбы советского и польского народов, испытавших тяжесть оккупации врага.

Чтобы сделать подготовку операции более целеустремленной, Военный совет фронта решил провести игру, отражающую предстоящую операцию. Были привлечены все командующие армиями, члены Военных советов, начальники штабов, командиры отдельных корпусов, заместитель командующего по тылу фронта, командующие и начальники родов войск и служб. Штаб фронта блестяще справился с подготовкой этой игры, и она прошла интересно и поучительно. Здесь же были доложены руководством тыла фронта и тщательно обсуждены вопросы материально-технического обеспечения.

Командующие армиями, в свою очередь, также провели

игры в армейском масштабе. Все это, особенно обсуждение вопросов, связанных с предстоящей операцией, помогло всему руководящему составу глубже уяснить роль каждого и добиться полного понимания относительно взаимодействия со своими соседями, авиацией, подвижными войсками, артиллерией и инженерными войсками.

В связи с тем, что операция нашего фронта разворачивалась с двух сравнительно небольших плацдармов, на которых сосредоточивалось громадное количество войск, организация армейских и войсковых тылов была особенно сложна. Это усугублялось еще и тем, что при развитии операции мы должны были некоторое время питать войска всем необходимым для боя и жизни только через плацдармы, имевшие крайне ограниченные грунтовые пути.

Чтобы установить более тесное взаимодействие между плацдармами, в штабе 69-й армии генерала В. Я. Колпакчи 4 января была проведена игра с командирами всех соединений армии. Для участия в ней я пригласил командующих 8-й гвардейской армией В. И. Чуйкова, 5-й ударной армией Н. Э. Берзарина и командующих 1-й и 2-й гвардейскими танковыми армиями М. Е. Катукова и С. И. Богданова с их начальниками штабов.

В конце декабря мне пришлось еще раз слетать в Ставку для обсуждения с Верховным ряда вопросов, связанных с окончательным утверждением общего плана завершающих операций.

Замысел Ставки Верховного Главнокомандования относительно этих операций на западном стратегическом направлении окончательно сложился в конце ноября 1944 года. Заблаговременное определение стратегического плана дало возможность фронтам с особой тщательностью продумать все оперативно-стратегические, политические и материальные вопросы.

Прежде чем нанести удар непосредственно по Берлину, намечалось осуществить на западном стратегическом направлении две крупные наступательные операции: одну — в Восточной Пруссии силами 3-го и 2-го Белорусских фронтов, а вторую — на варшавско-берлинском направлении. Последняя поручалась войскам 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов.

1-й Белорусский фронт должен был нанести удар в общем направлении на Познань. 1-й Украинский фронт имел задачу выйти на Одер (Одра) к северо-западу от Глогау (Глогув), Бреслау (Вроцлав), Ратибор (Рацебуж). 2-й Белорусский фронт полностью был нацелен против восточно-прусской группировки противника. Основные его силы, решавшие задачу по отсечению этой группировки, до начала февраля вели бои

в Восточной Пруссии. Армии левого крыла 2-го Белорусского фронта с выходом на нижнюю Вислу, севернее Бромберга (Быдгощ), должны были перейти к обороне.

Ближайшая оперативная цель 1-го Белорусского фронта сводилась к тому, чтобы прорвать оборону противника одновременно на двух направлениях и, разгромив варшавско-радомскую группировку, выйти на меридиан Лодзи. В дальнейшем намечалось наступать в общем направлении на Познань до рубежа Бромберг (Быдгощ) — Познань и южнее, где войти в тактическую связь с войсками 1-го Украинского фронта.

Последующее продвижение тогда не планировалось, так как Ставка не могла знать заранее, как именно сложится обстановка с выходом войск 1-го Белорусского фронта на линию Бромберг (Быдгощ) — Познань. Наступление 2-го Белорусского фронта могло задержаться, и в этом случае поставленная Верховным Главнокомандованием цель по обходу и изоляции восточно-прусской группировки могла быть не выполнена. И тогда 1-му Белорусскому фронту, возможно, пришлось бы значительную часть своих сил бросить на север для оказания помощи 2-му Белорусскому фронту.

Что касается соседа слева, то мы были уверены, что он не отстанет. 1-й Украинский фронт по своим силам почти был равен 1-му Белорусскому. К тому же оба фронта наносили почти смежные удары. Исходя из этого, мы полагали, что нам не придется разворачивать свои силы в южном направлении. Ставка также не предусматривала поворота группировки 1-го Белорусского фронта в юго-западном и южном направлениях.

Это и невозможно было намечать в условиях, когда операция планировалась на глубину в несколько сот километров, а вражеское командование имело полную возможность маневрировать своими резервами. Например, перебросить дополнительные силы с Запада, взять их от блокированной курляндской группировки, наконец, маневрируя по фронту, собрать необходимые силы на одном из участков и оказать нам активное противодействие.

Итак, Ставка считала, что решение о том, как действовать войскам 1-го Белорусского фронта после выхода на линию Бромберг (Быдгощ) — Познань, будет принято позже, в зависимости от обстановки.

Операция 1-го Белорусского фронта вначале называлась Варшавско-Познанской, а когда войска фронта вышли на Одер в районе Кюстрина, она получила наименование Висло-Одерской.

Операция строилась по следующему плану. Главный удар наносился с магнусhevского плацдарма силами 5-й ударной, 61-й и 8-й гвардейской армий, 1-й и 2-й гвардейских танковых армий. Кроме того, из-за правого фланга 61-й армии генерала П. А. Белова после преодоления реки Пилицы вводились основные соединения 1-й армии Войска Польского под командованием генерала Станислава Поплавского, которые нацеливались на Варшаву.

После преодоления реки Пилицы 61-я армия наступала в обход Варшавы с запада в общем направлении на Сохачев, имея в виду частью сил ударить на Варшаву с запада. 5-я ударная армия генерала Н. Э. Берзарина после прорыва обороны противника наносила удар в общем направлении на Озorkув и далее на Гнезно. 8-я гвардейская армия генерала В. И. Чуйкова после прорыва наступала левее 5-й ударной армии в общем направлении на Лодзь и далее на Познань.

2-я гвардейская танковая армия генерала С. И. Богданова, войдя в прорыв на участке 5-й ударной армии, стремительно выходила в район Сохачева с задачей отрезать пути отхода варшавской группировки, после чего наступала на Кутно, Гнезно. 1-я гвардейская танковая армия генерала М. Е. Катукowa, вводимая в прорыв на участке 8-й гвардейской армии, развивала удар на Лодзь и далее на Познань.

Действия наземных войск поддерживались 16-й воздушной армией генерала С. И. Руденко. 2-й гвардейский кавалерийский корпус генерала В. В. Крюкова выдвигался за 2-й гвардейской танковой армией и должен был наступать вдоль реки Вислы в общем направлении на Бромберг (Быдгощ). Во втором эшелоне фронта двигалась 3-я ударная армия генерала В. И. Кузнецова.

Вспомогательный удар наносился с пулавского плацдарма 69-й и 33-й армиями, усиленными 11-м и 9-м танковыми корпусами, в общем направлении на Радом и далее на Лодзь. После прорыва частью сил левофланговой 33-й армии и 9-м танковым корпусом надлежало нанести удар на Скаржиска-Каменная с целью окружения и разгрома кельце-радомской группы противника. С 33-й армией взаимодействовала 4-я танковая армия 1-го Украинского фронта под командованием генерала Д. Д. Лелюшенко. Во втором эшелоне двигался резерв фронта — 7-й кавалерийский корпус генерала М. П. Константинова.

На сутки позже 47-я армия генерала Ф. И. Перхоровича наносила удар северо-западнее Варшавы. Здесь же наступала 2-я дивизия 1-й армии Войска Польского.

Более детально планировалась ближайшая задача фронта: разгром варшавско-радомо-лодзинской группировки и захват Варшавы. Дальнейшая задача планировалась лишь в общих чертах. Имелось в виду (как это и положено при планировании фронтовых операций) уточнить ее в ходе выполнения ближайшей задачи.

В своих расчетах мы исходили из того, что нам придется драться с упорным и пока еще сильным противником, которого мы уже хорошо знали.

Мы много думали над тем, как лучше организовать артиллерийскую и авиационную подготовку, чтобы осуществить прорыв обороны на всю ее тактическую глубину, быстрее ввести в прорыв танковые войска, на которые делалась основная ставка.

В процессе подготовки операции было проведено много дезинформационных мероприятий, чтобы скрыть масштаб предстоящего наступления и направления ударов, особенно главного удара. Мы пытались создать у противника впечатление о сосредоточении основной массы войск фронта против Варшавы восточнее ее.

Однако у нас не было полной уверенности в том, что противник обманут и не понял наших истинных намерений. Мы опасались, что, разгадав нашу подготовку, он отведет свои основные силы с первой позиции в глубину, чтобы заставить нас расстрелять сотни тысяч снарядов по пустым местам.

После всестороннего анализа обстановки и обсуждения всех «за» и «против» с командующими и начальниками родов войск было решено непосредственно перед генеральной атакой провести сильную боевую разведку, поддержав ее мощным тридцатиминутным артиллерийским огнем, и, если противник дрогнет, немедленно начать общую атаку главными силами.

Для атаки переднего края от каждой дивизии выделялись один-два стрелковых батальона с танками и самоходно-артиллерийскими установками. Разведка боем, кроме артиллерии, поддерживалась ударами авиации.

Атаку разведывательных батальонов противник не выдержал и, видимо, приняв ее за атаку главных сил фронта, начал отходить с переднего края в глубину. Тогда, открыв более мощный огонь всей артиллерии и бросив основную массу авиации по дальним целям обороны противника, армии фронта начали атаку всеми силами первых армейских эшелонов. В первый же день операции в 13 часов был введен в сражение 11-й танковый корпус.

С этого момента прорыв развивался нормально, а мы сэкономили многие тысячи тонн снарядов, которые очень пригодились позднее при развитии операции.

Со второго дня операции были введены в действие 1-я и 2-я гвардейские танковые армии, 9-й танковый корпус. Их удар сразу потряс всю тактическую и оперативную оборону противника. Стремительный выход 2-й гвардейской танковой армии в район Жирардув — Сохачев, захват 47-й армией южного берега Вислы севернее Варшавы заставили противника начать быстрый отвод войск из Варшавы.

Уходя из города, враг подверг столицу Польши сплошному разрушению, а жителей — массовому уничтожению.

Правее 1-го Белорусского фронта действовали 2-й и 3-й Белорусские фронты. Перед ними была поставлена задача разгромить восточно-прусскую группировку немецких войск и овладеть Восточной Пруссией.

2-й Белорусский фронт своей главной группировкой должен был выйти в район Мариенбурга и отсечь восточно-прусскую группировку от Восточной Померании, от Данцига и Гдыни.

Войска фронта наступали с рожанского плацдарма через Млаву. Вспомогательный удар наносился с сероцкого плацдарма в общем направлении на Бельск, Липно. 70-я армия, двигаясь своим левым флангом вдоль северного берега Вислы, имела задачу не допустить отхода противника за Вислу из полосы наступления 1-го Белорусского фронта.

Наступление началось 13 января. 2-й Белорусский фронт (командующий Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский, член Военного совета генерал Н. Е. Субботин, начальник штаба генерал А. Н. Боголюбов) частью сил перешел в наступление одновременно с 3-м Белорусским фронтом (командующий генерал И. Д. Черняховский, член Военного совета генерал В. Е. Макаров, начальник штаба генерал А. П. Покровский). На следующий день двинулись главные силы войск К. К. Рокоссовского на млавском направлении.

Противник оказал здесь упорное сопротивление. Прорыв развивался очень медленно, и лишь 19 января после ввода в сражение всех танковых и механизированных войск фронта прорыв был завершен, и 2-й Белорусский фронт овладел Млавой, Пшаснышем и Цеханувом. Успешным и опережающим продвижением 47-й армии и 2-й гвардейской танковой армии южнее Вислы прочно обеспечивался левый фланг 2-го Белорусского фронта.

Левее 1-го Белорусского фронта с сандомирского плацдарма 12 января начали наступление войска 1-го Украинского фронта (командующий Маршал Советского Союза И. С. Конев, член Военного совета генерал К. В. Крайнюков, начальник штаба генерал В. Д. Соколовский). Директивой Ставки 1-му Украинскому фронту были поставлены задачи на 10—11-й день операции овладеть рубежом Петроков — Ченстохов — Мехув и развивать наступление на Бреславль.

Наступление войск 1-го Украинского фронта развивалось успешно. В первый же день прорыв главной полосы обороны был завершен, и войска первого эшелона фронта при поддержке части сил танковых армий продвинулись на 20 километров. Введенные в сражение 3-я гвардейская танковая армия генерала П. С. Рыбалко и 4-я танковая армия генерала Д. Д. Лелюшенко вышли на оперативный простор, громя подходящие резервы противника.

В своих воспоминаниях о битве на Висле немецкий генерал К. Типпельскирх так описывает эти сражения:

«Удар был настолько сильным, что опрокинул не только дивизии первого эшелона, но и довольно крупные подвижные резервы, подтянутые по категорическому приказу Гитлера совсем близко к фронту. Последние понесли потери уже от артиллерийской подготовки русских, а в дальнейшем в результате общего отступления их вообще не удалось использовать согласно плану»¹.

К сказанному К. Типпельскирхом можно только добавить, что резервы эти нельзя было никак использовать, поскольку они были полностью разгромлены войсками 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов.

17 января 3-я гвардейская танковая армия П. С. Рыбалко и 5-я гвардейская армия А. С. Жадова захватили город Ченстохов, а 59-я и 60-я армии завязали бои на северных подступах к Кракову.

За 6 дней наступления 1-й Украинский фронт продвинулся до 150 километров и вышел на рубеж Радом — Ченстохов — севернее Кракова — Тарнув. Перед фронтом создавалась благоприятная обстановка для дальнейшего наступления к Одеру.

1-й Белорусский фронт, перешедший в наступление 14 января, также успешно развивал операцию.

Тот же К. Типпельскирх писал:

¹ К. Типпельскирх. История второй мировой войны. Издательство иностранной литературы, М., 1956, стр. 508.

«К вечеру 16 января (то есть на третий день наступления. — Г. Ж.) на участке от реки Ниды до реки Пилицы уже не было сплошного, органически связанного немецкого фронта. Грозная опасность нависла над частями 9-й армии, все еще оборонявшимися на Висле у Варшавы и южнее. Резервов больше не было».

17 января 1-й Белорусский фронт оказался на одной линии с 1-м Украинским фронтом. В тот день в Варшаву вступили войска 1-й армии Войска Польского. Вслед за ними вошли фланговые части 47-й и 61-й армий советских войск.

Как и после разгрома немецких войск под Москвой, Гитлер произвел очередные экзекуции над своим генералитетом за поражение в районе Варшавы. Командующий группой армий «А» генерал-полковник И. Гарпе был заменен генерал-полковником Ф. Шернером, а командующий 9-й армией генерал С. Лютвиц — генералом пехоты Т. Буссе.

Осмотрев истерзанный город, Военный совет 1-го Белорусского фронта доложил Верховному:

«Фашистские варвары уничтожили столицу Польши — Варшаву. С ожесточенностью изощренных садистов гитлеровцы разрушали квартал за кварталом. Крупнейшие промышленные предприятия стерты с лица земли. Жилые дома взорваны или сожжены. Городское хозяйство разрушено. Десятки тысяч жителей уничтожены, остальные были изгнаны. Город мертв»¹.

Слушая рассказы о зверствах, которые творили немецкие фашисты во время оккупации и особенно перед отступлением, трудно было даже понять психологию и моральный облик вражеских войск.

Особенно тяжело переживали разрушение Варшавы польские солдаты и офицеры. Я видел, как плакали закаленные в боях войны и давали клятву покарать потерявшего человеческого облик врага. Что касается советских воинов, то все мы были ожесточены до крайности и полны решимости крепко наказать фашистов за все злодеяния.

Войска смело и быстро ломали всякое сопротивление противника и стремительно продвигались вперед.

В связи с успешным развитием операции Ставка 17 января уточнила задачи фронтам на одерском направлении:

1-му Белорусскому фронту ставилась задача не позднее 2—4 февраля овладеть рубежом Быдгощ — Познань;

1-му Украинскому фронту главными силами продолжать наступление на Бреслау (Вроцлав), не позднее 30 января выйти

¹ Архив МО СССР, ф. 223, оп. 2356, д. 570, л. 4.

на Одер южнее Лешно и захватить плацдармы на западном берегу этой реки. Левофланговыми армиями 20—22 освободить Краков.

Главное командование немецких войск перебросило в район Лодзи из Восточной Пруссии танковую дивизию «Великая Германия» и еще пять дивизий с Запада, чтобы остановить наступление 1-го Белорусского фронта, но эти войска были разбиты, не успев даже как следует развернуться. Удар был настолько стремительным и ошеломляющим, что немцы потеряли всякую надежду на возможность остановить советские войска где-либо на территории Польши.

19 января был взят город Лодзь, а войска правого крыла фронта 23 января захватили город Быдгощ. Утром 22 января войска 1-й гвардейской танковой армии завязали бои за Познань. Вскоре к Познани подошли войска 69-й армии, а затем и 8-й гвардейской армии. Левое крыло фронта вышло в район Яроцин, где установило тактическое взаимодействие с правым крылом 1-го Украинского фронта.

Днем 25 января мне позвонил Верховный. Выслушав мой доклад, он спросил, что мы намерены делать дальше.

— Противник деморализован и не способен сейчас оказать серьезное сопротивление, — ответил я. — Мы решили продолжать наступление с целью выхода войска фронта на Одер. Основное направление наступления — на Кюстрин (Костшин), где попытаемся захватить плацдарм. Правое крыло фронта разворачивается в северном и северо-западном направлениях против восточно-померанской группировки, которая не представляет пока серьезной непосредственной опасности.

— С выходом на Одер вы оторветесь от фланга 2-го Белорусского фронта больше чем на 150 километров, — сказал И. В. Сталин. — Этого сейчас делать нельзя. Надо подождать, пока 2-й Белорусский фронт закончит операцию в Восточной Пруссии и перегруппирует свои силы за Вислу.

— Сколько времени это займет?

— Примерно дней десять. Учтите, — добавил И. В. Сталин, — 1-й Украинский фронт сейчас не сможет продвигаться дальше и обеспечивать вас слева, так как будет занят некоторое время ликвидацией противника в районе Опшеля — Катовице.

— Я прошу не останавливать наступления войска фронта, так как потом нам будет труднее преодолеть мезерицкий укрепленный рубеж. Для обеспечения нашего правого фланга достаточно усилить фронт еще одной армией.

Верховный обещал подумать, но ответа в тот день мы не получили.

26 января разведка 1-й гвардейской танковой армии достигла мезерицкого укрепленного рубежа и захватила большую группу пленных. Из их показаний было установлено, что этот укрепленный район на многих участках еще не занят немецкими войсками, их части еще только выдвигаются туда. Командование фронта приняло решение ускорить движение к Одеру главных сил фронта и попытаться с ходу захватить плацдарм на его западном берегу.

Для того чтобы оградить главные силы фронта, выдвигавшиеся к Одеру, от возможных ударов противника со стороны Восточной Померании, было решено развернуть фронтом на север 3-ю ударную армию, 1-ю армию Войска Польского, 47, 61-ю армии и 2-й гвардейский кавкорпус.

Для уничтожения гарнизона в Познани оставлялась часть сил 8-й гвардейской, 69-й армий и 1-й гвардейской танковой армии. Взятие Познани поручалось лично командующему 8-й гвардейской армии генералу В. И. Чуйкову. В то время считалось, что там окружено не больше 20 тысяч войск, но в действительности их оказалось более 60 тысяч, и борьба с ними в укрепленном городе затянулась до 23 февраля.

По нашим расчетам, до выхода войск фронта на Одер враг не мог организовать контрудар из Померании, а в случае серьезной опасности мы могли еще успеть перегруппировать часть войск с Одера для разгрома померанской группировки. Так оно потом и получилось.

После дополнительных переговоров Верховный согласился с предложением командования фронта. Он обязал нас хорошо подумать о своем правом фланге, но в выделении дополнительных сил отказал. Беспокойство Ставки о прикрытии нашего правого фланга было вполне обоснованным. Как показал последующий ход событий, угроза ударов со стороны Восточной Померании непрерывно возрастала.

Наступление развивалось стремительно. Главные силы фронта, разгромив разрозненные части противника и сломив его сопротивление на мезерицком укрепленном рубеже, к 1—4 февраля вышли на Одер и захватили на его западном берегу в районе Кюстрина (Костшин) очень важный плацдарм.

Не могу не сказать здесь хотя бы несколько слов о героических действиях 5-й ударной армии, во главе которой стояли генерал-лейтенант Н. Э. Берзарин и член Военного совета генерал-лейтенант Ф. Е. Боков.

Огромная заслуга в захвате плацдарма принадлежит передовому отряду 5-й ударной армии. Возглавляли этот отряд заместитель командира 89-й гвардейской стрелковой дивизии полковник Х. Ф. Есипенко и представитель Военного совета 5-й армии заместитель начальника политотдела армии подполковник Д. Д. Шапошников.

В состав отряда входили 1006-й стрелковый полк 266-й стрелковой дивизии, 220-я отдельная танковая бригада во главе с полковником А. Н. Пашковым, 89-й отдельный тяжелый танковый полк, истребительный противотанковый полк и 489-й минометный полк.

К утру 31 января передовой отряд форсировал Одер и захватил плацдарм в районе Кинитц — Гросс — Нойендорф — Рефельд.

Появление советских войск в 70 километрах от Берлина было ошеломляющей неожиданностью для немцев.

В момент, когда отряд ворвался в город Кинитц, на его улицах спокойно разгуливали немецкие солдаты, в ресторане было полно офицеров. Поезда по линии Кинитц — Берлин курсировали по графику, нормально действовала связь.

На захваченном плацдарме полковник И. И. Терехин, комбаты Н. И. Кравцов, П. Е. Платонов и И. Я. Чередник, командиры дивизионов Н. А. Жарков и И. С. Ильященко организовали прочную оборону. Бойцы и командиры понимали, что немцы приложат максимум усилий, чтобы отбросить отряд обратно за Одер.

Утром 2 февраля противник нанес мощный артиллерийско-минометный удар по боевым порядкам отряда. Вскоре после этого появилась вражеская авиация. Район плацдарма содрогался от взрывов бомб, снарядов и мин. Огненный смерч бушевал около часа. А затем гитлеровцы при поддержке танков с трех сторон атаковали передовой отряд.

Противник, несмотря на большие потери, упорно лез вперед. Его танкам даже удалось прорваться в район огневых позиций нашей артиллерии и подавить часть батарей. Создалась критическая обстановка. Танки врага угрожали выйти в тыл отряда, и тогда едва ли можно было удержаться на захваченном рубеже. Дело дошло до того, что в батарее капитана Н. И. Кравцова осталось только одно противотанковое орудие. Его расчет под командованием старшего сержанта Н. А. Бельского вступил в единоборство с 8 танками противника.

Весь боезапас орудия составляли тринадцать снарядов.

Николай Бельский еще раз пересчитал их. Да, всего тринадцать, а танков восемь.

— Будем бить в упор, наверняка, — сказал он товарищам. — Умрем, но не пропустим врага.

Старший сержант Н. А. Бельский и его боевые друзья Каргин и Кчерюсов были опытными бойцами. От их стойкости и мастерства зависел исход боя.

Они заранее закатили пушку в сарай и, проломав отверстие в стене, установили ее на прямую наводку. Здесь была защита от огня и в то же время можно было бить в борт тапков.

Уже слышен лязг гусениц. Старший сержант Н. А. Бельский сам встал за прицел. До головного танка оставалось не более 150 метров. Отчетливо виден фашистский крест.

Стараясь быть спокойным, сержант Н. А. Бельский прицелился, подпустил танк поближе. Выстрел. Снаряд угодил в бак с горючим. Над танком вспыхнуло рыжее пламя. Следующий снаряд тоже метко попал в цель — второй танк беспомощно завертелся с перебитой гусеницей. Через минуту пламя окутало третий танк. Это была мастерская работа!

Пять фашистских танков уже дымились перед нашими окопами. Три остальных повернули назад.

За мужество и доблесть, проявленные в этом бою, старший сержант Николай Бельский был удостоен ордена Красного Знамени. Награды получили и другие бойцы расчета.

Вслед за передовым отрядом начал захват и расширение плацдарма 26-й гвардейский стрелковый корпус (командир корпуса генерал-лейтенант П. А. Фирсов, начальник политотдела полковник Д. Н. Андреев).

94-я гвардейская дивизия этого корпуса под командованием подполковника Б. И. Баранова и начальника политотдела полковника С. В. Кузовкова форсировала Одер. 286-й и 283-й гвардейские полки завязали бой на плацдарме, опрокидывая сопротивлявшегося противника. Здесь самоотверженно сражался 199-й гвардейский артиллерийский полк этой дивизии (командир полка подполковник И. Ф. Жеребцов, заместитель по политчасти майор В. И. Орябинский).

Особенно хорошо действовала батарея гвардии старшего лейтенанта П. А. Миронова. Во время атаки командир батареи был ранен, и на его место встал гвардии старший лейтенант И. Т. Авеличев. Батарея в тот день вместе с пехотой мужественно отбила 6 атак противника. Бесстрашием отличались парторги батарей старший сержант Г. И. Швецов и сержант Иван Волков.

Массовый героизм при отражении танковых атак противника проявили воины 2-го батальона 1050-го стрелкового полка (командир батальона Ф. К. Шаповалов, заместитель по политической части И. Ф. Осипов). Личный состав этого батальона в труднейших условиях отразил многочисленные атаки танков и пехоты.

Здесь особенно отличились солдаты и офицеры 3-го батальона под командованием капитана А. Ф. Богомолова, который, будучи тяжело раненным, не ушел с поля битвы, а продолжал руководить батальоном. А. Ф. Богомолову за героизм и мужество было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

За эти бои были награждены орденами и медалями все солдаты, сержанты и офицеры 1-го батальона 1008-го стрелкового полка. Командир батальона М. А. Алексеев и парторг батальона старший лейтенант Кулинура Усенбеков были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. 1008-й и 1010-й стрелковые полки 266-й стрелковой дивизии за массовый героизм были награждены орденом Суворова III степени.

Исключительно упорные бои в течение ряда дней шли на участке 1054-го полка (301-я стрелковая дивизия), которым командовал подполковник Н. Н. Радаев. Используя выгодное расположение позиций на высотах и заранее оборудованные узлы сопротивления в кирпичных домах в населенных пунктах, враг оказывал наступающим подразделениям 1054-го полка упорное сопротивление. Все подходы к обороне противника, которую предстояло прорвать полку Н. Н. Радаева, простреливались противником многослойным огнем из всех видов оружия. К тому же советским воинам приходилось наступать по затопленной талой водой открытой равнинной местности.

Как только забрезжил рассвет, вдоль боевого участка загрохотали пушки. Это советские артиллеристы открыли огонь по окопам и заранее засеченным опорным пунктам, узлам сопротивления и другим огненным точкам гитлеровцев.

И почти сразу же, следуя за разрывами снарядов, в атаку бросились стрелковые подразделения полка. В первых рядах, как обычно, были коммунисты и комсомольцы. Хорошо проявил себя в этом бою вожак армейской молодежи — комсомольский организатор 3-го стрелкового батальона лейтенант И. Ф. Сеничкин, возглавивший атаку батальона.

В ходе атаки нашим воинам удалось выбить врага из траншеи и уничтожить два его узла сопротивления. Но вскоре, опомнившись и сосредоточив свои силы, гитлеровцы перешли в контратаку, на одном из участков им удалось даже прорваться и потеснить нашу роту.

Однако немцам не удалось далеко продвинуться. Мощным ударом бойцы 3-го батальона опрокинули их, а затем успешно продолжали наступление. За проявленные в этом бою отвагу и мужество И. Ф. Сеничкин был награжден орденом Отечественной войны II степени.

Сколько таких боевых эпизодов, в которых выражен весь цельный, героический облик советского солдата, знает история Великой Отечественной войны!

В итоге многодневных ожесточенных сражений плацдарм был значительно расширен. С него и началось 16 апреля наступление ударной группировки 1-го Белорусского фронта на Берлин.

К этому времени на правом крыле фронта сопротивление врага значительно возросло. Авиационная и войсковая разведки установили подход и сосредоточение в Восточной Померании значительных вражеских сил.

Для ликвидации нависавшей с севера опасности нужны были быстрые и решительные действия. Уже 2 февраля 1-я гвардейская танковая армия получила приказ Военного совета фронта передать свои участки на Одере соседним войскам и форсированным маршем перегруппироваться на север и район Арнсвальде. Туда же перебрасывались 9-й танковый и 7-й гвардейский кавалерийский корпуса, большое количество артиллерийских, инженерных частей и материальных средств.

Угроза контрнаступления немецких войск из Восточной Померании день ото дня возрастала.

31 января Военный совет фронта послал Верховному Главнокомандующему донесение следующего содержания:

«1. В связи с резким отставанием левого крыла 2-го Белорусского фронта от правого фланга 1-го Белорусского фронта ширина фронта к исходу 31 января достигла 500 км.

Если левый фланг К. К. Рокоссовского будет продолжать стоять на месте, противник безусловно предпримет активные действия против растянувшегося правого фланга 1-го Белорусского фронта.

Прошу приказать К. К. Рокоссовскому немедленно наступать 70-й армией в западном направлении, хотя бы на уступе за правым флангом 1-го Белорусского фронта.

2. И. С. Конева прошу обязать быстрее выйти на р. Одер.

Жуков.

Телегин¹.

¹ Архив МО СССР, ф. 233, оп. 2307, д. 194, л. 48.

На это донесение мы не получили от Верховного быстрого ответа и конкретной помощи фронту. Лишь 8 февраля Ставка поставила задачу 2-му Белорусскому фронту перейти 10 февраля в наступление с рубежа Грауденц — Ратцебург, разгромить противника в Восточной Померании, овладеть Данцигом и выйти на побережье Балтийского моря.

10 февраля 2-й Белорусский фронт начал наступление, но, не имея в своем распоряжении достаточно сил, не смог полностью выполнить поставленную задачу. Однако 24 февраля с подходом из резерва Ставки свежей 19-й армии 2-й Белорусский фронт усилил наступательные действия.

1 марта в наступление перешли и войска 1-го Белорусского фронта, главной ударной силой которого были 1-я и 2-я гвардейские танковые армии. В связи с мощным ударом этой группы войск наступление 2-го Белорусского фронта резко возросло.

4—5 марта войска 1-го Белорусского фронта вышли на побережье Балтийского моря, а войска 2-го Белорусского фронта, выйдя на побережье Балтийского моря и захватив 4 марта Кёзлин (Кошалин), повернули на восток, на Гдыню, Данциг (Гданьск). 1-я гвардейская танковая армия 1-го Белорусского фронта, вышедшая в район Кольберга (Колобжег), распоряжением Ставки была временно передана в состав 2-го Белорусского фронта для разгрома противника в районе Гдыни. Войска правого крыла 1-го Белорусского фронта, добывая остатки вражеских частей, выходили на побережье Балтийского моря и на Одер в его нижнем течении.

Здесь уместно, на мой взгляд, более подробно остановиться на одном вопросе, который ставят авторы некоторых мемуаров, в частности Маршал Советского Союза В. И. Чуйков: почему командование 1-го Белорусского фронта после выхода в первых числах февраля на Одер не добилося от Ставки решения без остановки продолжать наступление на Берлин.

В своих воспоминаниях, опубликованных в журналах «Октябрь» и «Новая и новейшая история», В. И. Чуйков утверждает, что «Берлином можно было овладеть уже в феврале. А это, естественно, приблизило бы и окончание войны»¹.

Многие военные специалисты выступили в печати против такой точки зрения В. И. Чуйкова², но В. И. Чуйков считает, что «возражения идут не от активных участников Висло-Одерской операции, а либо от тех, кто был причастен к разработке

¹ «Новая и новейшая история» № 2, 1965, стр. 6.

² «Военно-исторический журнал» № 3, 1965, стр. 74—76, 80—81; № 4, стр. 62—64.

приказов И. В. Сталина и фронта о прекращении наступления на Берлин и о проведении Восточно-Померанской операции, либо от авторов некоторых исторических трудов»¹.

Должен сказать, что в наступательной операции на Берлин не все обстояло так просто, как это кажется В. И. Чуйкову.

26 января, когда стало ясно, что противник не сможет сдерживать наше наступление на укреплениях на подступах к Одеру, мы внесли в Ставку предварительное предложение, суть которого состояла в следующем.

К 30 января войска фронта должны выйти на рубеж Берлинхен (Барлинек) — Ландсберг (Гожув-Великопольски) — Грец (Грудзиск), подтянуть тылы, пополнить запасы и с утра 1—2 февраля продолжить наступление, с тем чтобы с ходу форсировать Одер.

В дальнейшем предполагалось развивать стремительное наступление на берлинском направлении, сосредоточивая главные усилия в обход Берлина с северо-востока, севера и северо-запада.

27 января Ставка Верховного Главнокомандования утвердила это предложение.

28 января аналогичное предложение в Ставку направил и командующий 1-м Украинским фронтом Маршал Советского Союза И. С. Конев. Оно сводилось к тому, чтобы разгромить бреславльскую группировку противника и к 25—28 февраля выйти на Эльбу, а правым крылом фронта во взаимодействии с 1-м Белорусским фронтом овладеть Берлином.

Это предложение Ставка также утвердила 29 января.

Действительно, как это утверждает В. И. Чуйков, в то время противник на подступах к Берлину располагал ограниченными силами, и оборона его была довольно слабой. Это было нам ясно. В связи с этим командование фронта дало войскам фронта нижеследующую ориентировку:

«Военным советам всех армий, командующим родами войск и начальнику тыла фронта. Сообщаю ориентировочные расчеты на ближайший период и краткую оценку обстановки:

1. Противник перед 1-м Белорусским фронтом каких-либо крупных контрударных группировок пока не имеет.

Противник не имеет и сплошного фронта обороны. Он сейчас прикрывает отдельные направления и на ряде участков пытается решить задачу обороны активными действиями.

Мы имеем предварительные данные о том, что противник

¹ «Новая и новейшая история» № 2, 1965, стр. 7.

снял с Западного фронта четыре танковые дивизии и до 5—6 пехотных дивизий и эти части перебрасывает на Восточный фронт. Одновременно противник продолжает переброску частей из Прибалтики и Восточной Пруссии.

Видимо, противник в ближайшие 6—7 дней подвозимые войска из Прибалтики и Восточной Пруссии будет сосредоточивать на линии Шведт — Штаргард — Нойштеттин, с тем чтобы прикрыть Померанию, не допустить нас к Штеттину и не допустить нашего выхода к бухте Померанской.

Группу войск, перебрасываемую с Запада, противник, видимо, сосредоточивает в районе Берлина с задачей обороны подступов к Берлину.

2. Задачи войск фронта — в ближайшие 6 дней активными действиями закрепить достигнутый успех, подтянуть все отставшее, пополнить запасы до 2-х заправок горючего, до 2-х боекомплектов боеприпасов и стремительным броском 15—16 февраля взять Берлин.

При закреплении достигнутого успеха, то есть с 4 по 8 февраля, необходимо:

а) 5, 8, 69, 33-й армиям захватить плацдармы на западном берегу р. Одер. При этом желательно 8-й гвардейской и 69-й армиям иметь один общий плацдарм между Кюстрином и Франкфуртом. Если удастся, хорошо бы соединить плацдармы 5-й и 8-й армий;

б) 1-й армии Войска Польского, 47, 61, 2-й танковой армиям и 2-му кавкорпусу необходимо отбросить противника за линию Ратцебур — Фалькенбург — Штаргард — Альтдам — р. Одер. После чего, оставив заслон до подхода армий 2-го Белорусского фронта, перегруппироваться на р. Одер для прорыва;

в) 7—8 февраля необходимо закончить ликвидацию познань-шайдемульской группы противника;

г) средства усиления для прорыва в основном останутся те же, что имеют сейчас армии;

д) танковым войскам и самоходной артиллерии к 10 февраля закончить текущий и средний ремонт и поставить материальную часть в строй;

е) авиации закончить развертывание, имея не менее 6 заправок на аэродромах;

ж) тылу фронта, армейскому и войсковому тылу к 9—10 февраля иметь полную готовность к решающему этапу операции. Жуков. Телегин. Малинин¹.

¹ Архив МО СССР, ф. 233, оп. 2307, д. 194, лл. 111—113.

Однако, как уже говорилось выше, в первых числах февраля стала назревать серьезная опасность контрудара со стороны Восточной Померании во фланг и тыл выдвигавшейся к Одеру главной группировки фронта. Вот что показал по этому поводу немецкий фельдмаршал Кейтель:

— В феврале-марте 1945 года предполагалось провести контрнаступление против войск, наступавших на Берлин, используя для этого померанский плацдарм. Планировалось, что, прикрывшись в районе Грудзёндз, войска группы армий «Висла» прорвут русский фронт и выйдут через долины рек Варта и Нетце с тыла на Кюстрин.

Этот замысел подтверждает также и генерал-полковник Гудериан. В своей книге «Воспоминания солдата» он писал: «Немецкое командование намеревалось нанести мощный контрудар силами группы армий «Висла» с молниеносной быстротой, пока русские не подтянули к фронту крупные силы или пока они не разгадали наших намерений».

Приведенные свидетельства военных руководителей фашистской Германии не оставляют сомнений в том, что опасность со стороны Восточной Померании была реальной. Однако командование 1-го Белорусского фронта своевременно приняло необходимые меры для активного противодействия врагу.

В начале февраля в междуречье Одера и Вислы действовали 2-я и 11-я немецкие армии, имевшие 16 пехотных, 2—4 танковые, 3 моторизованные дивизии, 4 бригады, 8 боевых групп. По сведениям нашей разведки, приток сил туда продолжался.

Кроме того, в районе Штеттина (Щецин) располагалась 3-я танковая армия, которую немецко-фашистское командование могло использовать как на берлинском направлении, так и для усиления восточно-померанской группировки (что фактически и произошло).

Могло ли советское командование пойти на риск продолжать наступление главными силами фронта на Берлин в условиях, когда с севера нависла крайне серьезная опасность?

В. И. Чуйков пишет: «...что касается риска, то на войне нередко приходится идти на него. Но в данном случае риск был вполне обоснован. В Висло-Одерскую операцию наши войска прошли уже свыше 500 км, и от Одера до Берлина оставалось всего 60—80 км»¹.

Конечно, можно было бы пренебречь этой опасностью, пустить обе танковые армии и 3—4 общевойсковые армии на

¹ «Новая и новейшая история» № 2, 1965, стр. 7.

прямик на Берлин и подойти к нему. Но противник ударом с севера легко прорвал бы наше прикрытие, вышел к переправам на Одере и поставил бы войска фронта в районе Берлина в крайне тяжелое положение.

Опыт войны показывает, что рисковать следует, но нельзя зарываться. В этом отношении очень показателен урок с наступлением Красной Армии на Варшаву в 1920 году, когда необеспеченное и неосмотрительное продвижение войск Красной Армии вперед привело вместо успеха к тяжелому поражению нашего Западного фронта.

«Если мы объективно оценим силу группировки войск гитлеровцев в Померании, — пишет В. И. Чуйков, — то убедимся, что с их стороны любая угроза нашей ударной группировке на берлинском направлении вполне могла быть локализована войсками 2-го Белорусского фронта»¹.

Действительность опрокидывает это утверждение.

Вначале задачу по разгрому противника в Восточной Померании намечалось решить именно силами 2-го Белорусского фронта, но их оказалось далеко не достаточно. Начавшееся 10 февраля наступление 2-го Белорусского фронта протекало очень медленно. За 10 дней его войска смогли продвинуться лишь на 50—70 километров.

В это же время враг предпринял в районе южнее Штаргарда контрудар, и ему даже удалось потеснить наши войска и продвинуться в южном направлении до 12 километров.

Оценивая сложившееся положение, Ставка Верховного Главнокомандования решила в целях ликвидации гитлеровцев в Восточной Померании, силы которых к этому времени возросли до сорока дивизий, привлечь четыре общевойсковые и две танковые армии 1-го Белорусского фронта.

Как известно, боевые действия двух фронтов по разгрому восточно-померанской группировки завершились лишь к концу марта. Вот какой это был крепкий орешек!

В. И. Чуйков считает, что для наступления на Берлин в феврале 1945 года 1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты могли выделить 8—10 армий, в том числе 3—4 танковые армии².

С этим также нельзя согласиться. В начале февраля из восьми общевойсковых и двух танковых армий 1-го Белорусского фронта на берлинском направлении оставались лишь

¹ «Новая и новейшая история» № 2, 1965, стр. 7.

² Там же.

четыре неполные армии (5-я ударная, половина 8-й гвардейской, 69-я и 33-я)¹. Остальные силы фронта нам пришлось повернуть в сторону Восточной Померании для разгрома померанской группировки.

Что касается 1-го Украинского фронта, то он в период с 8 по 24 февраля проводил наступательную операцию северо-западнее Бреслау (Вроцлав). В ней участвовали главные силы фронта (четыре общевойсковые, две танковые армии и 2-я воздушная армия). Противник, подтянув значительные силы, оказывал там упорное сопротивление.

За 17 дней наступления соединения 1-го Украинского фронта продвинулись на 100 километров, выйдя на реку Нейсе. Попытки форсировать ее и развить наступление на запад успехом не увенчались, и войска фронта перешли к обороне по восточному берегу реки.

Нужно также учитывать, что в ходе Висло-Одерской операции наши части понесли серьезные потери.

К 1 февраля численность стрелковых дивизий составляла в среднем около 5500 человек, а в 8-й гвардейской — от 3800 до 4800 человек. В двух танковых армиях имелось 740 танков (в танковых бригадах в среднем около 40, а во многих из них по 15—20 танков). Такое же положение было и на 1-м Украинском фронте.

Кроме того, крепость и город Познань, находившиеся далеко в тылу фронта, все еще были в руках противника и до 23 февраля не были взяты войсками, которыми лично руководил В. И. Чуйков.

Не следует, наконец, забывать и о материальном обеспечении войск, которые за 20 дней наступления продвинулись более чем на 500 километров. Естественно, что при столь высоком темпе продвижения тылы отстали, и войска ощущали потребность в материальных средствах, особенно в горючем. Авиация также не могла перебазироваться, так как в это время все полевые аэродромы раскисли от дождей.

В. И. Чуйков, не проанализировав всей сложности тыловой обстановки в тех условиях, пишет:

«И если бы Ставка и штабы фронтов как следует организовали снабжение и сумели вовремя доставить к Одру нужное количество боеприпасов, горючего и продовольствия, если бы авиация успела перебазироваться на приодерские аэродромы, а понтонно-мостостроительные части обеспечили переправу

¹ По одному корпусу от 8-й гвардейской и 69-й армий вели бои за Познань. (Прим. автора).

войск через Одер, то наши четыре армии — 5-я ударная, 8-я гвардейская, 1-я и 2-я танковые — могли бы в начале февраля развить дальнейшее наступление на Берлин, пройти еще восемьдесят — сто километров и закончить эту гигантскую операцию взятием германской столицы с ходу»¹.

Рассуждения о таком важном предмете со столь многими ссылками на «если бы» нельзя считать серьезными даже для мемуариста. Но уже само признание В. И. Чуйковым, что снабжение разладилось, авиация и понтонно-мостостроительные части отстали, говорит о том, что в подобных условиях предпринимать решительное наступление на Берлин было бы чистой авантюрой.

Таким образом, в феврале 1945 года ни 1-й Украинский, ни 1-й Белорусский фронты проводить Берлинскую операцию не могли.

В. И. Чуйков пишет: «4 февраля командующий 1-м Белорусским фронтом собрал на совещание в штаб 69-й армии, куда он прибыл сам, командармов Берзарина, Колпакчи, Катукова, Богданова и меня. Мы, уже сидя за столами, обсуждали план наступления на Берлин, когда раздался телефонный звонок по аппарату ВЧ. Я сидел почти рядом и хорошо слышал разговор по телефону. Звонил Сталин. Он спросил Жукова, где тот находится и что делает. Маршал ответил, что собрал командармов в штабе армии Колпакчи и занимается вместе с ними планированием наступления на Берлин.

Выслушав доклад, Сталин вдруг совершенно неожиданно, как я понял, для командующего фронтом потребовал прекратить это планирование и заняться разработкой операции по разгрому гитлеровских войск группы армий «Висла», находившихся в Померании»².

Но такого совещания 4 февраля в штабе 69-й армии не было. Поэтому и разговора по ВЧ с И. В. Сталиным, о котором пишет В. И. Чуйков, также не было.

4—5 февраля я был в штабе 61-й армии, которая развертывалась на правом крыле фронта в Померании для действий против померанской группировки противника. Не мог быть на этом мифическом совещании и командующий 1-й гвардейской танковой армией М. Е. Катуков, так как согласно директиве фронта от 2 февраля 1945 года за № 00244 он производил с утра

¹ «Октябрь» № 4, 1964, стр. 128—129.

² «Новая и новейшая история» № 2, 1965, стр. 6—7.

3 февраля перегруппировку войск армии с Одера в район Фридеберг — Берлинхен — Ландсберг ¹.

Командующий 2-й гвардейской танковой армией генерал С. И. Богданов также не мог быть на совещании по причине болезни (в это время исполнял обязанности командарма генерал А. И. Радзиевский). Да и сам В. И. Чуйков 3 февраля находился в городе Познани, откуда он доносил мне о ходе борьбы за крепость и город ².

Видимо, память подвела В. И. Чуйкова.

Следует заметить, что на Одер в тот период 8-я гвардейская армия В. И. Чуйкова вышла лишь в 50-процентном составе своих соединений. Остальные силы до 23 февраля сражались за Познань.

После перегруппировки войск фронта в Померанию на Одере на берлинском направлении оставалось три с половиной армии, а обстановка здесь с первых же дней февраля начала осложняться: 2 и 3 февраля немецкая авиация непрерывно бомбила боевые порядки 5-й ударной армии Н. Э. Берзарина на захваченном плацдарме у реки Одер. За эти дни авиация противника сделала 5008 самолето-вылетов, причинив серьезные потери войскам 5-й ударной армии.

Противник во что бы то ни стало стремился ликвидировать плацдарм в районе Кюстрина. Здесь против плацдарма начали появляться его новые части, переброшенные с других фронтов. Командующий 5-й ударной армией Н. Э. Берзарин просил усилить действия нашей авиации. Но она из-за непогоды наносить активные удары не могла.

Вот одна из моих телеграмм Военному совету 5-й ударной армии, из которой легко составить впечатление о сложившейся обстановке:

«Военному совету 5-й ударной армии, командирам корпусов и командирам дивизий 5-й ударной армии.

На 5-ю ударную армию возложена особо ответственная задача удерживать захваченный плацдарм на западном берегу р. Одер и расширить его хотя бы до 20 км по фронту и 10—12 км в глубину.

Я всех вас прошу понять историческую ответственность за выполнение порученной вам задачи и, рассказав своим людям об этом, потребовать от войск исключительной стойкости и доблести.

¹ Архив МО СССР, ф. 233, оп. 2307, д. 194, л. 92.

² Архив МО СССР, ф. 233, оп. 2307, д. 194, лл. 95—96.

К сожалению, мы вам не можем пока помочь авиацией, так как все аэродромы раскисли и взлететь самолеты в воздух не могут. Противник летает с берлинских аэродромов, имеющих бетонные полосы. Рекомендую:

- 1) зарываться глубоко в землю;
- 2) организовать массовый зенитный огонь;
- 3) перейти к ночным действиям, каждый раз атакуя с ограниченной целью;
- 4) днем отбивать атаки врага.

Пройдет 2—3 дня — противник выдохнется.

Желаю вам и руководимым вами войскам исторически важного успеха, который вы не только можете, но обязаны обеспечить.

Г. Жуков»¹.

В. И. Чуйков утверждает, что вопрос о возможности взятия Берлина еще в феврале 1945 года поднимался им впервые на военно-научной конференции в Берлине в 1945 году, но тогда он не получил широкого освещения².

Действительно, этот вопрос ставился на конференции, но не В. И. Чуйковым, а представителем Генерального штаба генерал-майором С. М. Енюковым. В. И. Чуйков, как мне помнится и как это видно из стенограммы³ его выступления, по данному вопросу ни словом не обмолвился.

Но вернемся к событиям, происходившим в марте 1945 года.

2-й и 1-й Белорусские фронты завершили Восточно-Померанскую операцию, в ходе которой вражеская группировка там была полностью разгромлена, и вся Восточная Померания к концу марта оказалась в наших руках. 1-й Украинский фронт в феврале-марте провел две операции в Силезии и к концу марта выдвинулся на реке Нейсе на уровень войск 1-го Белорусского фронта, ранее вышедшего на реку Одер.

Таким образом, в результате Висло-Одерской операции была освобождена значительная часть Польши, а боевые действия перенесены на территорию Германии. Было разгромлено около 60 дивизий немецких войск. Для создания нового фронта обороня на берлинском направлении немецкое командование вынуждено было перебросить туда свыше 20 дивизий, снятых с других участков советско-германского фронта, с западного и итальянского фронтов.

¹ Архив МО СССР, ф. 233, оп. 2307, д. 194, лл. 100—101.

² «Новая и новейшая история» № 2, 1965, стр. 7.

³ Архив МО СССР, ф. 14, оп. 11603, д. 162, лл. 73—95.

Наступление советских войск от Вислы к Одеру — блестящий образец крупнейшей стратегической наступательной операции, которая без всяких пауз развивалась со среднесуточным темпом в 25—30 километров, а танковыми армиями — со средним темпом до 45 километров, в отдельные сутки даже до 70 километров. Такая стремительность была достигнута впервые в ходе Великой Отечественной войны.

Большой размах стратегической операции, ее быстрота были обусловлены прежде всего улучшением общей обстановки на фронте, высоким боевым духом советских войск, дальнейшим изменением соотношения сил в нашу пользу и неуклонным ростом боевого и оперативно-стратегического искусства.

Основная роль в развитии наступления на фронтах после прорыва обороны противника принадлежала танковым армиям, отдельным танковым и механизированным корпусам, которые во взаимодействии с авиацией представляли собой быстроподвижной таран огромной силы, прокладывавший путь для общевойсковых армий.

Войдя в прорыв, танковые армии и механизированные корпуса развивали наступление с полным напряжением сил, днем и ночью не давая врагу передышки. Сильные передовые отряды наносили глубокие удары, в то же время не ввязываясь в затяжные бои с отдельными группировками противника.

Танковые армии и отдельные танковые корпуса в тесном взаимодействии с авиацией стремительными ударами дробили вражеский фронт, выходили на коммуникации его войск, захватывали переправы и узлы дорог, сеяли панику и дезорганизовывали тыл противника.

Глубокое проникновение бронетанковых войск в тыл противника не позволяло немецко-фашистским войскам использовать для обороны большинство заранее подготовленных рубежей. После прорыва привисленских укрепленных рубежей до выхода на познанский меридиан противник не сумел практически ни на одном из заранее подготовленных рубежей организовать прочную оборону.

В Висло-Одерской операции разработанный советским командованием план дезориентации противника удалось осуществить полностью, в результате чего была достигнута оперативно-тактическая внезапность. Имеется много показаний военнопленных офицеров и солдат, которые свидетельствуют, что немецкое командование перед нашим наступлением не знало истинных намерений наших войск.

Вот некоторые из них.

Капитан Петцольд показал:

— Я убежден, что даже 14.1.45 г. немецкое командование не знало еще направления главного удара русских. Также было неизвестно, какими силами русские наступают.

Обер-лейтенант Висенгер показал:

— По опыту прошлых лет мы были убеждены, что русские и в этом году предпримут зимнее наступление. С этим считалось и немецкое командование. Однако начало наступления русских показало, что наше командование, во всяком случае, не представляло себе ни размаха этого наступления, ни основного направления его.

Обер-лейтенант Косфельд показал:

— Немецкое командование ожидало наступления русских в конце декабря 1944 года. После этого офицеры неоднократно говорили, что оно начнется до 15.1.45 г., однако точный срок так и не был известен.

Противник, конечно, нервно реагировал на каждый наш выстрел. Он ожидал нашего удара, хотя и не имел представления о силе готовящегося наступления и, безусловно, рассчитывал, что оно последует с плацдармов. Ведь вряд ли найдется любителю наступать крупными силами с форсированием такой мощной и широкой реки, как Висла, и сделать первый этап операции затяжным. Правда, у нас были аналогичные предложения, исходившие от некоторых операторов фронта. Они считали, что перед плацдармами находится глубоко эшелонированная оборона, а вне плацдармов по реке Висле, по существу, только прикрытие противника.

Но принятие такого варианта означало идти на форсирование километровой реки в совершенно невыгодных условиях и при этом не имея возможности сразу же ввести в бой танки как важнейшее средство прорыва. Подвижные войска и основная масса артиллерии в таком случае не могли быть быстро переправлены, чтобы обеспечить стремительное развитие наступления.

Слов нет, наступление с плацдармов представляло большую трудность: противник мог нанести нам большие потери своей артиллерией и авиацией. Но у нас был заранее подготовлен мощный контрартиллерийский огонь и удар авиации.

Висло-Одерская операция в материальном отношении была подготовлена хорошо, и тыловые организации фронта и армий со своими задачами справились блестяще.

Однако с выходом наших войск к мезерицкому укрепленному рубежу и так называемому померанскому валу в армиях

начали ощущаться перебои с подачей горюче-смазочных материалов и наиболее ходовых боеприпасов. Это произошло по ряду причин, и прежде всего потому, что наступали мы почти в два раза быстрее, чем предусматривалось. Тыловые коммуникации растянулись на сотни километров, а железнодорожные магистрали в это время еще не действовали из-за больших разрушений и отсутствия железнодорожных мостов через Вислу.

Из информации Верховного Главнокомандующего и Генерального штаба мне было известно, что в течение января, февраля и марта войска 4-го Украинского фронта вели наступление в Карпатах, содействуя войскам 1-го Украинского фронта в решении поставленных задач.

Войска 2-го и 3-го Украинских фронтов в течение января, февраля и первой половины марта 1945 года вели оборонительные бои, отражая удары немецко-фашистских войск, стремившихся отбросить их за Дунай, деблокировать свою группировку, окруженную в Будапеште, и укрепить тем самым венгерский участок фронта.

В ходе напряженных сражений войска 2-го и 3-го Украинских фронтов нанесли серьезные поражения ударным группировкам противника, отразили все их попытки выйти к Дунаю и к середине марта создали условия для перехода в наступление на венском направлении.

В период с 16 марта по 15 апреля войска 2-го и 3-го Украинских фронтов провели Венскую наступательную операцию, в ходе которой было разгромлено более 30 дивизий группы армий «Юг».

Наши войска к середине апреля полностью очистили от немецко-фашистских войск Венгрию и значительную часть Чехословакии, вступили в Австрию, освободили Вену и открыли путь в центральные районы Чехословакии. Германия окончательно лишилась нефтяных источников Венгрии, Австрии и многих предприятий по производству вооружения и боевой техники.

В результате операций 2-го и 3-го Украинских фронтов в январе-апреле 1945 года южный фланг стратегического фронта советских войск был подтянут на уровень фронтов, действовавших на берлинском направлении. Выйдя на восточный берег Одера и Нейсе от Балтийского моря до Гёрлица и обеспечив фланги, советские войска заняли выгодные исходные рубежи для окончательного разгрома берлинской группировки противника и штурма Берлина.

На левом крыле советско-германского фронта наши войска,

выйдя в район Вены и южнее, заняли выгодные позиции для наступления в глубь Австрии и южные районы Германии.

На Западном фронте вооруженные силы наших союзников, в феврале-марте форсировав Рейн, окружили значительную группировку немецко-фашистских войск в Руре. 17 апреля окруженная рурская группировка немецко-фашистских войск капитулировала.

В результате разгрома основных сил немецких войск на советско-германском фронте и выхода союзников за Рейн над фашистской Германией нависла неотвратимая катастрофа. У Германии уже не было сил продолжать вооруженную борьбу. Конец войны был близок, и в наших взаимоотношениях с союзниками остро встал ряд политических вопросов. И совсем не случайно.

Прежняя медлительность в действиях американско-английского командования сменилась крайней поспешностью. Правительства Англии и США торопили командование экспедиционных сил в Европе, требуя от него быстрого продвижения в центральные районы Германии, чтобы овладеть ими раньше, чем выйдут туда советские войска.

1 апреля 1945 года У. Черчилль писал Ф. Рузвельту:

«Русские армии, несомненно, захватят всю Австрию и войдут в Вену. Если они захватят также Берлин, то не создается ли у них слишком преувеличенное представление о том, будто они внесли подавляющий вклад в нашу общую победу, и не может ли это привести их к такому умонастроению, которое вызовет серьезные и весьма значительные трудности в будущем? Поэтому я считаю, что с политической точки зрения нам следует продвигаться в Германии как можно дальше на восток, и в том случае, если Берлин окажется в пределах нашей досягаемости, мы, несомненно, должны его взять»¹.

Как впоследствии мне стало известно, командование английских войск, а также ряд американских генералов принимали все меры к захвату Берлина и территорий к северу и югу от него.

В ходе Восточно-Померанской операции, кажется 7 или 8 марта, мне пришлось срочно вылететь в Ставку по вызову Верховного Главнокомандующего.

Прямо с аэродрома я отправился на дачу И. В. Сталина, где он находился, будучи не совсем здоровым.

Задав мне несколько вопросов об обстановке в Померании и на Одере и выслушав мое сообщение, Верховный сказал:

¹ W. Churchill. The World War, vol. VI, p. 407.

— Идемте разомнемся немного, а то я что-то закис.

Во всем его облике, в движениях и разговоре чувствовалась большая физическая усталость. За четырехлетний период войны И. В. Сталин основательно переутомился. Работал он всю войну очень напряженно, систематически недосыпал, болезненно переживал неудачи, особенно 1941—1942 годов. Все это не могло не отразиться на его нервной системе и здоровье.

Во время прогулки И. В. Сталин неожиданно начал рассказывать мне о своем детстве.

Так за разговором прошло не менее часа. Потом сказал:

— Идемте пить чай, нам нужно кое о чем поговорить.

На обратном пути я спросил:

— Товарищ Сталин, давно хотел узнать о вашем сыне Якове. Нет ли сведений о его судьбе?

На этот вопрос он ответил не сразу. Пройдя добрую сотню шагов, сказал каким-то приглушенным голосом:

— Не выбраться Якову из плена. Расстреляют его фашисты. По наведенным справкам, держат они его изолированно от других военнопленных и агитируют за измену Родине.

Помолчав минуту, твердо добавил:

— Нет, Яков предпочтет любую смерть измене Родине.

Чувствовалось, он глубоко переживает за сына. Сидя за столом, И. В. Сталин долго молчал, не притрагиваясь к еде.

Потом, как бы продолжая свои размышления, с горечью произнес:

— Какая тяжелая война. Сколько она унесла жизней наших людей. Видимо, у нас мало останется семей, у которых не погибли близкие... Такие испытания смогли стойко перенести только советские люди, закаленные в борьбе, сильные духом, воспитанные Коммунистической партией.

И. В. Сталин рассказал мне о Ялтинской конференции. Я понял, что он остался доволен ее результатами, он очень хорошо отзывался о Ф. Рузвельте. И. В. Сталин сказал, что он по-прежнему добивался от союзников перехода их войск в наступление, чтобы скорее добить фашистскую Германию. Наши войска в период Крымской конференции находились на Одере, вели напряженные сражения в Восточной Пруссии, в Прибалтике, в Венгрии и других районах. Верховный настаивал на наступлении союзных войск, которые находились в 500 километрах от Берлина. Соглашение было достигнуто, и с этого времени значительно улучшилась координация действий сторон.

Верховный подробно рассказал о соглашениях с союзниками

по управлению Германией после ее капитуляции, о «контрольном механизме в Германии», о том, на какие оккупационные зоны будет разделена территория Германии, а также до какой линии должны продвигаться войска союзников и советские войска.

Деталей организации «контрольного механизма в Германии» и верховной власти в Германии он не касался. Об этом я был проинструктирован значительно позже.

Относительно будущих государственных границ Польши на западе была достигнута полная договоренность — эти границы должны были проходить по Одеру и Нейсе (Западной). Но возникли большие разногласия о составе будущего польского правительства.

— Черчилль хочет, чтобы с Советским Союзом граничила буржуазная Польша, чуждая нам, а мы этого допустить не можем, — сказал И. В. Сталин. — Мы хотим, раз и навсегда, иметь дружественную нам Польшу, этого хочет и польский народ.

Несколько позже он заметил:

— Черчилль изо всех сил подталкивает Миколайчика, который более четырех лет отсиживался в Англии. Поляки не примут Миколайчика. Они уже сделали свой выбор...

Вошел А. Н. Поскребышев и подал И. В. Сталину какие-то документы. Быстро пробежав их, Верховный сказал мне:

— Поезжайте в Генштаб и вместе с Антоновым посмотрите расчеты по Берлинской операции, а завтра в 13 часов встретимся здесь же.

Остаток дня и добрую половину ночи мы с А. И. Антоновым просидели у меня в кабинете. Он тоже рассказал много интересного о Ялтинской конференции.

Мы еще раз рассмотрели основные наметки плана и расчеты на проведение Берлинской стратегической операции, в которой должны были участвовать три фронта. Поскольку об этом в Ставке и Генштабе неоднократно говорилось, мы сделали лишь уточнения в связи с затяжкой операции в Восточной Пруссии, в районе Данцига и в Прибалтике.

На следующее утро Верховный позвонил А. И. Антонову и передал, чтобы мы приехали не в 13, а в 20 часов.

Вечером при обсуждении вопроса о Берлинской операции присутствовал ряд членов Государственного Комитета Обороны. Докладовал А. И. Антонов.

Верховный Главнокомандующий утвердил все наши предложения и приказал дать фронтам необходимые указания о всесторонней подготовке решающей операции на берлинском стратегическом направлении.

БЕРЛИНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Как заключительная операция второй мировой войны в Европе Берлинская операция занимает особое место. При взятии Берлина получили окончательное решение важнейшие военно-политические вопросы, от которых во многом зависело послевоенное устройство Германии и ее место в политической жизни Европы.

Советские Вооруженные Силы, готовясь к последней схватке с фашизмом, строго исходили из согласованной с союзниками политики безоговорочной капитуляции Германии как в области военной, экономической, так и политической. Главной нашей целью на этом этапе войны была полная ликвидация фашизма в общественном и государственном строе Германии и привлечение к строжайшей ответственности всех главных нацистских преступников за их зверства, массовые убийства, разрушения и надругательства над народами в оккупированных странах, особенно на нашей многострадальной земле.

Замысел Берлинской операции в Ставке в основном определился в ноябре 1944 года. Уточнение его проходило в процессе Висло-Одерской, Восточно-Прусской и Померанской операций.

При разработке плана Берлинской операции учитывались и действия экспедиционных войск союзников, которые в конце марта — начале апреля 1945 года широким фронтом вышли на Рейн и приступили к его форсированию, с тем чтобы развернуть общее наступление в центральные районы Германии.

Верховное командование союзных войск ближайшей целью своих действий ставило ликвидацию группировки противника и овладение промышленным районом Рура. Затем оно планировало выдвижение американских и английских войск на Эльбу на берлинском направлении. Одновременно разворачивались операции американских и французских войск в южном направ-

лении с целью овладения районами Штутгарта, Мюнхена и выхода в центральные районы Австрии и Чехословакии.

Несмотря на то, что решениями Ялтинской конференции советская зона оккупации была определена далеко западнее Берлина и что советские войска уже находились на Одере и Нейсе (в 60—100 километрах от Берлина) и были готовы начать Берлинскую операцию, английское правительство во главе с У. Черчиллем все еще продолжало лелеять мечту о захвате Берлина раньше, чем туда придет Красная Армия.

Хотя между американскими и английскими политическими и военными деятелями не было единства в стратегических целях на завершающем этапе войны, само Верховное командование экспедиционными силами союзников не отказалось от мысли при благоприятной обстановке захватить Берлин.

Так, 7 апреля 1945 года, информируя объединенный штаб союзников о своем решении относительно завершающих операций, генерал Дуайт Эйзенхауэр заявил:

— Если после взятия Лейпцига окажется, что можно без больших потерь продвигаться на Берлин, я хочу это сделать. — И далее: — Я первый согласен с тем, что война ведется в интересах достижения политических целей, и если объединенный штаб решит, что усилия союзников по захвату Берлина перевешивают на этом театре чисто военные соображения, я с радостью исправлю свои планы и свое мышление так, чтобы осуществить такую операцию¹.

В последние дни марта И. В. Сталин через американскую миссию получил информацию Эйзенхауэра о его плане выхода на согласованную линию на берлинском направлении. Из этого сообщения было видно, что дальнейшее наступление английские и американские войска предполагали развернуть на северо-восток, чтобы выйти в район Любека, и на юго-восток с целью подавления противника на юге Германии.

И. В. Сталин знал, что гитлеровское руководство за последнее время развило активную деятельность в поисках сепаратных соглашений с английским и американским правительствами. Учитывая безнадежное положение германских войск, можно было ожидать, что гитлеровцы прекратят сопротивление на западе и откроют американским и английским войскам дорогу на Берлин, чтобы не сдать его Красной Армии.

27 марта 1945 года корреспондент агентства Рейтер при 21-й армейской группе Кэмпбелл так сообщал о наступлении

¹ Ф. С. Погью. Верховное командование. Воениздат, М., 1959, стр. 458.

англо-американских войск: «Не встречая на своем пути сопротивления, они устремляются к сердцу Германии». В середине апреля 1945 года американский радиобозреватель Джон Гровер констатировал: «Западный фронт фактически уже не существует».

Как же на самом деле происходило «наступление» англо-американских войск в районе Рейна?

Известно, что у гитлеровцев здесь было довольно слабое прикрытие. В свое время, отойдя за Рейн, немцы могли организовать серьезное сопротивление. Однако этого сделано не было. И прежде всего потому, что основные силы были переброшены на восток против советских войск. Даже в критические для рурской группировки дни верховное немецкое командование за счет своей западной группировки усиливало фронт на востоке против советских войск.

К началу англо-американской кампании немцы располагали на западе крайне ослабленными шестьюдесятью дивизиями, общая боеспособность которых равнялась двадцати шести штатным дивизиям. У союзников было 80 полнокровных дивизий, в том числе 23 танковые дивизии.

Особое преимущество союзники имели в авиации. Своими авиационными ударами они практически могли в любом районе осуществить полное подавление всякого сопротивления как на земле, так и в воздухе.

Таким образом, форсирование Рейна американскими и английскими войсками проходило в облегченных условиях, и Рейн был захвачен ими, по существу, без сопротивления немцев.

Не ожидая ликвидации рурской группировки немецких войск, главное командование войсками союзников поспешно бросило основные силы на берлинское направление с целью выхода на Эльбу.

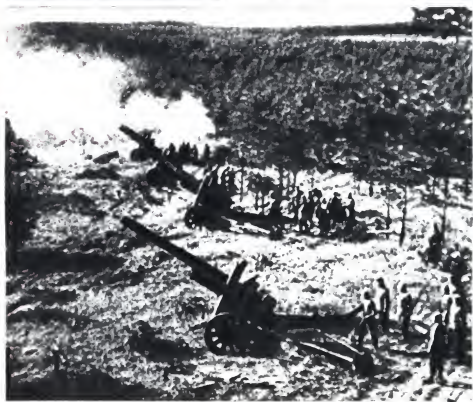
Из многочисленных послевоенных бесед с американскими и английскими генералами, в том числе с Эйзенхауэром, Монтгомери, Делатром де Тассиньи, Клеем, Робертсоном, Смитом и многими другими, выяснилось, что вопрос о захвате Берлина союзными войсками был окончательно снят лишь тогда, когда на Одере и Нейсе мощный удар артиллерии, минометов, авиации и дружная атака танков и пехоты советских войск потрясли до основания оборону немецких войск.

Когда в Ставке было получено сообщение генерала Эйзенхауэра о его решении нанести два удара — на северо-востоке и на юге Германии — и о том, что американские войска останавливаются на согласованной линии на берлинском направлении,

Подготовка Берлинской операции

Слева направо: генерал В. И. Казаков, генерал Г. Н. Орел, командующий 1-м Белорусским фронтом Г. К. Жуков, член Военного совета генерал К. Ф. Телегин.
11 апреля 1945 года

Уличные бои в Берлине

ЗНАМЯ ПОБЕДЫ НАД РЕЙХСТАГОМ. 1 МАЯ 1945 г.

Маршал Г. К. Жуков, генерал Н. Э. Берзарин и Артур Пик у рейхстага.
3 мая 1945 г.

Первый комендант Берлина генерал Н. Э. Берзарин (в центре) осматривает восстановительные работы метрополитена. Май 1945 г.

ПЕРВЫЕ МИРНЫЕ ДНИ БЕРЛИНА.

Имперская канцелярия.

В кабінеті Гітлера.

Бункер Гітлера.

БЕЗОГОВОРочНАЯ КАПИТУЛЯЦИЯ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

Карлсхорст. 9 мая 1945 г. 0 час. 43 мин.

Победители проходят по Берлину.

Приказ Советской военной администрации.

Вышел первый номер газеты «берлинер цайтунг».

Главнокомандующие союзными войсками стран антигитлеровской коалиции.
Слева направо: фельдмаршал Б. Монтгомери, генерал Д. Эйзенхауэр,
маршал Г. К. Жуков и генерал Ж. Делатр де Тассиньи.

Союзники.

И. В. Сталин отзывался об Эйзенхауэре как о человеке, верном взятым на себя обязательствам. Однако мнение это оказалось преждевременным.

Во время высадки и наступления союзных войск во Франции между Генеральным штабом Красной Армии и военными миссиями США и Англии существовала тесная связь, и мы часто обменивались сведениями о дислокации войск противника. Но по мере приближения конца войны мы стали получать сведения от своих союзников, весьма далекие от действительного положения дел.

Позволю себе привести одно письмо начальника Генерального штаба А. И. Антонова в ответ на сообщение главы военной миссии США в СССР генерал-майора Джона Р. Дина.

«Главе военной миссии США в СССР

генерал-майору Джону Р. Дину

Уважаемый генерал Дин!

Прошу Вас довести до сведения генерала Маршалла следующее:

20 февраля сего года я получил сообщение генерала Маршалла о том, что немцы создают на Восточном фронте две группировки для контрнаступления: одну в Померании для удара на Торн и другую в районе Вена — Моравска-Острава для наступления в направлении Лодзь. При этом южная группировка должна была включать 6-ю танковую армию СС. Аналогичные сведения были мною получены 12.2 от главы армейской секции английской военной миссии полковника Брикмана.

Я чрезвычайно признателен и благодарен генералу Маршаллу за информацию, призванную содействовать нашим общим целям, которую он так любезно предоставил нам.

Вместе с тем считаю своим долгом сообщить генералу Маршаллу о том, что боевые действия на Восточном фронте в течение марта месяца не подтвердили данную им информацию, ибо бои эти показали, что основная группировка немецких войск, включавшая и 6-ю танковую армию СС, была сосредоточена не в Померании и не в районе Моравска-Острава, а в районе озера Балатон, откуда немцы вели наступление с целью выйти к Дунаю и форсировать его южнее Будапешта.

Этот факт показывает, что информация, которой пользовался генерал Маршалл, не соответствовала действительному ходу событий на Восточном фронте в марте месяце.

Не исключена возможность, что некоторые источники этой информации имели своей целью дезориентировать как англо-американское, так и Советское командование и отвлечь вни-

мание Советского командования от того района, где готовилась немцами основная наступательная операция на Восточном фронте.

Несмотря на изложенное, я прошу генерала Маршалла, если можно, продолжать сообщать мне имеющиеся сведения о противнике.

Это сообщение я считал своим долгом довести до сведения генерала Маршалла исключительно для того, чтобы он мог сделать соответствующие выводы в отношении источника этой информации.

Прошу Вас передать генералу Маршаллу мое уважение и признательность.

Уважающий Вас генерал армии Антонов,
начальник Генерального штаба Красной Армии.

30 марта 1945 г.¹

29 марта по вызову Ставки я вновь прибыл в Москву, имея при себе план 1-го Белорусского фронта по Берлинской операции. Этот план отработывался в течение марта штабом и командованием фронта, все принципиальные вопросы в основном заранее согласовывались с Генштабом и Ставкой. Это дало нам возможность представить на решение Верховного Главнокомандования детально разработанный план.

Поздно вечером того же дня И. В. Сталин вызвал меня к себе в кремлевский кабинет. Он был один. Только что закончилось совещание с членами Государственного Комитета Обороны.

Молча протянув руку, он, как всегда, будто продолжая недавно прерванный разговор, сказал:

— Немецкий фронт на западе окончательно рухнул, и, видимо, гитлеровцы не хотят принимать мер, чтобы остановить продвижение союзных войск. Между тем на всех важнейших направлениях против нас они усиливают свои группировки. Вот карта, смотрите последние данные о немецких войсках.

Раскурив трубку, Верховный продолжал:

— Думаю, что драка предстоит серьезная...

Потом он спросил, как я расцениваю противника на берлинском направлении.

Достав свою фронтовую разведывательную карту, я положил ее перед Верховным. И. В. Сталин стал внимательно рас-

¹ Архив МО СССР, ф. 40, оп. 11549, д. 292, лл. 10—11.

смагивать всю оперативно-стратегическую группировку немецких войск на берлинском стратегическом направлении.

По нашим данным, немцы имели здесь четыре армии, в составе которых было не меньше 90 дивизий, в том числе 14 танковых и моторизованных, 37 отдельных полков и 98 отдельных батальонов.

Впоследствии было установлено, что на берлинском направлении находилось не менее миллиона человек, 10,4 тысячи орудий и минометов, 1500 танков и штурмовых орудий, 3300 боевых самолетов, а в самом Берлине, кроме того, еще формировался двухсоттысячный гарнизон.

— Когда наши войска могут начать наступление? — спросил И. В. Сталин.

Я доложил:

— 1-й Белорусский фронт может начать наступление не позже чем через две недели. 1-й Украинский фронт, видимо, также будет готов к этому сроку. 2-й Белорусский фронт, по всем данным, задержится с окончательной ликвидацией противника в районе Данцига и Гдыни до середины апреля и не сможет начать наступление с Одера одновременно с 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами.

— Ну что ж, — сказал И. В. Сталин, — придется начать операцию, не ожидая действий фронта Рокоссовского. Если он и запоздает на несколько дней — не беда.

Затем он подошел к письменному столу, перелистал какие-то бумаги и достал письмо.

— Вот, прочтите.

Письмо было от одного из иностранных доброжелателей. В нем сообщалось о закулисных переговорах гитлеровских агентов с официальными представителями союзников, из которых становилось ясно, что немцы предлагали союзникам прекратить борьбу против них, если они согласятся на сепаратный мир на любых условиях.

В этом сообщении говорилось также, что союзники якобы отклонили домогательства немцев. Но все же не исключалась возможность открытия немцами путей союзным войскам на Берлин.

— Ну, что вы об этом скажете? — спросил И. В. Сталин. И, не дожидаясь ответа, тут же заметил: — Думаю, Рузвельт не нарушит ялтинской договоренности, но вот Черчилль, этот может пойти на все.

Вновь подойдя к письменному столу, он позвонил А. И. Антонову и приказал ему тотчас прибыть.

Через 15 минут А. И. Антонов был в кабинете Верховного.
— Как идут дела у Рокоссовского?

А. И. Антонов доложил обстановку и ход боевых действий в районе Данцига и Гдыни, после чего Верховный осведомился о положении дел у А. М. Василевского в районе Кенигсберга.

Алексей Иннокентьевич доложил обстановку на 3-м Белорусском фронте.

И. В. Сталин молча дал ему прочитать письмо, которое только что показал мне.

А. И. Антонов сказал:

— Это еще одно доказательство закулисных махинаций, которые ведутся между гитлеровцами и английскими правительственными кругами.

Обратившись к А. И. Антонову, Верховный сказал:

— Позвоните Коневу и прикажите 1 апреля прибыть в Ставку с планом операции 1-го Украинского фронта, а эти два дня поработайте с Жуковым над общим планом.

На следующий день А. И. Антонов познакомил меня с проектом стратегического плана Берлинской операции, куда полностью был включен план наступления 1-го Белорусского фронта. После внимательного изучения плана Берлинской операции, спроектированного Ставкой, я пришел к выводу, что он был подготовлен хорошо и полностью отвечал сложившейся в тот период оперативно-стратегической обстановке.

31 марта в Генштаб прибыл командующий 1-м Украинским фронтом маршал И. С. Конев, который тут же включился в рассмотрение общего плана Берлинской операции, а затем доложил и проект плана наступления войск 1-го Украинского фронта.

Насколько память мне не изменяет, все мы были тогда единомышленны во всех принципиальных вопросах.

1 апреля 1945 года в Ставке Верховного Главнокомандования был заслушан доклад А. И. Антонова об общем плане Берлинской операции, затем — мой доклад о плане наступления войск 1-го Белорусского фронта и доклад И. С. Конева о плане наступления войск 1-го Украинского фронта.

Верховный не согласился со всей разграничительной линией между 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами, обозначенной на карте Генштаба. Он заштриховал границу от Нейсе до Потсдама и прочертил линию только до Люббена (60 километров юго-восточнее Берлина).

Тут же он указал маршалу И. С. Коневу:

— В случае упорного сопротивления противника на восточных подступах к Берлину, что наверняка произойдет, и

возможной задержки наступления 1-го Белорусского фронта 1-му Украинскому фронту быть готовым нанести удар танковыми армиями с юга на Берлин.

Существуют неверные представления о том, что 3-я и 4-я гвардейские танковые армии были введены в сражение за Берлин якобы не решением Ставки, а по инициативе командующего 1-м Украинским фронтом. В целях восстановления истины приведу слова маршала И. С. Конева по этому вопросу, сказанные им на сборе высшего командного состава центральной группы войск 18 февраля 1946 года, когда все было еще так свежо в памяти.

«Когда около 24 часов 16 апреля я доложил, что дело наступления идет успешно, товарищ Сталин дал следующее указание: «У Жукова идет туго, поверните Рыбалко и Пелюшенко на Целендорф, помните, как договорились в Ставке»¹.

Наступление на Берлин было решено начать 16 апреля, не дожидаясь действий 2-го Белорусского фронта, который, по всем уточненным расчетам, мог начать наступление с Одера не ранее 20 апреля.

В ночь на 2 апреля в Ставке в моем присутствии Верховный подписал директиву 1-му Белорусскому фронту о подготовке и проведении операции с целью овладения Берлином и указание в течение 12—15 дней выйти на Эльбу.

Главный удар решено было нанести с кюстринского плацдарма силами четырех общевойсковых и двух танковых армий. Последние предполагалось ввести в сражение после прорыва обороны противника в обход Берлина с севера и северо-востока. 2-й эшелон фронта (3-ю армию генерал-полковника А. В. Горбатова) намечалось ввести в дело также на главном направлении.

Проект директивы 1-му Украинскому фронту в связи с изменением разграничительной линии и указанием о том, чтобы фронт был готов повернуть танковые армии с юга на Берлин, Верховный Главнокомандующий подписал днем позже после внесения им необходимых исправлений.

Этой директивой 1-му Украинскому фронту предписывалось:

- разгромить группировку противника в районе Коттбуса и южнее Берлина;
- изолировать главные силы группы армий «Центр» от берлинской группировки и этим обеспечить с юга удар 1-го Белорусского фронта;

¹ Архив МО СССР, ф. ЦГВ, оп. 70500, д. 2, лл. 145—149.

— за 10—12 дней (не позже) выйти на рубеж Беелитц — Виттенберг и далее по реке Эльбе до Дрездена;

— главный удар фронта нанести в направлении на Шпремберг;

— 3-ю и 4-ю гвардейские танковые армии ввести после прорыва в направлении главного удара.

В связи с тем, что 2-й Белорусский фронт все еще вел напряженные боевые действия против немецких войск в районах юго-восточнее Данцига и севернее Гдыни, Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение начать перегруппировку основных сил этого фронта на Одер, сменив не позднее 15—18 апреля на участке Кольберг — Шведт 1-ю Польскую армию и 61-ю армию 1-го Белорусского фронта. Для окончательной ликвидации вражеской группировки в районах Данцига и Гдыни было приказано оставить там часть сил фронта К. К. Рокоссовского.

Во время обсуждения в Ставке общего плана предстоящих действий на берлинском направлении в основном были определены цели и задачи 2-го Белорусского фронта.

Так как 2-й Белорусский фронт операцию начинал на четверо суток позже, маршал К. К. Рокоссовский не был вызван в Ставку для обсуждения Берлинской операции.

Выходило, что 1-й Белорусский фронт должен был в первые, наиболее напряженные дни наступать с открытым правым флангом, без оперативно-тактического взаимодействия с войсками 2-го Белорусского фронта.

Мы серьезно учитывали не только вынужденное запоздание 2-го Белорусского фронта с началом наступления, но и те трудности, с которыми он неизбежно встретится в процессе форсирования Одера в его нижнем течении. Там река имеет два значительных русла — Ост- и Вест-Одер шириной 150—250 метров и глубиной до 10 метров. По нашим расчетам, 2-й Белорусский фронт сможет достаточно быстро форсировать оба русла реки и создать необходимый плацдарм, но не раньше как за двое-трое суток. Следовательно, его реальное воздействие на противника севернее Берлина начнет сказываться где-то 23—24 апреля, то есть тогда, когда 1-й Белорусский фронт должен будет уже штурмовать Берлин.

Конечно, было бы лучше подождать пять-шесть суток и начать Берлинскую операцию одновременно тремя фронтами, но, как я уже говорил выше, учитывая сложившуюся военно-политическую обстановку, Ставка не могла откладывать операцию на более позднее время.

Времени до 16 апреля у нас оставалось мало, а мероприятий, которые надо было срочно провести, очень много. Нужно было организовать перегруппировку войск после смены их 2-м Белорусским фронтом, подвести войскам огромный запас материальных средств, осуществить большую всестороннюю оперативно-тактическую и специальную подготовку фронта для такой исключительно важной и необычайной операции, как взятие Берлина.

В течение всей войны мне пришлось быть непосредственным участником многих крупных и важных наступательных операций, но предстоящая битва за Берлин была особой, ни с чем не сравнимой операцией. Войскам фронта нужно было прорывать сплошную эшелонированную зону мощных оборонительных рубежей, начиная от самого Одера и кончая сильно укрепленным Берлином. Предстояло разгромить на подступах к Берлину крупнейшую группировку немецко-фашистских войск и взять столицу фашистской Германии, за которую враг наверняка будет драться смертным боем.

Размышляя о предстоящей операции, я не раз возвращался к величайшей битве под Москвой, когда мощные вражеские полчища, сосредоточившись на подступах к столице, наносили сильные удары по оборонявшимся советским войскам. Еще и еще раз перебирал в памяти отдельные эпизоды, анализировал промахи сражавшихся сторон. Хотелось до деталей учесть опыт этого сложного сражения, чтобы все лучшее использовать для проведения предстоящей операции и постараться не допустить ошибок.

Берлинской операцией закапчивал свой победный путь героические советские войска, прошедшие с боями тысячекилометровые расстояния, умудренные опытом крупнейших сражений, закаленные в ожесточенных боях. Они горели желанием быстрее добить врага и закончить войну.

Вечером 1 апреля я позвонил из Москвы начальнику штаба фронта генерал-полковнику М. С. Малинину и сказал ему: — Все утверждено без особых изменений. Времени у нас мало. Принимайте меры. Вылетаю завтра.

Этих лаконичных указаний для Михаила Сергеевича было достаточно, чтобы немедленно начать проведение всех запланированных мероприятий по подготовке операции.

В ходе войны нам вообще еще не приходилось брать такие крупные, сильно укрепленные города, как Берлин. Его общая площадь была равна почти 900 квадратным километрам. Раз-

витые подземные сооружения давали возможность вражеским войскам осуществлять широкий скрытый маневр.

Наша разведывательная авиация шесть раз производила съемку Берлина, всех подступов к нему и оборонительных полос. По результатам съемок, трофейным документам и опросам пленных составлялись подробные схемы, планы, карты, которыми снабжались все войска и командно-штабные инстанции до рот включительно.

Инженерные части изготовили точный макет города с его пригородами, который был использован при изучении вопросов, связанных с организацией наступления, общего штурма Берлина и боев в центре города.

С 5 по 7 апреля очень активно, творчески прошли совещание и командная игра на картах и макете Берлина. Участниками этой игры были командармы, начальники штабов армий, члены Военных советов армий, начальник политуправления фронта, командующие артиллерией армий и фронта, командиры всех отдельных корпусов и начальники родов войск фронта. Здесь же присутствовал и начальник тыла фронта, тщательно изучавший вопросы материального обеспечения операции. С 8 по 14 апреля проводились более детальные игры и занятия в армиях, корпусах, дивизиях и частях всех родов войск.

Ввиду чрезмерно большой протяженности тыловых коммуникаций фронта, а также расхода значительных материальных запасов на Восточно-Померанскую операцию к началу Берлинской операции еще не были созданы необходимые запасы. Нужны были действительно героические усилия работников тыла фронта и армий. И они оказались на высоте положения.

Готовя операцию, все мы думали над тем, что еще предпринять, чтобы больше ошеломить и подавить противника. Так родилась идея ночной атаки с применением прожекторов.

Решено было обрушить наш удар за два часа до рассвета. Сто сорок зенитных прожекторов должны были внезапно осветить позиции противника и объекты атаки.

Во время подготовки операции ее участникам была показана эффективность действия прожекторов. Все единодушно высказались за их применение.

Во время игры, в процессе проигрыша прорыва тактической обороны противника на Одере, серьезному обсуждению подвергся вопрос о применении танковых армий. Учитывая наличие сильной тактической обороны на Зееловских высотах,

было решено ввести в сражение танковые армии только после захвата этих высот.

Мы, естественно, не строили своих расчетов на том, что с прорывом тактической обороны наши танковые армии вырвутся на оперативный простор, как это имело место, например, в предыдущих Висло-Одерской, Восточно-Померанской и других операциях. В этих операциях танковые армии уходили на значительное расстояние вперед и своими действиями создавали все условия для стремительного продвижения общевойсковых армий.

В ходе Висло-Одерской операции, например, были моменты, когда 2-я гвардейская танковая армия отрывалась от общевойсковых армий на расстояние до 70 километров. Здесь же этого не предвиделось, так как расстояние до Берлина по прямой линии вообще не превышало 60—80 километров.

Поэтому имелось в виду следующее. Если сила удара первого эшелона фронта окажется недостаточной для быстрого преодоления тактической обороны противника и возникнут опасения, что наступление задержится, тогда ввести обе танковые армии для взлома обороны. Это усилит удар общевойсковых армий и поможет завершению прорыва тактической обороны противника в районе реки Одер и Зееловских высот.

Директивой Ставки предусматривалось как 1-ю, так и 2-ю гвардейские танковые армии ввести в сражение для удара по Берлину с северо-востока и для обхода его с севера. Однако во время проигрыша операции у меня и руководящего состава штаба фронта возникли серьезные опасения за успешный прорыв обороны противника в полосе наступления 8-й гвардейской армии на главном направлении фронта, особенно в районе сильно укрепленных Зееловских высот, находившихся в 12 километрах от переднего края немецкой обороны.

А так как сосед справа, 2-й Белорусский фронт; начинал наступление позже нас, всякая задержка с прорывом обороны противника могла создать для фронта очень невыгодную оперативную обстановку. Чтобы гарантировать фронт от всяких случайностей, мы приняли решение поставить 1-ю гвардейскую танковую армию генерала М. Е. Катюкова в исходное положение за 8-й гвардейской армией В. И. Чуйкова, с тем чтобы в случае необходимости немедленно ввести ее в дело в полосе 8-й гвардейской армии.

Взяв на себя ответственность за изменение группировки,

изложенной в директиве Ставки, я все же посчитал своим долгом доложить об этом Верховному Главнокомандованию.

Выслушав мои доводы, И. В. Сталин сказал:

— Действуйте, как считаете нужным, вам на месте виднее.

Что же происходило в это время у противника?

Битва за Берлин планировалась немецким верховным командованием как решающая битва на Восточном фронте. Пытаясь воодушевить свои войска, Гитлер в воззвании от 14 апреля писал:

«Мы предвидели этот удар и противопоставили ему сильный фронт. Противника встречает колоссальная сила артиллерии. Наши потери в пехоте пополняются бесчисленным количеством новых соединений, сводных формирований и частями фольксштурма, которые укрепляют фронт. Берлин останется немецким...»

Оборона основных стратегических направлений на Восточном фронте осуществлялась тремя группами гитлеровских армий. Группа армий «Висла», оборонявшаяся по Одеру, прикрывала подступы к Берлину с северо-востока и востока. Южнее действовала центральная группа армий, оборонявшая Саксонию и подступы к промышленным районам Чехословакии с северо-востока. Южная группа армий перекрывала Австрию и юго-восточные подступы к Чехословакии.

Группа армий «Висла» первоначально сама готовилась нанести контрудар войскам 1-го Белорусского фронта. Однако после ее разгрома и потери померанского плацдарма оставшиеся войска отошли за Одер и приступили к усиленной подготовке обороны берлинского направления. Для усиления группы армий «Висла» немецкое командование продолжало спешно формировать новые части и соединения, преимущественно эсэсовские. Так, только в одном учебном лагере в районе Дебериц для этой группы армий за короткий срок было сформировано три дивизии.

Оборону непосредственных подступов к Берлину первоначально возглавил Гиммлер, и все руководящие посты здесь были переданы эсэсовским генералам. Этим гитлеровское командование подчеркивало особую ответственность момента. За март и апрель 1945 года на берлинское направление было переброшено с различных направлений девять дивизий.

— Для того чтобы обеспечить необходимое пополнение частей Восточного фронта к началу предстоящего решительного наступления русских,— показал на допросе во время Нюрн-

бергского процесса бывший начальник оперативного штаба ставки немецкого верховного командования генерал-полковник Йодль, — нам пришлось расформировать всю резервную армию, то есть все пехотные, танковые, артиллерийские и специальные запасные части, военные училища и военно-учебные заведения, и бросить их личный состав на пополнение войск ¹.

Немецкое командование разработало детальный план обороны берлинского направления. Оно надеялось на успех оборонительного сражения на реке Одер, представлявшей собой стратегическое предполье Берлина. В этих целях было осуществлено следующее.

Прикрывавшая город 9-я армия генерала Буссе усиливалась людским составом и техникой. В ее тылу формировались новые дивизии и бригады. Укомплектованность соединений первой линии доводилась почти до штатной численности. Особое внимание уделялось сосредоточению и использованию в обороне танков и штурмовой артиллерии.

От Одера до Берлина создавалась сплошная система оборонительных сооружений, состоявшая из ряда непрерывных рубежей, по нескольку линий окопов. Главная оборонительная полоса имела до пяти сплошных траншей. Противник использовал ряд естественных рубежей: озера, реки, каналы, овраги. Все населенные пункты были приспособлены к круговой обороне.

В районе северо-восточнее Берлина формировалась армейская группа «Штейнер», которая должна была нанести удар во фланг войскам 1-го Белорусского фронта. Сюда же перебрасывались отборные части морской пехоты.

Кроме того, проводились «специальные мероприятия» по обороне Берлина. Город делился по окружности на восемь секторов обороны. Кроме них, имелся еще особый, девятый сектор, охватывавший центр Берлина, где находились правительственные здания, Имперская канцелярия, гестапо и рейхстаг.

На непосредственных подступах к городу создавались три рубежа обороны: внешняя заградительная зона, внешний оборонительный обвод и внутренний оборонительный обвод. На улицах самого города строились тяжелые баррикады, противотанковые заграждения, завалы, бетонированные сооружения. Окна домов укреплялись и превращались в бойницы.

Был создан штаб обороны Берлина, который предупредил население, что необходимо готовиться к ожесточенным улич-

¹ Материалы Нюрнбергского процесса. (Прим. автора).

ным боям, к боям в домах, что борьба будет вестись на земле и под землей. Рекомендовалось использовать метро, подземную канализационную сеть, средства связи. В специальном приказе штаба обороны предлагалось жилые кварталы превратить в крепости. Каждая улица, площадь, каждый переулок, дом, канал, мост становились составными элементами общей обороны города. Созданные для ведения уличных боев двести батальонов фольксштурма проходили специальное обучение.

Для усиления артиллерийской обороны подступов к Берлину и самого города привлекались все силы зенитной артиллерии. Свыше шестисот зенитных орудий крупного и среднего калибра были поставлены на противотанковую и противопехотную оборону города. Кроме того, в качестве огневых точек использовались даже танки, находившиеся в ремонте, но имевшие исправное артиллерийское вооружение. Их закапывали на перекрестках улиц, у железнодорожных мостов. Из членов союза фашистской молодежи «Гитлерюгенд» были сформированы танкоистребительные отряды. Их вооружали фаустпатронами.

На оборонные работы в Берлине было привлечено свыше четырехсот тысяч человек. В городе сосредоточились отборные полицейские и эсэсовские части. Для обороны особого сектора были стянуты многие эсэсовские полки и отдельные батальоны, располагавшиеся в ближайших районах. Возглавил эти эсэсовские войска начальник личной охраны Гитлера Монке.

Немецко-фашистское командование рассчитывало, что ему удастся заставить нас последовательно прогрызать рубеж за рубежом, затянуть сражение до предела, обессилить наши войска и остановить их на ближайших подступах. Предполагалось поступить с нашими войсками так же, как советские войска поступили с немецкими на подступах к Москве. Но этим расчетам не суждено было сбыться.

События, предшествовавшие Берлинской операции, развивались так, что скрыть от противника наши намерения было очень трудно. Для всякого, даже не посвященного в военное искусство человека было ясно, что ключ к Берлину лежит на Одере и вслед за прорывом на этой реке немедленно последует удар непосредственно по Берлину. Немцы ожидали этого.

Впоследствии на Нюрнбергском процессе генерал Йодль показал:

— Для генерального штаба было понятно, что битва за Берлин будет решаться на Одере, поэтому основная масса войск 9-й армии, оборонявшая Берлин, была введена на перед-

ний край. Срочно формировавшиеся резервы предполагалось сосредоточить севернее Берлина, чтобы впоследствии нанести контрудар во фланг войскам маршала Жукова...

Готовя наступление, мы полностью отдавали себе отчет в том, что немцы ожидают наш удар на Берлин. Поэтому командование фронта во всех деталях продумало, как организовать этот удар наиболее внезапно для противника.

Мы решили навалиться на оборонявшиеся войска противника с такой силой, чтобы сразу ошеломить и потрясти их до основания, использовав массу авиации, танков, артиллерии и материальных запасов. Но чтобы суметь в короткий срок скрытно сосредоточить в районе боевых действий всю эту многочисленную технику и средства, требовалась титаническая и, надо сказать, мастерская работа.

Через всю Польшу двигалось множество эшелонов с артиллерийскими, минометными, танковыми частями. На вид это были совсем невоенные эшелоны, на платформах перевозили лес и сено... Но как только эшелон прибывал на станцию разгрузки, маскировка быстро убиралась, с платформы сходили танки, орудия, тягачи и тут же отправлялись в укрытия. Пустые эшелоны возвращались на восток, а вместо них появлялись все новые и новые с боевой техникой. Так на пополнении фронта прибыло большое количество тяжелых орудий, минометов, артиллерийских тягачей и других материальных средств.

29 марта, когда отгремели последние выстрелы в Померании, артиллерия и танки, соблюдая строжайшую маскировку, потянулись на юг. Все леса и рощи по восточному берегу Одера были забиты войсками. На берлинском направлении сосредоточивались десятки тысяч орудий и минометов разных калибров. Для каждого орудия надо было оборудовать огневую позицию, вырыть землянку для расчета, ровики для снарядов.

Днем на плацдарме обычно было пустынно, а ночью он оживал. Тысячи людей с лопатами, ломами, кирками бесшумно рыли землю. Работа усложнялась близостью подпочвенных весенних вод и начавшейся распутицей. Свыше миллиона восьмисот тысяч кубометров земли было выброшено в эти ночи. А наутро следующего дня никаких следов этой колоссальной ночной работы нельзя было заметить. Все тщательно маскировалось.

По многочисленным дорогам и вне дорог ночью тянулись огромные колонны танков, артиллерии, машин с боеприпасами, горючим и продовольствием. Одних артиллерийских выстрелов

к началу операции требовалось сосредоточить 7 147 000. Чтобы обеспечить успех наступательных действий наших войск, нельзя было допустить никаких перебоев в снабжении. Характер операции требовал безостановочного продвижения боеприпасов с фронтовых складов к войскам, минуя промежуточные звенья: армейские и дивизионные склады.

Железнодорожное полотно было перешито на советскую колею, и боеприпасы подвозились почти до самого Одера. Чтобы представить себе масштаб всех этих перевозок, достаточно сказать, что если бы выстроить по прямой поезда с грузами, отправленными для этой операции, они растянулись бы более чем на 1200 километров.

У нас была полная уверенность в том, что войска не будут испытывать недостатка в боеприпасах, горючем и продовольствии. И действительно, снабжение было организовано так, что, когда мы начинали штурм самого Берлина, боеприпасов оказалось столько же, сколько их было при выходе с плацдарма на Одере. За время наступления от Одера до Берлина они все время равномерно пополнялись.

В целом проведенная работа по подготовке Берлинской операции была невиданной по своему размаху и напряжению. На сравнительно узком участке 1-го Белорусского фронта за короткое время было сосредоточено 83 стрелковые дивизии, 1155 танков и самоходных орудий, 14 628 орудий и минометов и 1531 установка реактивной артиллерии. Мы были уверены в том, что с этими средствами и силами наши войска разгромят противника в самый короткий срок.

Вся эта масса боевой техники, людей и материальных средств переправлялась через Одер. Потребовалось построить большое количество мостов и переправ, которые обеспечили бы не только переброску войск, но и дальнейшее их питание. Ширина Одера местами доходила до 380 метров. Начался весенний ледоход. Инженерно-строительные работы протекали в непосредственной близости от линии фронта под систематическим обстрелом артиллерии и минометов противника, при налетах его авиации. Однако к началу выхода соединений в исходные районы через Одер были проложены 23 моста и 25 паромных переправ. Район переправ прикрывался многослойным огнем зенитных орудий и патрулированием многих десятков истребителей.

Начиная с первых чисел февраля противник на Одере действовал все время активно. В течение марта и первой половины апреля ни на один день не прекращалась напряженная борьба за наши плацдармы в районе Кюстрина. Помимо массирован-

ных ударов бомбардировочной авиации, для уничтожения мостов и паромных переправ вражеские войска применяли самолеты-снаряды и плавучие мины, но мосты продолжали существовать. Разрушения быстро восстанавливались. Тысячи километров телефонных проводов, зарытых в землю и подвешенных на шести, были готовы к работе.

На участке главного удара войск фронта артиллерийская плотность создавалась до 270 орудий калибром от 76 миллиметров и выше на один километр фронта прорыва.

Одновременно с оперативно-тактической и материальной подготовкой операции Военными советами, политорганами и партийными организациями проводилась большая партийно-политическая работа по подготовке завершающей Берлинской операции.

В эти дни мы отмечали 75-ю годовщину со дня рождения В. И. Ленина. Вся воспитательная работа с войсками была одухотворена именем вождя революции. Партийное сознание бойцов и офицеров в этот исторический период завершения войны было чрезвычайно высоко. Увеличилось количество вступающих в ряды Коммунистической партии. Мне довелось в середине апреля присутствовать на одном из партийных собраний в 416-й стрелковой дивизии 5-й ударной армии.

Все выступавшие говорили о том, что каждый коммунист в предстоящей операции, особенно при штурме Берлина, должен личным примером увлекать за собой бойцов. С большим подъемом выступали не только коммунисты, но и беспартийные солдаты, заверившие партию в своей готовности быстрее покончить с фашизмом.

Должен сказать доброе слово о члене Военного совета фронта генерал-лейтенанте Константине Федоровиче Телегине, который с большой творческой энергией направлял через политуправление фронта всю партийно-политическую работу в войсках. Он сумел лично побывать во многих частях и подразделениях, призывая бойцов и командиров к боевому подвигу во имя нашей Родины.

Одновременно велась большая разъяснительная работа о лояльном отношении к мирному населению Германии, которое было жестоко обмануто гитлеровцами и теперь испытывало на себе все тяготы войны. Благодаря своевременным указаниям ЦК нашей партии и широкой разъяснительной работе нам удалось избежать нежелательных явлений, которые могли быть проявлены со стороны бойцов, семьи которых так сильно пострадали от зверств и насилий гитлеровцев.

Как я уже говорил, разгром берлинской группировки и взятие Берлина должны были осуществляться 1-м Белорусским фронтом при содействии части сил 1-го Украинского фронта.

Между 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами предусматривалось постоянное оперативное и тактическое взаимодействие, которое координировалось и корректировалось Ставкой.

Так, в ходе операции Ставка уточнила взаимодействие группы войск правого крыла 1-го Белорусского фронта с 4-й танковой армией 1-го Украинского фронта, вышедшей в район Потсдам — Ратенов — Бранденбург, с тем чтобы замкнуть оперативное окружение всей берлинской группировки противника.

Чтобы не допустить отхода в Берлин 9-й армии противника после прорыва 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов на Одере и Нейсе, при планировании операции нами было решено нанести вспомогательный удар силами 69-й и 33-й армий из района Франкфурт-на-Одере (южнее железной дороги Франкфурт — Берлин) в общем направлении на Бонсдорф.

Ставка приказала командующему 1-м Украинским фронтом нанести удар частью сил правого крыла фронта из района Коттбус на Вендиш — Бухгольд, с тем чтобы отсечь от Берлина войска 9-й армии и совместно с войсками левого крыла 1-го Белорусского фронта разгромить их.

Ударом 69, 33, 3-й армий 1-го Белорусского фронта, ударом 3-й гвардейской, 13-й, частью сил 3-й гвардейской танковой и 28-й армий 1-го Украинского фронта вся двухсоттысячная юго-восточная группировка немецких войск 9-й армии генерала Буссе была отсечена от Берлина и вскоре разгромлена.

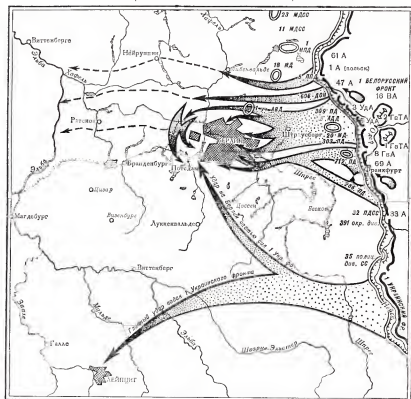
Следует подчеркнуть значительную роль 1-й гвардейской танковой армии 1-го Белорусского фронта, которая, выйдя на юго-восточную окраину Берлина, отрезала пути отхода 9-й армии в Берлин. Это облегчало дальнейшую борьбу 8-й гвардейской армии в самом городе.

Теперь я хотел бы в какой-то степени последовательно напомнить, как проходила историческая Берлинская операция.

За два дня до начала нашего наступления была проведена разведка по всему фронту. 32 разведывательных отряда силой до усиленного стрелкового батальона в течение двух суток 14 и 15 апреля боем уточняли огневую систему обороны противника, его группировки, определяли сильные и наиболее уязвимые места оборонительной полосы.

ОБЩИЙ ПЛАН БЕРЛИНСКОЙ ОПЕРАЦИИ

Эта силовая разведка имела и другую цель. Нам было выгодно заставить немцев подтянуть на передний край побольше живой силы и техники, чтобы при артиллерийской подготовке наступления 16 апреля накрыть их огнем всей артиллерии и минометов фронта. Разведка 14 и 15 апреля сопровождалась мощным артиллерийским огнем, в котором участвовали крупные калибры орудий.

Противник принял эту разведку за начало нашего наступления. Достаточно сказать, что в результате действий наших разведывательных отрядов некоторые немецкие части были выбиты из занимаемых первых позиций, а в отражении наступления разведывательных частей участвовала почти вся немецкая артиллерия.

Произошло то, к чему мы стремились. Противник стал поспешно подтягивать на вторую позицию свои резервы. Однако наши войска прекратили продвижение вперед и закрепились на достигнутых рубежах. Это озадачило командование противника. Как потом выяснилось, кое-кто из немецких командующих посчитал наше наступление неудавшимся.

За годы войны враг привык к тому, что артиллерийскую подготовку перед прорывом мы начинали обычно с утра, так как атака пехоты и танков лимитируется дневным светом. Поэтому он не ожидал ночной атаки. Этим мы и решили воспользоваться.

Глубокой ночью, за несколько часов до начала артиллерийской и авиационной подготовки, я отправился на наблюдательный пункт командующего 8-й гвардейской армией генерала В. И. Чуйкова.

По дороге мне удалось увидеться со многими командирами общевойсковых и танковых соединений и командующим 1-й гвардейской танковой армией генералом М. Е. Катуковым и его начальником штаба генералом М. А. Шалиным. Все они бодрствовали и еще раз проверяли детали боевой готовности вверенных им войск.

Меня обрадовала предусмотрительность генералов М. Е. Катукова и М. А. Шалина. Оказывается, они еще со вчерашнего утра послали своих командиров соединений, назначенных к действию в первом эшелоне танковой армии, на наблюдательные пункты командиров корпусов 8-й гвардейской армии, чтобы согласовать подробности взаимодействия и условия ввода в прорыв.

От командующего 1-й гвардейской танковой армией я позволил в штаб 2-й гвардейской танковой армии С. И. Богданову.

В штабе его не оказалось, он был у командарма В. И. Кузнецова. К телефону подошел начштаба 2-й гвардейской танковой армии генерал А. И. Радзиевский. На мой вопрос, где командиры соединений, назначенные для действия в передовых эшелонах, А. И. Радзиевский ответил:

— Впереди, в «хозяйствах» Василия Ивановича Кузнецова в связи с предстоящей работой.

Можно было только радоваться за наших командиров-танкистов, так выросших за годы войны в оперативно-тактическом отношении.

С таким настроением прибыл я вместе с членом Военного совета К. Ф. Телегиным и командующим артиллерией фронта В. И. Казаковым на наблюдательный пункт командующего 8-й гвардейской армией В. И. Чуйкова. Здесь уже находились член Военного совета армии, начальник штаба армии, командующий артиллерией и другие армейские генералы и старшие офицеры.

Было 3 часа ночи по московскому времени. Во всех частях шла последняя проверка боевой готовности к началу действий. Все происходило деловито, спокойно и в то же время без излишней самоуверенности и недооценки противника. Чувствовалось, что армия готовится драться по-настоящему, как и полагается сражаться с сильным и опытным врагом.

Через полтора часа была полностью закончена проверка. Артподготовку назначили на пять часов утра по московскому времени. Часовые стрелки, как никогда, медленно двигались по кругу. Чтобы заполнить как-то оставшиеся минуты, мы решили выпить горячего крепкого чаю, который тут же, в землянке, приготовила нам девушка. Помнится, ее почему-то звали нерусским именем Марго. Пили чай молча, каждый был занят своими мыслями.

Ровно за три минуты до начала артподготовки все мы вышли из землянки и заняли свои места на наблюдательном пункте, который с особым старанием был подготовлен начальником инженерных войск 8-й армии.

Отсюда днем просматривалась вся приодерская местность. Сейчас здесь стоял предутренний туман. Я взглянул на часы: было ровно пять утра.

И тотчас же от выстрелов многих тысяч орудий, минометов и наших легендарных «катюш» ярко озарилась вся местность, а вслед за этим раздался потрясающей силы грохот выстрелов и разрывов снарядов, мин и авиационных бомб. В воздухе нарастал несмолкаемый гул бомбардировщиков.

Со стороны противника в первые секунды протрещало несколько пулеметных очередей, а затем все стихло. Казалось, на стороне врага не осталось живого существа. В течение 30-минутного мощного артиллерийского огня противник не сделал ни одного выстрела. Это свидетельствовало о его полной подавленности и расстройстве системы обороны. Поэтому было решено сократить время артиподготовки и немедленно начать общую атаку.

В воздух взвились тысячи разноцветных ракет. По этому сигналу вспыхнули 140 прожекторов, расположенных через каждые 200 метров. Более 100 миллиардов свечей освещали поле боя, ослепляя противника и выхватывая из темноты объекты атаки для наших танков и пехоты. Это была картина огромной впечатляющей силы, и, пожалуй, за всю свою жизнь я не помню подобного зрелища!..

Артиллерия еще больше усилила огонь, пехота и танки дружно бросились вперед, их атака сопровождалась двойным мощным огненным валом. К рассвету наши войска преодолели первую позицию и начали атаку второй позиции.

Противник, имевший в районе Берлина большое количество самолетов, не смог ночью эффективно использовать свою авиацию, а утром наши атакующие эшелоны находились так близко от войск противника, что их летчики не в состоянии были бомбить наши передовые части, не рискуя ударить по своим.

Гитлеровские войска были буквально потоплены в сплошном море огня и металла. Сплошная стена пыли и дыма висела в воздухе, и местами даже мощные лучи зенитных прожекторов не могли ее пробить, но это никого не смущало.

Наша авиация шла над полем боя волнами. Ночью несколько сот бомбардировщиков ударили по дальним целям, куда не доставала артиллерия. Другие бомбардировщики взаимодействовали с войсками утром и днем. В течение первых суток сражения было проведено свыше 6550 самолето-вылетов.

На первый день было запланировано только для одной артиллерии миллион 197 тысяч выстрелов, фактически было произведено миллион 236 тысяч выстрелов. 2450 вагонов снарядов, то есть почти 98 тысяч тонн металла, обрушилось на голову врага. Оборона противника уничтожалась и подавлялась на глубину до 8 километров, а отдельные узлы сопротивления — на глубину до 10—12 километров.

Вот как рассказал впоследствии об этом дне командир 56-го танкового корпуса немецкий генерал артиллерии Вейдлинг на допросе в штабе фронта.

— 16 апреля в первые же часы наступления русские прорвались на правом фланге 101-го армейского корпуса на участке дивизии «Берлин», создав этим самым угрозу для левого фланга 56-го танкового корпуса. Во второй половине дня русские танки прорвались на участке 303-й пехотной дивизии, входившей в состав 11-го танкового корпуса СС, и создали угрозу нанесения ударов с фланга по частям дивизии «Мюнхенберг». Одновременно русские оказывали сильное давление с фронта на участке моего корпуса. В ночь на 17 апреля части моего корпуса, неся большие потери, были вынуждены отойти на высоты восточнее Зеелов...

Утром 16 апреля на всех участках фронта советские войска успешно продвигались вперед. Однако противник, придя в себя, начал оказывать противодействие со стороны Зееловских высот своей артиллерией, минометами, а со стороны Берлина появились группы бомбардировщиков. И чем ближе подходили наши войска к Зееловским высотам, тем сильнее нарастало сопротивление врага.

Этот естественный рубеж господствовал над окружающей местностью, имел крутые скаты и являлся во всех отношениях серьезным препятствием на пути к Берлину. Сплошной стеной стоял он перед нашими войсками, закрыв собой плато, на котором должно было развернуться сражение на ближних подступах к Берлину.

Именно здесь, у его подножия, немцы рассчитывали остановить наши войска. Здесь они сосредоточили наибольшее количество сил и средств.

Зееловские высоты ограничивали не только действия наших танков, но являлись серьезным препятствием и для артиллерии. Они закрывали глубину обороны противника, делали невозможным наблюдение ее с земли с нашей стороны. Артиллеристам приходилось преодолевать эти трудности усилением огня и частую стрелять по площадям.

Для противника удержание этого важнейшего рубежа имело еще и моральное значение. Ведь за ним лежал Берлин! Гитлеровская пропаганда всячески подчеркивала решающее значение и непреодолимость Зееловских высот, называя их то «замком Берлина», то «непреодолимой крепостью».

К 13 часам я отчетливо понял, что огневая система обороны противника здесь в основном уцелела, и в том боевом построении, в котором мы начали атаку и ведем наступление, нам Зееловских высот не взять.

Для того чтобы усилить удар атакующих войск и наверняка прорвать оборону, мы решили, посоветовавшись с командармами, ввести в дело дополнительно обе танковые армии генералов М. Е. Катукова и С. И. Богданова. В 14 часов 30 минут я уже видел со своего наблюдательного пункта движение первых эшелонов 1-й гвардейской танковой армии.

В 15 часов я позвонил в Ставку и доложил, что первая и вторая позиции обороны противника нами прорваны, войска фронта продвинулись вперед до шести километров, но встретили серьезное сопротивление у рубежа Зееловских высот, где, видимо, в основном уцелела оборона противника. Для усиления удара общевойсковых армий ввел в сражение обе танковые армии. Считаю, что завтра к исходу дня мы прорвем оборону противника.

И. В. Сталин внимательно выслушал и спокойно сказал:

— У Конева оборона противника оказалась слабой. Он без труда форсировал реку Нейсе и продвигается вперед без особого сопротивления. Поддержите удар своих танковых армий бомбардировочной авиацией. Вечером позвоните, как у вас сложатся дела.

Вечером я вновь доложил Верховному о затруднениях на подступах к Зееловским высотам и сказал, что раньше завтрашнего вечера этот рубеж взять не удастся.

На этот раз И. В. Сталин говорил со мной не так спокойно, как днем.

— Вы напрасно ввели в дело 1-ю гвардейскую танковую армию на участке 8-й гвардейской армии, а не там, где требовала Ставка. — Потом добавил:

— Есть ли у вас уверенность, что завтра возьмете зееловский рубеж?

Стараясь быть спокойным, я ответил:

— Завтра, 17 апреля, к исходу дня оборона на зееловском рубеже будет прорвана. Считаю, что чем больше противник будет бросать своих войск навстречу нашим войскам здесь, тем быстрее мы возьмем затем Берлин, так как войска противника легче разбить в открытом поле, чем в городе.

— Мы думаем приказать Коневу двинуть танковые армии Рыбалко и Лелюшенко на Берлин с юга, а Рокоссовскому ускорить форсирование и тоже ударить в обход Берлина с севера, — сказал И. В. Сталин.

Я ответил:

— Танковые армии Конева имеют полную возможность быстро продвигаться, и их следует направить на Берлин, а Ро-

россовский не сможет начать наступление ранее 23 апреля, так как задержится с форсированием Одера.

— До свидания, — довольно сухо сказал И. В. Сталин вместо ответа и положил трубку.

Вскоре мы получили директиву Ставки 1-му Украинскому и 2-му Белорусскому фронтам. В ней значилось: И. С. Коневу — наступать 3-й гвардейской танковой армией через Цоссен на Берлин с юга, 4-й гвардейской танковой армии выйти в район Потсдама, а К. К. Рокоссовскому ускорить форсирование Одера и частью сил наступать в обход Берлина с севера.

С раннего утра 17 апреля на всех участках фронта разгорелись ожесточенные сражения. Враг отчаянно сопротивлялся. Однако к вечеру, не выдержав удара танковых армий, введенных накануне, которые во взаимодействии с общевойсковыми армиями пробили на ряде участков оборону на Зееловских высотах, противник начал отступать. Утром 18 апреля Зееловские высоты были взяты.

Прорвав оборону зееловского рубежа, мы получили возможность ввести в сражение все танковые соединения уже на широком фронте.

Однако и 18 апреля противник все еще пытался остановить продвижение наших войск, бросая навстречу им все свои наличные резервы и даже части, снятые с обороны Берлина. Только 19 апреля, понеся большие потери, немцы не выдержали мощного напора наших танковых и общевойсковых армий и стали отходить на внешний обвод Берлинского района обороны.

Несколькими днями позже М. С. Калинин доложил мне, что получено указание Ставки об отмене директивы К. К. Рокоссовскому, предписывавшей 2-му Белорусскому фронту наступать в обход Берлина с севера. Было ясно, что войска 2-го Белорусского фронта, форсируя сложнейшую водную систему на Одере и преодолевая там оборону немцев, не смогут раньше 23 апреля двинуться всеми силами в наступление.

Как показал действительный ход событий, развивать наступление главными силами 2-й Белорусский фронт мог не раньше 24 апреля, тогда, когда в Берлине уже шли уличные бои, а правофланговая группировка войск 1-го Белорусского фронта к этому времени уже обошла город с севера и северо-запада.

В ходе сражений 16 и 17 апреля, да и потом, я еще и еще раз возвращался к анализу построения операции войск фронта, с тем чтобы убедиться, нет ли в наших решениях ошибок, которые могут привести к срыву операции.

Ошибок не было. Однако следует признать, что нами была допущена оплошность, которая затянула сражение при прорыве тактической зоны на один-два дня.

При подготовке операции мы несколько недооценивали сложность характера местности в районе Зееловских высот, где противник имел возможность организовать труднопреодолимую оборону. Находясь в 10—12 километрах от наших исходных рубежей, глубоко врылись в землю, особенно за обратными скатами высот, противник смог уберечь свои силы и технику от огня нашей артиллерии и бомбардировок авиации. Правда, на подготовку Берлинской операции мы имели крайне ограниченное время, но и это не может служить оправданием.

Вину за недоработку вопроса прежде всего я должен взять на себя.

Думаю, что если не публично, то в размышлениях наедине с самим собой ответственность за недостаточную готовность к взятию Зееловских высот в армейском масштабе возьмут на себя и соответствующие командующие армиями. При планировании артиллерийского наступления следовало бы предусмотреть трудности уничтожения обороны противника в этом районе.

Сейчас, спустя много времени, размышляя о плане Берлинской операции, я пришел к выводу, что разгром берлинской группировки противника и взятие самого Берлина были сделаны правильно, но можно было бы эту операцию осуществить и несколько иначе.

Слов нет, теперь, когда с исчерпывающей полнотой все ясно, куда легче мысленно строить наступательный план, чем тогда, когда надо было практически решать уравнение со многими неизвестными. И все же хочу поделиться своими соображениями по этому поводу.

Взятие Берлина следовало бы сразу, и в обязательном порядке, поручить двум фронтам: 1-му Белорусскому и 1-му Украинскому, а разграничительную линию между ними провести так: Франкфурт-на-Одере — Фюрстенвальде — центр Берлина. При этом варианте главная группировка 1-го Белорусского фронта могла нанести удар на более узком участке и в обход Берлина с северо-востока, севера и северо-запада. 1-й Украинский фронт нанес бы удар своей главной группировкой по Берлину на кратчайшем направлении, охватывая его с юга, юго-запада и запада.

Мог быть, конечно, и иной вариант: взятие Берлина поручить одному 1-му Белорусскому фронту, усилив его левое крыло не менее чем двумя общевойсковыми и двумя танковыми ар-

миями, одной авиационной армией и соответствующими артиллерийскими и инженерными частями.

При этом варианте несколько усложнилась бы подготовка операции и управление ею, но значительно упростилось бы общее взаимодействие сил и средств по разгрому берлинской группировки противника, особенно при взятии самого города. Меньше было бы всяких трений и неясностей.

Что касается наступления 2-го Белорусского фронта, его можно было бы организовать несколько проще.

Можно было оставить на участке Штеттин — Шведт небольшое прикрытие, главные силы фронта сосредоточить южнее Шведта и примкнуть их к правому крылу 1-го Белорусского фронта, а может быть, даже развернуть действия из-за его фланга (форсировавшего Одер), нанося удар в северо-западном направлении, и отрезать штеттин-шведтскую группу противника.

По ряду причин при рассмотрении и утверждении плана в Ставке эти варианты не фигурировали. Верховное Командование проводило в жизнь вариант удара широким фронтом...

Но вернемся к событиям тех дней.

В первые дни сражений танковые армии 1-го Белорусского фронта не имели никакой возможности вырваться вперед. Им пришлось драться в тесном взаимодействии с общевойсковыми армиями. Несколько успешнее действовала 2-я гвардейская танковая армия генерала С. И. Богданова совместно с 3-й и 5-й ударными армиями. К тому же на ее направлении после 18 апреля сопротивление противника было несколько слабее.

Наступление 1-го Украинского фронта с первого же дня развивалось более быстрыми темпами. Как и ожидалось, на направлении его удара оборона противника была слабая, что и позволило с утра 17 апреля ввести там в дело обе танковые армии. В первый же день они продвинулись на 20—25 километров, форсировали реку Шпрее и с утра 19 апреля начали продвигаться на Цоссен и Луккенвальде.

Однако при подходе войск Конева к району Цоссена сопротивление со стороны противника усилилось, темп продвижения частей 1-го Украинского фронта замедлился. К тому же и характер местности затруднял танковой армии генерала Рыбалко действия развернутым боевым порядком. По этому поводу командующий фронтом И. С. Конев передал П. С. Рыбалко следующую радиограмму:

«Тов. Рыбалко. Опять двигаетесь кишкой. Одна бригада дерется, вся армия стоит. Приказываю: рубеж Барут — Луккенвальде через болото переходить по нескольким маршрутам

развернутым боевым порядком... Исполнение довести. Конев. 20.4.45 г.»¹

20 апреля, на пятый день операции, дальнобойная артиллерия 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта, которой командовал генерал-полковник В. И. Кузнецов, открыла огонь по Берлину. Начался исторический штурм столицы фашистской Германии. В это же время 1-й дивизион 30-й гвардейской пушечной бригады 47-й армии, которым командовал майор А. И. Зюкин, также дал залп по фашистской столице.

21 апреля части 3-й ударной, 2-й гвардейской танковой, 47-й и 5-й ударной армий ворвались на окраины Берлина и завязали там бои. 61-я армия, 1-я армия Войска Польского и другие соединения 1-го Белорусского фронта быстро двигались, обходя Берлин, на Эльбу, где предполагалась встреча с войсками союзников.

Большую партийно-политическую работу по обеспечению высокого наступательного духа воинов проводили политотделы наступающих войск — 47-й армии (начальник политотдела полковник М. Х. Калашник), 61-й армии (начальник политотдела генерал-майор А. Г. Котиков), 2-й гвардейской танковой армии (начальник политотдела полковник М. М. Литвяк), 3-й ударной армии (начальник политотдела полковник Ф. Я. Лисицын), 5-й ударной армии (начальник политотдела генерал-майор Е. Е. Кощеев).

Военный совет фронта обратился к войскам со следующим воззванием.

«Бойцам, сержантам, офицерам и генералам 1-го Белорусского фронта.

Дорогие товарищи!

Настал решающий час боев. Перед вами Берлин, столица германского фашистского государства, а за Берлином — встреча с войсками наших союзников и полная победа над врагом. Обреченные на гибель остатки немецких частей еще продолжают сопротивляться. Немецкое командование выскребает свои последние остатки фольксштурмовских резервов, не щадит ни стариков, ни 15-летних детей и пытается сдержать наше наступление, чтобы оттянуть на час свою гибель.

Товарищи офицеры, сержанты и красноармейцы. Ваши части покрыли себя неувядаемой славой. Для вас не было препятствий ни у стен Сталинграда, ни в стенах Украины, ни в лесах

¹ Архив МО СССР, ф. 236, оп. 2712, д. 359, л. 35.

и болотах Белоруссии. Вас не сдержали мощные укрепления, которые вы сейчас преодолели на подступах к Берлину.

Перед вами, советские богатыри, Берлин. Вы должны взять Берлин и взять его как можно быстрее, чтобы не дать врагу опомниться. Обрушим же на врага всю мощь нашей боевой техники, мобилизуем всю нашу волю к победе, весь разум. Не посрамям своей солдатской чести, чести своего боевого знамени.

На штурм Берлина — к полной и окончательной победе, боевые товарищи! Дерзостью и смелостью, дружной согласованностью всех родов войск, хорошей взаимной поддержкой сметать все препятствия и рваться вперед, только вперед, к центру города, к его южным и западным окраинам — навстречудвигающимся с запада союзным войскам. Вперед к победе!

Военный совет фронта верит, что славные воины Первого Белорусского фронта с честью выполнят возложенную на них задачу, сметут с лица земли последние препятствия и с новой победой и славой водрузят свое боевое знамя над Берлином.

Вперед на штурм Берлина!

Командующий войсками
1-го Белорусского фронта
Маршал Советского Союза

Г. Жуков.

Член Военного совета
1-го Белорусского фронта
генерал-лейтенант

К. Телегин.

Чтобы всемерно ускорить разгром обороны противника в самом Берлине, было решено 1-ю и 2-ю гвардейские танковые армии бросить вместе с 8-й гвардейской, 5-й ударной, 3-й ударной и 47-й армиями в бой за город. Мощным огнем артиллерии, ударами авиации и танковой лавиной они должны были быстро подавить вражескую оборону в Берлине.

23—24 апреля войска 1-го Белорусского фронта громили гитлеровцев на подступах к центру Берлина. В южной части города завязали бой части 3-й гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта.

25 апреля 328-я стрелковая дивизия 47-й армии и 65-я танковая бригада 2-й гвардейской танковой армии 1-го Белорусского фронта, наступавшие западнее Берлина, соединились в районе Кетчина с 6-м гвардейским механизированным корпусом 4-й гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта.

Так берлинская группировка врага общей численностью более 400 тысяч человек оказалась рассеченной на две изолированные группы: берлинскую и франкфуртско-губенскую.

Введенная в дело из резерва фронта 3-я армия генерала А. В. Горбатова, развивая наступление вдоль канала Одер — Шпрее и используя успех 1-й гвардейской танковой армии, быстро вышла в район Кенигсвустерхаузен.

Отсюда, резко повернув на юг и юго-восток, она нанесла удар на Тойпитц и 25 апреля соединилась с частями правого крыла войск 1-го Украинского фронта, наступавшими в северо-западном направлении. Плотно замкнулось кольцо окружения вокруг вражеской группировки юго-восточнее Берлина в районе Вендиш — Бухгольд.

Успешно развивались бои и в самом Берлине. Когда войска фронта ворвались в столицу Германии, оборона города в некоторых районах уже ослабла, так как часть войск берлинского гарнизона была снята немецким командованием для усиления обороны на Зееловских высотах. Наши части быстро нащупывали эти районы и, маневрируя, обходили главные очаги сопротивления.

Но с подходом к центральной части города сопротивление резко усилилось. Ожесточение борьбы нарастало с обеих сторон. Оборона противника была сплошной. Немцы использовали все преимущества, которые давали им перед наступающей стороной бои в городе. Многоэтажные здания, массивные стены и особенно бомбоубежища, казематы, связанные между собой подземными ходами, сыграли важную роль. По этим путям немцы могли из одного квартала выходить в другой и даже появляться в тылу наших войск.

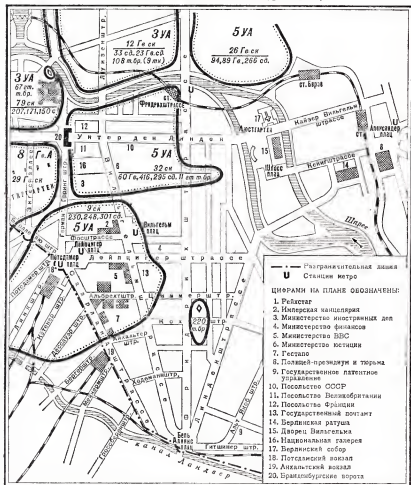
Река Шпрее в самом городе с ее высокими цементированными берегами, рассекая Берлин на две части, опоясывала министерские здания в центре города. Каждый дом здесь защищал гарнизон, нередко силой до батальона.

Наше наступление не прекращалось ни днем, ни ночью. Все усилия были направлены на то, чтобы не дать возможности противнику организовать оборону в новых опорных пунктах. Боевые порядки армий были эшелонированы в глубину. Днем наступали первым эшелоном, ночью — вторым.

Заранее подготовленной обороне Берлина с его секторами, районами и участками был противопоставлен детально разработанный план наступления.

Каждой армии, штурмовавшей Берлин, заранее были определены полосы наступления. Частям и подразделениям давались конкретные объекты — районы, улицы, площади. За кажущимся хаосом городских боев стояла стройная, тщательно

ПЛАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ БЕРЛИНА
(где 2-го мая 1945 г. закончился штурм города)

продуманная система. Под уничтожающий огонь были взяты основные объекты города.

Главную тяжесть боев в центральной части Берлина приняли на себя штурмовые группы и штурмовые отряды, составленные из всех родов войск.

Задача уличных боев в Берлине заключалась в том, чтобы лишить противника возможности собрать свои силы в кулак, расколоть гарнизон на отдельные очаги и в быстром темпе уничтожить их.

Для ее решения к началу операции были созданы необходимые предпосылки. Во-первых, наши войска па подступах к городу перемололи значительную часть живой силы и техники противника. Во-вторых, быстро окружив Берлин, мы лишили немцев возможности маневрировать резервами. В-третьих, и сами резервы немцев, стянутые к Берлину, были быстро разгромлены.

Все это позволило нам, несмотря на многочисленные препятствия, сократить до минимума уличные бои и облегчить войскам условия уничтожения вражеской обороны внутри города.

Каждая атака пехоты и танков сопровождалась массированными ударами артиллерии и авиации, которые наносились на всех участках фронта. 11 тысяч орудий разного калибра через определенные промежутки времени открывали одновременный огонь. С 21 апреля по 2 мая по Берлину было сделано почти миллион 800 тысяч артиллерийских выстрелов. А всего на вражескую оборону в городе было обрушено более 36 тысяч тонн металла.

На третий день боев в Берлине по специально расширенной колее к Силезскому вокзалу были поданы крепостные орудия, открывшие огонь по центру города. Вес каждого снаряда составлял полтонны.

Оборона Берлина разлеталась в пух и прах.

— К 22 апреля, — показал Кейтель потом па допросе, — стало ясно, что Берлин падет, если не будут сняты все войска с Эльбы для переброски против наступающих русских. После совместного совещания Гитлера и Геббельса со мной и Йодлем было решено: 12-я армия оставляет против американцев слабые арьергарды и наступает против русских войск, окруживших Берлин.

Йодль показал:

— 22 апреля Геббельс спросил у меня: можно ли военным путем предотвратить падение Берлина. Я ответил, что это воз-

можно, но только в том случае, если мы снимем с Эльбы все войска и бросим их на защиту Берлипа. По совету Геббельса я доложил свои соображения фюреру, он согласился и дал указание Кейтелю и мне вместе со штабом находиться вне Берлина и лично руководить контрнаступлением.

Командующий берлинским гарнизоном генерал Вейдлинг на допросе показал:

— 25 апреля Гитлер заявил мне: «Положение должно улучшиться (!). 9-я армия подойдет к Берлину и нанесет удар по противнику вместе с 12-й армией. Этот удар последует по южному фронту русских. С севера подойдут войска Штейнера и нанесут удар по северному крылу».

Все эти планы были фантазией Гитлера и его окружения, уже потерявших способность мыслить реально. В ночь на 23 апреля Кейтель выехал из Берлина в штаб 12-й армии, имея задачу соединить ее с 9-й армией. На следующий день он просто не смог вернуться в город. Советские войска громили обе эти армии.

Ежедневно за подписью Гитлера передавались радиотелеграммы подобного содержания: «Где 12-я армия?»; «Почему Венк не наступает?»; «Где Шернер?»; «Немедленно наступать!»; «Когда вы начнете наступать?».

В связи с тем, что действия войск 5-й ударной армии под командованием генерал-полковника Н. Э. Берзарина почти не освещены в нашей печати, я хочу рассказать о некоторых ее героических подвигах. Одни я наблюдал лично, о других был информирован командованием армии и командирами соединений.

Учитывая особую важность боевой задачи этой армии — овладение районом правительственных кварталов, расположенных в центре города, в том числе Имперской канцелярией, где находилась ставка Гитлера и где он находился сам со своими помощниками, кроме ранее приданных средств, мы усилили 5-ю ударную армию 11-м танковым корпусом генерала И. И. Ющука.

Наиболее сложной задачей на первом этапе был штурм сильно укрепленного Силезского вокзала и форсирование реки Шпрее с ее высокими бетонными берегами.

Первыми ворвались в Берлин с востока следующие войска, входившие в состав 26-го гвардейского корпуса генерала П. А. Фирсова и 32-го корпуса генерала Д. С. Жеребина:

— 94-я гвардейская дивизия (командир генерал И. Г. Гаспарян, начальник политотдела полковник С. В. Кузовков);

— 89-я гвардейская дивизия (командир генерал М. П. Серюгин, начальник политотдела полковник П. Х. Гордиенко);

— 266-я дивизия (командир полковник С. М. Фомиченко, начальник политотдела полковник В. И. Логинов);

— 60-я гвардейская дивизия (командир генерал В. П. Соколов, начальник политотдела полковник И. Н. Артамонов);

— 416-я дивизия (командир генерал Д. М. Сызранов, начальник политотдела полковник Р. А. Меджидов);

— 295-я дивизия (командир генерал А. П. Дорофеев, начальник политотдела полковник Г. Т. Луконин).

Почти четыре года ждали этого исторического момента наши героические воины. И вот этот час, час окончательной расплаты с фашизмом, наступил.

Трудно передать словами охватившее всех советских воинов волнение.

Вот что вспоминает командир орудия 6-й батареи 832-го арtpолка 266-й стрелковой дивизии старший сержант Николай Васильев:

— Уже под вечер наша батарея вышла на высоты, и мы увидели огромный город. Чувство радости и ликования охватило нас: это был последний вражеский рубеж, и час расплаты настал!.. Мы даже не заметили, как подъехала машина и из нее вышел наш командующий генерал Берзарин. Поприветствовав нас, он приказал нашему командиру: «По фашистам в Берлине — огонь!» Наверное, мы никогда так стремительно и слаженно не действовали, ведя огонь...

На снарядах батареи санинструктор Маланья Юрченко написала: «За Сталинград, за Донбасс, за Украину, за сирот и вдов. За слезы матерей!».

При штурме восточной части Берлина в боях особенно отличились 286-й гвардейский стрелковый полк 94-й гвардейской дивизии (командир подполковник А. Н. Кравченко) и 283-й гвардейский стрелковый полк той же дивизии под командованием подполковника А. А. Игнатьева.

Бойцы рвались вперед, проявляя массовый героизм. Убедившись, что лобовой атакой трудно захватить сильно укрепленный угловой дом, мешавший продвижению полка, парторг роты 283-го гвардейского полка Алексей Кузнецов с группой бойцов скрытными путями обошел этот дом и ударил по фашистам с тыла. Опорный пункт врага был захвачен.

Беспримерную отвагу проявил старший лейтенант И. П. Украинцев из 283-го гвардейского полка. При атаке одного из домов бой перешел в рукопашную схватку. Он бросился на врагов. Девять фашистов заколол отважный офицер. Следуя его примеру, гвардии сержант Степан Гробазай со своим отделением истребил несколько десятков гитлеровцев.

В этих боях пал героической смертью замечательный вожак комсомольцев 94-й гвардейской дивизии, помощник начальника политотдела дивизии по комсомольской работе капитан Николай Горшелев. Личным боевым примером он воодушевлял солдат, всегда находясь там, где решался успех боя. Его уважали и любили воины дивизии за отвагу и душевную заботу о солдатах и офицерах.

23 апреля наибольшего успеха в штурме Берлина добился 9-й стрелковый корпус под командованием Героя Советского Союза генерал-майора И. П. Рослого. Воины этого корпуса решительным штурмом овладели Карлсхорстом, частью Копенника и, выйдя к Шпрее, с ходу форсировали ее.

Здесь, как мне рассказывали, в боях особенно отличился штурмовой отряд во главе с заместителем командира дивизии подполковником Ф. У. Галкиным. После захвата Карлсхорста отряд при наступлении на Трептов-парк с ходу захватил крупнейшую электростанцию Берлина — Румельсбург, которую гитлеровцы подготовили к взрыву. Когда отряд Ф. У. Галкина ворвался на электростанцию, она еще была на полном ходу. Станцию немедленно разминировали. С оставшимися рабочими был установлен полный контакт. Они взяли на себя обязательство по техническому обслуживанию электростанции.

За организованность, мужество и героизм, проявленные при захвате электростанции Румельсбург, стремительное форсирование реки Шпрее, за овладение многими объектами подполковнику Ф. У. Галкину, подполковнику А. М. Ожогину и подполковнику А. И. Левину было присвоено звание Героя Советского Союза.

При форсировании Шпрее смело действовала 1-я бригада речных кораблей Днепровской военной флотилии, особенно отряд полуглиссеров этой бригады во главе с командиром лейтенантом М. М. Калининым. Несмотря на сильный огонь противника, старшина 1-й статьи Георгий Дудник на своем катере перебросил на вражеский берег несколько стрелковых рот 301-й стрелковой дивизии.

Во время переправы от прямого попадания вражеской мины на катере возник пожар. Старшина Георгий Дудник был тя-

жело ранен. Невзирая на ранение и ожоги, он довел катер до берега, высадил десант, потушил на катере пожар и отправился обратно на свой берег. Но он не достиг его и погиб от минометного огня...

Моторист другого катера А. Е. Самохвалов во время переправы наших частей проявил исключительную смелость и находчивость. Под огнем противника он устранял повреждения на катере, а когда от неприятельского огня погиб его командир, взял на себя командование и продолжал переправу наших войск.

За боевую доблесть и героизм, проявленные моряками 1-й Бобруйской бригады Днепровской флотилии, Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 31 мая 1945 года были удостоены звания Героя Советского Союза лейтенант М. М. Калинин, старшины Г. Г. Дудник, Г. П. Казаков и А. П. Пашков, матросы Н. А. Баранов, А. Е. Самохвалов, М. Т. Сотников, Н. А. Филиппов и В. В. Черинов. Днепровская краснознаменная флотилия была награждена орденом Ушакова I степени.

24 апреля 5-я ударная армия, ведя ожесточенные бои, продолжала успешно продвигаться к центру Берлина, к площади Александерплац, к дворцу кайзера Вильгельма, берлинской ратуше и Имперской канцелярии.

Учитывая наиболее успешное продвижение 5-й ударной армии, а также особо выдающиеся личные качества ее командарма Героя Советского Союза генерал-полковника Н. Э. Берзарина, 24 апреля командование назначило его первым советским комендантом и начальником советского гарнизона Берлина.

В те дни писатель Всеволод Вишневский в своем дневнике сделал такую запись: «Комендантом города назначен командующий Н-ской ударной армией генерал-полковник Берзарин. Это один из культурнейших генералов Красной Армии. У него есть масштаб»¹.

Николай Эрастович Берзарин был преданный сын Коммунистической партии, патриот Родины, опытный, волевой, дисциплинированный командир. Командуя армиями, Н. Э. Берзарин в Яско-Кишиневской, Висло-Одерской, Берлинской и других операциях проявил себя талантливым военачальником. К разработке операций и руководству войсками относился вдумчиво, творчески выполняя приказы высшего командования. В своей работе он всегда опирался на коммунистов.

Ему хорошо помогал в делах армейских член Военного

¹ Вс. Вишневский. Сочинения, т. 4, стр. 853.

совета генерал-лейтенант Ф. Е. Боков. Работая ранее в Генеральном штабе, Ф. Е. Боков получил значительный опыт в оперативных вопросах и организации операций.

С нарастающим ожесточением 25 апреля шли бои в центре Берлина. Противник, опираясь на крепкие узлы обороны, оказывал упорное сопротивление.

Наши войска несли большие потери, но, воодушевленные успехами, рвались вперед — к самому центру Берлина, где все еще находилось главное командование противника во главе с Гитлером. Об этом мы хорошо знали из немецких радиопередач: Гитлер истерично призывал свои армии к спасению Берлина, не зная, что они уже разбиты войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов.

29 апреля в центре города развернулись наиболее ожесточенные сражения.

На ратушу наступали 1008-й стрелковый полк (командир полковник В. Н. Борисов) и 1010-й полк (командир полковник М. Ф. Загородский) 266-й стрелковой дивизии. Много волнующих подвигов совершили воины этой дивизии, о которых мне в те дни рассказывали непосредственные участники штурма.

Батальон капитана Н. В. Бобылева получил задачу пробиться к ратуше и совместно с батальоном майора М. А. Алексеева овладеть ею. Наших воинов, наступавших при поддержке танков, самоходной артиллерии, встретил такой сильный шквал огня, что продвижение по улице стало просто невозможным.

Тогда решено было пробиваться к ратуше через стены зданий, делая проходы в них взрывчаткой. Под огнем противника саперы закладывали тол и одну за другой взрывали стены домов. Еще не успевал разойтись дым от взрывов, как в проходы бросались штурмовые группы и после рукопашной схватки очищали от неприятеля здания, прилегающие к ратуше.

В бой были введены танки и тяжелые самоходные орудия. Несколькими выстрелами они разбили тяжелые железные ворота ратуши, проделали пробоины в стенах, одновременно ставя дымовую завесу. Все здание заволочло густым дымом.

Первым сюда ворвался взвод лейтенанта К. Маденова. Вместе с отважным лейтенантом смело действовали бойцы Н. П. Кондрашев, К. Е. Крютченко, И. Ф. Кашпуровский и другие. Они закидали вестибюль и коридоры ручными гранатами. Каждую комнату приходилось брать с бою.

Комсорг 1-го батальона 1008-го стрелкового полка младший лейтенант К. Г. Громов пролез на крышу ратуши. Сбросив

на мостовую фашистский флаг, Константин Громов водрузил над ратушей наше Красное знамя. За героизм и мужество, проявленные в этих боях, Константину Григорьевичу Громову было присвоено звание Героя Советского Союза.

5-я ударная армия, успешно наступавшая в центре Берлина, хорошо взаимодействовала с 3-й ударной и 2-й гвардейской танковой армиями, 8-й гвардейской армией, 16-й воздушной армией и другими войсками. Быстрый успех, который был достигнут в сражениях за центр города, явился следствием умелой организации взаимодействия между всеми наступавшими армиями.

Здесь я прежде всего должен отметить блестящую работу начальника штаба 5-й ударной армии генерала А. М. Кущева, его заместителя генерала С. П. Петрова, начальника разведотдела А. Д. Синяева, парторга штаба В. К. Попова, начальника связи В. Ф. Фалина и других офицеров штаба.

Итак, развязка подходила к концу.

На то же надеялось гитлеровское руководство в этот критический для Германии момент?

Кейтель на допросе показал:

— Еще с лета 1944 года Германия вела войну за выигрыш времени, надеясь на то, что в войне, в которой с обеих сторон участвовали различные государства, различные полководцы, различные армии и различные флоты, в любое время могло возникнуть совершенно неожиданное изменение обстановки в результате комбинации различных сил. Таким образом, мы вели войну в ожидании событий, которые должны были случиться, но не случились.

В момент падения Берлина Гитлер уже не мог рассчитывать на эти события и выбросил лозунг: «Лучше сдать Берлин американцам и англичанам, чем пустить в него русских».

Пленные немецкие солдаты в Берлине показывали: «Офицеры утверждали, что все силы будут приложены к тому, чтобы не допустить захвата Берлина русскими. Если сдавать город, то только американцам».

Сражение в Берлине подошло к своему кульминационному пункту. Всем нам хотелось покончить с берлинской группировкой к 1 мая. Но враг, хотя и был в агонии, все же продолжал драться, цепляясь за каждый дом, за каждый подвал, за каждый этаж и крышу.

Несмотря на это ожесточенное, но бессмысленное сопротивление, советские воины брали квартал за кварталом. Войска генералов В. И. Кузнецова, Н. Э. Берзарина, С. И. Богда-

нова, М. Е. Катукова и В. И. Чуйкова все ближе продвигались к центру Берлина.

30 апреля 1945 года навсегда останется в памяти советского народа и в истории его борьбы с фашистской Германией.

В этот день, в 14 часов 25 минут, войсками 3-й ударной армии (командующий генерал-полковник В. И. Кузнецов, член Военного совета генерал А. И. Литвинов) была взята основная часть здания рейхстага.

За рейхстаг шла кровопролитная битва. Подступы к нему прикрывались крепкими зданиями, входящими в систему девятого центрального сектора обороны Берлина. Район рейхстага обороняли отборные эсэсовские части общей численностью около шести тысяч человек, оснащенные танками, штурмовыми орудиями и многочисленной артиллерией.

Вот как разворачивались события. Общий штурм рейхстага осуществлял усиленный 79-й стрелковый корпус 3-й ударной армии в составе 150-й и 171-й стрелковых дивизий, 23-й танковой бригады под командованием талантливого командира — Героя Советского Союза Семена Никифоровича Переверткина, одного из активнейших участников битвы под Москвой в 1941 году.

Во главе 150-й стрелковой Идрицкой дивизии стоял опытный генерал Герой Советского Союза В. М. Шатилов.

Еще 22 апреля соединения 79-го стрелкового корпуса ворвались в Берлин. Продвигаясь вперед, они освобождали квартал за кварталом. Благодаря их успешным действиям создавалась реальная возможность для 3-й ударной армии нанести удар по центру Берлина с севера.

79-й стрелковый корпус был повернут на юг с целью овладения северной частью города и развития наступления на районы Плетцензее, Моабит.

К вечеру 26 апреля части корпуса форсировали Фердинандс-канал и овладели станцией Бойсельштрассе, а в ночь на 27 апреля была очищена от противника северо-западная часть района Моабит. Передовые части 150-й и 171-й стрелковых дивизий вышли к главной берлинской электростанции, к станции Путлицштрассе, к театру «Комише Опер».

150-я стрелковая дивизия в этих боях овладела тюрьмой Моабит, где были освобождены тысячи военнопленных и политических узников. Здесь, как и в тюрьме Плетцензее, воины Красной Армии обнаружили машины для обезглавливания — гильотины.

В боевом распоряжении № 0025 от 28 апреля 1945 г. гене-

рал-майора С. Н. Переверткина были поставлены задачи соединениям 79-го стрелкового корпуса на овладение рейхстагом:

«...3. 150-й стрелковой дивизии — одним стрелковым полком — оборона на р. Шпрее. Двумя стрелковыми полками продолжить наступление с задачей форсировать р. Шпрее и овладеть западной частью рейхстага...

4. 171-й стрелковой дивизии продолжать наступление в своих границах с задачей форсировать р. Шпрее и овладеть восточной частью рейхстага...

Командир 79 стрелкового корпуса
генерал-майор Переверткин.

Начальник штаба полковник Летунов»¹.

150-я и 171-я стрелковые дивизии, усиленные 23-й танковой бригадой подполковника М. В. Морозова, в ночь на 29 апреля на направлении главного удара корпуса действиями передовых батальонов под командованием капитана С. А. Неустроева и старшего лейтенанта К. Я. Самсонова захватили мост Мольтке.

С утра 29 апреля и всю ночь на 30 апреля шли ожесточенные бои в непосредственной близости от рейхстага. Части 150-й и 171-й стрелковых дивизий готовились к штурму рейхстага.

В 11 часов 30 апреля после артиллерийского и минометного налета штурмовые батальоны полков этих дивизий и группы артиллеристов-разведчиков майора М. М. Бондаря и капитана В. Н. Макова перешли в атаку, пытаясь с трех направлений захватить здание рейхстага.

В 13 часов после 30-минутной повторной артподготовки началась новая стремительная атака. Завязался огневой и рукопашный бой непосредственно перед зданием рейхстага и за главный вход.

В 14 часов 25 минут батальон старшего лейтенанта К. Я. Самсонова 171-й стрелковой дивизии, батальон капитана С. А. Неустроева и батальон майора В. И. Давыдова 150-й стрелковой дивизии ворвались в здание рейхстага.

Но и после овладения нижними этажами рейхстага гарнизон противника не сдавался. Шел ожесточенный бой внутри здания.

В 18 часов был повторен штурм рейхстага. Части 150-й и 171-й стрелковых дивизий очищали от противника этаж за этажом. В 21 час 50 минут 30 апреля сержант М. А. Егоров

¹ Архив МО СССР, ф. 3-й уд. армии, оп. 4306, д. 530, л. 315.

и младший сержант М. В. Кантария водрузили врученное им Военным советом армии Знамя Победы над главным куполом рейхстага.

Командующий 3-й ударной армией генерал В. И. Кузнецов, лично наблюдавший за историческим боем взятия рейхстага, немедленно позвонил мне на командный пункт и радостно сообщил:

— На рейхстаге — Красное знамя! Ура, товарищ маршал!

— Дорогой Василий Иванович, сердечно поздравляю тебя и всех твоих солдат с замечательной победой. Этот исторический подвиг войск никогда не будет забыт советским народом!

В приказе Военного совета 1-го Белорусского фронта № 06 от 30 апреля 1945 г. значилось:

«1. Район рейхстага в городе Берлин обороняли отборные части СС. Для усиления обороны этого района противник в ночь на 28.4.45 г. выбросил на парашютах батальон морской пехоты. Противник в районе рейхстага оказывал ожесточенное сопротивление нашим наступающим войскам, превратив каждое здание, лестницу, комнату, подвал в опорные пункты и очаги обороны. Бои внутри главного здания рейхстага переходили в неоднократные рукопашные схватки.

2. Войска 3-й ударной армии генерал-полковника Кузнецова, продолжая наступление, сломили сопротивление врага, заняли главное здание рейхстага и сегодня, 30.4.45 г. ... подняли на нем наш Советский флаг. В боях за район и главное здание рейхстага отличился 79-й стрелковый корпус генерал-майора Переверткина и его 171-я стрелковая дивизия полковника Негоды и 150-я стрелковая дивизия генерал-майора Шатилова.

3. Поздравляя с одержанной победой, за проявленную храбрость, умелое и успешное выполнение боевой задачи всем бойцам, сержантам, офицерам и генералам 171-й и 150-й стрелковых дивизий и непосредственно руководившему боем командиру 79-го стрелкового корпуса генерал-майору Переверткину объявляю благодарность. Военному совету 3-й ударной армии наиболее отличившихся в боях за рейхстаг бойцов, сержантов, офицеров и генералов представить к правительственным наградам.

4. Близится час окончательной победы над врагом. Наш Советский флаг уже развевается над главным зданием рейхстага в центре города Берлин.

Товарищи бойцы, сержанты, офицеры и генералы 1-го Белорусского фронта! Вперед на врага — последним стремительным

ударом добьем фашистского зверя в его логове и ускорим приближение часа окончательной и полной победы над фашистской Германией.

Приказ объявить во всех ротах, эскадронах и батареях войск фронта.

Командующий войсками
1-го Белорусского фронта
Маршал Советского Союза

Член Военного совета
1-го Белорусского фронта
генерал-лейтенант

Г. Жуков.

К. Телегин.

Начальник штаба 1-го Белорусского фронта генерал-полковник

М. Калинин».

К концу дня 1 мая гитлеровские части общим числом около 1500 человек, не выдержав борьбы, сдались. Только отдельные группы фашистов, засевшие в разных отсеках подвалов рейхстага, продолжали сопротивляться до утра 2 мая.

Командантом рейхстага был назначен командир полка 150-й стрелковой дивизии полковник Федор Матвеевич Зинченко.

Борьба за Берлин шла не на жизнь, а на смерть. Из глубины матушки-России — из Москвы, из городов-героев Сталинграда, Ленинграда, с Украины, из Белоруссии, из прибалтийских, закавказских и других республик пришли сюда наши люди, чтобы завершить справедливую войну с теми, кто посягнул на свободу их Родины. У многих не зарубцевались еще раны от прошлых боев. Раненые не покидали строя. Все стремились вперед. Будто и не было четырех лет тяжелой войны: все воспрянуло духом, чтобы свершить великое дело — водрузить Знамя Победы в Берлине.

Много вдохновения и дерзости проявили во всех действиях наши воины. Зрелость нашей армии, ее рост за годы войны полностью отразились в Берлинском сражении. Солдаты, сержанты, офицеры и генералы показали себя в Берлинской операции творчески зрелыми, решительными и отчаянно смелыми людьми. Наша Коммунистическая партия в Великую Отечественную войну сделала из них исключительно опытных воинов, настоящих мастеров боевого дела, а опыт и знания являются самой благоприятной почвой для всестороннего развития военного искусства.

Сколько мыслей пронеслось в голове в те радостные минуты! И тяжелейшая битва под Москвой, где наши войска стояли насмерть, не пропустив врага в столицу, и Сталинград в руи-

нах, по непокоренный, и доблестный Ленинград, выдержавший тяжелейшую блокаду, и Севастополь, так героически сражавшийся против отборных гитлеровских войск, и торжество победы на Курской дуге, и тысячи разрушенных сел и городов, многомиллионные жертвы советского народа, героически выстоявшего и победившего...

И вот, наконец, самое главное, ради чего перенес великие страдания наш народ, — полный разгром фашистской Германии, торжество нашего правого дела!

1 мая в руках немцев остались только Тиргартен и правительственный квартал. Здесь располагалась Имперская канцелярия, во дворе которой находился бункер ставки Гитлера.

В этот день Мартин Борман записал в своем дневнике: «Наша Имперская канцелярия превращается в развалины».

БЕЗОГОВОРочНАЯ КАПИТУЛЯЦИЯ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

В 3 часа 50 минут 1 мая на командный пункт 8-й гвардейской армии был доставлен начальник генерального штаба германских сухопутных войск генерал пехоты Кребс. Он заявил, что уполномочен установить непосредственный контакт с Верховным Главнокомандованием Красной Армии для проведения переговоров о перемирии.

В 4 часа генерал В. И. Чуйков доложил мне по телефону, что генерал Кребс сообщил ему о самоубийстве Гитлера. По словам Кребса, это произошло 30 апреля в 15 часов 50 минут. Василий Иванович тут же зачитал мне содержание письма Геббельса к Советскому Верховному Главнокомандованию. В нем говорилось:

«Согласно завещанию ушедшего от нас фюрера мы уполномочиваем генерала Кребса в следующем. Мы сообщаем вождю советского народа, что сегодня в 15 часов 50 минут добровольно ушел из жизни фюрер. На основании его законного права фюрер всю власть в оставленном им завещании передал Дёницу, мне и Борману. Я уполномочил Бормана установить связь с вождем советского народа. Эта связь необходима для мирных переговоров между державами, у которых наибольшие потери. Геббельс».

К письму Геббельса было приложено завещание Гитлера со списком нового имперского правительства. Завещание было подписано Гитлером и скреплено свидетелями. (Оно датировалось 4 часами 30 апреля 1945 года).

Ввиду важности сообщения я немедленно направил своего заместителя генерала армии В. Д. Соколовского на командный пункт В. И. Чуйкова для переговоров с немецким генералом. В. Д. Соколовский должен был потребовать от Кребса безоговорочной капитуляции фашистской Германии.

Тут же соединившись с Москвой, я позвонил И. В. Сталину.

Он был на даче. К телефону подошел дежурный генерал, который сказал:

— Товарищ Сталин только что лег спать.

— Прошу разбудить его. Дело срочное и до утра ждать не может.

Очень скоро И. В. Сталин подошел к телефону. Я доложил о самоубийстве Гитлера и письме Геббельса с предложением о перемирии.

И. В. Сталин ответил:

— Доигрался, подлец! Жаль, что не удалось взять его живым. Где труп Гитлера?

— По сообщению генерала Кребса, труп Гитлера сожжен на костре.

— Передайте Соколовскому, — сказал Верховный, — никаких переговоров, кроме безоговорочной капитуляции, ни с Кребсом, ни с другими гитлеровцами не вести. Если ничего не будет чрезвычайного, не звоните до утра, хочу немного отдохнуть. Сегодня у нас Первомайский парад.

Первомайский парад... Первомайские демонстрации... Как все это близко и дорого советскому человеку, особенно находящемуся за пределами Родины! Я отчетливо представил себе, как сейчас к Красной площади двигаются войска Московского гарнизона. Утром они займут свои места и после речи принимающего парад пройдут торжественным маршем перед Мавзолеем В. И. Ленина, перед правительством и руководителями партии. Пройдут вдоль стен седого Кремля, чеканя шаг, с гордостью представляя победную мощь Советских Вооруженных Сил, освободивших Европу от угрозы фашизма...

Около 5 часов утра мне позвонил генерал В. Д. Соколовский и доложил о первом разговоре с генералом Кребсом.

— Что-то хитрят они, — сказал В. Д. Соколовский. — Кребс заявляет, что он не уполномочен решать вопрос о безоговорочной капитуляции. По его словам, это может решить только новое правительство Германии во главе с Дёницем. Кребс добивается перемирия якобы для того, чтобы собрать в Берлине правительство Дёница. Думаю, нам следует послать их к чертовой бабушке, если они сейчас же не согласятся на безоговорочную капитуляцию.

— Правильно, Василий Данилович, — ответил я. — Передай, что если до 10 часов не будет дано согласие Геббельса и Бормана на безоговорочную капитуляцию, мы нанесем удар такой силы, который навсегда отобьет у них охоту сопротивляться. Пусть гитлеровцы подумают о бессмысленных

жертвах немецкого народа и своей личной ответственности за безрассудство.

В назначенное время ответа от Геббельса и Бормана не последовало.

В 10 часов 40 минут наши войска открыли ураганный огонь по остаткам особого сектора обороны центра города. В 18 часов В. Д. Соколовский доложил, что немецкое руководство прислало своего парламентаря. Он сообщил, что Геббельс и Борман отклонили требование о безоговорочной капитуляции.

В ответ на это в 18 часов 30 минут с невероятной силой начался последний штурм центральной части города, где находилась Имперская канцелярия и засели остатки гитлеровцев.

Не помню точно когда, но как только стемнело, позвонил командующий 3-й ударной армией генерал В. И. Кузнецов и взволнованным голосом доложил:

— Только что на участке 52-й гвардейской стрелковой дивизии прорвалась группа немецких танков, около 20 машин, которые на большой скорости прошли на северо-западную окраину города.

Было ясно, что кто-то удирает из Берлина.

Возникли самые неприятные предположения. Кто-то даже сказал, что, возможно, прорвавшаяся танковая группа вывозит Гитлера, Геббельса и Бормана.

Тотчас же были подняты войска по боевой тревоге, с тем чтобы не выпустить ни одной живой души из района Берлина. Немедленно было дано указание командарму 47-й Ф. И. Перхоровичу, командарму 61-й П. А. Белову, командарму 1-й армии Войска Польского С. Поплавскому плотно закрыть все пути и проходы на запад и северо-запад. Командующему 2-й гвардейской танковой армией генералу С. И. Богданову и командарму генералу В. И. Кузнецову было приказано немедленно организовать преследование по всем направлениям, найти и уничтожить прорвавшиеся танки.

На рассвете 2 мая группа танков была обнаружена в 15 километрах северо-западнее Берлина и быстро уничтожена нашими танкистами. Часть машин сгорела, часть была разбита. Среди погибших экипажей никто из главарей гитлеровцев обнаружен не был. То, что осталось в сгоревших танках, опознать было невозможно.

Ночью 2 мая, в 1 час 50 минут, радиостанция штаба берлинской обороны передала и несколько раз повторила на немецком и русском языках:

«Высылаем своих парламентариев на мост Бисмаркштрассе. Прекращаем военные действия».

В 6 часов 30 минут утра 2 мая было доложено: на участке 47-й гвардейской стрелковой дивизии сдался в плен командир 56-го танкового корпуса генерал Вейдлинг. Вместе с Вейдлингом сдались офицеры его штаба. На предварительном допросе генерал Вейдлинг сообщил, что несколько дней назад он был лично Гитлером назначен командующим обороной Берлина.

Генерал Вейдлинг сразу же согласился дать приказ своим войскам о прекращении сопротивления. Вот текст, который он утром 2 мая подписал и объявил по радио:

«30 апреля фюрер покончил с собой и, таким образом, оставил нас, присягавших ему на верность, одних. По приказу фюрера мы, германские войска, должны были еще драться за Берлин, несмотря на то, что иссякли боевые запасы, и несмотря на общую обстановку, которая делает бессмысленным наше дальнейшее сопротивление.

Приказываю: немедленно прекратить сопротивление.

Подпись: Вейдлинг (генерал артиллерии, бывший командующий зоной обороны Берлина)».

В тот же день около 14 часов мне сообщили, что сдавшийся в плен заместитель министра пропаганды доктор Фриче предложил выступить по радио с обращением к немецким войскам берлинского гарнизона о прекращении всякого сопротивления. Чтобы всемерно ускорить окончание борьбы, мы согласились предоставить ему радиостанцию.

После выступления по радио Фриче был доставлен ко мне. На допросе он повторил то, что уже было в основном известно из переговоров с Кребсом. Как известно, Фриче был одним из наиболее близких к Гитлеру, Геббельсу и Борману людей.

Он сообщил, что 29 апреля Гитлер собрал совещание своего окружения, на котором присутствовали Борман, Геббельс, Аксман, Кребс и другие ответственные лица из фашистского руководства. Лично он, Фриче, якобы не был на этом совещании, но позже Геббельс подробно информировал его.

По словам Фриче, в последние дни, особенно после 20 апреля, когда советская артиллерия открыла огонь по Берлину, Гитлер большей частью находился в состоянии отупения, которое прерывалось истерическими припадками. Временами он начинал бессвязно рассуждать о близкой победе.

На мой вопрос о последних планах Гитлера Фриче ответил, что точно не знает, но слышал, что в начале наступления русских на Одере кое-кто из руководства отправился в Берхтес-

гаден и Южный Тироль. С ними посылались какие-то грузы. Туда же должно было вылететь и главное командование во главе с Гитлером. В самый последний момент, когда советские войска подошли к Берлину, шли разговоры об эвакуации в Шлезвиг-Гольштейн. Самолеты держались в полной готовности в районе Имперской канцелярии, но были вскоре разбиты советской авиацией.

Больше Фриче ничего нам сказать не мог.

На следующий день он был отправлен в Москву для проведения более обстоятельного допроса.

Несколько слов о последнем, завершающем бое в Берлине.

248-я (командир дивизии генерал Н. З. Галай) и 230-я (командир дивизии полковник Д. К. Шишков) стрелковые дивизии 5-й ударной армии Н. Э. Берзарина 1 мая штурмом овладели государственным почтамтом и завязали бой за дом министерства финансов, расположенный напротив Имперской канцелярии. 1 мая 301-я дивизия армии Н. Э. Берзарина (командир дивизии полковник В. С. Антонов) во взаимодействии с 248-й стрелковой дивизией штурмом овладела зданиями гестапо и министерства авиации. Под прикрытием пехоты вперед рванулся артиллерийский самоходный дивизион. А. Л. Денисюк, командир установки, поставил свою самоходку в проем ограды и в туманной мгле примерно в ста метрах увидел серое здание Имперской канцелярии, на фасаде которого красовался громадный орел со свастикой. Денисюк подал команду: «По фашистскому хищнику — огонь!..» Фашистский герб был сбит.

Последний бой за Имперскую канцелярию, который вели 301-я и 248-я стрелковые дивизии, был очень труден. Схватка на подступах и внутри этого здания носила особо ожесточенный характер. Предельно смело действовала старший инструктор политотдела 9-го стрелкового корпуса майор Анна Владимировна Никулина. В составе штурмовой группы батальона Ф. К. Шаповалова она пробралась через пролом в крыше наверх и, вытащив красное полотнище из-под куртки, с помощью куска телеграфного провода привязала его к металлическому шпилью. Над Имперской канцелярией взвилось знамя Советского Союза.

После захвата Имперской канцелярии ее комендантом был назначен заместитель командира 301-й стрелковой дивизии полковник В. Е. Шевцов, а с 4 мая, после того, как дивизия была переведена в Трептов-парк, старший офицер по оперативной работе штаба 5-й ударной армии майор Ф. Г. Платонов.

К 15 часам 2 мая с врагом было полностью покончено. Остатки берлинского гарнизона сдались в плен общим коли-

чеством более 70 тысяч человек, не считая раненых. Многие из тех, кто дрался с оружием в руках, видимо, в последние дни разбежались и попрятались.

Это был день великого торжества советского народа, его вооруженных сил, наших союзников в этой войне и народов всего мира.

В приказе Верховного Главнокомандующего говорилось:

«Войска 1-го Белорусского фронта при содействии войск 1-го Украинского фронта после упорных уличных боев завершили разгром берлинской группы немецких войск и сегодня, 1 мая, полностью овладели столицей Германии городом Берлином — центром немецкого империализма и очагом немецкой агрессии».

После захвата Имперской канцелярии мы поехали туда с генерал-полковником Н. Э. Берзариним, членом Военного совета армии генерал-лейтенантом Ф. Е. Боковым и другими участниками штурма, чтобы убедиться в самоубийстве Гитлера, Геббельса и других руководителей гитлеровцев.

Прибыв на место, мы оказались в затруднительном положении. Нам доложили, что все трупы немцы якобы закопали в местах захоронения, а где и кто закопал — толком никто не знал. Высказывались разные версии.

Захваченные пленные, главным образом раненые, о Гитлере и его окружении ничего не могли сказать.

Людей в Имперской канцелярии обнаружили мало, всего несколько десятков человек. Видимо, находившиеся там руководящие офицеры и эсэсовцы в самый последний момент бежали через потайные выходы из здания Имперской канцелярии и попрятались в городе.

Мы искали место сожжения трупов Гитлера и Геббельса, но так их и не нашли. Правда, остались потухшие очаги от каких-то костров, но они были малы: скорее всего там кипятили воду немецкие солдаты.

Мы уже заканчивали осмотр Имперской канцелярии, когда нам доложили, что в подземелье обнаружены трупы шестерых детей Геббельса. Признаюсь, у меня не хватило духу спуститься туда и посмотреть на детей, умерщвленных матерью и отцом. Вскоре недалеко от бункера были обнаружены трупы Геббельса и его жены. Для опознания был привлечен доктор Фриче, который подтвердил, что это именно они.

Обстоятельства вначале побудили меня усомниться в правдивости версии о самоубийстве Гитлера, тем более, что нам не удалось обнаружить и Бормана. Я тогда подумал: а не удрал

ли Гитлер в самый последний момент, когда уже не было надежды на помощь Берлину извне?

Такое предположение я высказал в Берлине на пресс-конференции советских и иностранных корреспондентов.

Несколько позже в результате проведенных расследований, опросов личного медицинского персонала Гитлера и т. д. к нам стали поступать дополнительные, более определенные сведения, подтверждающие самоубийство Гитлера. Я убедился, что для сомнений в самоубийстве Гитлера оснований нет.

Большинство фашистских главарей, в том числе Геринг, Гиммлер, Кейтель и Йодль, заблаговременно бежали из Берлина в разных направлениях.

До последней минуты они вместе с Гитлером, как азартные игроки, не теряли надежды на «счастливую карту», которая может спасти фашистскую Германию и их самих. 30 апреля и даже 1 мая гитлеровские заправилы все еще пытались оттянуть время окончательного краха, затеяв переговоры о вызове в Берлин новоявленного правительства Дёница якобы для решения о капитуляции Германии.

Генерал Кребс, опытный военный дипломат, всеми способами пытался втянуть нас в длительные переговоры, но эта хитрость не удалась. Я уже говорил, что В. Д. Соколовский, который был уполномочен вести переговоры, категорически заявил Кребсу: прекращение военных действий возможно лишь при условии полной и безоговорочной капитуляции немецко-фашистских войск перед всеми союзниками. На этом переговоры закончились.

Так как немцы тогда не приняли наших требований о безоговорочной капитуляции, советским войскам был дан приказ: немедленно добить врага.

Утром 3 мая вместе с комендантом Берлина Н. Э. Берзариним, членом Военного совета 5-й армии Ф. Е. Боковым, членом Военного совета фронта К. Ф. Телегиным и другими мы осмотрели рейхстаг и места боев в этом районе. Сопровождал нас и давал пояснения сын Вильгельма Пика Артур Пик, воевавший во время войны в рядах Красной Армии. Он хорошо знал Берлин, и это облегчило изучение условий, в которых пришлось бороться нашим войскам.

Каждый шаг, каждый кусок земли, каждый камень здесь яснее всяких слов свидетельствовали, что на подступах к Имперской канцелярии и рейхстагу, в самих этих зданиях борьба шла не на жизнь, а на смерть.

Рейхстаг — это громаднейшее здание, стены которого ар-

тиллерией средних калибров не пробьешь. Тут нужны были тяжелые калибры. Купол рейхстага и различные массивные верхние надстройки давали возможность врагу сосредоточить многослойный огонь на всех подступах.

Условия для борьбы в самом рейхстаге были очень тяжелые и сложные. Они требовали от бойцов не только мужества, но и мгновенной ориентировки, зоркой осторожности, быстрых перемещений от укрытия к укрытию и метких выстрелов по врагу. Со всеми этими задачами наши бойцы хорошо справились.

Колонны при входе в рейхстаг и стены были испещрены надписями наших воинов. В лаконичных фразах, в простых росписях солдат, офицеров и генералов чувствовалась их гордость за советских людей, за Советские Вооруженные Силы, за Родину и ленинскую партию.

Поставили и мы свои подписи, по которым присутствовавшие там солдаты узнали нас и окружили плотным кольцом. Пришлось задержаться на часок и поговорить по душам. Было задано много вопросов. Солдаты спрашивали, когда можно будет вернуться домой, останутся ли войска для оккупации Германии, будем ли воевать с Японией и т. д.

7 мая мне в Берлин позвонил Верховный Главнокомандующий и сообщил:

— Сегодня в городе Реймсе немцы подписали акт безоговорочной капитуляции. Главную тяжесть войны, — продолжал он, — на своих плечах вынес советский народ, а не союзники, поэтому капитуляция должна быть подписана перед Верховным командованием всех стран антигитлеровской коалиции, а не только перед Верховным командованием союзных войск.

— Я не согласился и с тем, — продолжал И. В. Сталин, — что акт капитуляции подписан не в Берлине, в центре фашистской агрессии. Мы договорились с союзниками считать подписание акта в Реймсе предварительным протоколом капитуляции. Завтра в Берлин прибудут представители немецкого главного командования и представители Верховного командования союзных войск. Представителем Верховного Главнокомандования советских войск назначаетесь вы. Завтра же к вам прибудет Вышинский. После подписания акта он останется в Берлине в качестве вашего помощника по политической части.

Рано утром 8 мая в Берлин прилетел А. Я. Вышинский. Он привез всю нужную документацию по капитуляции Германии и сообщил состав представителей от Верховного командования союзных войск.

С утра 8 мая начали прибывать в Берлин журналисты, корреспонденты всех крупнейших газет и журналов мира, фотожурналисты, чтобы запечатлеть исторический момент юридического оформления разгрома фашистской Германии, признания ею необратимого крушения всех фашистских планов, всех ее человеконенавистнических целей.

В середине дня на аэродром Темпельгоф прибыли представители Верховного командования союзных войск.

Верховное командование союзных войск представляли маршал авиации Великобритании Артур В. Теддер, командующий стратегическими воздушными силами США генерал Карл Спаатс и главнокомандующий французской армией генерал Ж. Делатр де Тассиньи.

На аэродроме их встречали мой заместитель генерал армии В. Д. Соколовский, первый комендант Берлина генерал-полковник Н. Э. Берзарин, член Военного совета армии генерал-лейтенант Ф. Е. Боков и другие представители Красной Армии. С аэродрома союзники прибыли в Карлсхорст, где было решено принять от немецкого командования безоговорочную капитуляцию:

На тот же аэродром из города Фленсбурга прибыли под охраной английских офицеров генерал-фельдмаршал Кейтель, адмирал флота фон Фридебург и генерал-полковник авиации Штумпф, имевшие полномочия от Дёница подписать акт безоговорочной капитуляции Германии.

Здесь, в Карлсхорсте, в восточной части Берлина, в двухэтажном здании бывшей столовой немецкого военно-инженерного училища подготовили зал, где должна была проходить церемония подписания акта.

Немного отдохнув с дороги, все представители командования союзных войск прибыли ко мне, чтобы договориться по процедурным вопросам столь волнующего события.

Не успели мы войти в помещение, отведенное для беседы, как туда буквально хлынул поток американских и английских журналистов и с места в карьер начали штурмовать меня вопросами. От союзных войск они преподнесли мне флаг дружбы, на котором золотыми буквами были вышиты слова приветствия Красной Армии от американских войск.

После того как журналисты покинули зал заседания, мы приступили к обсуждению ряда вопросов, касающихся капитуляции гитлеровцев.

Генерал-фельдмаршал Кейтель и его спутники в это время находились в другом здании.

По словам наших офицеров, Кейтель и другие члены немецкой делегации очень нервничали. Обращаясь к окружающим, Кейтель сказал:

— Проезжая по улицам Берлина, я был крайне потрясен степенью его разрушения.

Кто-то из наших офицеров ему ответил:

— Господня фельдмаршал, а вы были потрясены, когда по вашему приказу стирались с лица земли тысячи советских городов и сел, под обломками которых были задавлены миллионы наших людей, в том числе многие тысячи детей?

Кейтель побледнел, нервно пожал плечами и ничего не ответил.

Как мы условились заранее, в 23 часа 45 минут Теддер, Спаатс и Делатр де Тассиньи, представители от союзного командования, А. Я. Вышинский, К. Ф. Телегин, В. Д. Соколовский и другие собрались у меня в кабинете, находившемся рядом с залом, где должно было состояться подписание немцами акта безоговорочной капитуляции.

Ровно в 24 часа мы вошли в зал. Начиналось 9 мая 1945 года...

Все сели за стол. Он стоял у стены, на которой были прикреплены государственные флаги Советского Союза, США, Англии, Франции.

В зале за длинными столами, покрытыми зеленым сукном, расположились генералы Красной Армии, войска которых в самый короткий срок разгромили оборону Берлина и поставили на колени высокомерных гитлеровских фельдмаршалов, фашистских главарей и в целом гитлеровский рейх. Здесь же присутствовали многочисленные советские и иностранные журналисты, фоторепортеры.

— Мы, представители Верховного Главнокомандования Советских Вооруженных Сил и Верховного командования союзных войск, — заявил я, открывая заседание, — уполномочены правительствами антигитлеровской коалиции принять безоговорочную капитуляцию Германии от немецкого военного командования. Пригласите в зал представителей немецкого главного командования.

Все присутствовавшие повернули головы к двери, где сейчас должны были появиться те, кто хвастливо заявлял о своей способности молниеносно разгромить Францию, Англию и не позже как в полтора-два месяца раздавить Советский Союз, покорить весь мир.

Первым, не спеша и стараясь сохранить видимое спокойст-

вие, переступил порог генерал-фельдмаршал Кейтель, ближайший сподвижник Гитлера. Он поднял руку со своим фельдмаршальским жезлом вверх, приветствуя представителей Верховного командования советских и союзных войск.

За Кейтелем вошел генерал-полковник Штумпф. Невысокий, глаза полны злобы и бессилия. Одновременно вошел адмирал флота фон Фридебург, казавшийся преждевременно состарившимся.

Немцам было предложено сесть за отдельный стол, который специально для них был поставлен недалеко от входа.

Генерал-фельдмаршал не спеша сел и поднял голову, обратив свой взгляд на нас, сидевших за столом президиума. Рядом с Кейтелем сели Штумпф и Фридебург. Сопровождавшие офицеры встали за их стульями.

Я обратился к немецкой делегации:

— Имеете ли вы на руках акт безоговорочной капитуляции, изучили ли его и имеете ли полномочия подписать этот акт?

Вопрос мой на английском языке повторил главный маршал авиации Теддер.

— Да, изучили и готовы подписать его, — приглушенным голосом ответил генерал-фельдмаршал Кейтель, передавая нам документ, подписанный gross-адмиралом Дёницем. В документе значилось, что Кейтель, фон Фридебург и Штумпф уполномочены подписать акт безоговорочной капитуляции.

Это был далеко не тот надменный Кейтель, который принимал капитуляцию от побежденной Франции. Теперь он выглядел побитым, хотя и пытался сохранить какую-то позу.

Встав, я сказал:

— Предлагаю немецкой делегации подойти сюда, к столу. Здесь вы подпишете акт о безоговорочной капитуляции Германии.

Кейтель быстро поднялся, устремив на нас недобрый взгляд, а затем опустил глаза и, медленно взяв со столика фельдмаршальский жезл, неуверенным шагом направился к нашему столу. Монокль его упал и повис на шнурке. Лицо покрылось красными пятнами.

Вместе с ним подошли к столу генерал-полковник Штумпф, адмирал флота фон Фридебург и немецкие офицеры, сопровождавшие их. Поправив монокль, Кейтель сел на край стула и слегка дрожащей рукой подписал пять экземпляров акта. Тут же поставили подписи Штумпф и Фридебург.

После подписания акта Кейтель встал из-за стола, надел правую перчатку и вновь попытался блеснуть военной выправ-

кой, но это у него не получилось, и он тихо отошел за свой стол.

В 0 часов 43 минуты 9 мая 1945 года подписание акта безоговорочной капитуляции было закончено. Я предложил немецкой делегации покинуть зал.

Кейтель, Фридебург, Штумпф, поднявшись со стульев, поклонились и, склонив головы, вышли из зала. За ними вышли их штабные офицеры...

От имени Советского Верховного Главнокомандования я сердечно поздравил всех присутствовавших с долгожданной победой. В зале поднялся невообразимый шум. Все друг друга поздравляли, жали руки. У многих на глазах были слезы радости. Меня окружили боевые друзья — В. Д. Соколовский, М. С. Калинин, К. Ф. Телегин, Н. А. Антипенко, В. Я. Колпачки, В. И. Кузнецов, С. И. Богданов, Н. Э. Берзарин, Ф. Е. Боков, П. А. Белов, А. В. Горбатов и другие.

— Дорогие друзья, — сказал я товарищам по оружию, — нам с вами выпала великая честь. В заключительном сражении нам было оказано доверие народа, партии и правительства вести доблестные советские войска на штурм Берлина. Это доверие советские войска, в том числе и вы, возглавлявшие войска в сражениях за Берлин, с честью оправдали. Жаль, что многих нет среди нас. Как бы они порадовались долгожданной победе, за которую, не дрогнув, отдали свою жизнь!..

Вспомнив близких друзей и боевых товарищей, которым не довелось дожить до этого радостного дня, эти люди, привыкшие без малейшего страха смотреть смерти в лицо, как ни крепилась, не смогли сдержать слез.

В 0 часов 50 минут 9 мая 1945 года заседание, на котором была принята безоговорочная капитуляция немецких вооруженных сил, закрылось.

Потом состоялся прием, который прошел с большим подъемом.

Открыв банкет, я предложил тост за победу антигитлеровской коалиции над фашистской Германией. Затем выступил маршал А. Теддер, за ним Ж. Делатр де Тассиньи и генерал К. Спаате. После них выступали советские генералы. Каждый говорил о том, что наболело на душе за все эти тяжелые годы. Помню, говорилось много, душевно и выражалось большое желание укрепить навсегда дружеские отношения между странами антифашистской коалиции. Говорили об этом советские генералы, говорили американцы, французы, англичане, и всем нам хотелось верить, что так оно и будет.

Праздничный ужин закончился утром песнями и плясками. Вне конкуренции плясали советские генералы. Я тоже не удержался и, вспомнив свою юность, сплясал «русскую». Расходились и разъезжались под звуки канонады, которая производилась из всех видов оружия по случаю победы. Стрельба шла во всех районах Берлина и его пригородах. Стреляли вверх, но осколки мпз, снарядов и пули падали на землю, и ходить утром 9 мая было не совсем безопасно. Но как отличалась эта опасность от той, с которой все мы сжились за долгие годы войны!

Подписанный акт безоговорочной капитуляции утром того же дня был доставлен в Ставку Верховного Главнокомандования.

Первый пункт акта гласил:

«1. Мы, нижеподписавшиеся, действуя от имени германского верховного командования, соглашаемся на безоговорочную капитуляцию всех наших вооруженных сил на суше, на море и в воздухе, а также всех сил, находящихся в настоящее время под немецким командованием, Верховному Главнокомандованию Красной Армии и одновременно Верховному Командованию союзных экспедиционных сил».

Днем мне позвонили из Москвы и сообщили, что вся документация о капитуляции немецко-фашистской Германии получена и вручена Верховному Главнокомандующему.

Итак, закончилась кровопролитная война. Фашистская Германия и ее союзники были окончательно разгромлены.

Путь к победе для советского народа был тяжел. Он стоил миллионов жизней. И сегодня все честные люди мира, оглядываясь на прошлые страшные дни второй мировой войны, обязаны с глубоким уважением и сочувствием вспомнить тех, кто боролся с фашизмом и отдал жизнь за освобождение от фашистского рабства всего человечества.

Коммунистическая партия и Советское правительство, исходя из своего интернационального долга и гуманных убеждений, приняли все меры к тому, чтобы своевременно разъяснить советским воинам, кто является истинным виновником войны и совершенных злодеяний. Не допускалось и мысли о том, чтобы карать трудовой немецкий народ за те злодеяния, которые гитлеровцы творили на нашей земле. В отношении простых немцев советские люди имели ясную позицию: им необходимо помочь осознать свои ошибки, быстрее выкорчевать остатки нацизма и влиться в общую семью свободолюбивых народов, высшим девизом которых в будущем должны стать мир и демократия.

В Берлине и его окрестностях еще шли бои, а советское командование на основании решений ЦК партии и Советского

правительства уже приступило к организации нормальных жизненных условий для населения Берлина.

Основой для создания и деятельности военных и гражданских органов власти был приказ Военного совета 1-го Белорусского фронта № 5 от 23 апреля 1945 года. Приказ гласил:

«Вся власть управления на территории Германии, занятой Красной Армией, осуществляется военным командованием через посредство военных комендантов городов и районов.

Военные коменданты назначаются в каждом городе. Исполнительная власть создается из местных жителей: в городах — бургомистры, в более мелких городах и селах — старосты, которые несут ответственность перед военным командованием за выполнение населением всех приказов и распоряжений...»

В соответствии с этим приказом 28 апреля 1945 года был опубликован приказ № 1 советского военного коменданта Берлина Героя Советского Союза генерал-полковника Н. Э. Берзарина о переходе всей полноты власти в Берлине в руки советской военной комендатуры.

В этом приказе он объявил населению города, что фашистская партия Германии и ее организации распускаются и деятельность их запрещается.

Приказ устанавливал порядок поведения населения и определял основные положения, необходимые для нормализации жизни в Берлине.

Центральная военная комендатура создала во всех двадцати районах Берлина районные военные комендатуры, которые были укомплектованы нашими офицерами, и в первую очередь специалистами-хозяйственниками и инженерно-техническим персоналом. В некоторых подрайонах были созданы участковые комендатуры. С первых же шагов своей работы советским военным комендатурам пришлось в весьма сложной обстановке решать многие трудные задачи.

В результате боев в Берлине из 250 тысяч зданий города около 30 тысяч было совершенно разрушено, более 20 тысяч зданий находилось в полуразрушенном состоянии, более 150 тысяч зданий имело средние повреждения.

Городской транспорт не работал. Более трети станций метро было затоплено, 225 мостов подорвано немецко-фашистскими войсками. Вагонный парк и силовая сеть городского трамвая почти целиком были выведены из строя. Улицы, особенно в центре, завалены обломками. Вся система коммунального хозяйства прекратила свою работу — электростанции, водоканалы, газовые заводы, канализация.

Необходимо было спасти берлинское население от голодной смерти, организовать продовольственное снабжение, которое было прекращено до вступления в Берлин советских войск. Были установлены многочисленные факты, когда целые группы населения в течение нескольких недель не получали никакого продовольствия. Советские войска, расположенные в Берлине, начали тушить пожары, организовали уборку и захоронение трупов, производили разминирование.

Однако советское командование не могло решить все эти задачи без массового привлечения к активной работе местного населения.

Военные советы, военные коменданты, работники политических органов прежде всего привлекали к работе в районные магистраты немецких коммунистов, освобожденных из концлагерей, антифашистов и других немецких демократов, с которыми у нас сразу установилось дружеское взаимопонимание.

Так начали создаваться немецкие органы самоуправления — органы антифашистско-демократической коалиции. Примерно одну треть в них составляли коммунисты, которые действовали в товарищеском согласии с социал-демократами и лояльно настроенными специалистами.

Большую работу в Берлине проводил политический отдел комендатуры во главе с полковником А. И. Елизаровым.

В мае 1945 года Военный совет фронта в целях нормализации жизни в Берлине принял ряд важных решений, в частности:

11 мая — постановление № 063 о снабжении продовольствием немецкого населения Берлина. В нем устанавливался порядок и нормы выдачи продовольствия.

12 мая — постановление № 064 о восстановлении и обеспечении нормальной работы коммунального хозяйства Берлина.

31 мая — постановление № 080 о снабжении молоком детей Берлина.

Были приняты и другие решения о нормализации питания и быта населения, и в первую очередь трудового народа, занятого на восстановительных работах.

В качестве первой помощи со стороны Советского правительства в Берлин поступило 96 тысяч тонн зерна, 60 тысяч тонн картофеля, до 50 тысяч голов скота, сахар, жиры и другие продукты.

В результате этих срочных мероприятий была ликвидирована угроза голода немецкого населения.

Значительную роль в упорядочении жизни в Берлине сыграли советские комендатуры, политорганы фронта, гарнизона

и комендатур, вокруг которых быстро нарастала активность демократически настроенного населения. Постепенно исчезала неуверенность и боязнь репрессий, которыми всех пугали нацисты.

Как-то, проезжая по окраинам Берлина, я обратил внимание на необычно пеструю толпу, в которой находились наши солдаты. Там было много детей и женщин. Остановив машину, мы подошли, полагая, что гражданские лица — это наши советские люди, освобожденные из фашистских лагерей. Но оказалось, что это жители Берлина. Стою, наблюдаю и слышу, как один из солдат, держа на руках белокурого немецкого мальчугана лет четырех, говорит:

— Я потерял жену, маленькую дочку и сынишку, когда эвакуировалась семья из Конотопа. Погибли они в поезде от бомбежки. Война кончается, что же я буду жить как бобыль. Отдайте мне мальчугана. У него ведь эсэсовцы расстреляли мать и отца.

Кто-то пошутил:

— А парнишка-то похож на тебя...

Стоявшая рядом женщина сказала по-немецки:

— Нет, не могу отдать. Это мой племянник, буду растить сама.

Кто-то перевел. Солдат огорчился.

Я вмешался:

— Слушай, друг, вернись на Родину, там найдешь себе сына — сколько у нас сирот осталось! Еще лучше — возьми ребенка вместе с матерью!

Солдаты расхохотались, улыбнулся и немецкий мальчуган. Наши бойцы, развязав свои сумки, тут же роздали детям и женщинам хлеб, сахар, консервы, сухари, а мальчуган, сидевший на руках солдата, получил еще и конфеты. Солдат расцеловал парнишку и тяжело вздохнул.

До чего же добрая душа у советского солдата, подумал я и, подойдя к солдату, крепко пожал ему руку.

Я был без погон, в кожанке, но скоро меня узнали, пришлось задержаться еще на полчаса и ответить на многие вопросы окружающих. Жаль, что я не записал фамилий тех солдат. Запомнилось лишь, что эта группа была из 5-й ударной армии генерала Н. Э. Берзарина.

9 мая по поручению Государственного Комитета Обороны к нам в Берлин прилетел Анастас Иванович Микоян. Он тут же захотел посмотреть, как налаживается мирная жизнь.

Выйдя из машины около одного из продовольственных магазинов, где уже выдавался по советским карточкам хлеб немецким жителям, А. И. Микоян обратился к женщинам, стоявшим в очереди. Вид их был крайне истощенный.

— Как чувствуете себя после занятия Берлина советскими войсками? — спросил Анастас Иванович. — Говорите смелее, вот маршал Жуков, он учтет ваши нужды и сделает все, что будет в наших силах.

— Это Анастас Иванович Микоян, — сказал я, — заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров. Он прибыл по поручению Советского правительства посмотреть, как вы живете и в чем нуждаетесь, чтобы оказать берлинцам возможную помощь.

Переводчик перевел.

Нас тут же окружили и заговорили наперебой:

— Никогда бы не поверили, что такой большой русский начальник может ходить по очередям и интересоваться, в чем нуждаются простые немцы. А нас все время пугали русскими...

Пожилая женщина, подойдя к А. И. Микояну, заметно волнуясь, сказала:

— Большое спасибо от нас, немецких женщин, за то, что не даете нам умереть голодной смертью.

И тут же обратилась к стоявшему рядом мальчику:

— Кланяйся советским начальникам за хлеб и хорошее отношение!

Мальчик молча поклонился.

Вместе с А. И. Микояном, А. В. Хрулевым и Н. А. Антипенко мы тщательно изучили наши возможности по оказанию продовольственной и медицинской помощи населению. Несмотря на собственные большие трудности, средства были найдены и помощь была оказана. Надо было видеть лица жителей Берлина, когда им выдавали хлеб, крупу, кофе, сахар, а иногда немного жиров и мяса...

Руководствуясь указаниями Центрального Комитета партии и Советского правительства, мы помогали немецкому народу всем, чем только могли, чтобы быстрее организовать его трудовую жизнь. Из числа трофейного имущества выделялись грузовые машины, семена, а лошади и сельскохозяйственный инвентарь, взятые в поместьях немецких баронов, передавались сельскохозяйственным рабочим, которые создавали трудовые артели.

В Берлин прибыли руководители немецких коммунистов. Немецкие товарищи подчеркивали, что рабочие, простые люди

Германии уже видят в Красной Армии не карателя, а освободителя немецкого народа от фашизма.

Мы рекомендовали немецким коммунистам отправиться в части Красной Армии и побеседовать с советскими бойцами. Это предложение было принято. Возвратившись, они с большой теплотой отзывались о наших бойцах, их широком политическом кругозоре и человечности.

После захвата Берлина нам приходилось часто встречаться с В. Пиком, В. Ульбрихтом и другими руководителями Коммунистической партии Германии. Не покладая рук все они работали над ликвидацией тяжелых последствий войны и господства фашизма.

Я познакомился с Отто Гротеволем, который в то время был признанным руководителем левой группировки социал-демократической партии Германии, явно тяготеющей к коммунистам. Вскоре между Вильгельмом Пиком, Вальтером Ульбрихтом и Отто Гротеволем начались активные переговоры об образовании из числа коммунистов и левых социал-демократов единой социалистической партии, которые через год, 21 апреля 1946 года, закончились образованием Социалистической единой партии Германии (СЕПГ). Были избраны руководящие органы партии, развернута большая работа среди рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции.

В середине мая 1945 года Военный совет фронта созвал совещание с участием немецкой общественности, работников промышленности, транспорта, здравоохранения, коммунального хозяйства, культурных учреждений и офицеров военных комендатур. В работе этого совещания приняли участие заместитель Председателя Совнаркома А. И. Микоян, немецкие партийные и общественные деятели.

Были обсуждены вопросы дальнейшей нормализации жизни в городе, снабжения населения и меры по восстановлению транспорта, коммунальных предприятий, организации культурной жизни в Берлине.

Уже 14 мая военный комендант Берлина генерал-полковник Н. Э. Берзарин вместе с новой дирекцией метро открыл движение на первой линии метрополитена, а к концу мая было введено в эксплуатацию пять линий метрополитена общей протяженностью в 61 километр.

19 мая состоялось торжественное учредительное собрание берлинского магистрата, на котором Н. Э. Берзарин выступил с докладом о политике советских властей в Берлине, а обербургомистр доктор Вернер представил магистрат общественности.

Он состоял из лиц, известных своей прежней антифашистской демократической деятельностью.

По всему городу проводились большие восстановительные работы, расчистка завалов, в которых наряду с немецкими специалистами и населением приняли участие советские инженерные и специальные войска. К концу мая в черте города частично вступили в строй основные железнодорожные станции и речные порты, обеспечивавшие нормальное снабжение Берлина топливом и продовольствием.

К этому же времени была введена в действие 21 насосная станция городского водопровода; 7 восстановленных газовых заводов подавали для нужд города 340 тысяч кубических метров газа в сутки. Предприятия и население основных районов Берлина почти полностью были обеспечены газом и водой. В июне городской трамвай уже перевозил пассажиров и грузы на 51 линии общей протяженностью в 498 километров.

25 мая по приказу Н. Э. Берзарина была разрешена организация городской полиции, суда и прокуратуры. Возглавить полицейский аппарат в Берлине было поручено активному участнику движения «Свободная Германия» Паулю Маркграфу.

Военные комендатуры Берлина с помощью немецких коммунистов и демократов провели значительную работу по организации и развитию демократического устройства в городе.

Берлинское радио начало свои передачи 13 мая. На следующий день руководством военной комендатуры вместе с директорами театров Густавом Грюндгеном, Эрнстом Легалем и Паулем Вегнером были обсуждены подготовительные мероприятия к открытию берлинских театров.

К середине июня в Берлине работало 120 кинотеатров, в них демонстрировались советские художественные и документальные кинофильмы. Их с интересом смотрели десятки тысяч берлинцев.

Очень важным политическим и культурным мероприятием советских властей было издание для населения газеты советских оккупационных войск «Тэглихе рундшау» («Ежедневное обозрение») на немецком языке. Первый номер этой газеты вышел 15 мая, и она быстро завоевала популярность.

Перед газетой была поставлена задача: разъяснять немецкому народу внешнюю и внутреннюю политику нашей партии и Советского правительства, рассказывать правду о Советском Союзе, об интернациональной миссии Красной Армии. Подробно освещались мероприятия по восстановлению коммунального хозяйства и подъему культуры в Берлине, разоблачалась сущ-

ность фашизма. Немцев призывали напрячь все силы для скорейшего восстановления нормальной жизни в Берлине.

Через несколько дней начала издаваться газета «Берлинер цайтунг», орган берлинского магистрата.

В июне состоялось объединение берлинских демократических культурных сил. Был создан «Культурбунд» — культурный союз демократического обновления Германии.

В середине мая по указанию советской комендатуры и магистрата в большинстве районов возобновились школьные занятия. К концу июня уже шли уроки в 580 школах, где обучалось 233 тысячи детей. Было организовано 88 детских домов.

Приказом № 2 Главноначальствующего советской военной администрации была разрешена на территории советской зоны оккупации деятельность антифашистских партий. Трудящемуся населению было гарантировано право объединения в свободные профсоюзы и организации с целью обеспечения своих интересов и прав. Подробно об этом шаге советской военной администрации я расскажу позднее. Здесь же хочу привести слова Отто Гротевоя, который подчеркивал, что этим приказом «был дан мощный импульс политической жизни в советской зоне оккупации».

«Где можно найти в истории такую оккупационную армию, — писал он, — которая пять недель спустя после окончания войны дала бы возможность населению оккупированного государства создавать партии, издавать газеты, предоставила бы свободу собраний и выступлений?»

16 июня 1945 года советскую комендатуру и 5-ю ударную армию постигло большое несчастье. Командующий армией, первый советский комендант Берлина, Герой Советского Союза генерал-полковник Николай Эрастович Берзарин, так много сделавший для восстановления Берлина, погиб при исполнении служебных обязанностей в автомобильной катастрофе.

На посту военного коменданта и командующего 5-й ударной армией его сменил Герой Советского Союза генерал-полковник А. В. Горбатов. Командуя во время Берлинской операции войсками 3-й армии, он блестяще справился с задачей разгрома немецких войск, окруженных юго-восточнее Берлина. Как комендант Берлина, Александр Васильевич проявил себя выдающимся организатором и сделал все возможное, чтобы активно продолжить работу по восстановлению нормальной жизни трудового немецкого народа.

Хочется добрым словом отметить плодотворную деятельность члена Военного совета 5-й ударной армии генерал-лейтенанта

Ф. Е. Бокова и полковника С. И. Тюльпанова, которые оказывали большую помощь немецким товарищам в организации берлинского магистрата, местных органов самоуправления и работе советских военных комендатур в Берлине.

Заключительной операцией советских войск в Великой Отечественной войне стала Пражская операция. Советские войска должны были завершить разгром остатков немецких войск в Чехословакии и освободить ее от немецкой оккупации.

Еще 5 мая Ставке стало известно о восстании чехов в Праге и боях с немецкими войсками. Ставка приказала 1, 2-му и 4-му Украинским фронтам ускорить движение наших войск в район Праги, чтобы поддержать восставших и не дать гитлеровцам подавить восстание.

Выполняя приказ Ставки, фронты бросили туда свои подвижные войска. В ночь на 9 мая они вышли в район Праги, а утром вошли в город, горячо приветствуемые населением.

С этого времени организованное сопротивление немецких войск в Чехословакии, Австрии и на юге Германии прекратилось. Немецкие войска поспешно отходили на запад, стремясь сдать в плен американским войскам. Там, где советские войска преграждали им путь, они пытались пробиться силой оружия, неся при этом большие потери. Командование американских войск, нарушив свои союзнические обязательства, не преградило немецко-фашистским войскам отход в их зону, а даже содействовало этому.

Те же явления мы наблюдали и на участках английских войск. Советское командование заявило протест союзникам, но он остался без последствий.

В расположение американских войск спешила отойти и дивизия власовцев, изменников Родины. В дивизии находился сам Власов. Однако ее отход был решительно пресечен 25-м танковым корпусом, которым командовал генерал-майор Е. И. Фоминых. Было решено взять Власова в плен живым, чтобы воздать полностью за измену Родине. Выполнение этой задачи было возложено на командира 162-й танковой бригады полковника И. П. Мищенко, а непосредственный захват Власова поручен отряду под командованием капитана М. И. Якушова.

Власова захватили в легковой машине отходящей колонны. Спрятавшись под грудой вещей и укрывшись одеялом, он притворился больным солдатом, но был разоблачен своими телохранителями. Позднее Власов и его единомышленники были осуждены Военным трибуналом и казнены.

* * *

Итак, окончательно рухнуло чудовищное фашистское государство. Советские Вооруженные Силы и войска союзников при содействии народно-освободительных сил Франции, Югославии, Польши, Чехословакии и других стран завершили разгром фашизма в Европе. С победным исходом войны с фашистской Германией были связаны лучшие надежды всего прогрессивного человечества.

Мне трудно, да и в этом нет надобности, особенно выделить кого-либо из участников Берлинской операции — этой величайшей финальной битвы конца второй мировой войны. Каждый советский воин дрался и выполнял порученную ему задачу с максимальным напряжением своих сил и возможностей.

В управлении войсками фронта в этой завершающей операции мне хорошо помог опытный коллектив штаба 1-го Белорусского фронта, во главе которого стоял генерал М. С. Малинин. И подводя итоги войны, необходимо воздать должное труженикам наших штабных коллективов.

Хотелось бы обратить внимание на то, что разгром берлинской группировки немецких войск и взятие германской столицы — Берлина — были осуществлены всего лишь за 16 суток. Это рекордно короткий срок для такой сложной, крупнейшей стратегической операции.

В настоящее время кое-кто на Западе пытается преуменьшить трудности, с которыми пришлось столкнуться советским войскам в завершающих операциях 1945 года и при взятии Берлина, в частности.

Как участник Берлинской операции, должен сказать, что это была одна из труднейших операций второй мировой войны. Группировка противника общим количеством около миллиона человек, оборонявшаяся на берлинском стратегическом направлении, дралась ожесточенно. Особенно на Зееловских высотах, на окраинах города и в самом Берлине. Советские войска в этой завершающей операции понесли большие потери — около трехсот тысяч убитых и раненых.

Из разговоров с Эйзенхауэром, Монтгомери, офицерами и генералами союзных войск мне тогда было известно, что после форсирования Рейна союзные войска серьезных боев с немцами не вели. Немецко-фашистские части быстро отходили и без особого сопротивления сдавались в плен американцам и англичанам. Эти данные подтверждаются крайне ничтожными потерями союзных войск в завершающих операциях.

Так, например, по данным Ф. С. Погью, изложенным в его книге «Верховное командование», 1-я американская армия Паттона за 23 апреля 1945 года потеряла всего лишь трех человек, тогда как в этот же день взяла в плен 9 тысяч немецких солдат и офицеров.

Какие потери понесла трехмиллионная американская армия, двигаясь от Рейна на восток, юго-восток и северо-восток? Оказывается, американцы потеряли всего лишь 8351 человека, в то время как число пленных немцев исчислялось сотнями тысяч солдат и офицеров.

Многие руководящие военные деятели Запада, в том числе и бывшее Верховное командование экспедиционных союзных войск в Европе, продолжают делать неверные выводы о том, что после сражения в Арденнах и выхода союзных войск на Рейн германская военная машина была разбита и вообще не было надобности проводить весеннюю кампанию 1945 года. Так, бывший президент США Д. Эйзенхауэр в своем интервью, которое он дал в 1965 году в Чикаго вашингтонскому корреспонденту Эдварду Фольяцу, заявил: «Германия потерпела полное поражение после битвы в Арденнах... К 16 января все было кончено, и всякий разумный человек понял, что это конец... От всякой весенней кампании следовало отказаться. Война кончилась бы на 60 или 90 дней раньше».

Не могу с этим согласиться.

Красная Армия, как мы уже знаем, в середине января 1945 года только что развернула наступление с рубежа Тильзит — Варшава — Сандомир, имея целью разгромить противника в Восточной Пруссии и Польше. В последующем планировалось наступление в центр Германии для овладения Берлином и выхода на Эльбу, а на южном крыле готовилось окончательное освобождение Чехословакии и Австрии.

Согласно рассуждениям Эйзенхауэра, выходило, что советские войска должны были в январе 1945 года тоже отказаться от весенней кампании. Это значило закончить войну, не достигнув ни основной военно-политической цели, ни даже границ фашистской Германии, не говоря уже о взятии Берлина. Короче говоря, сделать то, на что надеялись, о чем так мечтали Гитлер и его окружение, сидя в подземельях Имперской канцелярии, сделать то, о чем так печалятся сегодня все те, кому не по душе великие прогрессивные перемены наших дней, те, кто проповедует политику в духе возрождения фашизма.

Разгром фашизма в Европе потребовал от стран антигитлеровской коалиции мобилизации огромнейших вооруженных сил

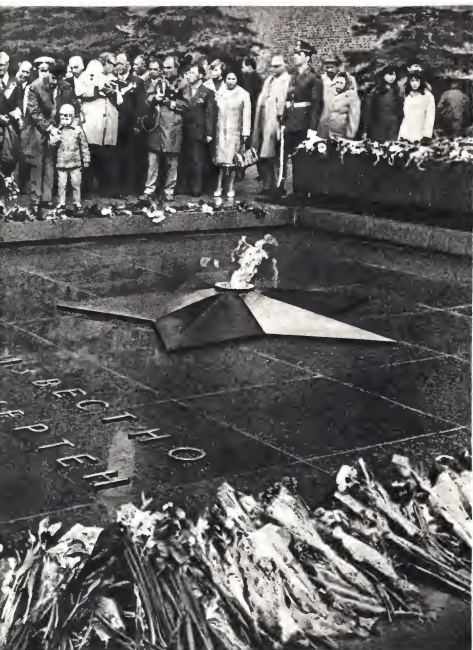

ДОМОЙ, С ПОБЕДОЙ!

ВЕЧНАЯ СЛАВА ГЕРОЯМ, ПАВШИМ В БОРЬБЕ ЗА СВОБОДУ И НЕЗАВИСИМОСТЬ
НАШЕЙ РОДИНЫ!

ПАРАД ПОБЕДЫ.

Москва. Красная площадь, 24 июня 1945 г.

9 МАЯ 1945 г. Москва.

ПОТСДАМСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, Июль 1945 г.

Бабельсберг.
Дворец
кронпринца,
где проходила
Потсдамская
конференция.

Военные советники

Зал заседаний.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ.

Министр обороны Маршал Советского Союза Г. К. Жуков на разборе командно-штабных учений. 1956 г.

Маршал Г. К. Жуков в 1-м Московском медицинском институте

Маршал Г. К. Жуков и летчик-космонавт А. А. Леонов, 1971 г.

Маршал Г. К. Жуков на сессии
Верховного Совета СССР.

Маршал Советского Союза
К. К. Рокоссовский, генерал Людвик
Свобода и Маршал Советского Союза
Г. К. Жуков.

Первый секретарь ЦК МНРП Ю. Цеденбал и министр внешней торговли СССР
Н. С. Патоличев в гостях у Г. К. Жукова в день его 75-летия, 2 декабря 1971 г.

Премьер-министр Индии Джавахарлал Неру и маршал Г. К. Жуков в Дели. 1957 г.

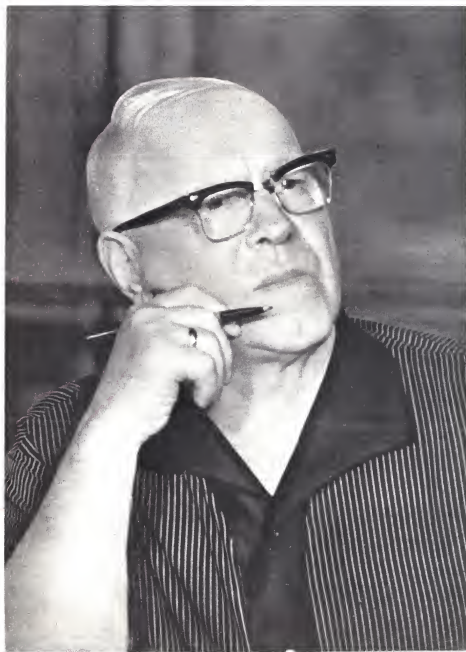
Г. К. Жуков с дочерьми Справа налево: Элла, Эра, Маша

Г. К. Жуков с дочерью Машей. Июль 1973 г.

Г. К. Жуков с женой Галиной Александровной на отдыхе под Москвой. Май 1973

и материальных средств. В решении этой важнейшей задачи было продемонстрировано взаимопонимание и желание довести борьбу с фашизмом до победного конца.

Никто не может оспаривать то обстоятельство, что главная тяжесть борьбы с фашистскими вооруженными силами выпала на долю Советского Союза. Это была самая жестокая, кровавая и тяжелая из всех войн, которые когда-либо пришлось вести нашему народу. Достаточно сказать, что свыше 20 миллионов советских людей погибли во время войны.

Ни одна страна, ни один народ антигитлеровской коалиции не понес таких тяжелых жертв, как Советский Союз, и никто не приложил столько сил, чтобы разбить врага, угрожавшего всему человечеству. На американскую территорию не было сброшено ни одной бомбы. На города США не упал ни один снаряд. В войне с Германией и Японией Америка потеряла убитыми 405 тысяч человек. Англия — 375 тысяч человек. Тогда как, например, Польша — 6 миллионов человек, Югославия — 1 миллион 706 тысяч человек.

Советские люди отдают должное народам Америки, Англии, их солдатам, матросам, офицерам и генералам, которые делали все возможное, чтобы приблизить час победы над фашистской Германией. Мы искренне чтим память погибших английских и американских моряков, которые, невзирая на сложную морскую обстановку, на то, что на каждой миле их поджидала смертельная опасность, доставляли нам грузы, обусловленные договором по ленд-лизу. Мы высоко ценим самоотверженность участников Сопротивления во многих европейских странах.

Что касается боевой доблести воинов всех родов войск экспедиционных сил союзников в Европе, должен объективно признать их высокие боевые качества и боевой дух, с которым они сражались с нашим общим врагом.

Не случайно, когда наши войска встретились с союзниками на Эльбе и в других районах, они искренне поздравляли друг друга с победой над фашистской Германией, выражая надежду на послевоенную дружбу.

Война, развязанная гитлеровскими правителями, обошлась очень дорого и немецкому народу — 7 миллионов только убитыми потеряла Германия в этой войне. Погибли и те, кто самоотверженно боролся против фашизма. В авангарде антифашистских сил всегда стояла Коммунистическая партия Германии. Более трехсот тысяч коммунистов было уничтожено в фашистских застенках. Немало погибло и борцов из числа левого крыла

социал-демократии. Германскому народу, в числе других народов мира, пришлось перенести тяжкие страдания и муки.

Гитлеровский фашизм превратил немецкую молодежь, еще не достигшую зрелого возраста, в душегубов. Без капли сожаления расстреливали они, сжигали в печах и растаптывали живых людей, невзирая на возраст и пол.

Как это могло случиться с народом, давшим миру К. Маркса и Ф. Энгельса, К. Либкнехта и Р. Люксембург, Э. Тельмана и других борцов за правое народное дело и коммунизм?

Как это могло произойти со страной, подарившей человечеству величайшие научные открытия, шедевры литературы и музыки, живописи и архитектуры, страной, где жили и творили гениальные Бах и Бетховен, Гёте, Гейне, и Альберт Эйнштейн?

Историки еще не раскрыли всю систему и методы, применявшиеся в гитлеровской Германии для формирования в сознании людей слепой веры в фашизм, в чванливое, неоправданное величие «немецкой расы», как высшей и «сверхчеловеческой», во всепобеждающую мощь германского государства.

Для перевоспитания людей в духе фашизма гитлеровцами была создана по всей стране гигантская, разветвленная сеть слежки и шпионажа. Всех инакомыслящих фашисты бросали в застенки гестапо. Широко применялась система «кнута и пряника». Послушным, тем, которых привлекало мифическое величие Германии и мировое господство, широко раздавались различные награды, ордена и повышенные звания.

Все это, вместе взятое, делало свое дело. Одураченные речами своих фашистских главарей, в том числе и самого фюрера, воодушевленные легкими победами над странами Европы, гитлеровцы послушно шли завоевывать и уничтожать. До тех пор, пока им не преградили путь Советские Вооруженные Силы, вдохновленные самыми справедливыми в мире идеями — свободы своей Родины, равноправия и независимости всех народов на земном шаре.

Война подвергла суровому испытанию и всесторонней проверке советский общественный и государственный строй. Эта проверка подтвердила его полное превосходство и жизненную силу. Ход и исход войны показали решающую роль в ней народных масс. Каждый советский человек, находившийся в рядах войск, в партизанских отрядах, на заводах, в конструкторских бюро, колхозах и совхозах, не жалея сил, вкладывал свою долю в разгром врага.

В тяжелых условиях, недоедая и недосыпая, трудились

рабочие, колхозники, интеллигенция. Женщины и подростки сменяли тех, кто уходил на фронт. Все народное хозяйство, построенное на новой экономической базе, доказало свою прогрессивность. Наша промышленность в труднейших условиях вооруженной борьбы с сильным врагом, который нанес нам такой огромный материальный ущерб, сумела за годы войны произвести почти вдвое больше современной боевой техники, чем гитлеровская Германия, опиравшаяся на военный потенциал Европы.

Даже в самые трудные моменты, когда, казалось, враг должен был взять верх, советский народ не опустил рук, не согнулся под ударами противника, а, сплотившись вокруг Коммунистической партии, с честью преодолел все трудности и добился всемирно-исторической победы.

Всесоюзная Коммунистическая партия действительно была подлинным вдохновителем и организатором нашей победы. В тяжелую годину суровых военных испытаний она стояла во главе борющегося народа, ее лучшие сыны были на переднем крае вооруженной борьбы. К концу войны на фронте было свыше 3 миллионов коммунистов — более половины всех членов партии (каждый четвертый воин был коммунист!), а наибольший приток воинов в партию был в самые тяжелые месяцы 1941 и 1942 годов. Коммунисты и комсомольцы на фронте и в тылу служили примером в героической борьбе за Родину. Народ и его армия видели в коммунистах и ленинской партии образец высокого советского патриотизма и преданности интернационализму.

Хотел бы особо подчеркнуть ту огромную важность патристическую и пропагандистскую роль, которую сыграла советская печать в годы Великой Отечественной войны. Героически, в первых рядах, в самых опасных и сложных фронтовых условиях действовали спецкоры, корреспонденты центральных и фронтовых газет, бесстрашные и вездесущие фотокорреспонденты, работники радио и кино. Огромным и заслуженным авторитетом пользовалось во всем мире Совинформбюро как источник самой достоверной информации с фронтов Великой Отечественной войны.

Германский империализм ставил перед собой цель — уничтожить нервое в мире социалистическое государство, поработить народы многих стран. Теперь уже пожелтели документы, директивы и карты, на которых гитлеровская верхушка расписала судьбу Европы, Азии, Африки и Америки, после того как удастся разгромить СССР. Но о них стоит вспоминать всякий раз,

когда думаешь о значении Великой Отечественной войны Советского Союза, о том, к чему вообще могут вести притязания на мировое господство.

Классовая непримиримость и бескомпромиссность в борьбе с фашизмом и его вооруженными силами оказали определяющее влияние на стратегию, оперативное искусство и тактику советских войск, которые направлялись Центральным Комитетом партии и Ставкой Верховного Главнокомандования.

В главе о Ставке Верховного Главнокомандования я уже касался вопросов военно-стратегического искусства. Считаю необходимым остановиться здесь на этом еще раз.

Советское военное искусство, опираясь на массовый героизм, на всенародную поддержку, сумело вырвать у врага инициативу и организовать ряд успешных крупнейших стратегических наступательных операций.

Совершенствуя формы и способы ведения войны, Верховное Главнокомандование, Генеральный штаб, командование фронтов, армий и их штабы в ходе войны проводили огромную работу по обобщению передового опыта вооруженной борьбы и внедрению его в войска, что и способствовало общему успеху.

Важнейшими факторами успеха наступательных операций 1943—1945 годов являлись новый метод артиллерийско-авиационного наступления; массированное применение крупных механизированных, танковых и авиационных объединений и их умелое взаимодействие с общевойсковыми армиями в операциях стратегического масштаба; коренное улучшение подготовки операций и методов управления войсками.

В ходе войны наряду с сухопутными силами быстро развивались и наши военно-воздушные силы, их боевое и оперативное искусство. Это обеспечивало в завершающем периоде полное господство в воздухе. Боевые действия наших летчиков во время войны отличались массовым героизмом. Действуя вместе с сухопутными войсками, авиация осуществляла мощные и неотразимые удары на всю тактическую, оперативную и стратегическую глубину. К концу войны наши военно-воздушные силы имели на вооружении превосходную материальную часть.

Создавая первоклассную военную технику, выдающиеся творческие победы одержали коллективы, которыми руководили А. Н. Туполев, А. И. Микоян, А. А. Благонравов, А. А. Архангельский, Н. Н. Поликарпов, А. С. Яковлев, С. В. Ильюшин, С. А. Лавочкин, В. М. Петляков, С. П. Королев, П. О. Сухой, И. Я. Котин, А. Н. Крылов, В. Я. Климов, М. И. Кошкин,

В. Г. Грабин, С. Г. Горюнов, М. И. Гуревич, В. А. Дегтярев, А. А. Микулин, Б. И. Шавырин, Г. С. Шпагин.

Наряду с сухопутными и военно-воздушными силами успешно осуществлял операции и наш Военно-Морской Флот. Многие десятки соединений и сотни отрядов морской пехоты действовали на суше, и всюду они проявляли чудеса храбрости, чем и заслужили от народа великую благодарность.

Начиная с 1944 года советская военная стратегия, опираясь на огромный военный и экономический потенциал страны и имея превосходящие силы и средства, проводила наступательные операции, в которых одновременно участвовали два, три, четыре и более фронтов, десятки тысяч орудий, тысячи танков, реактивных минометов и боевых самолетов. Эти мощные силы и средства позволяли советскому командованию прорывать любую оборону противника, наносить глубокие удары, окружать крупные группировки, быстро рассекать их и в короткие сроки уничтожать.

Если в районе Сталинграда Юго-Западному, Донскому и Сталинградскому фронтам потребовалось почти два с половиной месяца для полного разгрома армии Паулюса, то в завершающей, Берлинской операции, как уже говорилось, многочисленная группировка немецких войск была разгромлена и пленена за 16 суток.

В подготовке всех наступательных операций советских войск большое внимание уделялось организации внезапности, которая достигалась тщательной оперативной и тактической маскировкой, системой разработок в глубокой тайне оперативной документации и строго ограниченной информацией всех инстанций от Ставки до войск включительно. При этом особое внимание уделялось скрытному сосредоточению сил и средств на направлениях главных ударов и демонстрации ложных перегруппировок на участках, где не предполагалось наступление.

За время войны с фашистской Германией советские войска провели большое количество крупных операций, многие из которых являются беспримерными в истории войн как по своим масштабам, так и по классическому их осуществлению. К таким операциям следует отнести борьбу за Ленинград, битвы под Москвой, Сталинградом и на Курской дуге, Яско-Кишиневскую операцию, разгром немецких войск в Белоруссии, Висло-Одерскую операцию и завершающую, Берлинскую операцию. Из оборонительных операций незабываемыми по стойкости и массовому героизму являются сражения под Смоленском, Ленинградом, Севастополем и Одессой.

Все крупные наступательные и контрнаступательные операции советских войск начиная с осени 1942 года отличались оригинальностью, решительностью, стремительностью и полной завершенностью. Сражения и операции шли почти непрерывно во все времена года. Ни морозная и снежная зима, ни проливные дожди и весенне-осеннее непролазное бездорожье не останавливали хода операций, хотя это требовало чрезвычайного физического и духовного напряжения войск.

Важнейшей отличительной чертой советской стратегии в 1944—1945 годах была ее исключительная активность, развертывание наступательных операций на всем советско-германском фронте с решительными целями. Если в первом и частично во втором периодах войны советские войска переходили в наступление чаще всего после того как исчерпывались наступательные возможности немецких войск (переход в контрнаступление), то кампании в завершающем периоде войны сразу же начинались мощным наступлением наших войск на подготовленную оборону противника.

Одновременность развертывания на ряде направлений и непрерывность проведения крупных наступательных операций в ходе 1944—1945 годов стали возможными благодаря дальнейшему изменению соотношения сил в пользу советских войск, сокращению протяженности советско-германского фронта. Такой способ ведения стратегического наступления был исключительно эффективным, так как лишал противника свободы маневра и всюду его пресекал.

По своей форме оперативные и стратегические наступательные операции были весьма различными. Наиболее характерные из них — операции на окружение и уничтожение противостоящих крупных группировок противника ударами по сходящимся направлениям или путем прижатия к морю; нанесение дробящих ударов с целью расчленения группировки противника и уничтожения его по частям. Операция на окружение была наиболее эффективной формой стратегической наступательной операции. Выгодным условием для начала такой операции являлось то, что наши войска заняли выгодные позиции, охватывая группировку противника.

Советские войска на протяжении всей войны исключительно умело и дерзко оперировали в ночное время. Этот вид боевых действий, считавшийся до войны «действием в особых условиях», в ходе войны стал обычным. Особенно большой размах ночные действия получили в 1943—1945 годах, когда наши войска проводили крупнейшие наступательные операции. Войска

противника, как правило, избегали действовать ночью, а когда им это приходилось, они не были инициативны.

Начиная с 1943 года большое значение приобрели встречные сражения. Опыт войны показал, что во встречных действиях побеждает тот, кто заранее хорошо подготовлен к этому сложному виду боя. Здесь особенно важно помнить, что всегда и во всем при первом же столкновении следует упреждать противника: в захвате выгодных рубежей, в развертывании, в открытии огня, в охвате флангов, в стремительности атаки. Встречные действия по своей природе требовали от командиров широкой и смелой инициативы, постоянной готовности взять на себя ответственность за разумную боевую активность.

Успешный ход наших наступательных операций поддерживался героическими действиями партизанских сил Советского Союза, которые более трех лет не давали врагу передышки, разрушая вражеские коммуникации и терроризируя его тыл. С выходом советских войск на территории Польши, Чехословакии, Румынии, Болгарии, Югославии и Венгрии советским войскам большую помощь оказывали патриоты этих стран, боровшиеся против гитлеровских захватчиков под руководством своих коммунистических и социалистических партий.

В оккупированных областях РСФСР, по далеко не полным данным, в организованных отрядах партизан находилось 260 тысяч народных мстителей, на Украине — 220 тысяч, в Белоруссии — 374 тысячи. Командованию вражеских войск пришлось у себя в тылу практически создавать второй фронт для борьбы с партизанами, на что отвлекались крупные силы войск. Это серьезно отразилось на общем состоянии германского фронта и в конечном счете на исходе войны.

Хочется вспомнить выдающихся руководителей подпольных партийных организаций и командиров партизанских отрядов и соединений, которые сделали все возможное для борьбы с вражескими силами, умело взаимодействуя с нашими регулярными войсками: В. А. Бегму, П. П. Вершигору, С. Я. Вершиняна, П. К. Пономаренко, Т. А. Строкача, А. Ф. Федорова, С. С. Бельченко, М. Гусейн-Заде, Ф. А. Баранова, С. А. Ковпака, И. А. Козлова, В. И. Козлова, С. В. Руднева, К. С. Заслонова, А. Н. Сабурова, М. Шумаускаса, Д. Н. Медведева, М. И. Наумова, П. З. Калинина.

Большая заслуга перед Родиной принадлежит пограничникам. Они первыми приняли удары немецких войск и сделали все, что было в их силах, для срыва гитлеровского плана мол-

нпеносной войны, согласно которому пограничные отряды должны были быть сметены за один-два часа после вторжения.

Пограничные войска стойко сражались на границе с превосходящими силами противника, а затем они вместе с войсками Красной Армии самоотверженно боролись за каждую пядь советской земли.

В битве за Москву ряд пограничных полков (бывших погранотрядов) вместе с частями Красной Армии насмерть стояли на волоколамском, Можайском, Наро-Фоминском, Малоярославецком направлениях. В битве на Курской дуге блестящие успехи показала 70-я армия, укомплектованная пограничниками Дальнего Востока, Средней Азии и Забайкалья.

Пограничники выполняли важные задачи и в тылу противника, уничтожая его администрацию и разрушая коммуникации. В ходе войны погранвойска несли охрану тыла Красной Армии, успешно борясь с проникновением всевозможной фашистской агентуры и диверсантов. Там, где дрались части и соединения пограничников, мы всегда были уверены в их успешных действиях.

В современных войнах огромное значение имеет четкое управление войсками во всех звеньях. Оно охватывает широкий круг военно-политических, моральных, материальных и психологических факторов и составляет важнейшую часть военной науки и военного искусства. В предвоенные годы советская военная наука недостаточно глубоко исследовала эту важнейшую проблему. Всем нам пришлось уже в ходе войны во многом осваивать науку и практику управления войсками. В этом вопросе советское командование находилось в менее выгодном положении, чем командование немецких войск, которое к моменту нападения на Советский Союз имело достаточную практику ведения войны.

С ростом общего превосходства наших вооруженных сил над немецко-фашистскими войсками возрастало искусство управления людьми и военной техникой.

* * *

В середине мая 1945 года Верховный приказал мне прибыть в Москву. Цели вызова я не зная, а спрашивать было неудобно, да это и не принято у военных.

Я направился прямо в Генеральный штаб к А. И. Антонову, от которого узнал, что Государственный Комитет Обороны рассматривает сейчас вопросы, связанные с выполнением наших

новых обязательств перед США и Англией — вступлении Советского Союза в войну с Японией.

В Генеральном штабе в это время шла полным ходом работа по планированию предстоящих боевых действий сухопутных войск ВВС и Военно-Морского Флота на Дальнем Востоке.

Из Генштаба я позвонил И. В. Сталину и доложил о своем прибытии. Тут же получил указание явиться в восемь часов вечера в Кремль. Времени в моем распоряжении было достаточно, и я поехал к Михаилу Ивановичу Калинин, который звонил мне в Берлин и просил по приезду в Москву обязательно зайти к нему и рассказать о Берлинской операции.

Я искренне любил Михаила Ивановича за его простоту, за мудрость житейскую, за то, что он обычными словами умел объяснить самые сложные явления жизни.

Михаил Иванович встретил меня очень радушно. Он сильно сдал за эти годы и выглядел утомленным. Несмотря на свой возраст, он неоднократно выезжал в войска Действующей армии, встречался с бойцами, командирами и всегда находил для них умное, теплое слово.

Михаил Иванович расспрашивал, как был взят Берлин, как налаживается жизнь немецкого народа, как организуется деятельность немецкой Коммунистической партии, в значительной части так зверски уничтоженной гитлеровцами.

После беседы с Михаилом Ивановичем я пошел к Верховному. В кабинете были, кроме членов Государственного Комитета Обороны, нарком Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецов, А. И. Антонов, начальник тыла Красной Армии А. В. Хрулев, несколько генералов, ведавших в Генеральном штабе организационными вопросами.

Алексей Иннокентьевич докладывал расчеты Генштаба по переброске войск и материальных средств на Дальний Восток и сосредоточении их по будущим фронтам. По наметкам Генштаба определялось, что на всю подготовку к боевым действиям с Японией потребуется около трех месяцев.

Затем И. В. Сталин спросил:

— Не следует ли нам в ознаменование победы над фашистской Германией провести в Москве Парад Победы и пригласить наиболее отличившихся героев — солдат, сержантов, старшин, офицеров и генералов?

Эту идею все горячо поддерживали, тут же внося ряд практических предложений.

Вопрос о том, кто будет принимать Парад Победы и кто будет командовать парадом, тогда не обсуждался. Однако каждый

из нас считал, что Парад Победы должен принимать Верховный Главнокомандующий.

Тут же А. И. Антонову было дано задание подготовить все необходимые расчеты по параду и проект директивы. На другой день все документы были доложены И. В. Сталину и утверждены им.

На парад предусматривалось пригласить по одному сводному полку от Карельского, Ленинградского, 1-го Прибалтийского, 1, 2, 3-го Белорусских, 1, 2, 3-го и 4-го Украинских фронтов, сводные полки Военно-Морского Флота и Военно-Воздушных Сил.

В состав полков включались Герои Советского Союза, кавалеры орденов Славы, прославленные снайперы и наиболее отличившиеся орденосцы — солдаты, сержанты, старшины и офицеры.

Сводные фронтовые полки должны были возглавляться командующими фронтами.

Решено было привезти из Берлина Красное знамя, которое водружено над рейхстагом, а также боевые знамена немецко-фашистских войск, захваченные в сражениях советскими войсками.

В конце мая и начале июня шла усиленная подготовка к параду. В десятых числах июня весь состав участников уже был одет в новую парадную форму и приступил к тренировке.

12 июня Михаил Иванович Калинин вручил мне третью «Золотую Звезду» Героя Советского Союза.

Точно не помню, кажется, 18—19 июня меня вызвал к себе на дачу Верховный.

Он спросил, не разучился ли я ездить на коне.

— Нет, не разучился.

— Вот что, вам придется принимать Парад Победы. Командовать парадом будет Рокоссовский.

Я ответил:

— Спасибо за такую честь, но не лучше ли парад принимать вам? Вы Верховный Главнокомандующий, по праву и обязанности парад следует принимать вам.

И. В. Сталин сказал:

— Я уже стар принимать парады. Принимайте вы, вы помоложе.

Построение парада было определено в порядке общей линии действующих фронтов, справа налево. На правом фланге был построен полк Карельского, затем Ленинградского, 1-го Прибалтийского фронтов и так далее. На левом фланге строй за-

мыкали 4-й Украинский, сводный полк Военно-Морского Флота и части гарнизона Московского военного округа.

Для каждого сводного полка были специально выбраны военные марши, которые были особенно ими любимы. Предпоследняя репетиция к параду состоялась на Центральном аэродроме, а последняя, генеральная, — на Красной площади. В короткий срок все сводные полки были отлично подготовлены и производили внушительное впечатление.

22 июня в газетах был опубликован следующий приказ Верховного Главнокомандующего:

«В ознаменование победы над Германией в Великой Отечественной войне назначаю 24 июня 1945 года в Москве на Красной площади парад войск Действующей армии, Военно-Морского Флота и Московского гарнизона — Парад Победы...

Парад Победы принять моему заместителю Маршалу Советского Союза Г. К. Жукову, командовать парадом Маршалу Советского Союза К. К. Рокоссовскому.

Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза
И. Сталин.

Москва, 22 июня 1945 года».

Вот он, долгожданный и незабываемый день! Советский народ долго его ждал. Героические войны, воодушевляемые партией Ленина, под командой своих прославленных командиров прошли тяжелый четырехлетний боевой путь и закончили его блистательной победой в Берлине.

24 июня 1945 года я встал раньше обычного. Сразу же поглядел в окно, чтобы убедиться в правильности сообщения наших синоптиков, которые накануне предсказывали на утро пасмурную погоду и моросящий дождь. Как хотелось, чтобы на сей раз они ошиблись!

Но, увы, на этот раз погоду предсказали верно. Над Москвой было пасмурное небо и моросил дождь. Позвонил командующему Военно-Воздушными Силами, который сказал, что на большей части аэродромов погода нелетная. Казалось, Парад Победы не пройдет так торжественно, как хотелось.

Но нет! Москвичи в приподнятом настроении шли с оркестрами к району Красной площади, чтобы принять участие в демонстрации в тот исторический день. Их счастливые лица, масса лозунгов, транспарантов, песни создавали всеобщее ликующее настроение.

А те, кто не принимал участия в демонстрации на Красной площади, заполонили все тротуары. Радостное волнение и крики «ура» в честь победы над фашизмом объединяли их с демонстрантами и войсками. В этом единении чувствовалась непреоборимая сила и могущество Страны Советов.

Без трех минут десять я был на коне у Спасских ворот.

Отчетливо слышу команду: «Парад, смирно!». Вслед за командой прокатился гул аплодисментов. Часы отбивают 10.00.

Что тут говорить, сердце билось учащенно... Послал вперед коня и направился на Красную площадь. Грянули мощные и торжественные звуки столь дорогой для каждой русской души мелодии «Славься!» Глинки. Затем сразу воцарилась абсолютная тишина, раздались четкие слова командующего парадом Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского, который, конечно, волновался не меньше моего. Его рапорт поглотил все мое внимание, и я стал спокоен.

Боевые знамена войск, под которыми был завершен разгром врага, опаленные войной мужественные лица воинов, их восторженно блестящие глаза, новые мундиры, на которых сверкали боевые ордена и знаки отличия, создавали волнующую и незабываемую картину.

Как жаль, что многим верным сынам Родины, павшим в боях с кровавым врагом, не довелось дожить до этого радостного дня, дня нашего торжества!

Во время объезда и приветствия войск я видел, как с козырьков фуражек струйками сбегала вода, но душевный подъем был настолько велик, что никто этого не замечал.

Особенный восторг охватил всех, когда торжественным маршем двинулись полки героев мимо Мавзолея В. И. Ленина. Во главе их шли прославившиеся в сражениях с немецкими войсками генералы, маршалы родов войск и Маршалы Советского Союза.

Ни с чем не сравнимым был момент, когда двести бойцов — ветеранов войны под барабанный бой бросили к подножию Мавзолея В. И. Ленина двести знамен немецко-фашистской армии.

Пусть помнят этот исторический акт реваншисты, любители военных авантюр!

После Парада Победы состоялся правительственный прием в честь участников парада. На приеме присутствовали руководители партии и правительства, члены Президиума Верховного Совета СССР, члены ЦК партии, наркомы, виднейшие деятели Красной Армии и Флота, науки, промышленности и сельского хозяйства, искусства, литературы.

Было произнесено много теплых речей в честь партии, сплотившей советский народ на борьбу с врагом и организовавшей вооруженные силы на разгром врага; в честь Советских Вооруженных Сил, осуществивших полный разгром фашистской Германии; в честь деятелей науки, техники, промышленности, сельского хозяйства и искусства, обеспечивших материальную и духовную мощь наших вооруженных сил в борьбе с сильным, опытным и лютым врагом; в честь великого советского народа.

Разъехавшись по своим служебным местам, участники Парада Победы долгое время находились под впечатлением торжественного парада и теплого приема в Кремле...

Возвратясь в Берлин, мы предложили американцам, англичанам и французам провести парад войск в честь победы над фашистской Германией в самом Берлине. Через некоторое время был получен их положительный ответ. Парад советских войск и войск союзников было решено провести в сентябре в районе рейхстага и Бранденбургских ворот, где проходили завершающие бои при взятии советскими войсками Берлина 1—2 мая 1945 года.

Согласно договоренности парад войск должны были принимать главнокомандующие войсками Советского Союза, США, Англии и Франции.

В берлинском параде участвовали все рода сухопутных войск. Военно-воздушные силы, военно-морские силы решено было не привлекать, так как они были значительно удалены от Берлина.

Близилось время парада. Советские войска провели тщательную подготовку. На парад мы старались пригласить прежде всего солдат, сержантов, старшин, офицеров и генералов, особо отличившихся при штурме Берлина и его главных очагов сопротивления — рейхстага и Имперской канцелярии. Все шло так, как было согласовано с союзниками.

Но накануне парада мы были неожиданно предупреждены о том, что по ряду причин главнокомандующие союзными войсками не могут прибыть в Берлин на парад и уполномочили своих генералов принять в нем участие.

Я тотчас же позвонил И. В. Сталину.

Выслушав мой доклад, он сказал:

— Они хотят приписать значение Парада Победы в Берлине. Подождите, они еще не такие будут выкидывать фокусы. Не обращайтесь на отказ союзников и принимайте парад сами, тем более, что мы имеем на это прав больше, чем они.

Парад войск стран антигитлеровской коалиции состоялся 7 сентября 1945 года в точно назначенное время. В нем приняли

участие советские войска, штурмовавшие Берлин, американские, английские и французские войска, которые находились в Берлине для несения оккупационной службы в отведенных им секторах западной части города.

Объехав войска, построенные для прохождения торжественным маршем, я произнес речь, в которой были отмечены исторические заслуги советских войск и экспедиционных сил союзников.

Наша пехота, танкисты и артиллеристы прошли в безукоризненном строю. Особо внушительное впечатление произвели танки и самоходная артиллерия. Из союзных войск лучшей строевой подготовкой отличились английские войска.

В районе, где проходил парад, собралось около двадцати тысяч берлинцев. Это было торжество, символизирующее победу антигитлеровской коалиции над кровавой фашистской агрессией.

ПОТСДАМСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ. КОНТРОЛЬНЫЙ СОВЕТ ПО УПРАВЛЕНИЮ ГЕРМАНИЕЙ

В мае 1945 года, примерно в двадцатых числах, поздно вечером мне позвонил А. Н. Поскребышев и передал, чтобы я приехал в Кремль.

В кабинете Верховного, кроме него, находились В. М. Молотов и К. Е. Ворошилов.

После взаимных приветствий И. В. Сталин сказал:

— В то время как мы всех солдат и офицеров немецкой армии разоружили и направили в лагеря для военнопленных, англичане сохраняют немецкие войска в полной боевой готовности и устанавливают с ними сотрудничество. До сих пор штабы немецких войск во главе с их бывшими командующими пользуются полной свободой и по указанию Монтгомери собирают и приводят в порядок оружие и боевую технику своих войск.

— Я думаю,— продолжал Верховный,— англичане стремятся сохранить немецкие войска, чтобы использовать позже. А это — прямое нарушение договоренности между главами правительств о немедленном роспуске немецких войск.

Обращаясь к В. М. Молотову, И. В. Сталин сказал:

— Надо ускорить отправку нашей делегации в Контрольную комиссию, которая должна решительно потребовать от союзников ареста всех членов правительства Дёница, немецких генералов и офицеров.

— Советская делегация завтра выезжает во Фленсбург,— ответил В. М. Молотов.

— Теперь, после смерти президента Рузвельта, Черчилль быстро столкнется с Трумэнном,— заметил И. В. Сталин.

— Американские войска до сих пор находятся в Тюрингии и, как видно, пока не собираются уходить в свою зону оккупации,— сказал я.— По имеющимся у нас сведениям, американцы охотятся за новейшими патентами, разыскивают и отправляют в Америку крупных немецких ученых. Такую же политику они проводят и в других европейских странах. По этому поводу

я уже писал Эйзенхауэру и просил его ускорить отвод американских войск из Тюрингии. Он ответил мне, что собирается в ближайшие дни приехать в Берлин, чтобы установить личный контакт со мной и обсудить все вопросы.

Думаю, что следует потребовать от Эйзенхауэра немедленного выполнения договоренности о расположении войск в предназначенных зонах оккупации. В противном случае нам следует воздержаться от допуска военного персонала союзников в зоны большого Берлина.

— Правильно, — одобрил И. В. Сталин. — Теперь послушайте, зачем я вас вызвал. Военные миссии союзников сообщили, что в начале июня в Берлин прибудут Эйзенхауэр, Монтгомери и Делатр де Тассиньи для подписания декларации о взятии Советским Союзом, США, Англией и Францией верховной власти по управлению Германией на период ее оккупации. Вот текст, прочтите, — сказал И. В. Сталин, передавая мне сложенный лист бумаги.

Там было сказано:

«Правительства Советского Союза, США, Англии и Франции берут на себя верховную власть в Германии, включая всю власть, которой располагает германское правительство, верховное командование и любое областное, муниципальное или местное правительство или власть».

Декларация предусматривала:

— полное разоружение всех германских вооруженных сил, включая сухопутные, воздушные, противовоздушные и военноморские силы, СС, СА, гестапо и все другие силы или вспомогательные организации, имевшие оружие, с передачей оружия союзникам;

— арест всех главных фашистских лидеров и лиц, подозреваемых в военных преступлениях;

— принятие союзниками таких мер по разоружению и демилитаризации Германии, какие они сочтут необходимыми для будущего мира и безопасности.

Я вернул Верховному документ.

— В этой связи, — продолжал И. В. Сталин, — возникает вопрос об учреждении Контрольного совета по управлению Германией, куда войдут представители всех четырех стран. Мы решили поручить вам должность Главного начальника по управлению Германией от Советского Союза. Помимо штаба Главкома, нужно создать советскую военную администрацию. Вам нужно иметь заместителя по военной администрации. Кого вы хотите иметь своим заместителем?

Я назвал генерала В. Д. Соколовского. И. В. Сталин согласился.

Затем он ознакомил меня с основными вопросами организации Контрольного совета по Германии:

— В Контрольный совет, кроме вас, назначаются от США генерал армии Эйзенхауэр, от Англии — фельдмаршал Монтгомери, от Франции — генерал Делатр де Тассиньи. У каждого из вас будет политический советник. У вас будет Вышинский, первый заместитель наркома иностранных дел, у Эйзенхауэра — Роберт Марфи, у Монтгомери — Стронг. Кто будет от Франции, пока неизвестно.

Все постановления Контрольного совета действительны при единогласном решении вопроса. Вероятно, в ряде вопросов вам придется действовать одному против трех.

Зажигая трубку, он добавил, улыбаясь:

— Ну, да нам не привыкать драться одним... Главнейшей целью Контрольного совета, — продолжал И. В. Сталин, — должно явиться быстрое налаживание мирной жизни германского народа, полное уничтожение фашизма и организация работы местных властей. В состав местных органов власти в Германии следует отбирать трудящихся, из тех, кто ненавидит фашизм.

Нашу страну фашисты разорили и разграбили, поэтому вам и вашим помощникам нужно серьезно поработать над тем, чтобы быстрее осуществить договор с союзниками о демонтаже некоторых военно-промышленных предприятий в счет репараций.

Получив эти указания, я вскоре отправился в Берлин. На следующий же день по прибытии ко мне явился с визитом генерал Д. Эйзенхауэр со своей многочисленной свитой, среди которой был командующий стратегической авиацией США генерал К. Спаатс.

Генерала Д. Эйзенхауэра мы принимали в штабе фронта в Венденшлоссе. Вместе со мной был А. Я. Вышинский.

Встретились мы по-солдатски, можно сказать, дружески. Д. Эйзенхауэр, взяв меня за руки, долго разглядывал, а затем сказал:

— Так вот вы какой!

Пожав ему крепко руку, я поблагодарил в его лице войска союзников, боровшихся вместе с нами против фашизма, и с удовлетворением отметил, что между нашими армиями и народами в годы войны с гитлеровской Германией установилось плодотворное содружество.

Вначале беседа шла вокруг минувших событий. Д. Эйзенхауэр рассказал о больших трудностях при проведении десантной операции через Ла-Манш в Нормандию, сложностях по устройству коммуникаций, в управлении войсками и особенно при неожиданном контрнаступлении немецких войск в Арденнах.

Переходя к делу, он сказал:

— Нам придется договориться по целому ряду вопросов, связанных с организацией Контрольного совета и обеспечением наземных коммуникаций через советскую зону в Берлин для персонала США, Англии и Франции.

— Видимо, пужно будет договориться не только о наземных коммуникациях, — ответил я Д. Эйзенхауэру, — придется решить вопросы о порядке полетов в Берлин американской и английской авиации через советскую зону.

На это генерал Спаатс, откинувшись на спинку стула, небрежно бросил:

— Американская авиация всюду летала и летает без всяких ограничений.

— Через советскую зону ваша авиация летать без ограничений не будет, — ответил я Спаатсу. — Будете летать только в установленных воздушных коридорах.

Тут быстро вмешался Д. Эйзенхауэр и сказал Спаатсу:

— Я не поручал вам так ставить вопрос о полетах авиации.

А затем, обратившись ко мне, заметил:

— Сейчас я приехал к вам, господин маршал, только с тем, чтобы лично познакомиться, а деловые вопросы решим тогда, когда организуем Контрольный совет.

— Думаю, что мы с вами, как старые солдаты, найдем общий язык и будем дружно работать, — ответил я. — Я хотел бы сейчас просить вас только об одном: быстрее выведите американские войска из Тюрингии, которая, согласно договоренности на Крымской конференции между главами правительств союзников, должна оккупироваться только советскими войсками.

— Я согласен с вами и буду на этом настаивать, — ответил Д. Эйзенхауэр.

Я не хотел расспрашивать его, перед кем он будет настаивать. Для меня было ясно, что этот вопрос упирается в большую политику, вернее — в Черчилля и Трумэна.

Здесь же, в моем кабинете, был устроен для Д. Эйзенхауэра и его спутников завтрак, после чего они вылетели в свою Ставку во Франкфурт-на-Майне.

Внешне Д. Эйзенхауэр произвел на меня хорошее впечатление.

5 июня в Берлин прибыли Д. Эйзенхауэр, Б. Монтгомери, Ж. Делатр де Тассиньи для подписания Декларации о поражении Германии и принятия верховной власти в Германии правительствами СССР, США, Англии и Франции.

Перед заседанием Д. Эйзенхауэр приехал ко мне в штаб, чтобы вручить высший военный орден США — «Легион почета» степени Главнокомандующего.

Я позвонил Верховному и доложил ему об этом.

И. В. Сталин сказал:

— Нам, в свою очередь, нужно наградить Эйзенхауэра и Монтгомери орденами «Победа», а Делатра де Тассиньи орденом Суворова I степени.

— Могу ли я объявить им об этом?

— Да, конечно.

При подписании Декларации я впервые лично познакомился с фельдмаршалом Монтгомери.

За время войны я внимательно следил за действиями английских войск под его командованием. В 1940 году экспедиционный корпус англичан постигла катастрофическая неудача в районе Дюнкерка. Затем английские войска, находившиеся под командованием Монтгомери, разгромили немецкий корпус генерала Роммеля в районе Эль-Аламейна. При осуществлении десантной операции через Ла-Манш в Нормандию Монтгомери умело руководил войсками союзников и наступлением их до самой Сены.

Монтгомери был выше среднего роста, очень подвижен, по-солдатски подтянут и производил впечатление живого и думающего человека. Он заговорил со мной об операциях в районе Эль-Аламейна и в Сталинграде. В его представлении обе эти операции были равноценны.

Ни в какой мере не желая преуменьшать заслуги английских войск, я все же был вынужден разъяснить ему, что операция в районе Эль-Аламейна была операцией армейского масштаба. В Сталинграде же действовала группа фронтов, осуществлявшая операцию крупного стратегического значения, вследствие которой крупнейшая группировка немецких войск и войск их союзников была разгромлена в районе Волги и Дона, а затем и Северного Кавказа. Эта операция, как известно, явилась началом коренного перелома в войне и положила начало массового изгнания немецких войск из нашей страны.

После подписания декларации Монтгомери, обратившись ко мне, сказал:

— Господин маршал, мы решили в ближайшие дни занять

в Берлине свою зону, и, видимо, наши друзья американцы и французы также пожелают одновременно с нами занять каждый свою зону. В связи с этим я хотел бы сейчас договориться с вами об установлении коммуникаций для наших оккупационных частей в Берлине.

— Прежде чем решать вопрос о коммуникациях, по которым английские и американские части войдут в Берлин, нужно, чтобы войска союзников расположились в тех районах Германии, которые были предусмотрены решениями Крымской конференции. Поэтому до тех пор, пока американские войска не уйдут из Тюрингии, а английские из района Виттенберга, я не могу согласиться на пропуск в Берлин оккупационных войск союзников, а также размещение персонала административных органов Контрольного совета.

Б. Монтгомери начал было возражать, но тут быстро вмешался Д. Эйзенхауэр:

— Монти, не спорь! Маршал Жуков прав. Тебе надо скорее убираться из Виттенберга, а нам из Тюрингии.

— Ну, хорошо,— сдался Монтгомери,— не будем сейчас спорить. Давайте лучше на память о первой нашей встрече сфотографируемся. На этот случай я привез с собой отличного фотографа...

После того как фотограф, наконец, «расстрелял» весь свой запас пленки, я объявил командующим войсками союзников о решении Советского правительства наградить их высшими советскими военными орденами. На мой вопрос, где и когда можно вручить им ордена, Эйзенхауэр и Монтгомери ответили, что просят прибыть к ним во Франкфурт-на-Майне 10 июня.

Проводив своих будущих коллег по Контрольному совету, я позвонил И. В. Сталину и рассказал о претензии Монтгомери и позиции, занятой Эйзенхауэром.

И. В. Сталин, рассмеявшись, сказал:

— Надо как-нибудь пригласить Эйзенхауэра в Москву. Я хочу познакомиться с ним.

10 июня, как было условлено, мы вылетели в штаб Д. Эйзенхауэра во Франкфурт-на-Майне, где были встречены большим почетным караулом американских войск, который произвел на меня хорошее впечатление своей внешней выправкой.

Штаб Эйзенхауэра находился в громаднейших помещениях химического концерна «И. Г. Фарбениндустри», который уцелел во время ожесточенных бомбардировок Франкфурта, хотя сам город авиацией союзников был превращен в развалины.

Следует отметить, что и в других районах Германии объекты

химического концерна «И. Г. Фарбениндустри» остались также петронутыми, хотя цели для бомбардировок были отличные. Ясно, что на этот счет командованию союзников из Вашингтона и Лондона были даны особые указания.

Сохранились и многие другие военные заводы в районе Западной Германии. Как потом выяснилось, фшпашовые пути от этих крупнейших военных объектов тянулись к монополиям Америки и Англии.

Состоялась церемония награждения советскими орденами Эйзенхауэра и Монтгомери, американских и английских генералов и офицеров. После вручения орденов был проведен воздушный парад американской и английской авиации, в котором участвовало несколько сот самолетов. Затем все мы были приглашены на завтрак.

Уезжали мы из Франкфурта с надеждой на установление дружественных взаимоотношений и согласованных действий в работе по четырехстороннему управлению Германией.

Вскоре американцы и англичане отвели свои войска из районов, которые они заняли в нарушение договоренности. Вслед за этим в Берлин прибыли оккупационные части войск США, Англии и Франции и персонал административных органов Контрольного совета.

Во второй половине июня ко мне с визитом прибыл фельдмаршал Монтгомери. После взаимных приветствий он сообщил о награждении английским правительством меня, маршала К. К. Рокоссовского, генералов В. Д. Соколовского и М. С. Малинина военными орденами Великобритании.

Б. Монтгомери просил назначить день, когда он сможет вручить нам ордена, и место для церемонии. Я попросил его самого назначить день и место.

Фельдмаршал Б. Монтгомери с большим тактом сказал:

— Советские войска произвели свой завершающий удар в районе Бранденбургских ворот, где они водрузили над рейхстагом Красное знамя. Я полагаю, что именно в этом месте и следует вручить вам ордена Великобритании, которыми отмечаются заслуги руководимых вами советских войск.

В назначенный день и час Константин Константинович Рокоссовский, Василий Данилович Соколовский, Михаил Сергеевич Малинин и я прибыли к Бранденбургским воротам, где были торжественно встречены почетным караулом английских гвардейских войск и большой группой генералов и офицеров.

Награждение состоялось около рейхстага. Я был награжден орденом «Бани» I степени и Большим рыцарским крестом,

К. К. Рокоссовский — орденом «Бани» II степени, В. Д. Соколовский и М. С. Калинин — орденами «За заслуги».

Вечером фельдмаршал Монтгомери в своей резиденции устроил прием, на котором присутствовали многие наши генералы и офицеры.

Церемоний награждения я коснулся потому, что в свое время в некоторых газетах была дана не совсем точная информация об этих событиях.

Первое время Контрольный совет и все его органы работали без особых трений. Заседания Совета проходили по мере необходимости, но не чаще одного раза в неделю. Между заседаниями вопросы обычно предварительно обсуждались в комитете координации и директоратах.

Любопытная деталь. В процессе работы Контрольного совета питание участников заседаний союзники осуществляли по очереди: один месяц кормили американцы, другой — англичане, затем — французы, потом — мы. Когда наступала наша очередь, количество участников заседаний увеличивалось вдвое. Это объяснялось широким русским гостеприимством, хорошо зарекомендовавшей себя русской кухней и, разумеется, знаменитой русской пкрой и водкой...

С первых шагов нашей работы чувствовалось, что во всех комитетах Контрольного совета идет тщательное изучение советских представителей, политики и тактики советской стороны, наших сильных и слабых позиций. Мы тоже присматривались к своим западным партнерам и их действиям.

Надо сказать, что американский и английский персонал был заранее всесторонне подготовлен для работы в Контрольном совете. У них была хорошо отработана вся справочная документация по Германии, ее хозяйственному и военному потенциалу, они были заранее проинструктированы по вопросам экономической политики в отношении будущего Германии.

Обстановка, в которой начал свою работу Контрольный совет, была такова.

Народы стран — союзников СССР были полны благодарности Советским Вооруженным Силам за разгром Германии и уничтожение той опасности, которую представлял гитлеризм для всех народов мира. К фашистам отношение было сугубо враждебным. В этих условиях правящие круги США считали преждевременным и опасным раскрывать подлинные планы и намерения, предпочитали продолжать сотрудничество с Советским Союзом.

К тому же, как и правящие круги Англии, они были заин-

тересованы в участии СССР в войне против Японии и с нетерпением ожидали нашего вступления в эту войну. Естественно, они не хотели предпринимать чего-либо такого, что могло бы ухудшить отношения с Советским Союзом.

Вот почему работа Контрольного совета первое время протекала сравнительно гладко.

Однако следует отметить, что поведение представителей США, Англии и Франции не было искренним. Решения Крымской конференции и Контрольного совета проводились в их зонах оккупации односторонне, чисто формально, а в ряде случаев и просто саботировались. Это относится и к решению о демилитаризации Германии. Ни в экономической, ни в политической, ни непосредственно в военной области это решение полностью осуществлено не было.

В начале работы Контрольного совета мы договорились с Д. Эйзенхауэром послать группу советских офицеров разведотдела штаба фронта в американскую зону для допроса главных военных преступников, которых в американской зоне набралось больше, чем в какой-либо другой.

Там были Геринг, Риббентроп, Кальтенбруннер, генерал-фельдмаршал Кейтель, генерал-полковник Йодль и другие не менее важные персоны третьего рейха. Однако американцы, имея соответствующие указания, не разрешили нашим офицерам допросить всех военных преступников. Удалось допросить лишь некоторых. В своих показаниях они петляли, как зайцы, стараясь во всех преступлениях перед человечеством обвинить одного Гитлера, и всячески уклонялись от признания своей личной вины.

Материалы допросов подтверждали наличие закулисных переговоров гитлеровцев с разведывательными органами США и Англии о возможности сепаратного мира с этими странами.

В процессе дальнейшей работы в Контрольном совете нам стало труднее договариваться с американцами и англичанами. Наши предложения об осуществлении тех или иных пунктов Декларации о поражении Германии, подписанной и согласованной на конференциях глав правительств, вызывали сопротивление со стороны наших коллег по Контрольному совету.

Вскоре мы получили достоверные сведения о том, что еще во время заключительной кампании войны с фашистской Германией Черчилль направил фельдмаршалу Монтгомери секретную телеграмму с предписанием: «Тщательно собирать германское оружие и боевую технику и складывать ее, чтобы легко

можно было бы снова раздать это вооружение германским частям, с которыми нам пришлось бы сотрудничать, если бы советское наступление продолжалось».

На очередном заседании Контрольного совета нам пришлось сделать резкое заявление по этому поводу, подчеркнув, что история знает мало примеров подобного вероломства и измены союзническим обязательствам и долгу.

Советский Союз, указали мы, строго выполняет свои обязательства, которые были приняты всеми союзниками в этой войне. Мы считаем, что английское командование и его правительство заслуживают серьезного осуждения.

Монтгомери пытался отвести советское обвинение. Его коллега американский генерал Клей молчал. Очевидно, он знал об этой директиве премьер-министра Англии.

Впоследствии Черчилль, выступая перед избирателями округа Вуддфорд, открыто заявил, что, когда немцы сдавались сотнями тысяч в плен, он действительно направил подобный секретный приказ фельдмаршалу Монтгомери. Некоторое время спустя и сам Монтгомери подтвердил получение этой телеграммы от Черчилля.

За годы войны, как известно, гитлеровцы угнали миллионы советских людей в Германию на принудительные работы и в концлагеря. Всех освобожденных в восточной части Германии мы старались как можно скорее вернуть на Родину, по которой люди за тяжкие годы в неволе так истосковались. Но значительная часть советских граждан и бывших в германском плену наших солдат и офицеров находилась в зонах союзников.

Естественно, мы стали настойчиво добиваться передачи их в нашу зону для возвращения в Советский Союз. Я обратился к Д. Эйзенхауэру, который с пониманием отнесся к этой просьбе, и нам удалось значительную часть советских людей вывезти из американской, а затем и английской зон.

Но потом нам стало известно, что среди советских граждан, солдат и офицеров, находящихся в лагерях военнопленных, американцы и англичане ведут усиленную агитацию за невозвращение на Родину. Их убеждали остаться на Западе, суля хорошо оплачиваемую работу и всякие блага. При этом была пущена в ход обычная в таких случаях клевета на Советский Союз и всевозможные запугивания.

При встречах с Эйзенхауэром и его заместителем генералом Клеем мы резко протестовали против этой антисоветской пропаганды. Эйзенхауэр и Клей вначале пытались прикрыться «гуманными целями», но затем разрешили нашим офицерам

встретиться для разговора с задержанными советскими людьми в американских лагерях.

После откровенных бесед и разъяснений советскими офицерами вопросов, волновавших этих людей, многие, поняв свое заблуждение и фальшь пропаганды американских разведчиков, заявили о своем решении вернуться в Советский Союз и прибыли в советскую зону для отправки на Родину.

В конце мая 1945 года И. В. Сталин предупредил меня о том, что, возвращаясь после посещения Москвы, проездом через Берлин, мне нанесет визит Гарри Гопкинс, особо доверенное лицо президента США.

Г. Гопкинс, по мнению И. В. Сталина, был выдающейся личностью. Он много сделал для укрепления деловых связей США с Советским Союзом.

Прямо с аэродрома Гарри Гопкинс с супругой, очень красивой женщиной лет тридцати, приехали ко мне. Среднего роста, очень худой, Г. Гопкинс имел крайне переутомленный и болезненный вид.

В беседе принял участие А. Я. Вышинский.

За завтраком Г. Гопкинс сказал, что был принят в Москве И. В. Сталиным. Во время этой встречи обсуждались вопросы предстоящей Конференции глав правительств.

— Черчилль настаивает собраться в Берлине 15 июня, — сказал Г. Гопкинс, — но мы не будем готовы для участия в таком ответственном совещании к этому сроку. Наш президент предложил назначить конференцию на середину июля. Мы очень рады, что господин Сталин согласился с нашим предложением. Предстоят весьма сложные разговоры о будущем Германии и других стран Европы, а уже сейчас накопилось много «горючего материала».

— Если наши страны в сложных условиях войны находили общий язык для организации разгрома фашистской Германии, — ответил ему А. Я. Вышинский, — надо полагать, что теперь главы правительств смогут договориться о мерах по окончательной ликвидации фашизма и устройству жизни Германии на демократической основе.

Г. Гопкинс ничего не ответил на это. Сделав глоток кофе, он сказал, глубоко вздохнув:

— Жаль, не дожил президент Рузвельт до этих дней, с ним легче дышалось.

Г. Гопкинс с супругой пробыли у меня около двух часов. Прощаясь, он сказал, что вылетает в Лондон, где примет участие в переговорах с У. Черчиллем.

— Я уважаю Черчилля, — сказал он, — но он тяжелый человек. С ним мог легко разговаривать лишь наш президент Рузвельт...

Вскоре к нам прибыла группа ответственных работников Наркомата иностранных дел для подготовки предстоящей конференции.

Я объяснил им, что в Берлине нет надлежащих условий для проведения конференции глав правительств, и предложил ознакомиться с районом Потсдама.

Потсдам тоже был сильно разрушен, размещать там делегации было трудно. Единственное большое здание, которое уцелело, был дворец германского кронпринца, расположенный в парке Нойен Гартэн. Здесь было достаточно помещений для заседаний и работы многочисленных экспертов и советников.

Для расквартирования глав делегаций, министров иностранных дел, основных советников и экспертов хорошо подходил пригород Потсдама — Бабельсберг, почти не пострадавший от бомбежек. В Бабельсберге до войны жили крупнейшие правительственные чиновники, генералы и прочие видные фашистские деятели. Пригород состоял из многочисленных двухэтажных вилл, утопавших в зелени и цветниках.

Москва санкционировала наше предложение о подготовке конференции в районе Потсдама. Дали свое согласие на проведение конференции в этом районе англичане и американцы.

Началась спешка с приведением в надлежащий порядок территорий, зданий, путей сообщения. Пришлось выделить многочисленные отряды и команды инженерных частей. Работа шла чуть ли не 24 часа в сутки. К 10 июля все было закончено, подходило к концу и оборудование помещений.

Надо отдать должное энергичным усилиям хозяйственных работников тыла, которые в короткий срок проделали колоссальнейшую работу. Особенно много пришлось потрудиться начальнику квартирно-эксплуатационного отдела полковнику Г. Д. Косогляду.

В помещении дворца, где должна была проходить конференция, капитально отремонтировали 36 комнат и конференц-зал с тремя отдельными входами. Американцы выбрали для апартаментов президента и его ближайшего окружения голубой цвет, англичане для У. Черчилля — розовый. Для советской делегации зал был отделан в белый цвет. В Нойен Гартэне соорудили множество клумб, высадили до десяти тысяч различных цветов, сотни декоративных деревьев.

13 и 14 июля прибыла группа советников и экспертов делегации Советского Союза.

Среди них — начальник Генерального штаба генерал армии А. И. Антонов, нарком Военно-Морского Флота адмирал Н. Г. Кузнецов, начальник Главного военно-морского штаба С. Г. Кучеров. Наркомат иностранных дел представляли А. Я. Вышинский, А. А. Громыко, С. И. Кавтарадзе, И. М. Майский, Ф. Т. Гусев, К. В. Новиков, С. К. Царапкин, С. П. Козырев, Ф. Я. Фалалеев. Одновременно прибыл и многочисленный дипломатический аппарат.

16 июля специальным поездом должны были прибыть И. В. Сталин, В. М. Молотов и сопровождающие их лица.

Накануне мне позвонил И. В. Сталин и сказал:

— Вы не вздумайте для встречи строить всякие там почетные караулы с оркестрами. Приезжайте на вокзал сами и захватите с собой тех, кого вы считаете нужным.

Все мы прибыли на вокзал примерно за полчаса до прихода поезда. Здесь были А. Я. Вышинский, А. И. Антонов, Н. Г. Кузнецов, К. Ф. Телегин, В. Д. Соколовский, М. С. Малинин и другие ответственные лица.

Я встретил И. В. Сталина около вагона. Он был в хорошем расположении духа, подошел к группе встречавших и поздоровался коротким поднятием руки. Окинув взглядом привокзальную площадь, медленно сел в машину, а затем, вновь открыв дверцу, пригласил меня сесть рядом. В пути он интересовался, все ли подготовлено к открытию конференции.

И. В. Сталин обошел отведенную ему виллу и спросил, кому она принадлежала раньше. Ему ответили, что это вилла генерала Людендорфа. И. В. Сталин не любил излишеств в обстановке. После обхода помещений он попросил убрать лишнюю мебель. Потом он поинтересовался, где будут находиться я, начальник Генерального штаба А. И. Антонов и другие военные, прибывшие из Москвы.

— Здесь же, в Бабельсберге, — ответил я.

После завтрака я доложил основные вопросы по группе советских оккупационных войск в Германии и рассказал об очередном заседании Контрольного совета, где по-прежнему наибольшие трудности мы испытывали при согласовании проблем с английской стороной.

В тот же день прибыли правительственные делегации Англии во главе с премьер-министром У. Черчиллем и США во главе с президентом Г. Трумэном. Сразу же состоялись встречи министров иностранных дел, а премьер-министр У. Черчилль

и президент Г. Трумэн напесли визит И. В. Сталину. На другой день утром И. В. Сталин панес им ответные визиты.

Потсдамская конференция была не только очередной встречей руководителей трех великих держав, но и торжеством политики, увенчавшейся полным разгромом фашистской Германии и безоговорочной капитуляцией.

Советская делегация прибыла в Потсдам с твердым намерением достигнуть взаимно согласованной политики по урегулированию послевоенных проблем в интересах мира и безопасности народов и создания условий, при которых исключалось бы возрождение германского милитаризма и повторение его агрессии.

При рассмотрении этих важнейших задач участники конференции были связаны решениями, ранее принятыми на Крымской конференции трех великих держав. Советской делегации снова удалось опрокинуть расчеты реакционных сил и добиться в качестве важнейшего условия мира дальнейшей конкретизации планов демократизации и демилитаризации Германии. Вместе с тем в Потсдаме гораздо сильнее, чем на предыдущих конференциях, проявилось стремление правительств США и Англи воспользоваться поражением Германии для усиления своих позиций в их борьбе за мировое господство.

Потсдамская конференция открылась во второй половине дня 17 июля 1945 г. Заседание ее проходило в самой большой комнате дворца, посередине которой стоял круглый, хорошо отполированный стол. Своеобразная деталь: достаточно большого круглого стола в Берлине мы не нашли. Пришлось срочно сделать его в Москве на фабрике «Люкс» и привезти в Потсдам.

На первом официальном заседании присутствовали главы правительств, все министры иностранных дел, их первые заместители, военные и гражданские советники и эксперты. В перерывах между последующими заседаниями военные и гражданские эксперты и советники встречались отдельно и вели между собой переговоры по порученным им вопросам.

В процессе работы конференции основная тяжесть легла на плечи министров иностранных дел и дипломатических работников. Они должны были изучать, анализировать и оценивать всю документацию сторон, разработать свои предложения и защитить их на предварительных переговорах и только после этого составлять документы для глав правительств.

Военные советники обсуждали основные предложения о разделе боевых кораблей военно-морского флота и крупных судов гражданского флота фашистской Германии. По этим вопросам предварительные переговоры с представителями военно-морских

сил Англии и США вели наши адмиралы во главе с адмиралом флота Н. Г. Кузнецовым.

Американская и английская стороны всячески затягивали эти переговоры. И. В. Сталину пришлось в разговорах за круглым столом с Г. Трумэном и У. Черчиллем высказать ряд довольно резких замечаний о различном объеме потерь, понесенных в войне Советским Союзом и союзниками, и о праве нашей страны требовать соответствующую компенсацию.

Первое время конференция проходила очень напряженно. Советской делегации пришлось столкнуться с единым фронтом и заранее согласованной позицией США и Англии.

Основным вопросом на конференции был вопрос о послевоенном устройстве стран Европы, и главным образом переустройстве Германии на демократической основе. Германский вопрос перед Потсдамской конференцией готовился Европейской консультативной комиссией, Международной репарационной комиссией и детально рассматривался на Крымской конференции.

Дискуссии по германскому вопросу, как известно, велись начиная с Тегеранской конференции. Как и предусматривала ранее провозглашенная союзниками политика безоговорочной капитуляции фашистской Германии, главы правительств были единодушны в вопросах демилитаризации и денацификации Германии, полного разоружения и роспуска вермахта, уничтожения нацистской партии и всех ее филиалов, ареста и предания суду Международного трибунала главных военных преступников, а также строгого наказания всех военных преступников. Решения Потсдамской конференции предусматривали запрещение производства Германией какого бы то ни было вооружения.

На Потсдамской конференции было достигнуто соглашение о политических и экономических принципах координированной политики союзников в отношении Германии в период союзного контроля над ней. После конференции мы получили выписку из решений, в которой, в частности, указывалось:

«Германский милитаризм и нацизм будут искоренены, и союзники в согласии друг с другом, сейчас и в будущем, примут и другие меры, необходимые для того, чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всем мире».

Текст соглашения, которым руководствовалась советская сторона в Контрольном совете по Германии, гласил: ¹

¹ Излагается сокращенно. (Ред.)

«А. Политические принципы

1. В соответствии с Соглашением о контрольном механизме в Германии верховная власть в Германии будет осуществляться главнокомандующими вооруженными силами Союза Советских Социалистических Республик, Соединенных Штатов Америки, Соединенного Королевства Великобритании и Французской Республики, каждым в своей зоне оккупации, по инструкциям своих соответствующих правительств, а также совместно по вопросам, затрагивающим Германию в целом, действующими в качестве членов Контрольного совета.

2. Поскольку это практически осуществимо, должно быть одинаковое обращение с немецким населением по всей Германии.

3. Целями оккупации Германии, которыми должен руководствоваться Контрольный совет, в частности, являются:

- полное разоружение и демилитаризация Германии и ликвидация всей германской промышленности, которая может быть использована для военного производства, или контроль над ней;

- уничтожение национал-социалистической партии и ее филиалов и подконтрольных организаций, роспуск всех нацистских учреждений, обеспечение того, чтобы они не возродились ни в какой форме, предотвращение всякой нацистской и милитаристской деятельности или пропаганды;

- подготовка к окончательной реконструкции германской политической жизни на демократической основе и к эвентуальному мирному сотрудничеству Германии в международной жизни;

- военные преступники и те, кто участвовал в планировании или осуществлении нацистских мероприятий, влекущих за собой или имеющих своим результатом зверства или военные преступления, должны быть арестованы и преданы суду. Нацистские лидеры, влиятельные сторонники нацистов и руководящий состав нацистских учреждений и организаций и любые другие лица, опасные для оккупации и ее целей, должны быть арестованы и интернированы;

- все члены нацистской партии, которые были больше чем номинальными участниками ее деятельности, и все другие лица, враждебные союзным целям, должны быть удалены с общественных или публичных должностей и с ответственных постов в важных частных предприятиях. Такие лица должны быть заменены лицами, которые по своим политическим и моральным качествам считаются способными помочь в развитии

подлинно демократических учреждений в Германии;

— образование в Германии должно так контролироваться, чтобы полностью устранить нацистские и милитаристские доктрины и сделать возможным успешное развитие демократических идей.

Б. Экономические принципы

В целях уничтожения германского военного потенциала производство вооружения, военного снаряжения и орудий войны, а также производство всех типов самолетов и морских судов должно быть запрещено и предотвращено. Производство металлов, химических продуктов, машиностроение и производство других предметов, необходимых непосредственно для военной экономики, должно быть строго контролируемо и ограничено в соответствии с одобренным уровнем послевоенных мирных потребностей Германии...

В практически кратчайший срок германская экономика должна быть децентрализована с целью уничтожения существующей чрезмерной концентрации экономической силы, представленной особенно в форме картелей, синдикатов, трестов и других монополистических соглашений.

В период оккупации Германия должна рассматриваться как единое экономическое целое. С этой целью должна быть установлена общая политика относительно:

- а) производства и распределения продукции горной и обрабатывающей промышленности;
- б) сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства;
- в) зарплаты, цен и рациионирования;
- г) программы импорта и экспорта для Германии в целом;
- д) денежной и банковской системы, централизованных налогов и пошлин;
- е) репараций и устранения военно-промышленного потенциала;
- ж) транспорта и коммуникаций.

При проведении этой политики по мере надобности должны приниматься во внимание различные местные условия».

Приходится поражаться тому, с какой легкостью эти принципиальные решения, единогласно принятые в Потсдаме великими державами, вскоре были перечеркнуты государственными руководителями США и Англии. В результате вновь возродился милитаризм. Дальнейший ход событий известен каждому.

Как тут не вспомнить замечательные слова президента США Франклина Рузвельта, сказанные им в 1943 году:

«После перемирия 1918 года мы думали и надеялись, что дух германского милитаризма искоренен. Под влиянием «набожного образа мыслей» мы потратили последующие пятнадцать лет на то, чтобы разоружиться, в то время как немцы подняли такой душераздирающий крик, что другие народы не только разрешили им вооружиться, но даже облегчили им эту задачу. Доброжелательные, но незадачливые попытки прежних лет оказались негодными. Я надеюсь, что мы их не повторим... Нет, я должен выразиться сильнее. Как президент и Верховный Главнокомандующий вооруженными силами Соединенных Штатов, я намерен сделать в пределах человеческих возможностей всё, чтобы избежать повторения этой трагической ошибки».

Однако после смерти Ф. Рузвельта, как известно, политика США пошла совсем по иному пути...

Мы уже говорили, что в ходе Потсдамской конференции не все вопросы решались легко. Наиболее агрессивен был У. Черчилль. Однако И. В. Сталину в довольно спокойных тонах удавалось быстро убеждать его в неверном подходе к рассматриваемым вопросам. Г. Трумэн, видимо, в силу своего тогда еще ограниченного дипломатического опыта реже вступал в острые политические дискуссии, предоставляя приоритет У. Черчиллю.

Серьезному обсуждению подвергся вопрос, вторично поставленный делегациями США и Англии, о расчленении Германии на три государства: 1) Южногерманское; 2) Северогерманское; 3) Западногерманское. Первый раз он ими выдвигался на Крымской конференции, где был отвергнут советской делегацией. В Потсдаме глава Советского правительства вновь отклонил постановку вопроса о расчленении Германии.

И. В. Сталин говорил:

— Это предложение мы отвергаем, оно противоестественно: надо не расчленять Германию, а сделать ее демократическим, миролюбивым государством.

По настоянию Советской делегации в потсдамские решения союзных держав было включено положение о создании центральных германских административных департаментов. Однако из-за противодействия представителей западных властей впоследствии это решение было сорвано. Департаменты созданы не были, да и объединения Германии на миролюбивых и демократических основах, как это предусматривалось в Потсдаме, не было достигнуто.

В отношении восстановления экономики Германии было решено, что главное внимание должно быть уделено развитию мирной промышленности и сельского хозяйства. Конференция

определила мероприятия по уничтожению германского военного потенциала.

Были определены объем репараций и порядок их получения. Правда, Г. Трумэн и особенно У. Черчилль не хотели, чтобы в счет репараций демонтировались предприятия тяжелой индустрии западной части Германии. Однако в конце концов они согласились, хотя и с всевозможными оговорками, выделить часть оборудования военных заводов из западных зон. К сожалению, это решение было принято только на бумаге, а на деле, как и некоторые другие постановления Потсдамской конференции, не были реализованы.

Конференция вынесла также решение о передаче Советскому Союзу г. Кенигсберга и прилегающего к нему района.

Для проведения подготовительной работы по заключению мирных договоров конференция приняла решение учредить Совет министров иностранных дел пяти держав. В этот Совет были включены министры иностранных дел СССР, США, Англии, Франции и Китая. Совету поручалось составить проект мирного договора для Италии, Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии, а также подготовить мирный договор с Германией.

Довольно остро обсуждался вопрос о Польше и ее западных границах. И, несмотря на то, что эти проблемы были в основном уже предрешены на Крымской конференции, У. Черчилль пытался под различными, явно несостоятельными предложениями отвергнуть советское предложение о западных границах Польского государства по рекам Одеру и Западной Нейсе с включением Свиномюнде и Штеттина. После обстоятельного и аргументированного заявления делегации Польши, возглавлявшейся Б. Берутом, которая была специально вызвана в этой связи в Потсдам, вопрос о западных границах был решен так:

«Впредь до окончательного определения границ в мирном договоре, — говорилось в принятом решении, — передать Польше территории к востоку от линии, проходящей от Балтийского моря, чуть западнее Свиномюнде, и далее по Одеру и Западной Нейсе до границы Чехословакии».

Английская сторона настаивала на том, чтобы народное польское правительство взяло на себя возмещение всех займов, субсидированных Англией эмигрантскому польскому правительству Т. Арцишевского, бежавшего в 1939 году из Польши в Лондон. Советская и польская делегации решительно отвергли подобные притязания Великобритании.

Одновременно была достигнута договоренность о прекращении со стороны США и Англии дипломатических отношений

с бывшим польским (эмигрантским) правительством, находившимся в Лондоне.

Разобрав и решив ряд других не менее важных вопросов, Потсдамская конференция закончила работу 2 августа.

Победа Советского Союза над фашистской Германией была столь убедительна, что правящие круги США и Англии в ту пору вынуждены были идти на согласованные решения. Это и обеспечило успех Потсдамской конференции.

В целом решения этого высокого форума свидетельствуют о победе демократических принципов послевоенного устройства мира. Советскому Союзу, активно способствовавшему созданию еще в ходе войны антифашистской коалиции, принадлежит в этом важная роль.

Не помню точно какого числа, в ходе конференции после одного из заседаний глав правительств Г. Трумэн сообщил И. В. Сталину о наличии у США бомбы необычайно большой силы, не назвав ее атомной.

В момент этой информации, как потом писали за рубежом, У. Черчилль впился глазами в лицо И. В. Сталина, наблюдая за его реакцией. Но тот ничем не выдал своих чувств, сделав вид, будто ничего не нашел в словах Г. Трумэна. Черчилль, как и многие другие англо-американские деятели, потом утверждал, что, вероятно, И. В. Сталин не понял значения сделанного ему сообщения.

На самом деле, вернувшись с заседания, И. В. Сталин в моем присутствии рассказал В. М. Молотову о состоявшемся разговоре с Г. Трумэном. В. М. Молотов тут же сказал:

— Цену себе набивают.

И. В. Сталин рассмеялся:

— Пусть набивают. Надо будет сегодня же переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы.

Я понял, что речь шла о создании атомной бомбы.

Тогда уже было ясно, что правительство США намерено использовать атомное оружие для достижения своих империалистических целей с позиции силы. 6 и 8 августа 1945 года это подтвердилось на практике: американцы без всякой к тому военной необходимости сбросили две атомные бомбы на мирные густонаселенные японские города Нагасаки и Хиросиму.

Как и главнокомандующие американскими и английскими войсками, я тоже не являлся официальным членом делегации, однако мне приходилось присутствовать при рассмотрении вопросов, обсуждавшихся на Потсдамской конференции.

Должен сказать, что И. В. Сталин был крайне щепетилен

в отношении малейших попыток делегаций США и Англии решать вопросы в ущерб Польше, Чехословакии, Венгрии и германскому народу. Особенно острые разногласия у него бывали с У. Черчиллем как в ходе заседаний, так и в частных беседах. Следует подчеркнуть, что У. Черчилль с большим уважением относился к И. В. Сталину и, как мне показалось, опасался вступать с ним в острые дискуссии. И. В. Сталин в спорах с У. Черчиллем был всегда предельно конкретен и логичен.

Незадолго до своего отъезда из Потсдама У. Черчилль устроил прием у себя на вилле. От Советского Союза были приглашены И. В. Сталин, В. М. Молотов, А. И. Антонов и я. От США — президент Г. Трумэн, государственный секретарь по иностранным делам Джемс Бирнс, начальник генерального штаба генерал армии Маршалл. От англичан были фельдмаршал Александер, начальник генерального штаба фельдмаршал Алан Брук и другие.

У. Черчилля я до Потсдамской конференции встречал всего лишь один раз в Москве, да и то мимолетно, разговаривать мне с ним не приходилось. На приеме он уделил мне много внимания, расспрашивал об отдельных сражениях.

Его интересовала моя оценка главного командования английских войск и мнение об операциях, проведенных экспедиционными войсками союзников в Западной Германии. К его удовольствию, я высоко оценил организацию десантной операции через Ла-Манш.

— Однако я должен вас огорчить, мистер Черчилль, — сказал я тут же.

— А именно? — насторожился Черчилль.

— Я считаю, что после высадки союзных войск в Нормандии был допущен ряд серьезных промахов. И если бы не ошибка в оценке обстановки со стороны главного германского командования, продвижение союзных войск после их высадки могло значительно задержаться.

Черчилль ничего мне на это не возразил. Видимо, не в его интересах было углубляться в эту тему.

Во время приема первое слово взял президент США Г. Трумэн.

Отметив выдающийся вклад Советского Союза в разгром фашистской Германии, Г. Трумэн предложил первый тост за Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Советского Союза И. В. Сталина.

В свою очередь, И. В. Сталин предложил тост за У. Черчилля, который в тяжелые для Англии военные годы взял на свои

плечи руководство борьбой с гитлеровской Германией и успешно справился со своими большими задачами.

Совершенно неожиданно У. Черчилль предложил тост за меня. Мне ничего не оставалось, как предложить свой ответный тост. Благодаря У. Черчилля за проявленную ко мне любезность, я машинально назвал его «товарищ». Тут же заметил недоуменный взгляд В. М. Молотова и несколько смутился. Однако быстро оправился и, импровизируя, предложил тост за «товарищей по оружию», наших союзников в этой войне — солдат, офицеров и генералов армий антифашистской коалиции, которые так блестяще закончили разгром фашистской Германии. Тут уж я не ошибся.

На другой день, когда я был у И. В. Сталина, он и все присутствовавшие смеялись над тем, как быстро я приобрел «товарища» в лице У. Черчилля.

С 28 июля главой английской делегации на Потсдамской конференции стал лидер лейбористской партии К. Эттли, сменивший У. Черчилля на посту премьер-министра Англии.

В отличие от У. Черчилля К. Эттли держался более сдержанно, но проводил ту же политическую линию, что и У. Черчилль, не внося никаких коррективов в политику прежнего консервативного правительства.

Во время конференции И. В. Сталин рассмотрел и решил ряд доложенных мною важнейших вопросов по Германии.

В частности, было утверждено решение Военного совета фронта «Об организации улова рыбы на побережье Балтийского моря». Войска бывшего 1-го Белорусского фронта должны были выловить во втором полугодии 1945 года двадцать одну тысячу тонн рыбы.

Надо сказать, что это было очень важное решение, так как поголовье скота в восточной части Германии к моменту занятия ее советскими войсками значительно сократилось. Поэтому поставка рыбы имела большое народнохозяйственное значение для германского населения.

Накануне отъезда в Москву И. В. Сталин обстоятельно познакомился с планом отправки войск в Советский Союз и ходом репатриации советских граждан из Германии. И. В. Сталин требовал принять все меры, чтобы советские люди получили возможность скорее вернуться на Родину.

После закрытия Потсдамской конференции И. В. Сталин сразу же выехал в Москву, дав нам указания по реализации ее решений в Контрольном совете.

Для выработки решения о разделе флота фашистской Гер-

мании была создана тройственная комиссия, в которую от Советского Союза был назначен наш адмирал Г. И. Левченко. Англичане уполномочили для этой цели Дж. Майлса и адмирала Барроу, американцы — адмирала Кинга.

Адмиралу Г. И. Левченко пришлось много поработать над тем, чтобы союзники выполнили этот пункт решений Потсдамской конференции. Он вынужден был многократно и настойчиво беседовать по этому поводу с фельдмаршалом Монтгомери, адмиралом Барроу и Эйзенхауэром, а затем потребовать обсуждения в Контрольном совете. В конце концов вопрос был решен, и Советский Союз получил в общей сложности 656 кораблей и различных транспортных судов, значительная часть которых не нуждалась в ремонте.

Несмотря на неизбежные дискуссии и разногласия, в целом на Потсдамской конференции было выражено желание заложить основу для сотрудничества великих держав, от политики которых так много зависело в послевоенное время.

Это сказалось и на взаимоотношениях членов Контрольного совета во время конференции и непосредственно после ее закрытия. Советские представители в Контрольном совете старались выполнять решения, принятые на конференции. Наши коллеги — американцы и англичане — в первое время после конференции также придерживались обязательств, изложенных в решениях конференции.

К сожалению, такая политическая атмосфера скоро изменилась. Серьезным толчком к перемене курса явились разногласия на конференции Совета министров иностранных дел в Лондоне. Особенно этому способствовала антисоветская речь У. Черчилля, произнесенная в Фултоне. Администрация Контрольного совета США и Англии, как по команде, стала во всех вопросах менее сговорчивой и по всем принципиальным проблемам начала бесцеремонно срывать проведение в жизнь согласованных потсдамских решений.

Установившиеся у меня с первых дней основания Контрольного совета хорошие взаимоотношения с Эйзенхауэром, Монтгомери и Кёнигом, а также между моим заместителем по советской администрации В. Д. Соколовским и Клеем и Робертсоном стали все чаще и чаще омрачаться. Все труднее становилось находить возможность урегулирования спорных вопросов, особенно тогда, когда рассматривались главные проблемы. К ним относились: ликвидация военно-экономического потенциала германского милитаризма, разоружение воинских частей, решительное выкорчевывание фашизма и ликвидация всевозможных нацистских

организаций в зонах Англии и США. Чувствовалось, что наши западные военные коллеги получили новые инструкции, вытекающие из враждебной к Советскому Союзу политики империалистических кругов США и Англии.

Повторными проверками нам удалось достоверно установить, что англичане в своей зоне, несмотря на наш протест, все еще продолжали сохранять немецкие войска. Тогда я вынужден был вручить Контрольному совету меморандум о наличии в английской зоне организованных частей бывшей гитлеровской армии. Вот его содержание:

«В соответствии с Декларацией о поражении Германии, подписанной 5 июня 1945 года, а также решениями Потсдамской конференции по Германии:

— все вооруженные силы Германии или силы, находящиеся под германским контролем, где бы они ни располагались, включая сухопутные, воздушные, противовоздушные и военно-морские силы, СС, СА и гестапо, а также все другие силы или вспомогательные организации, имеющие оружие, должны быть полностью разоружены...

— все сухопутные, морские и воздушные вооруженные силы Германии, СС, СА, СД и гестапо со всеми их организациями, штабами и учреждениями, включая генеральный штаб, офицерский корпус, корпус резервистов, военные училища, организации ветеранов войны и все другие военные и полувоспитательные организации вместе с их клубами и ассоциациями, служащими интересам поддержания военных традиций в Германии, будут полностью и окончательно упразднены, дабы навсегда предупредить возрождение или реорганизацию германского милитаризма и нацизма...

Между тем, по имеющимся у советского командования данным и данным иностранной прессы, в английской зоне оккупации Германии продолжают существовать германские вооруженные силы и германские военные, военно-морские и военно-воздушные силы. До настоящего времени существует германская армейская группа Мюллера, переименованная в группу Норд. Она имеет полевое управление и штаб. Штаб ее включает следующие отделы: оперативный, обер-квартирмейстера, интендантский, офицерского состава, автотранспорта, санслужбу.

Армейская группа Норд имеет сухопутные, воздушные и противовоздушные соединения и части. Она включает в себя корпусные группы Штокхаузен и Виттхоф численностью свыше ста тысяч личного состава каждая.

В английской зоне оккупации Германии создано пять немец-

ких военных корпусных округов с управлениями и службами. Управления немецких военных корпусных округов дислоцируются в Хамморе, Итцехо, Неймюнстер-Рендсбурге, Фленсбурге, Гамбурге.

В дополнение к немецким военным округам в английской зоне оккупации Германии создано 25 окружных и местных немецких военных комендатур в следующих городах и пунктах: Пиннеберг, Зегеберг, Любек, Лауенберг, Итерзен, Херкеркирхен, Берингштедт, Итцехо, Шлезвиг, Эккерифёрде, Хузум, Вестерланд, Венсбург, Хайбе, Марне, Вессельюрен, Ханштедт, Мельдорф, Альберсдорф.

Немецкие военно-воздушные силы содержатся в английской зоне в виде II воздушного округа, который включает в себя противовоздушные соединения (части 18-й зенитной дивизии), бомбардировочные эскадры, истребительные эскадры, штурмовые эскадры и ближнеразведывательные группы. II воздушный округ имеет штаб, подобный штабу воздушной армии военного времени.

Германские вооруженные силы в английской зоне оккупации Германии имеют свыше пяти полков связи и танковые части, а также развернутую сеть военных госпиталей. Военно-морские силы Германии именуются в настоящее время германской службой траления. Она имеет штаб и располагает сторожевыми дивизиями и флотилиями.

Кроме указанных немецких соединений, частей и служб, в провинции Шлезвиг-Гольштейн находится около миллиона немецких солдат и офицеров, не переведенных на положение военнопленных, с которыми проводятся занятия по боевой подготовке.

Все вышеперечисленные военные, военно-морские и военно-воздушные части, соединения и службы состоят на всех видах довольствия по армейским нормам. Личный состав перечисленных соединений, частей и управлений носит знаки различия и военные ордена. Всему личному составу предоставляются отпуска с оплатой им денежного довольствия.

Как видно из вышеизложенного, наличие германских военных, военно-морских, военно-воздушных властей, а также сухопутных, воздушных, противовоздушных и военно-морских соединений, частей и служб в английской зоне оккупации Германии нельзя объяснить никакими особенностями оккупации английской зоны.

Содержание в английской зоне оккупации:

- немецкой армейской группы Норд,
- корпусной группы Штокхаузен,

- корпусной группы Виттхоф,
- II воздушного округа,
- управления военных округов в Хамморе, Итцехо, Нейминстер-Рендсбурге, Фленсбурге, Гамбурге,
- 25 военных окружных и местных немецких комендатур,
- войск связи,
- танковых подразделений

противоречит решениям Потсдамской конференции и Декларации о поражении Германии.

Советское командование считает необходимым поставить вопрос о посылке комиссии Контрольного совета в английскую зону оккупации для ознакомления на месте с положением дела по разоружению и ликвидации германских вооруженных сил.

При обсуждении этого меморандума в Контрольном совете Б. Монтгомери под давлением фактов вынужден был признать наличие в английской зоне организованных немецких войск, будто бы «ожидавших роспуска или работавших» под его командованием.

Он пытался объяснить все это «техническими трудностями», якобы связанными с роспуском немецких солдат.

Тут же, на заседании Контрольного совета, нам стало ясно, что обо всем этом знал и союзный верховный командующий Д. Эйзенхауэр.

Позднее, на заседании Контрольного совета в ноябре 1945 года, Б. Монтгомери по этому поводу сказал:

— Я бы удивился, если бы мне сообщили, что существует разница между нашей линией поведения по этому вопросу и линией поведения моего американского коллеги, так как линия поведения, которой мы следуем, была с самого начала установлена во время объединенного командования под руководством генерала Эйзенхауэра.

Все стало яснее ясного. У. Черчилль, подписывая от имени своей страны обязательства немедленно и раз навсегда искоренить немецкий милитаризм и ликвидировать германский вермахт, тут же давал секретные приказы военному командованию о сохранении вооружения и воинских частей бывшей гитлеровской армии как базы воссоздания западногерманской армии с далеко идущими антисоветскими целями. И все это, оказывается, было известно Верховному командованию экспедиционными силами союзников и лично Эйзенхауэру! Не скрою, тогда это меня сильно огорчило, и мое первоначальное мнение о Д. Эйзенхауэре несколько изменилось. Но, очевидно, по-иному тогда уже не могло быть...

Во время Потсдамской конференции И. В. Сталин вновь заговорил со мной о приглашении в Советский Союз Д. Эйзенхауэра. Я предложил пригласить его в Москву на физкультурный праздник, который был назначен на 12 августа.

Предложение было принято. И. В. Сталин приказал направить в Вашингтон официальное приглашение. В приглашении было сказано, что во время пребывания в Москве Д. Эйзенхауэр будет гостем маршала Жукова. Это означало, что генерал Дуайт Эйзенхауэр приглашался в Советский Союз не как государственный политический деятель, а как крупный военный деятель второй мировой войны.

Поскольку он являлся моим официальным гостем, я должен был вместе с ним прибыть в Москву и сопровождать его в поездке в Ленинград и обратно в Берлин.

С Д. Эйзенхауэром в Москву выехали его заместитель генерал Клей, генерал Дэвис, сын Д. Эйзенхауэра — лейтенант Джон Эйзенхауэр и сержант Л. Драй. Во время этой поездки мы о многом переговаривали, и мне казалось, что тогда в своих суждениях Эйзенхауэр был откровенен.

Меня интересовала практическая деятельность Верховного командования экспедиционными силами в Европе.

— Летом 1941 года, — рассказывал Эйзенхауэр, — когда фашистская Германия напала на Советский Союз, а Япония проявляла агрессивные намерения в зоне Тихого океана, американские вооруженные силы были доведены до полутора миллионов человек.

Военное нападение Японии в декабре 1941 года в Пирл-Харборе для большинства сотрудников военного ведомства и правительственных кругов было неожиданным.

Наблюдая за развернувшейся борьбой Советского Союза с Германией, мы затруднялись тогда определить, как долго продержится Россия и сможет ли она вообще сопротивляться натиску германской армии. Деловые круги США вместе с англичанами в то время были серьезно обеспокоены проблемами сырьевых ресурсов Индии, средневосточной нефти, судьбой Персидского залива и вообще Ближним и Средним Востоком.

Из сказанного Д. Эйзенхауэром было ясно, что главной заботой США в 1942 году было обеспечение своих военно-экономических позиций, а не открытие второго фронта в Европе. Планами открытия второго фронта в Европе США и Англия начали теоретически заниматься с конца 1941 года, но практических решений не принимали вплоть до 1944 года.

— Мы отвергли требование Англии начать вторжение в

Германию через Средиземное море по чисто военным соображениям, а не по каким-либо иным причинам, — говорил Д. Эйзенхауэр.

Было ясно, что союзников очень пугало сопротивление немцев в Ла-Манше, особенно на побережье Франции, крайне беспокоил широко рекламированный «Атлантический вал».

План нападения через Ла-Манш был окончательно согласован с англичанами в апреле 1942 года, но и после этого У. Черчилль продолжал предпринимать серьезные попытки уговорить Рузвельта произвести вторжение через Средиземное море. Открыть фронт в 1942—1943 годах, по мнению Д. Эйзенхауэра, союзники якобы не могли, так как не были готовы к этой большой комбинированной стратегической операции. Это, конечно, было далеко от истины. Они могли в 1943 году открыть второй фронт, но сознательно не торопились, ожидая, с одной стороны, более значительного поражения вооруженных сил Германии, а с другой — большего истощения вооруженных сил СССР.

— Вторжение в Нормандию через Ла-Манш в июне 1944 года началось в легких условиях и проходило без особого сопротивления немецких войск на побережье, чего мы просто не ожидали, — говорил Д. Эйзенхауэр. — Немцы не имели здесь той обороны, о которой они кричали на весь мир.

— А что собой фактически представлял этот «Атлантический вал»? — спросил я.

— Никакого «вала» вообще не оказалось. Это были обычные окопы, да и те несплошные. На протяжении всего этого «вала» было не больше трех тысяч орудий разных калибров. В среднем это немногим больше одного орудия на километр. Железобетонных сооружений, оснащенных орудиями, были единицы, и они не могли служить препятствием для наших войск.

Кстати, слабость «вала» откровенно признал и бывший начальник генерального штаба немецких сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер. В своих воспоминаниях в 1949 году он писал: «Германия не имела никаких оборонительных средств против десантного флота, который был в распоряжении союзников и действовал под прикрытием авиации, полностью и безраздельно господствовавшей в воздухе»¹.

Главные трудности при вторжении в Нормандию, по словам Д. Эйзенхауэра, состояли в переброске войск и их материальном снабжении через Ла-Манш. Сопротивление же немецких войск здесь было незначительным.

¹ Ф. Гальдер. «Гитлер как вождь». Мюнхен, 1949, стр. 58.

Откровенно говоря, я был несколько в недоумении, просмотрев в 1965 году американскую кинокартину «Самый длинный день». В этом фильме, где в основе лежит исторический факт — вторжение союзных войск через Ла-Манш в июне 1944 года, противник показан гораздо более сильным, чем он был на самом деле. Политическая направленность этого фильма, конечно, понятна, но все же надо знать меру...

Грандиозная по своим масштабам морская десантная операция в Нормандии не нуждается в фальшивой лакировке. Надо сказать объективно: она была подготовлена и проведена умело. Наибольшее сопротивление основным экспедиционным силам союзников немцы оказали только в июле 1944 года, когда они перебросили в этот район свои силы со всего побережья северной части Франции. Но и тогда они были подавлены многократным превосходством сухопутных и воздушных сил союзников. В полном смысле наступательных операций союзников, таких, которые были бы связаны с прорывом глубоко эшелонированной обороны, борьбой с оперативными резервами, с контрударами, как это имело место на советско-германском фронте, там не было и быть не могло из-за отсутствия значительных противостоящих сил противника.

Наступательные операции американских и английских войск, за исключением единичных, проходили в виде преодоления подвижной обороны немцев. Главные трудности в продвижении союзных войск, по словам Д. Эйзенхауэра, состояли в сложностях по устройству тыловых путей и преодолению местности.

Меня очень интересовало контрнаступление немецких войск в Арденнах в конце 1944 года и оборонительные мероприятия союзных войск в этом районе. Надо сказать, что Д. Эйзенхауэр и его спутники без особого желания вступали в разговоры на эту тему. Из их скудных рассказов было все же видно, что удар немецких войск в Арденнах для штаба Верховного командования и командования 12-й группы армий генерала Бредли был внезапным и американцы не могли выдержать ударов противника.

У Верховного командования союзников были большие тревоги и опасения за дальнейшие действия противника в Арденнах. Это опасение полностью разделял У. Черчилль. 6 января 1945 года он обратился к И. В. Сталину с личным письмом, в котором чувствовалась тревога. В нем он сообщал, что на Западе идут очень тяжелые бои и что у союзников сложилось сложное положение в связи с большими общими потерями и утратой инициативы.

О том, насколько союзники были заинтересованы в быстрой реакции на это сообщение со стороны Советского Союза, говорит хотя бы тот факт, что письмо это было направлено в Москву с главным маршалом авиации Англии Артуром Теддером. Расчет их был такой: если Советское правительство именно в этот период даст указание своим войскам перейти в наступление, то Гитлер вынужден будет снять свои ударные войска с Западного фронта и перебросить их на восток против Красной Армии.

Как известно, Советский Союз, верный своим союзническим обязательствам, ровно через неделю развернул грандиознейшее наступление по всему фронту, которое до основания потрясло группировки немецких войск на всех стратегических направлениях и вынудило их с колоссальнейшими потерями отойти на Одер — Нейсе — Моравска-Оставу, а весной оставить Вену и юго-восточную часть Австрии.

Вспоминая об этом, Д. Эйзенхауэр сказал:

— Для нас это был долгожданный момент. У всех стало легче на душе, особенно, когда мы получили сообщение о том, что наступление советских войск развивается с большим успехом. Мы были уверены, что немцы теперь уже не смогут усилить свой Западный фронт.

К сожалению, после войны, когда уцелевшие гитлеровские генералы, как, впрочем, и некоторые известные военные деятели из числа наших союзников в прошлой войне, стали наводнять книжный рынок военными мемуарами, подобные объективные оценки событий второй мировой войны стали появляться все реже и реже, а извращения фактов и инсинуации все чаще и чаще. Не в меру ретивые стали договариваться даже до того, что якобы не Красная Армия своими активными действиями против немцев способствовала успеху американцев в период их сражений в районе Арденн, а американцы чуть ли не спасли этим Красную Армию.

Касались мы в разговоре с Эйзенхауэром вопроса о поставках по ленд-лизу. И здесь тогда все было ясно. Однако в течение многих послевоенных лет буржуазная историография утверждает, что якобы решающую роль в достижении нашей победы над врагом сыграли поставки союзниками вооружения, материалов, продовольствия.

Действительно, Советский Союз получил от союзников во время войны важные поставки для народного хозяйства — машины, оборудование, материалы, горючее, продовольствие. Из США и Англии было доставлено, например, более 400 тысяч

автомобилей, большое количество паровозов, средств связи. Но разве все это могло оказать решающее влияние на ход войны? Я говорил уже о том, что советская промышленность достигла в годы войны огромного размаха и обеспечила фронт и тыл всем необходимым. Повторяться нет смысла.

Относительно вооружения могу сказать следующее. Мы получили по ленд-лизу из США 18,7 тысячи самолетов, 10,8 тысячи танков, 9,6 тысячи орудий. К общему числу вооружения, которым советский народ оснастил свою армию за годы войны, эти поставки составили всего лишь 4 процента. Следовательно, о решающей роли поставок говорить не приходится.

Что касается танков и самолетов, которые английское и американское правительства нам поставляли, скажем прямо, они не отличались высокими боевыми качествами, особенно танки, которые, работая на бензине, горели, как факелы.

Эйзенхауэр большой интерес проявил к операции по прорыву ленинградской блокады, битве за Москву, Сталинградской и Берлинской операциям. Он спросил, насколько физически тяжела была обстановка лично для меня как командующего фронтом во время битвы за Москву.

— Битва за Москву, — ответил я, — была одинаково тяжела как для солдата, так и для командующего. За период особо ожесточенных сражений с 16 ноября по 6 декабря мне приходилось спать не больше 2 часов в сутки, да и то урывками. Чтобы поддерживать физические силы и работоспособность, приходилось прибегать к коротким, но частым физическим упражнениям на морозе и крепкому кофе, а иногда к двадцатиминутному бегу на лыжах.

Когда же кризис сражения за Москву миновал, я так крепко заснул, что меня долго не могли разбудить. Мне тогда два раза звонил Сталин. Ему отвечали: «Жуков спит, и мы не можем его добудиться». Верховный сказал: «Не будите, пока сам не проснется». За то время, что я спал, Западный фронт наших войск переместился вперед не меньше чем на 10—15 километров. Пробуждение было приятным...

По прибытии Эйзенхауэра в Москву И. В. Сталин приказал начальнику Генерального штаба А. И. Антонову познакомить его со всеми планами действий наших войск на Дальнем Востоке.

Во время пребывания Д. Эйзенхауэра в Москве И. В. Сталин много говорил с ним о боевых действиях советских войск и войск союзников против фашистской Германии и Японии, подчеркивал, что вторая мировая война явилась результатом крайней ограниченности политических руководителей западных империа-

листических государств, попустительствовавших безудержной военной агрессии гитлеровцев. Война дорого обошлась народам всех воевавших стран и особенно советским людям, говорил И. В. Сталин. Мы обязаны сделать все, чтобы не допустить подобного в будущем. Эйзенхауэр тогда с этим горячо согласился.

Еще раз я виделся с Эйзенхауэром на Женевской конференции глав правительств США, Англии, Франции и Советского Союза в 1955 году. Он был тогда уже президентом США. Мы с ним встречались несколько раз. Во время этих встреч велись разговоры не только о минувших днях войны и сотрудничестве наших стран в Контрольном совете по управлению Германией, но и самых острых проблемных вопросах сосуществования наших государств и укрепления мира между народами. Эйзенхауэр говорил уже совсем по-другому, чем в 1945 году. Теперь он твердо выражал и отстаивал политику империалистических кругов США.

Как человек и полководец, генерал армии Дуайт Эйзенхауэр пользовался большим авторитетом в союзных войсках, которыми он успешно руководил во вторую мировую войну. Он мог бы сделать многое и для разрядки международной напряженности в послевоенный период, и в первую очередь для предотвращения агрессии во Вьетнаме. К сожалению, он в этом направлении ничего не предпринял и, более того, являлся ее сторонником.

После войны прогрессивные люди надеялись, что главнейшими государствами мира будут учтены уроки прошлого: Германия будет перестроена на демократической основе, а германский милитаризм и фашизм будут с корнем вырваны. Но так сложилось только в восточной части Германии, где позднее возникла Германская Демократическая Республика.

Когда Советские Вооруженные Силы освободили от фашистской оккупации страны Восточной Европы, народы этих государств решительно брали в свои руки государственное правление, перестраивая жизнь на демократической основе. Восточно-европейские демократические страны ясно видели в Советском Союзе не только своего избавителя от фашизма, но и надежную гарантию на будущее от всяких посягательств на их судьбу со стороны агрессивных сил.

Обстановка, сложившаяся в конце войны, явилась серьезным испытанием для политических партий, стоящих у власти западных стран, их руководителей, испытанием их политической дальновидности. Вопрос стоял так: сумеют ли они повести свои

страны в фарватере дружбы между народами или поведут к вражде с другими странами.

Советское правительство, наша партия, руководствуясь заветами В. И. Ленина, держали твердый курс на мирное сосуществование со всеми государствами и делали все для укрепления мира и сотрудничества.

Вскоре после посещения Д. Эйзенхауэром Советского Союза мне позвонил в Берлин В. М. Молотов.

— Получено приглашение для вас от американского правительства посетить Соединенные Штаты. Товарищ Сталин считает полезным подобный визит. Как ваше мнение?

— Я согласен.

Однажды после заседания Контрольного совета ко мне подошел генерал Д. Эйзенхауэр.

— Очень рад, что вы, господин маршал, посетите Штаты, — сказал он. — К сожалению, обстоятельства складываются так, что я не смогу лететь сейчас с вами в Вашингтон. Если не возражаете, вас будут сопровождать мой сын Джон, генерал Клей и другие лица штаба Верховного главнокомандования США.

Я согласился.

— Так как ваши летчики не знают условий полета через океан и в Штатах, — продолжал Эйзенхауэр, — предлагаю вам свой личный самолет «Крепость».

Я поблагодарил Эйзенхауэра и доложил обо всем лично И. В. Сталину.

И. В. Сталин сказал:

— Ну что ж, готовьтесь.

К сожалению, перед полетом я заболел. Пришлось еще раз звонить И. В. Сталину:

— В таком состоянии лететь нельзя. Соединитесь с американским послом Смитом и скажите ему, что полет по состоянию здоровья не состоится.

Вернувшись в Берлин, я снова с головой ушел в работу Контрольного совета.

Хорошо помогал мне в решении вопросов, связанных с демократическими преобразованиями в советской зоне, политический советник при Главноначальствующем Советской военной администрации в Германии Владимир Семенович Семенов, ныне заместитель министра иностранных дел СССР. В Контрольном совете мы вместе работали над проблемами реализации потсдамских соглашений, касающихся Германии в целом. Работали дружно и с большой пользой.

Много трудились в Контрольном совете наши офицеры, генералы и товарищи, командированные правительством для работы в Советской военной администрации, руководимой генералом В. Д. Соколовским. На их плечи легли обязанности, связанные не только с деятельностью Контрольного совета, но и организацией всей общественной, производственной и государственной жизни немецкого народа в восточной части Германии.

Свою работу по сплочению и активизации прогрессивных сил немецкого народа в Советской зоне оккупации мы начали с издания приказа № 2 от 10.6.1945 г., о котором я уже упоминал. Ввиду значения этого приказа позволю себе привести его с некоторыми сокращениями:

«2 мая с. г. советскими войсками был занят Берлин. Гитлеровские армии, защищавшие Берлин, капитулировали, а спустя несколько дней Германия подписала акт о безоговорочной военной капитуляции. 5 июня от имени правительств Союза Советских Социалистических Республик, Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Франции была обнародована Декларация о поражении Германии и о взятии на себя Правительствами указанных Держав верховной власти на всей территории Германии. С момента занятия советскими войсками Берлина на территории Советской зоны оккупации Германии установился твердый порядок, организовались местные органы самоуправления и создались необходимые условия для свободной общественной и политической деятельности германского населения.

Ввиду вышеизложенного приказываю:

1. Разрешить на территории Советской зоны оккупации в Германии образование и деятельность всех антифашистских партий, ставящих своей целью окончательное искоренение остатков фашизма и укрепление начал демократизма и гражданских свобод в Германии и развитие в этом направлении инициативы и самодеятельности широких масс населения.

2. Предоставить трудящемуся населению Советской зоны оккупации в Германии право объединения в свободные профессиональные союзы и организации в целях защиты интересов и прав трудящихся. Предоставить профессиональным организациям и объединениям право заключать коллективные договоры с предпринимателями, а также организовывать страховые кассы и другие учреждения по взаимопомощи, культурно-просветительные и иные образовательные учреждения и организации...

3. В соответствии с изложенным выше отменить все фашистское законодательство, а также все фашистские постановления,

приказы, распоряжения, инструкции и т. п., относящиеся к деятельности антифашистских политических партий и свободных профессиональных союзов, направленные против демократических свобод, гражданских прав и интересов германского народа.

Главначальствующий Советской военной администрации в Германии

Маршал Советского Союза — Г. Жуков.

Начальник штаба Советской военной администрации в Германии

генерал-полковник — В. Курасов.

10 июня 1945 г.

г. Берлин.

Я уже говорил о том, какую важную роль в установлении мирной жизни в Германии на демократических началах сыграли немецкие коммунистические организации, вокруг которых вскоре сплотились рабочие и прогрессивные люди восточной части Германии.

Советское правительство, руководствуясь гуманными целями, в это трудное для немецкого народа время продолжало проявлять большую заботу о населении, и в первую очередь о жителях Берлина, которые оказались в крайне тяжелом положении.

Когда Берлин был занят нашими войсками, в нем находилось не более одного миллиона жителей, а через неделю их уже было больше двух миллионов, во второй половине мая насчитывалось около трех миллионов. Население продолжало расти за счет прибывающих из других районов Германии.

Большую активность в ликвидации последствий войны в Берлине проявляли немецкие рабочие и техническая интеллигенция. Дни и ночи они находились на порученных участках, добросовестно выполняя задания.

Значительную помощь оказывали советским комендатурам группы содействия, состоящие из немцев-антифашистов. Они участвовали во всех мероприятиях, в охране общественного порядка, распределении продовольственных карточек среди населения, контроле за выдачей продовольствия, охране фабрик, заводов, важнейших объектов города и имущества.

11 июня ЦК Коммунистической партии Германии выступил с программным воззванием к немецкому народу. Это был документ исключительной исторической важности, он излагал программу создания антифашистско-демократической Германии.

Немецкий народ получил право строить свою жизнь на демократической основе.

В первые же месяцы после окончания войны демократические органы самоуправления Берлина, впрочем, как и во всей советской зоне оккупации, провели под руководством КПГ и с участием советского командования ряд социально-экономических преобразований. Была проведена демократическая земельная реформа, давшая землю почти миллиону немецких трудящихся. Были ликвидированы крупные капиталистические монополии, распущены союзы предпринимателей. Бывшие нацисты были удалены с руководящих постов в различных областях экономической, общественной и культурной жизни города. На заводах устанавливался 8-часовой рабочий день и вводилась единая система отпусков для трудящихся.

Хорошо помню, с каким большим вниманием и конкретным знанием условий жизни немецких трудящихся следил за этими важнейшими процессами ЦК ВКП(б). Много ценных советов по главным направлениям этой работы исходило лично от И. В. Сталина, который рассматривал эти вопросы под углом зрения интересов международного рабочего движения и борьбы за укрепление мира и безопасности в Европе.

Ко времени прибытия в западные секторы Берлина войск и администрации США, Англии и Франции в городе в основном была нормализована жизнь населения и созданы все условия для дальнейшего ее развития.

О наших мерах, способствовавших экономическому развитию советской зоны оккупации, свидетельствует и приказ № 17 Главноначальствующего Советской военной администрации от 27 июля 1945 г. Из него видно, что уже тогда, в первые послевоенные месяцы, было обращено внимание на работу органов управления основных отраслей народного хозяйства, культуры и здравоохранения.

Было приказано «...к 10.8.45 г. создать следующие немецкие центральные управления на территории Советской зоны оккупации:

— Транспортное — для руководства и управления дирекциями железных дорог и водных путей сообщения.

— Связи — для руководства работой почты, телеграфа и телефона.

— Топливной промышленности — для руководства работой всех предприятий угольной промышленности, угольных шахт, открытых угольных разработок, брикетных фабрик, заводов,

вырабатывающих жидкое топливо и газ, а также с задачей внутреннего сбыта продукции этих предприятий.

— Торговли и снабжения — для руководства и организации работы торговых и заготовительных фирм, учреждений и предприятий, для обеспечения заготовок сельскохозяйственных продуктов, их переработки и хранения, учета продовольственных и промышленных товаров и для обеспечения ими населения, а также развития торговли.

— Промышленного — для руководства работой по восстановлению, пуску и эксплуатации всех промышленных предприятий.

— Сельского хозяйства — для руководства и управления сельским и лесным хозяйством, а также предприятиями сельскохозяйственной промышленности.

— Финансового — для руководства деятельностью всех финансово-кредитных учреждений.

— Труда и социального обеспечения — для регулирования оплаты труда, использования рабочей силы и инженерно-технического персонала и руководства профессиональными союзами, а также органами социального обеспечения.

— Здравоохранения — для руководства органами здравоохранения, медицинскими учреждениями и учебными заведениями, а также предприятиями медицинской промышленности.

— Народного образования — для руководства школами, детскими домами и садами, учебными заведениями, искусством, научными и культурно-просветительными учреждениями.

— Юстиции — для руководства деятельностью всех прокуратур, судов и органов юстиции...

п/п

Главначальствующий Советской военной администрации
Главнокомандующий группой Советских оккупационных войск
в Германии Маршал Советского Союза — Г. Жуков.

Член Военного совета Советской военной администрации
в Германии генерал-лейтенант — Ф. Боков.

Начальник штаба Советской военной администрации в Германии генерал-полковник — В. Курасов¹.

Должен сказать, что наши меры по развитию демократических тенденций, хозяйства, культуры и поддержанию порядка

¹ В. Ульбрихт. «К истории новейшего времени», Издательство иностранной литературы, М., 1957, стр. 390—392.

в Советской зоне оккупации были с энтузиазмом восприняты немецким народом.

В последующем мы продолжали проводить в жизнь ряд мер по сохранности для немецкого народа всех его национальных и государственных ценностей. Так, 30 октября 1945 г. был издан наш приказ № 124. В нем говорилось:

«...В целях недопущения расхищения и других злоупотреблений с имуществом, принадлежавшим ранее гитлеровскому государству и военным учреждениям, обществам, клубам и объединениям, запрещенным и распущенным Советским военным командованием, а также в целях наиболее рационального использования этого имущества для нужд местного населения... приказываю:

1. Объявить под секвестром имущество, находящееся на территории Германии, оккупированной войсками Красной Армии, и принадлежащее:

а) германскому государству и его центральным и местным органам;

б) должностным лицам национал-социалистской партии, ее руководящим членам и видным приверженцам;

в) германским военным учреждениям и организациям;

г) обществам, клубам и объединениям, запрещенным и распущенным Советским военным командованием;

д) правительствам и подданным (физическим и юридическим лицам) стран, участвовавших в войне на стороне Германии;

е) лицам, которые будут указаны Советским военным командованием в специальных списках или иным путем.

2. Принять во временное управление Советской военной администрации бесхозяйственное имущество, находящееся на территории Германии, оккупированной войсками Красной Армии.

3. Обязать все германские учреждения, организации, фирмы, предприятия и всех частных лиц, в чьем пользовании находится в настоящее время имущество, перечисленное в пунктах 1 и 2 настоящего приказа, или располагающих сведениями о таком имуществе, не позднее 15-дневного срока со дня опубликования данного приказа подать письменное заявление об этом имуществе в местные органы самоуправления (Штадтфервальтунг, Бецирксфервальтунг, Крейсфервальтунг).

В заявлении подробно указать: характер имущества, его точное местонахождение, принадлежность и описание его состояния на день подачи заявления...

Местные органы самоуправления (на основании полученных заявлений и материалов по непосредственно учтенному имуще-

ству) составляют общий список имущества, подлежащего секвестру или временному управлению, и этот список не позднее 20 ноября 1945 г. представляют соответствующему военному коменданту...

7. Начальнику Экономического управления Советской военной администрации в Германии генерал-майору Шабалину не позднее 25 декабря 1945 года представить мне предложения о порядке дальнейшего использования имущества, объявленного под секвестром или во временном управлении.

8. Предупреждаю все учреждения, организации, фирмы и предприятия и всех частных лиц, в чьем пользовании находится перечисленное в пунктах 1 и 2 настоящего приказа имущество, что они несут полную ответственность за его сохранность и обеспечение бесперебойной эксплуатации этого имущества в соответствии с его хозяйственным назначением. Всякие сделки в отношении этого имущества, совершенные без согласия Советской военной администрации, объявляются недействительными...

п/п

Главначальствующий Советской военной администрации
Главнокомандующий группы советских оккупационных войск
в Германии Маршал Советского Союза — Г. Жуков.

Член Военного совета Совет-
ской военной администрации
в Германии
генерал-лейтенант —

Заместитель начальника шта-
ба Советской военной адми-
нистрации в Германии
генерал-лейтенант —

Ф. Боков.

М. Дратвин¹.

Советский народ не забыл революционных заслуг немецкого рабочего класса, немецкой прогрессивной интеллигенции, великих заслуг Коммунистической партии Германии и ее вождя Эрнста Тельмана, погибшего в конце войны в фашистских застенках. Наша партия и правительство считали своей обязанностью подать руку братской помощи немецкому народу.

Во всех городах и населенных пунктах немецкое командование оставило при отступлении тысячи раненых солдат и офицеров. В одном только Берлине и его пригородах раненых солдат немецкой армии оказалось более 200 тысяч человек. К этим раненым — бывшим врагам — наши медицинские работники, советское командование проявили величайшую гуманность и организовали их лечение на одинаковых условиях с советскими бойцами.

¹ В. Ульбрихт. «К истории новейшего времени», Издательство иностранной литературы, М., 1957, стр. 390—392.

Как-то с группой офицеров я проходил по Унтер ден Линден. Сопровождавший нас офицер комендатуры Берлина указал на один из сравнительно целых домов, где теперь размещился госпиталь для немцев. Мы решили зайти.

Первое, что бросилось в глаза, — это то, что большинство раненых были юноши, почти дети, от 15 до 17 лет. Выяснилось, что это фольксштурмовцы из разных отрядов, сформированных в Берлине в начале апреля. Я спросил, что заставило их идти в отряды фольксштурма, когда Германия находилась уже в безнадёжном состоянии.

Мальчишки, опустив глаза, молчали, а один сказал:

— У нас не было иного выхода, как брать оружие и становиться на оборону Берлина. Тех, кто не шел, забирали в гестапо, а оттуда возврата не было...

Из дальнейших разговоров выяснилось, что несколько человек — людей более старшего возраста — были здесь из тех, кто в ноябре 1941 года дрался под Москвой. Я сказал, что мне тоже пришлось драться под Москвой. Один раненый солдат заметил:

— Лучше не вспоминать эту трагедию, которая постигла немецкие войска. От нашего полка из полутора тысяч штыков осталось не больше 120, да и те были отведены в тыл.

— А где ваш полк дрался? — спросил я.

— Под Волоколамском, — ответил раненый.

— Значит, мы с вами старые знакомые, — пошутил я.

Тот же раненый спросил:

— Нельзя ли узнать, где и на каком участке вы, господин генерал, дрались?

Я сказал, что командовал войсками Западного фронта под Москвой.

Мы опросили раненых, как их кормят, как лечат русские доктора. Все наперебой стали расхваливать питание и внимание советского медицинского персонала. Один из наших врачей заметил:

— Немцы добывали наших раненых, а мы вот ночи не спим, восстанавливая ваше здоровье.

— Это не простые немцы так поступали, — ответил раненый старик, — это немцы-фашисты.

— А есть ли среди вас фашисты? — спросил я.

Молчание... Я снова спросил. Опять молчание. Тогда поднялся солдат лет пятидесяти и, подойдя к койке другого солдата, толкнул его в спину и сказал:

— Повернись!

Тот нехотя повернулся.

— Вставай и доложи, что ты фашист!

Когда мы уходили из госпиталя, раненые просили оставить всех их на попечении советских врачей и медсестер.

В первые послевоенные дни и месяцы нам часто приходилось встречаться с руководителями немецких коммунистов Вильгельмом Пиком, Вальтером Ульбрихтом и их ближайшими соратниками. С болью в душе говорили они о тяжелых потерях, которые понесла компартия, лучшая часть рабочих и прогрессивно настроенной интеллигенции. Их глубоко беспокоило тяжелое положение немецких трудящихся.

По просьбе немецкой Коммунистической партии Советское правительство установило для берлинцев повышенные нормы продовольствия.

Так поступали советские люди в Германии после разгрома фашизма.

А что замыслил Гитлер в отношении советского народа?

Готовясь к захвату Москвы, Гитлер дал директиву, которую я хочу напомнить еще раз.

«Город должен быть окружен так, чтобы ни один русский солдат, ни один житель — будь то мужчина, женщина или ребенок — не мог его покинуть. Всякую попытку выхода подавлять силой. Произвести необходимые приготовления, чтобы Москва и ее окрестности с помощью огромных сооружений были заполнены водой.

Там, где стоит сегодня Москва, должно возникнуть море, которое навсегда скроет от цивилизованного мира столицу русского народа».

Не лучшую участь готовили гитлеровцы Ленинграду.

«Для других городов, — говорил Гитлер, — должно действовать правило: перед их занятием они должны быть превращены в развалины артиллерийским огнем и воздушными налетами»¹. Подобную варварскую психологию трудно понять нормальному человеку!

Честно говоря, пока шла война, я был полон решимости воздать сполна гитлеровцам за их жестокость. Но, когда, разгромив врага, наши войска вступили в пределы Германии, мы сдержали свой гнев. Наши убеждения и интернациональные чувства не позволяли нам отдаться слепой мести.

В конце марта 1946 года, когда я вернулся после сессии Верховного Совета снова в Берлин, мне передали, чтобы я позвонил И. В. Сталину.

¹ Нюрнбергский процесс, 1957, том 1, стр. 495.

— Правительство США отозвало из Германии Эйзенхауэра, оставив вместо него генерала Клея. Английское правительство отозвало Монтгомери. Не следует ли вам также вернуться в Москву?

— Согласен. Что касается моего преемника, предлагаю назначить Главкомом и Главноначальствующим в советской зоне оккупации в Германии генерала армии Соколовского. Он лучше других знаком с работой Контрольного совета и хорошо знает войска.

— Хорошо, мы здесь подумаем. Ждите указаний.

Прошло два-три дня. Поздно вечером мне позвонил И. В. Сталин. Справившись, не разбудил ли меня своим звонком, сказал:

— Политбюро согласно назначить вместо вас Соколовского. После очередного совещания Контрольного совета выезжайте в Москву. Приказ о назначении Соколовского последует через несколько дней.

— Еще один вопрос, — продолжал И. В. Сталин. — Мы решили ликвидировать должность первого заместителя наркома обороны, а вместо него иметь заместителя по общим вопросам. На эту должность будет назначен Булганин. Начальником Генерального штаба назначается Василевский. Главкомом Военно-Морских Сил думаем назначить Кузнецова. Какую вы хотели бы занять должность?

— Буду работать на любом посту, который Центральный Комитет сочтет для меня более целесообразным.

— По-моему, вам следует заняться сухопутными войсками. Мы думаем, во главе их надо иметь главнокомандующего. Не возражаете?

— Согласен, — ответил я.

— Хорошо. Вернетесь в Москву и вместе с Булганиным и Василевским поработаете над функциональными обязанностями и правами руководящего состава Наркомата обороны.

В апреле 1946 года я вернулся в Советский Союз.

Последний раз в Германской Демократической Республике мне довелось побывать в 1957 году. Осмотрев многие города, учреждения и предприятия новой, демократической Германии, познакомившись с замечательными достижениями немецкого народа, лично убедился: все то, что было после войны сделано Советским правительством и партией в Германии, было сделано правильно и дало благие результаты как для немецких трудящихся, так и для дела дружбы наших народов и обороноспособности стран социализма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Я долго думал, как лучше закончить книгу, какое слово должно быть последним...

Признаюсь, работа за письменным столом была для меня, человека военного, делом не легким. Окончание «Воспоминаний и размышлений» — это подведение итога всей моей жизни. В ней у меня, как у всякого человека, были свои радости, огорчения, утраты. Оглядываясь назад, человек моего возраста неизбежно все раскладывает по полкам: что было главным, а на что и не стоит обращать внимания. Для меня главным было служение Родине, своему народу. И с чистой совестью могу сказать: я сделал все, чтобы выполнить этот свой долг. Данная книга является, возможно, последним из того, что я считаю обязанным сделать.

Дни моих самых больших радостей совпали с радостями Отечества. Тревога Родины, ее потери и огорчения всегда волновали меня больше, чем личные. Я прожил жизнь с сознанием, что приношу пользу народу, а это главное для любой жизни.

С каждым годом по времени мы все дальше и дальше уходим от военной поры. Выросло новое поколение людей. Для них война — это наши воспоминания о ней. А нас, участников этих исторических событий, становится все меньше и меньше. Но я убежден: время не имеет власти над величием всего, что мы пережили в войну. Это было необычайно трудное, но и очень славное время. Человек, переживший однажды большие испытания и победивший, будет всю жизнь потом черпать силы в этой победе.

Это справедливо и для всего народа. Наша победа в войне с фашизмом, говоря возвышенным языком, — звездный час в жизни советского народа. В те годы мы еще больше закалились и скопили огромный моральный капитал. Оглядываясь назад, мы всегда будем помнить тех, кто не щадил себя для победы над врагом нашей Родины.

Великая Отечественная война явилась крупнейшим военным столкновением социализма с наиболее реакционной и агрессивной силой империализма — фашизмом. Это была всенародная битва против злобного классового врага, посягнувшего на самое дорогое, что только есть у советских людей, — на завоевания Великой Октябрьской социалистической революции, на Советскую власть.

Коммунистическая партия подняла нашу страну, многонациональный народ на решительную вооруженную схватку с фашистскими захватчиками. С первого и до последнего дня войны мне довелось работать в Ставке Верховного Главнокомандования, и я видел, какую гигантскую организаторскую работу проводили Центральный Комитет партии и Советское правительство, мобилизуя народ, вооруженные силы и народное хозяйство для разгрома немецко-фашистских полчищ.

Прямо скажу, мы не могли бы победить врага, если бы у нас не было такой опытной и авторитетной партии, как партия Ленина, социалистического общественного и государственного строя, могущественные материальные и духовные силы которого позволили в короткий срок перестроить всю жизнедеятельность страны, создать условия для разгрома вооруженных сил германского империализма.

Враг рассчитывал на разжигание национальных междоусобиц, на развал многонационального социалистического государства. Но он просчитался. Народы СССР героически сражались на фронтах и самоотверженно трудились во имя защиты своей социалистической Отчизны, победы над злым врагом, проявив при этом невиданную стойкость и мужество. Историческая всенародная победа в Отечественной войне ярко показала преимущества социалистического общественного и государственного строя, великую жизненную силу и нерушимость СССР.

В результате влияния советского образа жизни, огромной воспитательной работы партии в нашей стране сформировался человек, идейно убежденный в правоте своего дела, глубоко сознающий личную ответственность за судьбу Родины.

Где бы ни находился советский человек — на фронте, в тылу страны, в тылу врага, в фашистских лагерях, — всюду и везде он делал все от него зависящее, чтобы приблизить час победы. И никому не удастся преуменьшить значение военного и трудового подвига советского народа в Великой Отечественной войне!

Я посвятил свою книгу советскому солдату. Его волей, его несгибаемым духом, его кровью добыта победа над сильным врагом. Советский солдат умел смело смотреть в глаза смертельной опасности, проявив при этом боевую доблесть и героизм. Нет границ величию его подвига во имя Родины, как нет границ и величию его трудового подвига после войны. Ведь едва успела кончиться война, как миллионы наших солдат снова оказались на фронте — фронте труда. Им пришлось восстанавливать разрушенное войной хозяйство, поднимать из руин города и села.

«Ни с чем не сравнимы потери и разрушения, которые принесла нам война,— говорил Л. И. Брежнев в своем докладе о 50-лети Великой Октябрьской революции.— Она причинила народу горе, от которого и поныне скорбят сердца миллионов матерей, вдов и сирот. Нет для человека потери больше, чем гибель близких, товарищей, друзей. Нет зрелища более тяжкого, чем вид уничтоженных плодов труда, в которые он вложил свои силы, талант, свою любовь к родному краю. Нет запаха более горького, чем гарь пепелищ. Истерзанная огнем и металлом, в грудах развалин предстала перед вернувшимся домой советским солдатом дорогая его сердцу земля, освобожденная от фашистских варваров.

Но ничто не могло сломить волю советского человека, победную поступь социализма. Тяжела была горечь утрат. Но рядом с ней в душе каждого советского человека жило радостное чувство — чувство победы. Подвиг павших вдохновлял живых».

Величие исторической победы Советского Союза в борьбе с фашистской Германией состоит в том, что советский народ отстоял не только свое социалистическое государство. Он самоотверженно боролся за пролетарскую, интернациональную цель — избавление Европы и всего мира от фашизма, за то, чтобы принести измученным войной народам долгожданный мир.

В итоге победы Советских Вооруженных Сил над германским фашизмом и японским милитаризмом прогрессивные народы ряда государств Европы и Азии, сплотившись под знаменами марксизма-ленинизма, разгромили реакцию в своих странах и образовали социалистические государства. Ныне они вместе с СССР составляют нерушимый братский союз социалистического содружества, мощь которого является надежной гарантией против любых политических и военных авантур.

Советские люди не забыли тот вклад в победу над общим врагом, который внесли в нее другие участники антигитлеровской коалиции. Наша армия, наш народ помнят и высоко ценят мужество и доблесть борцов Сопротивления.

Главный удар немецко-фашистских захватчиков во второй мировой войне принял на себя СССР. Советский Союз выдержал этот удар, а затем разгромил гитлеровскую военную машину. Эта победа стоила советскому народу многих миллионов человеческих жизней, поэтому советские люди хорошо помнят жертвы минувшей войны и особенно хорошо знают цену миру.

Мы выступаем убежденными противниками военного реше-

ния спорных вопросов между государствами потому, что прекрасно отдаем себе отчет в катастрофических последствиях, которые принесла бы нашей планете третья мировая война. Мы исходим из коренных интересов всех народов планеты, а также из глубокого сознания, что именно в условиях мира с наибольшей полнотой могут быть реализованы преимущества той социальной системы, того образа жизни, той политики, основы которой были заложены Великой Октябрьской социалистической революцией.

Советская внешняя политика, как и внутренняя, активно влияет на социальные преобразования в мире, ибо она направлена на искоренение в рамках международных отношений таких социальных зол, как войны и империалистические вмешательства в дела других народов. «Вся наша политика и пропаганда,— подчеркивал В. И. Ленин,— направлена отнюдь не к тому, чтобы втравливать народы в войну, а чтобы положить конец войне».

Советское государство родилось со словом «мир» на устах. Тогда кое-кто пытался истолковать наш призыв к миру как признак слабости. Интервенцией, развязыванием гражданской войны, блокадой и голодом — вот чем ответил старый мир на появление первого социалистического государства.

Более полувека прошло с тех пор. В мире совершились коренные изменения — образовалась мировая система социализма, разрушены устои колониализма. Наша страна выросла, окрепла. Ныне даже наши завязые недруги не смеют называть СССР слабой державой. Однако, как и в первые дни существования Советской власти, борьба за мир остается главным содержанием нашей внешней политики.

Величайшие жертвы, понесенные нашим народом в Великой Отечественной войне, оказались не напрасными. В результате победы создалось новое соотношение сил в мире, при котором реакционным империалистическим кругам уже не так-то просто развязать новый мировой военный конфликт.

На каждом этапе исторического развития Коммунистическая партия тщательно разрабатывает в соответствии с изменяющейся международной обстановкой программу своей внешнеполитической деятельности, призванную обеспечить мирное строительство нашего общенародного государства, содействовать успешному развитию мирового революционного процесса, укреплять базу борьбы за мир и социальный прогресс для всех народов. На XXIV съезде КПСС коллективный разум партии разработал величественную Программу мира, изложенную в

Отчетном докладе Генерального секретаря ЦК нашей партии товарища Л. И. Брежнева.

Эта программа выделяет решающие и в то же время неотложные по своему характеру узловые международные проблемы, имеющие принципиальное значение для судеб мира. Выдвинутая КПСС программа предполагает четко определенную, продуманную, логически увязанную систему действий. Это — хорошо подготовленное фронтальное наступление на главных направлениях современной мировой политики в пользу мира и безопасности народов.

Коренная особенность Программы мира состоит в том, что она обращена не только к правительствам, но и непосредственно к народам. Она близка народным массам, потому что дает деловой ответ на самые жгучие вопросы международной жизни, и это обеспечило ей поддержку миролюбивых государств, многомиллионных народных масс во всем мире.

Советские люди полностью одобряют и поддерживают неустанную деятельность ЦК КПСС, Советского правительства по реализации Программы мира. Именно благодаря этим усилиям, поддержанным всеми людьми доброй воли, была прекращена агрессия США во Вьетнаме. Именно благодаря этим усилиям в настоящее время наметился важный перелом во внешнеполитических делах — от холодной войны к ослаблению напряженности, к мирному сосуществованию государств с различным общественным строем.

Собственно говоря, возможность развития отношений между СССР и западными странами, в том числе с США, на принципах мирного сосуществования имелась всегда. Особенно благоприятной она представлялась в первые послевоенные годы. Мы сражались плечом к плечу против общего врага. В то время многим, в том числе и мне, казалось, что отношения между участниками антигитлеровской коалиции после войны будут характеризоваться доверием и сотрудничеством на благо мира и безопасности народов. В самом деле, если в победе над общим врагом наше сотрудничество сыграло решающую роль, то почему оно не могло углубляться и расширяться после окончания войны?

Однако в мире нашлись антинародные силы, которым было выгодно повести международные отношения по пути обострения напряженности и холодной войны. И потребовалось почти четверть века, чтобы руководители западных стран поняли бесперспективность политики силы.

Советский Союз — государство мирное. И малые и большие цели нашего народа сводятся к одному — построению комму-

низма в нашей стране. Для этого война нам не нужна. Но, оберегая и охраняя мирный труд советских людей, мы должны изучать военный опыт защиты социалистического Отечества, брать из него то, что помогает наиболее эффективно обеспечивать оборону Родины. Никогда не следует забывать о том, что, пока существует империализм, остается и возможность возникновения новой мировой войны.

Я хотел бы, чтобы эту книгу особенно внимательно прочли молодые люди. Мы, старшее поколение, хорошо знаем, что помогло нам выдержать натиск колоссальной силы. А молодым это надо еще постичь.

Мне хочется еще раз сказать молодому читателю: мы были бы простаками, если бы не подкрепляли усилия отстаивать мир готовностью защищать нашу Родину, наш общественный строй, наши идеалы. Порох, как говорится, должен быть постоянно сухим. И уже не мы, отдавшие все, что могли, в минувших сражениях, а новое, молодое поколение — вот надежда народа. Мое слово к вам, молодые люди: будьте всегда бдительны! День промедления в минувшей войне обошелся нам очень дорого. Теперь в случае кризиса счет может идти на секунды.

Какими я хотел бы видеть вас, защитники Родины? — Знающими и выносливыми. Армия сейчас оснащена сложнейшей техникой. Изучать ее гораздо труднее, чем в годы моей молодости. Тогда она была проще. Каждое время ставит перед воинами свои задачи. Новейшая техника по силам всесторонне подготовленным и хорошо образованным людям. Учитесь!

Я призвал бы также нашу молодежь бережно относиться ко всему, что связано с Великой Отечественной войной. Очень нужно изучать военный опыт, собирать документы, создавать музеи и сооружать монументы, не забывать памятные даты и славные имена. Но особенно важно помнить: среди вас живут бывшие солдаты. Относитесь к ним бережно.

Я много раз видел, как солдаты подымались в атаку. Это нелегко: подняться в рост, когда смертоносным металлом пронизан воздух. Но они подымались! А ведь многие из них едва узнали вкус жизни: 19—20 лет — лучший возраст для человека — все впереди! А для них очень часто впереди был только немецкий блиндаж, извергавший пулеметный огонь.

Конечно, они знали и радость победы в бою, боевую дружбу, взаимную выручку на поле боя, чувство удовлетворения от сознания, что выполняют священную миссию защиты Отечества.

Советский солдат вынес тогда тяжкие испытания. А сегодня старая рана заговорила, здоровье шалит. Бывший фронтовик

не станет вам жаловаться — не та закваска характера. Будьте сами предупредительны. Не оскорбляя гордости, относитесь к ним чутко и уважительно. Это очень малая плата за все, что они сделали для вас в 1941-м, 42-м, 43-м, 44-м, 45-м.

Написав это, я подумал: а не мелочами ли заканчиваю книгу? Но сейчас же отбросил такую мысль. Это не мелочи! На войне был суровый порядок: как бы ни было трудно, раненых непременно выносили из-под огня. В этом проявлялась забота не только о спасении человеческой жизни. На этом держалась вера идущих в бой: что бы со мной ни случилось — товарищи не оставят. Память о погибших, чуткое отношение к инвалиду войны — это поддержание все той же высокой морали.

Заключение у меня превратилось, чувствую, в разговор с молодежью. Пусть так и будет. Наши дела придется продолжать молодым людям. Очень важно, чтобы они учились на наших просчетах и наших успехах. Наука побеждать — не простая наука. Но тот, кто учится, кто стремится к победе, кто борется за дело, в правоту которого верит, всегда победит. Я убедился в этом на многих уроках собственной жизни.

Книгу я начинал рассказом о своем детстве. И сейчас, подводя все итоги, опять вспоминаю себя мальчишкой. Как повернулась бы жизнь, не свершись Октябрьская революция?

Революция дала мне возможность прожить совершенно иную жизнь, яркую, интересную, полную сильных переживаний и больших дел. Я всегда чувствовал, что нужен людям, что постоянно им должен. А это, если думать о смысле человеческой жизни, — самое главное. Моя судьба — лишь маленький пример в общей судьбе советского народа.

Перебирая все вехи жизни, главной считаю ту, от которой все мы ведем отсчет. Революция! Каждому человеку революция дала возможность пробовать силы, искать, сознавать себя частью созидательной мощи народа. И когда пришел час защитить это главное завоевание, мы знали, за что сражаемся.

«Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне... узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда».

Это сказано Лениным. Лучших слов для окончания книги я не нашел.

<i>Глава четырнадцатая.</i>	Битва за Москву	5
<i>Глава пятнадцатая.</i>	Суровые испытания продолжаются (1942 год)	61
<i>Глава шестнадцатая.</i>	Стратегическое поражение противника в районе Сталинграда	100
<i>Глава семнадцатая.</i>	Разгром фашистских войск на Курской дуге	134
<i>Глава восемнадцатая.</i>	В сражениях за Украину	195
<i>Глава девятнадцатая.</i>	Освобождение Белоруссии и Украины	243
<i>Глава двадцатая.</i>	От Вислы до Одера	279
<i>Глава двадцать первая.</i>	Берлинская операция	318
<i>Глава двадцать вторая.</i>	Безоговорочная капитуляция фашист- ской Германии	362
<i>Глава двадцать третья.</i>	Потсдамская конференция. Контроль- ный совет по управлению Германией	399
	Заключение	441

Редактор **А. Д. МИРКИНА.**
Художник **С. Н. ТОМИЛИН.**
Художественный редактор **Н. С. БАЖЕНОВА.**
Фоторедакторы: **О. М. КУРИСЬКО, З. М. МИКОША.**
Редактор карт **В. М. СОКОЛОВ.**
Технические редакторы: **Е. Е. МАРИСИЧ, Н. А. САВИНА,**
З. В. ЖАРИКОВА.
Корректоры: **Л. А. МАЛЫШЕВА, Д. П. ТОКАРЬ.**

Подписано в печать с матриц 25/III 1975 г. А02317. Бумага 60×90¹/₁₆.
Объем 28,0 печ. л. текста+5,0 печ. л. илл., 33,80 уч.-изд. л. Тираж 200 000 экз.
(2 завод 100 001—200 000 экз.). Заказ № 2382. Изд. № 2799. Цена книги в ко-
ленкорном переплете и в суперобложке 1 руб. 61 коп. Цена книги в переплете
из бумажного ледерина и в суперобложке 1 руб. 56 коп.

Издательство Агентства печати Новости.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Союзполиграфпрома при Государственном комитете
Совета Министров СССР
по делам издательства, полиграфии и книжной торговли.
Москва, М-54, Валуевая, 28

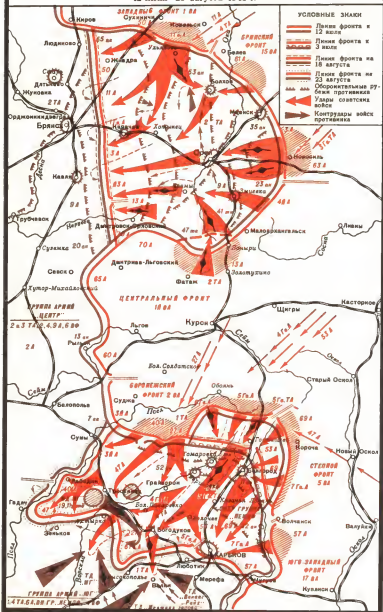
Иллюстрации отпечатаны во 2-й типографии Главполиграфпрома.

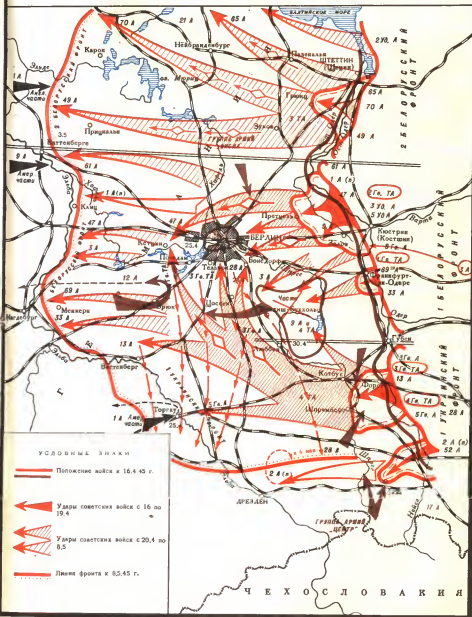

КОНТРАСТУПЛЕНИЕ СОВЕТСКИХ ВОЙСК ПОД КУРСКОМ

12 июля—23 августа 1943 г.

ХОД БОВЕЫХ ДЕЙСТВИЙ ФРОНТОВ В БЕРЛИНСКОЙ ОПЕРАЦИИ

2

St. Petersburg

ВОСПРОИЗВЕДЕНА И ПЕЧАТАНА